

Т. М. Николаева

ФРАЗОВАЯ
ИНТОНАЦИЯ
СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Т. М. Николаева

ФРАЗОВАЯ
ИНТОНАЦИЯ
СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1977

Книга является первым описанием фразовой интонации славянской языковой семьи (10 языков).

Автор предлагает трактовку лингвистического статуса фразовой интонации, ее места в системе языка. Полученные экспериментальные данные представляют ценный материал для построения теории фразовой интонации.

Ответственный редактор

В. Н. ТОПОРОВ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС
ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ

Место фразовой интонации в совокупности явлений, подлежащих изучению, за последние десятилетия непрерывно менялось.

Разные взгляды на сущность интонационного уровня можно представить в виде некоторого дерева признаков, устроенного следующим образом: каждое «нет» означает отрицательный ответ на основной вопрос и утвердительный — на вопрос, стоящий в скобках. Все отрицательные ответы такого рода — это концепции интонационного статуса, обозначаемые арабскими цифрами. Последняя концепция (№ 6) остается путем исключения.

I. *Интонация — факт, подлежащий лингвистическому анализу?*
(или явление внелингвистическое?)

нет

да

1

II. *Эта совокупность явлений упорядочена?*
(или это набор хаотических феноменов?)

нет

да

2

III. *Фразовая интонация автономна?*
(или это составная часть других языковых уровней?)

нет

да

3

IV. *Есть ли у фразовой интонации свои специфические единицы содержания?*
(или это только факты субстанции?)

нет

да

4

V. *Соотносится ли она с особыми единицами сегментно-звукового пласта?*
(или входит в принятую иерархию языковых уровней?)

нет

да

5

6

Итак, по концепции 1, интонация есть факт внелингвистический и в «настоящую» лингвистику не входит¹.

По концепции 2, интонация — факт лингвистики, но она не может быть представлена в виде упорядоченной системы из-за недискретности исходных данных и множества переходящих друг в друга вариантов форм.

По концепции 3, интонация есть факт лингвистики, упорядоченный, но это не самостоятельный уровень, а часть других языковых уровней (например, фонологии или синтаксиса).

По концепции 4, интонация есть автономный упорядоченный набор лингвистических фактов, но это не знаковый уровень в том смысле, в каком под уровнем языка понимается совокупность фактов, состоящая не только из формальных средств, но и из корреспондирующих им смысловых единиц, присущих только этому уровню².

По концепции 5, интонационный уровень обладает своими формальными и смысловыми специфическими единицами. Он упорядочен, и задача лингвиста — найти ему место в общей иерархической языковой структуре между другими языковыми ярусами.

По концепции 6, интонационный уровень упорядочен, обладает своими формальными и смысловыми единицами. Но он представляет собой явление, выпадающее из общей иерархии языковых ярусов, среди которых ему, согласно правилам лингвистической теории, не находится места³.

Постараемся представить специфику интонационного уровня, пройдя через всю последовательность перечисленных вопросов-признаков.

ФУНКЦИИ ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ

«Данный элемент высказывания изучается лингвистикой лишь в том случае, если он наделен определенной функцией... только элементы, несущие информацию, являются существенными в

¹ См., например, об интонационных значениях у Р. Веллса, их (этих значений — Т. Н.) два: эмфаза и отношение говорящего (*R. Wells. The pitch phonemes of English. «Language», 1945, v. 21, № 1*).

² В этом непризнании у фразовой интонации собственных значений сходятся представители самых разных подходов к изучению фразовой интонации. Так, Е. А. Брызгунова нигде не говорит о собственно интонационных значениях, но подчеркивает, что высказывание имеет содержание только в комбинации интонации и лексико-грамматического состава. Однако бесспорная справедливость этого утверждения не мешает интонации иметь свои смысловые единицы. О том, что интонация есть «не знак, но часть знака» см. также: *Н. Д. Светозарова. Характеристика основных мелодических типов в интонации немецкого языка. АНД. Л., 1970, стр. 4*.

³ Разумеется, вводя эти признаки, мы рассматривали ответвление «нет» упрощенно: так, возможно отношение к интонации как нелингвистическому факту, но упорядоченному или неупорядоченному. Но в данном случае нас интересовало место лингвистического в интонационной теории (виды и аспекты лингвистического подхода), а не исчерпывающая классификация всех подходов к интонации вообще.

лингвистике»⁴, — в этом утверждении А. Мартине, как будто не вызывающем возражений, есть, однако, слабые места. Неясно, о какой информации и о каких функциях идет речь. Так, например, если человек плачет или смеется, то его слезы или смех, несомненно, несут информацию и обладают определенной функцией, модифицируя и дополняя смысл высказывания (иногда даже придавая ему противоположный смысл), но ни слезы, ни смех не являются фактами лингвистики⁵.

Остается неясным и то — что такое лингвистика в данном случае? Иначе говоря, если пользоваться дихотомией язык / речь (явно требующей фундаментального пересмотра в настоящее время), то является ли объектом лингвистики 1) только язык или 2) и язык, и речь? Если принять последнюю точку зрения (а мы стоим именно на этой позиции), то совершенно очевидна близость речи как объекта лингвистики к речевым явлениям, принадлежащим к смежным наукам, связанным с общением, — психологии, теории информации, теории коммуникации. Как, находясь на твердой онтологической позиции, отграничить собственно лингвистический аспект коммуникации, ибо не все в коммуникации есть лингвистика? Представляется, что широко распространенный термин «коммуникативный тип предложения» не проясняет вопроса о лингвистическом статусе фразовой интонации именно из-за нерешенности многих вопросов коммуникации, в частности ее демаркационных отношений с лингвистикой.

Между тем именно коммуникативность часто признается единственным свойством интонации. Например, Т. А. Канышева различает четыре функции интонации: общую коммуникативно-дифференцирующую, частную коммуникативно-дифференцирующую, семантико-дифференцирующую и эмоциональную⁶. Г. Л. Хаттар видит две функции: референционную (интеллектуальную) и эмоциональную⁷. А. Риго — три функции: репрезентативную (т. е. вопрос / утверждение, членение, объединение, расстановка акцентов), презентативную (характеризующую говорящего), экспрессивную⁸. Г. Фор говорит о двух функциях — квантитативной, акцентирующей, и квалификативной, модифицирующей психологическое содержание высказывания⁹. Именно это психологичес-

⁴ А. Мартине. Основы общей лингвистики. «Новое в лингвистике», вып. 3. М., 1963, стр. 396—397.

⁵ О явлениях такого рода и степени их близости к языку см.: Т. М. Николеева, Б. А. Успенский. Языкознание и паралингвистика. «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии». М., 1966.

⁶ Т. А. Канышева. К вопросу об интонации и грамматике. «Законы семантического развития в языке». М., 1961.

⁷ G. L. Hattar. Two functions of the prosodies in speech. «Phonetica», 1968, v. 18, № 4.

⁸ A. Rigault. Réflexions sur le statut phonologique de l'intonation. «Proceedings of the IX-th International congress of linguists». The Hague, 1964.

⁹ G. Faure. Aspects et fonctions linguistiques des variations mélodiques dans la chaîne parlée.— Там же.

кое содержание, выражение отношений, А. Кратенден считает основной интонационной функцией, предлагая для интонации замену *grammatical — attitudinal*¹⁰.

Экспрессивность часто признается основной интонационной чертой.

Несомненно, экспрессивность свойственна интонации, но она передается ею так же, как и другими языковыми средствами, — сегментной фонетикой, лексикой, словообразованием, порядком слов и т. д. Поэтому экспрессивность можно считать нейтральной к проблеме лингвистического статуса.

Какие же неэкспрессивные функции интонации остаются и можно ли их считать достаточными для вхождения в лингвистику? Ф. Данеш считает основной функцией трансформацию потенциальных единиц в реальные коммуникативные сегменты — высказывания¹¹. Выдвинутая еще ранее в несколько иной форме, эта идея составляла базу интонационной концепции А. М. Пешковского. Пользуясь терминологией Ш. Балли, интонация есть актуализатор, превращающий потенциальные высказывания в актуальные¹².

Однако возможно, что, актуализируя высказывания, интонация осуществляет над ним нелингвистические операции? Как кажется, ответ на этот вопрос дает сегментная сфера. А именно, другой важнейшей функцией интонации является функция членения речевого потока, делимитативная¹³. Но интонация не только организует высказывания и создает тем самым условия для выделения их в речи, она членит высказывания и далее. И именно поэтому теория синтагматического членения, сформулированная Л. В. Щербой¹⁴, связывает лингвистику с интонацией, так как иные членения (*tone group, breath-group, tone unit* и т. д.) являются собственно интонационными. Синтагма, в трактовке Л. В. Щербы, внутренне организована — лингвистическими связями подчинения, и потому для вариативности синтагматического членения предложения существуют пределы. Многочисленные случаи разного синтагматического членения одного высказывания, очевидно, количественно разнятся для языков разного грамматического строя. Так, например, число таких вариативных изменений для русского языка определяется соседством неизменяемых слов

¹⁰ *A Cruttenden. On the so-called grammatical function of intonation. «Phonetica», 1970, v. 21, № 3.*

¹¹ *F. Daneš. Sentence intonation from a functional point of view. «Word», 1960, v. 16, № 1.*

¹² *Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 50—51.*

¹³ *См.: В. Malmberg. Analyse prosodique et analyse grammaticale. «Word», 1967, v. 23, № 1—3, стр. 377. («Dans la communication orale, c'est la prosodie que permet la première segmentation de la chaîne sonore en unités plus petits... c'est le rôle primordial de la prosodie»).*

¹⁴ *Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. М., 1948, стр. 85.*

и наличием грамматически омонимичных форм¹⁵. Например, приводимое А. Н. Гвоздевым предложение *Как удивили его / слова брата*, допускающее и членение *Как удивили его слова / брата*, не имело бы этого второго варианта при простой замене омонимичной формы *брата* на грамматически однозначную форму *сестру* или *сестры* — *Как удивили его слова / сестру* или *Как удивили его / слова сестры*.

Именно лингвистичность членения интонации фразы на синтагмы отличает синтагматическое членение от пелингвистических членений высказывания. К ним принадлежит прежде всего членение высказывания по так называемым паузам хезитации, паузам колебания¹⁶. Это хезитационное членение связано с непосредственной организацией актуального речевого высказывания; паузы колебания характеризуют более напряженную умственную деятельность в момент речи; феномены колебания (так называемые заполненные и незаполненные паузы) осуществляются в точках перехода от высокой речевой избыточности к низкой, когда говорящий останавливается, чтобы сделать речевое решение, выбрать единичу исследования. Как такое членение соотносится с синтагматическим? Ф. Лоунсбери, впервые описавший это явление как лингвист¹⁷, полагал, что хезитационное членение не должно совпадать с синтаксическим (синтагматическим), также отмеченным реальными или потенциальными паузами. Более поздние специальные экспериментальные исследования показали¹⁸, что синтаксические паузы, паузы стыка, могут включать в себя в скрытом виде и паузы колебания — в этом случае они предстают как гипердлительные, как бы две склеенные функционально гетерогенные паузы.

Непосредственный анализ чтения предложенных примеров дикторами — носителями разных языков, а также собственные слуховые наблюдения привели нас к выводу о существовании в речи еще одного типа членения предложения, которое было нами

¹⁵ Эти же проблемы возникают в связи с возникновением / невозникновением смысловой неясности при опущении запятой («помиловать / нельзя / казнить»). Эта неясность появляется при разном роде совпадений. Это может быть: омонимия форм («Друзья, учителя в школе» — «Друзья учителя в школе»); совпадение граммем («Погиб поэт — Погиб, поэт»); омонимия форм и совпадение граммем («Друзья, учителя пришли» — «Друзья учителя пришли»). Анализ этих случаев — морфологических предпосылок и типов изменений в структуре предложения см.: Т. М. Николаева. Знаки препинания, дерево предложения и морфологические категории. «Структурная типология языков». М., 1966.

¹⁶ Анализ исследований, посвященных этой проблеме, см. в нашем обзоре: Т. М. Николаева. Новое направление в изучении спонтанной речи (о так называемых речевых колебаниях). — ВЯ, 1970, № 3.

¹⁷ F. G. Lounsbury. Pausal, juncture and hesitation phenomena. «Psycholinguistics». Baltimore, 1954, стр. 96—101.

¹⁸ D. S. Boomer. Hesitation and grammatical encoding. «Language and speech», 1965, 8, стр. 3; H. C. Barik. On defining juncture pauses: a note on Boomer's «Hesitation and grammatical encoding». — «Language and speech», 1968, 11, стр. 3.

названо «отделением последнего слова»¹⁹. Пример такого речевого членения — фразы типа *И вот для этого мы собрались здесь в Институте русского / языка*. Это членение не является синтагматическим: оно разрывает синтагму; оно не является актуальным членением (это видно из смысла этих предложений); оно не является хезитационным, так как часто появляется в абсолютно конечных высказываниях, а также в случае отделения слов, несомненно знакомых говорящему и не забытых им к моменту речи (кроме того, наш первоначальный материал — это отделение слов при чтении). При этом может отделяться:

1) последнее семантическое слово, т. е. слово с относящимися к нему определениями²⁰:

...ні між індійскіх ліян, ні на беразе Ніла, а ні у якой / іншай краіне (Д. К);

... нараджаюцца на свет менавіта для / нашай зямлі (Д. К);

2) абсолютно последнее слово, без разрыва определительных связей:

И мангуста шлепнулась / об пол (Д. ЛК);

Удыхнеш, і закружыцца галава, заб'ецца шпарчэй / сэрца (Д. Т);

Ці можаш ты зразумець / другіх? (Д. С);

И она теперь бегала / по мне (Д. СУ);

І ніяк не магу уявіць / іх (Д. К);

... да той страхі, з якой упершыню пабачылі / свет (Д. Т);

3) абсолютно последнее слово с разрывом определительных связей:

Далекія шляхі патрабуюць дужых / крылаў (Д. К);

Хіба не маглі буслы вывесці свае патомства на якой-небудзь паўдневай шыракалістай / пальме? (Д. Т);

... выраслі ў нашым краі, на вільчыках нашых хат, на вершавінах / дубоў (Д. Т);

А от банана остались на полу одни / шкурки (Д. ЛК);

... І яшчэ думаецца пра спасай / дзень (Д. Т).

Разнообразие синтаксических отношений внутри членяемых таким образом предложений, единообразие самого приема, контекстная свобода его применения (проверка на чтении одного предложения разными дикторами) заставляет делать вывод о том, что это интонационное выделение последнего слова фразы не есть факт синтаксический, а результат особой установки говорящего на восприятие слушателя, стимулирование его внимания. Это, вероятно, есть факультативный показатель абсолютной законченности (или одна из форм реализации фразового ударения).

¹⁹ Сообщение на эту тему («Об одном неопisanном типе членения предложения в речи») было сделано нами на IV симпозиуме по психолингвистике (М., 1972).

²⁰ Данное явление было впервые отмечено на белорусском и русском материале. Косая черта в примере означает членение указанного типа; в принципе в приводимых предложениях наблюдались иногда и членения другого рода.

Итак, фразовая интонация членит звуковой поток на высказывания и синтагмы.

Однако фразовая интонация посредством своих отдельных просодических компонентов осуществляет связь между вычлененными единицами, делая поток высказывания (и шире — коммуникативный акт) связным целым.

Одной из функций интонации Ф. Данеш называет реализацию актуального членения в высказывании, указание на данное / новое²¹. Другие исследователи отмечают также и функцию подчеркивания, выделения отдельных единиц. Представляется, что было бы целесообразно обе этих функции объединить под более широкой категорией — передаче интонационными средствами смысловых отношений в вычлененных единицах. При этом могут передаваться отношения между более мелкими частями одной крупной единицы (например, между словами внутри одного высказывания); между самими этими единицами (например, вопрос-ответ); наконец, между мелкими единицами в составе разных крупных единиц (например, между словами из разных высказываний).

Таким образом, фразовая интонация обладает тремя лингвистическими функциями: функцией членения (через оформление), функцией связи и функцией передачи смысловых отношений²².

Каковы же средства осуществления этих функций у трех основных просодических характеристик — мелодических, акцентных и временных показателей.

Мелодика. Осуществляет членение посредством так называемых терминальных мелодических контуров (в плане выражения — различных по языкам). Эти терминальные контуры образуют парадигматические ряды, позволяющие отличить один тип высказывания от другого. Связь осуществляется мелодически разными способами. Целям связи служат специфические мелодические модели, например, мелодия переспроса, отличная от вопроса как такового. Смысловые отношения выражаются особым мелодическим подчеркиванием (например, так выделяется тема при актуальном членении).

Акцентные характеристики. Осуществляют членение текста на высказывания путем акцентного контура (с повышенным началом и пониженным концом). Акцентные средства при этом в отличие от мелодических не группируются в парадигматически организованные ряды. Связь обычно осуществляется путем акцентного выделения отдельных слов внутри

²¹ F. Daneš. Указ. соч.

²² См. об этом: Т. М. Николаева. Фразовая интонация и ее языковой статус. «Вопросы фонологии и фонетики. Тезисы докладов советских лингвистов на VII конгрессе фонетических наук» (Монреаль, 1971). М., 1971; Т. М. Николаева. Место суперсегментных средств в структуре текста. «Στηλεωτική (Сборник статей по вторичным моделирующим системам)». Тарту, 1973.

высказывания. Средства связи самих высказываний акцентным способом еще не определены. Смысловые отношения выражаются акцентным подчеркиванием (например, таким способом часто выделяется логическое ударение или рема высказывания).

В р е м е н н ы е х а р а к т е р и с т и к и. Обладают большим диапазоном функциональных возможностей.

Членение может быть двух видов. Во-первых, сама длительность всякого высказывания, его протяженность во времени, обладает внутренней структурой, своей временной программой. Во-вторых, членение осуществляется посредством пауз.

Однако именно паузы создают не только членение, но и связь. Это достигается в тексте варьированием величины паузы между вычлененными отрезками.

Связь единиц осуществляется и посредством особой временной характеристики — темпа, который как характеристика имеет свой статус лишь в реализации на синтагматической оси.

Смысловые отношения передаются всеми временными характеристиками: паузами (их относительная величина смысловоразличительна), темпом, а также особым темпоральным подчеркиванием — продлением.

ФОРМАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ИНТОНАЦИОННОГО УРОВНЯ

Если функции интонации явились основанием для включения ее в сферу лингвистических фактов, то анализ формальной структуры интонационного уровня может быть ответом на вопрос о его упорядоченности.

Всякий языковой уровень различает для своих единиц, с одной стороны, формальную линейную упорядоченность, и, с другой — систему различаемых в этой линейной протяженности возможных оппозиций, противопоставляемых парадигматически (так, например, в каждом языке оформлены слово, морфема, предложение).

Как указывалось выше, интонация представлена тремя совокупностями свойств — мелодическими, временными и акцентными характеристиками. Каждый из этих параметров определенным образом проецируется на линейно протяженную сегментную единицу — синтагму (или высказывание)²³. При этом в принципе было бы возможно, что суперсегментные свойства синтагмы не имели бы своей внутренней формальной структуры, а их данные

²³ Это сочетание сегментных и суперсегментных средств, реализующихся в синтагме, подчеркивает В. И. Бухарин, говоря, что «синтагма — смысловое, грамматическое и интонационное единство» (В. И. Бухарин. О синтагматическом членении предложений. — РЯШ, 1968, № 4). Грамматическая структура синтагм изучена мало. В этом отношении представляют интерес наблюдения О. М. Брика над синтаксическим составом стихотворной строки, введенное им понятие «ритмико-синтаксической фигуры», состав которых в русском стихе оказывается перечислимым (О. М. Брик. Ритм и синтаксис. «Новый ЛЭФ», 1927, № 3).

разлагались бы равномерно на все сегментные элементы. В этом случае оставались бы возможными, например, противопоставления по высоте или по средней длительности звука, или по акцентной усиленности. Однако реальные экспериментальные исследования показывают, что это не так, что каждый параметр при этом имеет свою формальную специфику. Так, мелодика различает сегментные структуры двух видов. Для одних — к ним относится повествовательное предложение, вопросительное предложение без вопросительного слова и неконечная синтагма (незавершенная) — четко различается область интонационного центра (фразового ударения) и остальная область. Область интонационного центра, как это принято в современном интонационном знании, — зона последнего ударного слога, включая заударные и предупредительные слоги²⁴. В соответствии с указанными типами синтагм эти участки обычно называются каденцией, антикаденцией и полукаденцией²⁵. О языковом различии каденционных структур см. ниже.

Лингвистическая значимость докаденционных участков дискуссионна. По одной точке зрения, эта зона не имеет смыслового наполнения²⁶, по другой — предкаденционный участок может предсказывать каденцию²⁷.

Ценным является наблюдение Н. Д. Светозаровой о поведении ударных слогов в повествовательном предложении (в предкаденционном участке) и в вопросительном предложении с вопросительным словом — в русском языке. Согласно ее данным, в повествовательном предложении ударные слоги повышены, от-

²⁴ Более подробно проблема границ, протяженности и структуры этой зоны, а также возможности ее сдвига будут обсуждаться на материале славянских языков в главе 2.

²⁵ В нашей работе и в дальнейшем может употребляться общее название «каденция» и «зона каденций».

²⁶ См. вывод Г. А. Китайгородской об избыточности акустических характеристик слогов до последнего ударного слога (Г. А. *Китайгородская*. Интонационная характеристика общего вопроса и ответа на него во французском языке. «Уч. зап. МГПИИЯ», 1969, т. 52). Очень подробная классификация типов участков до первого ударного слога до терминального ударного приводится Н. Д. Лукиной (Н. Д. *Лукина*. К вопросу об интонационных категориях. «Обучение иностранным языкам в высшей школе. Методический сборник МГПИИЯ», ч. II. М., 1971). Н. Д. Лукина, выделяя экспрессивные и неэкспрессивные шкалы, вводит экспрессивность в качестве особой синтаксической категории — синтагмемы. Строго говоря, различие в ответах на вопрос о значимости предкаденционного участка коренится отчасти не в интонационных фактах, а в теории, вводящей или невводящей экспрессивность в совокупность языковых значимых категорий. О. А. Норк видит к предтакте — участке до первого выделенного фразовым ударением слога, затакте — участке за последним ударным слогом носителей специфической для данного языка нормы интонации (О. А. *Норк*. Основные интонационные модели немецкого языка. «Иностр. яз. в школе», 1964, № 3).

²⁷ См. об этом: А. М. *Антипова*. Мелодическая шкала, ее сочетаемость с терминальным тоном и роль в предложении. «Уч. зап. МГПИИЯ», 1969, т. 52.

четливо показывают словесное ударение, в вопросительном предложении с вопросительным словом они сглажены, что говорит о большей мелодической объединенности предложения в целом ²⁸. В этом смысле синтагму можно уподобить слову с морфонологическими чередованиями в основе, по которым можно предсказать возможный тип окончания (*беж-ишь* по *бег-у*). Внутри некаденционного участка различается мелодически начало (зона первого ударного слога) и середина ²⁹. Продолжая аналогию со словом, в синтагме можно таким образом рассматривать неизменяемую часть (которая может распадаться на префикс и корень) и флексию — грамматический показатель (это каденция — коммуникативный показатель).

Вторую группу сегментных единиц составляют высказывания, не членимые на каденцию и предкаденционный участок. Это — вопрос с вопросительным словом и восклицательное предложение ³⁰. В вопросе с вопросительным словом, мелодика которого для большинства языков понижающаяся, обычно усматривают сходство с повествовательным предложением. Однако, в отличие от повествовательного предложения, вопросительное предложение с вопросительным словом двуцентриво — с одним центром на вопросительном слове и вторым — на конечно-ударном слоге, в зоне которого возможно как понижающееся, так и повышающееся тональное разрешение.

В восклицательном предложении также нельзя говорить о каденционном и некаденционном участке, а лишь об общем его оформлении (мелодически это имеет вид с поднятым центром восклицания и общей повышенностью синтагмы).

Линейно оформлена и длительность синтагмы. А именно — для большинства языков (возможно, это одна из интонационных универсалий) слог — носитель фразового ударения отмечен повышенной длительностью, особенно если он абсолютно конечный, менее длительный — первый ударный слог, затем — ударные слоги середины ³¹. Безударные слоги на протяжении синтагмы тоже структурированы ³².

Акцентная характеристика синтагмы (см. соответствующие

²⁸ N. D. Svetozarova. The inner structure of intonation contours in Russian. «Symposium on auditory analysis and perception of speech». Leningrad, 1973.

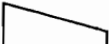
²⁹ Результаты экспериментальных исследований (см. гл. 3) свидетельствуют, что оформление синтагмы типологически различается — как формально, так и тем, что мы называем сильной или слабой оформленностью.

³⁰ Восклицательное предложение, однако, далеко не всегда оформляется «своей» интонационной структурой.

³¹ Языковое различие временных структур синтагм (и высказываний) будет подробно показано в гл. 2 и 3; временная организация синтагм по языкам также отличается слабой и сильной оформленностью.

³² Эта линейная структурированность просодического аспекта не зависит от фонемного состава и, разумеется, будет утрачена при по-фонемном разбиении данных просодии. О такой идее интонационного описания см.: Z. Harris. Simultaneous components in phonology. «Language», 1944, v. 20, № 4.

разделы о конкретных языках) также имеет свою структуру: с поднятым началом и понижающимся концом: — для

понижающейся мелодики, — для повышающейся мелодики.

В акцентной структуре нет деления на каденционный и некаденционный участок — напротив, акцентная структура обеспечивает глобальность просодической единицы.

Как очевидно из сказанного и из существующих описаний фразовой интонации, фразово-интонационная информация распределяется по определенным минимальным линейным участкам. Этими участками являются слоги³³. Таким образом, слог есть минимальный носитель информации суперсегментного уровня³⁴. Сказанное не исключает введение в суперсегментный уровень и некоторой единицы иного плана, минимальной интонационной фигуры, — интонационной конструкции (в частности, каденции). Эта интонационная конструкция накладывается на слоги самым различным образом, реализуясь в нескольких слогах или в одном слоге (например, в конечном ударном при отсутствии заударных или даже — в конечном заударном).

Комбинация конфигуративного и посложно-количественного решений создает трудности выявления каденций, типичных для того или иного языка. Говоря об интонационной фигуре, мы имеем в виду не конфигурацию всего предложения, а некоторый релевантный для различения данного смысла застывший линейный рисунок (если говорить о графическом его изображении)³⁵.

Описанное выше линейное представление просодических структур не противоречит описанию интонационных единиц по дифференциальным признакам, отличающим одну конфигурацию от другой (например, вопросительная интонация отличается от повествовательной высотой диапазона, интонация вопросительного предложения с вопросительным словом противопоставляется повествовательному по интенсивности и т. д.)³⁶. Однако эти признаки

³³ См. четкое определение слога как фокуса интонационных решений, которые осуществляются именно посложно (E. Haugen. Phoneme or prosodeme? «Language», 1949, v. 25, № 3).

³⁴ В этом плане никак нельзя согласиться с Э. Пулгрэмом, который считает слог фигурой, абсолютно лишённой функции (E. Pulgram. Syllable, word, nexus, cursus. The Hague — Paris, 1960).

³⁵ Попытка дать описание глобальных контуров предложений в целом — как в терминах уровней, так и в терминах контуров — характеризует прежде всего исследователей английского языка как в англоязычных странах, так и в других, с другой лингвистической традицией (см.: D. L. Bolinger. Intonation: levels versus configurations. «Word», 1951, v. 7, № 3; E. A. Гликина. Обзор работ по английской интонации. «Иностр. яз. в школе», 1965, № 3).

³⁶ О процедуре сравнения интонационных систем по таким глобальным характеристикам см.: И. Г. Торсуева. Сравнение систем вариантов русской и французской интонации. «Проблема теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению». М., 1973.

есть признаки анализа; для полного представления интонационных типов каждого языка необходим иной набор, достаточный для синтеза; кроме того, именно такие глобальные характеристики в большинстве своем входят в универсальный слой языковой просодии.

Сказанное относилось к линейной упорядоченности просодических единиц. Обратимся к парадигматической противопоставленности компонентов этого уровня. В первую очередь здесь существенны смысловые оппозиции отдельных параметров и наличие у каждого из них формальных средств для выражения этих оппозиций³⁷.

Выше говорилось о трех функциях фразовой интонации, рассматриваемой в целом. Каждый параметр, сверх того, имеет дополнительную смысловую нагрузку (уточняя вторую и третью функции — связи и передачи смысловых отношений). Так, мелодика в первую очередь передает связность/несвязность текста, дает сигнал о том, закончен акт коммуникации или нет. В этом смысле восходящая мелодика есть показатель дальнейшего продолжения общения, нисходящая — окончания его. Однако при различении мелодики вопроса и мелодики неконечной синтагмы (обе восходящие) в систему оппозиций вводится дополнительное различие незаконченности в пределах одного высказывания (полукаденция) и в пределах нескольких высказываний (антикаденция). Конкретные исследования показывают отсутствие у мелодики реакции при разного рода синтаксических преобразованиях, например, внутри сложного предложения, при замене знаков препинания и т. д.³⁸ Таким образом, именно мелодика есть наиболее «синтаксический» компонент интонации, ориентированный на демонстрацию связности высказываний в пределах коммуникативного акта. Нами проводился эксперимент по проверке на совпадение чтения одного текста разными дикторами — носителями одного языка, а также чтения семантически близких текстов дикторами — носителями разных языков. При этом именно мелодический компонент (с по-

³⁷ В настоящее время уже отчетливо осознается лингвистическая значимость интонационных компонентов как категорий в их отличии от непосредственно данных эквивалентных акустических характеристик. См. об этом: *H. Piich. Intonation. Experimentelle und strukturelle daten. «Cahiers de linguistique théorique et appliquée, III. București, 1966.* — Методически полезной в этом отношении является работа А. А. Гарнцевой (А. А. Гарнцевой). Первичные и вторичные показатели речевой интонации. «Уч. зап. МГПИ», 1963, вып. 195). Наиболее подробное для настоящего времени описание конкретных свойств каждого интонационного параметра см.: *I. Le-histe. Suprasegmentals. Cambr.-Mass — London, 1970.*

³⁸ Так, при замене знака препинания в предложениях типа *Он в роскоши, я здесь — Он в роскоши — я здесь*, опущении союза: *Если будет время, приходи ко мне — Будет время, приходи ко мне*, перемене местами главного и придаточного предложений: *Когда я вернулся, все уже пришли — Все уже пришли, когда я вернулся* — мелодический компонент первой синтагмы оставался (по всем дикторам) тем же, тогда как другие компоненты интонации могли меняться. См. об этом: *Т. М. Николаева. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969, стр. 77—91 и 102—126.*

правками на языковой алломорфизм) оказался наиболее предсказуемым и более всего совпадающим по дикторам³⁹.

Временные характеристики делятся на две группы с разными смысловыми нагрузками: темповые характеристики и паузальные. С темповыми характеристиками связывается значение различия более важного/менее важного. Так, темп оказывается из всех просодических характеристик (см. указанные преобразования) наиболее индивидуальным и наименее предсказуемым. Характерно, что при сопоставлении чтения дикторов в нашем материале никогда не было совпадения только по темпу (имея в виду относительные характеристики), всегда было еще совпадение по какому-нибудь другому компоненту⁴⁰. При замене пунктуационных знаков внутри сложного предложения без изменения союза темповых изменений обычно не наблюдалось, кроме скобочной замены, так как скобки — знак с отчетливой семантикой (пояснения) — диктовали выбор более быстрого темпа для вставочной, поясняющей части.

Пауза — крайне интересный и наименее изученный компонент фразовой интонации — наиболее четко реагирует на смысловые отношения между вычлененными единицами (синтагмами и высказываниями). Так, результаты наших исследований показали, что именно пауза в первую очередь отмечает регулярным образом замену знаков препинания, создавая правильные ряды, < — < : : < (). Пауза также реагирует на соотношение лексического состава сопологаемых на линейной оси синтагм. Сама первичная недискретность паузы как будто бы говорит о трудности парадигматической организации паузальных стыков. Однако распределение реального материала показывает, что паузы сами создают «пики» некоторых абсолютных значений, через которые — в относительных величинах — описываются паузы как языковые величины: минимальная, средняя, большая и сверхбольшая. Анализ лексического материала в первую очередь говорит о том, что именно пауза фиксирует такие значения, как следствие, результат и т. д.

Ряд данных (см. подробно в главе третьей, в конкретных очерках, а также специальный раздел главы второй) убеждает в том, что интенсивность имеет одну основную функцию — оформлять цельность синтагмы или высказывания (а также отдельно произнесенного изолированного слова), подчеркивать его глобальность. Поэтому интенсивность, обычно понижающаяся от начала к концу, наиболее безразлична к синтаксическим связям синтагм (на что реагирует мелодика) и к их семантическим связям (их в основном осуществляют временные характеристики). Интенсивность же — показатель цельнооформленности.

Эта разница в реакции акустических параметров на заданный общий эксперимент и соответственно их различие в функциониро-

³⁹ Там же, стр. 229.

⁴⁰ Там же, стр. 243.

вании внутри просодического уровня проявилась в исследовании, проведенном нами для выявления действия компенсационного принципа А. М. Пешковского⁴¹.

Наши данные говорят о различном отношении отдельных показателей интонации к компенсационному принципу, выдвинутому А. М. Пешковским, что показывает на конкретном материале реальные формы различного функционирования компонентов интонации.

Сказанное относится к акустическим параметрам и их функциональному различению в их первичном существовании в речевом потоке⁴². Однако языковая система располагает еще одной особенностью передачи смысловой нагрузки значащих элементов высказывания — выделением или подчеркиванием единиц высказывания. Категория выделения — это одна из ведущих содержательных категорий текста (редуцируемого до отдельного высказывания)⁴³. Она создается на всех языковых уровнях различными средствами: это вынесение элемента с изменением нейтрального порядка слов (типа *Книгу эту я прочел с удовольствием*), вынесение с добавлением местоименной репризы, явления разговорного стиля — именительный темы и т. д. Интонация осуществляет выделение средствами всех акустических параметров, создавая примеры так называемой «второй инстанции» (термин Д. Л. Болинджера). К явлениям «второй инстанции» (second instance, zweite Instanz)⁴⁴

⁴¹ А. М. Пешковский. Интонация и грамматика. — Избр. труды. М., 1959; *Он же*. Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания. — Там же; *Он же*. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., 1956, стр. 49—52; *Он же*. Знаки препинания и научная грамматика. «Школьная и научная грамматика». М., 1918. — Об этих аспектах принципа А. М. Пешковского см. нашу книгу «Интонация сложного предложения...» (стр. 19—25, 125—126, 233—238), а также статью с более подробными экспериментальными данными: Т. М. Николаева. «Принцип замены» А. М. Пешковского и отдельные компоненты интонации. «Теоретическая фонетика и обучение произношению». М., 1975.

⁴² Необходимо заметить, что акустические компоненты интонации по-разному выделялись и описывались в функциональном плане исследователями фразовой интонации. См. об этом: Л. К. Целитис. Анализ речевой интонации. Рига, 1974. — Анализ и сопоставление методов исследования интонации см. также: И. Г. Горсуева. Теория интонации. Материалы к курсу «Общее языкознание». М., 1974, стр. 32—41.

⁴³ Этот термин «категория выделения» введен нами для обозначения всех способов противопоставления одного элемента высказывания другим. См.: Т. М. Николаева. Актуальное членение — категория грамматики текста. — ВЯ, 1972, № 2; Т. М. Николаева. Порождение и восприятие речевых отрезков и некоторые лингвистические категории. «Материалы III Всесоюзного симпозиума по психолингвистике». М., 1970.

⁴⁴ О роли «второй инстанции» в членении на тему/рему см.: J. Firbas. Non-thematic subjects in contemporary English. «Travaux de linguistique de Prague», 2. Prague, 1966; см. также: В. Н. Багрецов. Некоторые замечания о взаимодействии семантической структуры предложения и актуального членения высказывания. «Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков». Свердловск, 1970; P. Sgall. Zur Stellung der Thema-Rhema Gliederung in der Sprachbeschreibung. «Functional sentence perspective. Papers prepared for the Symposium held at Mariánské Lázně on 12-th-

относится логическое ударение (*Петр это сделает — Петр это сделает — Петр это сделает*), эмфаза, обычно осуществляемая средствами длительности⁴⁵, мелодическое выделение типа *Пришел старик домой, посмотрел на свою семью* (со сдвигом мелодического центра полукаденции) и т. п.

Таким образом, функции параметров, рассмотренные в линейном и парадигматическом плане, можно представить в табличной форме, расчленив для точности собственно членение и оформление:

		Первичные функции				Вторичные функции
		оформление	членение	связь	смысл	
Время	временная структура	+	+	—	—	Явления «второй инстанции»
	пауза	—	+	+	отношения между синтагмами	
	темп	—	0	+	отношение важного/неважного	
Мелодика	мелодическая структура	+	+	—	—	синтактико-коммуникативный
		каденция	+	—	+	
Интенсивность		+	+	—	—	

Просодемы — это минимальные функциональные единицы этих параметров. Соответственно с этим различаются тонемы, хронемы, акцентемы. Однако эти термины дублируются и в исследованиях о просодии слов, где они не имеют смысловой парадигмы⁴⁶.

СМЫСЛОВОЙ АСПЕКТ ИНТОНАЦИОННОГО УРОВНЯ И ЕГО СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Лингвистичность функционирования и формальная упорядоченность еще не дают основания для признания за фразовой инто-

14-th October», 1970.— Именно эта функция второй инстанции соотносится с «подчеркиванием» Ф. Либермана, который в упрощенную и универсализированную модель фразовой интонации вводит два фактора — членение на *breath-group* и подчеркивание (*Ph. Lieberman. Intonation, perception and language. Cambr.— Mass., 1967.*)

⁴⁵ Так, Г. Фор (указ. соч.) функцию подчеркивания (*accentuell*) считает именно квантитативной.

⁴⁶ См. об этом: *D. Jones. Chronemes and tonemes. «Acta linguistica», 1944, v. IV, fasc, 1.* — Более подробно о различии в понимании термина «просодема» см. гл. 2.

нацией права быть самостоятельной системой единиц, имеющих свои специфические формальные и содержательные категории. Точнее, вопрос стоит так: 1) имеет ли фразовая интонация свои собственные знаковые единицы? 2) перечислимы ли эти единицы, т. е. могут ли они быть описаны для данного языка, как, например, могут быть описаны морфологические категории, причем — быть описаны на основании фактических языковых данных?

Положительный ответ на первый вопрос не предполагает обязательного положительного ответа на второй вопрос. Так, например, С. И. Бернштейн, признавая за интонационными средствами определенные значения, свойство «быть семасиологизируемыми», считал, что «число их знаменательных разновидностей неограниченно велико»⁴⁷. (Ср. обратное утверждение А. Н. Гвоздева о том, что «число мелодических стандартов невелико, а функций у них много»⁴⁸).

Знаковость интонационных единиц утверждалась еще Н. С. Трубецким («Фразоразличительные средства являются самостоятельными знаками») ⁴⁹.

Однако признание специфичности знаков интонационного кода еще не говорит ничего ни о семантике знаков, ни об устройстве этих единиц. В этом отношении и те, кто выводит интонацию из лингвистики, могут считать ее единицы знаками, только — особой семиотической системы.

В последнее время в интонологической литературе утвердилось понятие «интонема», которое и естественно считать обозначением единицы интонационного уровня. Интонема — это обычно пучок просодических признаков («пучок» интонационно минимальных различительных признаков)⁵⁰; «группа различительных признаков интонации»⁵¹, в котором реализуется один элемент из парадигмы каждого акустического параметра (одна хронема, одна мелодема, одна акцентема). Соответственно говорится об интонеме вопроса, интонеме повествовательного предложения и т. д. Введя две ступени в конструирование абстрактных единиц интонационного уровня, В. А. Артемов различает два обобщения: интонему (т. е. обобщенную смысловую единицу) и интонационный инвариант (т. е. статистически выведенный образец воплощения интонемы)⁵² — в целом это деление можно сопоставить с различием фонем и оттенков фонем.

⁴⁷ С. И. Бернштейн. Основные понятия фонологии. — ВЯ, 1962, № 5.

⁴⁸ А. Н. Гвоздев. О фонологических средствах русского языка. М. — Л., 1949.

⁴⁹ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 254.

⁵⁰ В. А. Васильев. Синтаксическая роль интонации. «Phonetica», 1965, v. 12, № 3—4, стр. 9.

⁵¹ И. Г. Горсуева. Дискретный характер интонации и возможности ее типологического изучения. «Уч. зап. МГПИИЯ», 1968, т. 42.

⁵² В. А. Артемов. Интонация, интонационный вариант, интонационный инвариант и интонема. «Acta Universitatis Carolinae. Philologica, I. Phonetica pragensis», III, 1972.

Но обратимся к акустическим параметрам, рассмотренным в тех функциях, о которых говорилось выше. При указанном подходе к интонема свойства параметров как бы теряют силу. А именно, понятие паузы (с ее смысловой градацией) вообще не имеет смысла, так как высказывания рассматриваются изолированно, вырванными из абстрактной сукцессивной последовательности. Темповые функции также аннулируются, так как быстрое и медленное является таковым лишь в сопоставлении. Интенсивность сохраняет свою основную функцию (показатель глобальности) и в случае, если нет примеров второй инстанции, также не реализует свои парадигматические возможности. И только один параметр — мелодика, ориентированный на более широкую синтактико-коммуникативную связь, проявляет себя в полной степени (не случайно описание интонации отдельных высказываний обычно сводилось только к мелодике).

Таким образом, в предложенной трактовке интонема большая часть параметров оказывалась функционально не представленной. В чем же здесь дело? Как представляется, дело в недооценке самой природы реализации интонации, которая воплощается в сукцессивной последовательности. Интонация глубоко синтаксична (понимая под синтаксисом его более широкий смысл), а потому ее единицы непременно должны отражать ее линейную направленность. В этом смысле нами было предложено иное толкование понятия «интонема», которое также трактует эту единицу как пучок единиц акустических параметров, но она при этом релятивна, реализуясь на синтагматической оси, где она соединяет две синтагмы⁵³. Таким образом, интонема аналогична другим единицам собственно синтаксической природы (соотносясь с синтагмой в понимании С. И. Карцевского, учением о непосредственно составляющих и т. д.). Итак, интонема есть отношение двух расчлененных единиц; при таком подходе находит свое место и тип паузы, и темповое соотношение, и соотношение акцентных реализаций. Разумеется, в реальном многосинтагменном высказывании реализуется более одной интонема, тогда в нем образуется дерево интонемных отношений⁵⁴.

Но что же тогда интонема в указанном выше понимании? Это, как нам кажется, не есть единица интонации, но описание интонационной надстройки над неким коммуникативным типом, напри-

⁵³ См. об этом: *Т. М. Николаева*. Интонация сложного предложения, стр. 112—119, 226—253; *Она же*. Синтаксис интонации и интонация синтаксиса. «Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению». М., 1973.

⁵⁴ В этом смысле удачен термин «супраинтонема», введенный И. Г. Торсуевой. Однако И. Г. Торсуева, считая интонема пучком акустических параметров в их несинтагматической заданности (см. выше), говорит о том, что интонема есть не прямой знак, а супраинтонема — прямой (*И. Г. Торсуева*. Указ. соч.). Если же принять наше понимание интонема, тогда супраинтонема есть иерархическое дерево знаков, как это бывает представлено в семантической структуре сегментного предложения.

мер, описание того, какой бывает интонация при повествовательном, при вопросительном и т. д. предложениями. (Именно этот тип описания и предлагается нами в конкретных очерках в главе третьей; в данном случае необходимо различать теорию вопроса и методику описания — о трудностях описания именно интонационного уровня см. в гл. 2).

Итак, интонома — это пучок просодических значений, реализующихся на синтагматической оси. Но как доказать, что эти пучки действительно существуют и тем самым — что число интоном переисчислимо и может быть описано? Возможна ведь и такая ситуация, при которой единицы параметров — члены их смысловой парадигмы — будут реализовываться в речевом высказывании как угодно свободно и потому (так как каждый параметр обладает несколькими членами смысловой парадигмы) число их комбинаций может быть разнообразным и непредсказуемым. Между тем единицы должны быть реальны и их число не слишком велико — так, для других уровней, как показывают данные всех языков мира, число единиц практически невелико.

Ответ на это могут дать только фактические данные и притом — именно интонационного уровня.

Реальные наблюдения, действительно, показывают, что единицы акустических параметров выступают при речевой реализации в более или менее устойчивых сочетаниях и комбинациях друг с другом. Так, например, неоднократно отмечалось, что определенный тип мелодики связан с определенной величиной паузы. Мы пытались показать вероятностные сочетаемости видов паузы и типов темпового соотношения синтагм⁵⁵. При этом выявились интенсивные зоны заполнения и «пустые» ячейки таблиц. Проверялись далее результаты количественного совпадения типов потенциальных интоном в их распределении по дикторам. На исследовавшемся материале (сложные предложения без союзов и с союзами всех типов) можно было говорить о четырех основных типах интоном: 1 — пауза минимальная, темп равновесный, мелодика неконечной синтагмы восходящая; 2 — пауза средняя, темп равновесный, мелодика неконечной синтагмы восходящая; 3 — пауза большая, темп равновесный, мелодика неконечной синтагмы нисходящая, уровень второй синтагмы ниже; 4 — пауза большая, темп второй части убыстренный, мелодика неконечной синтагмы нисходящая, уровень второй синтагмы ниже⁵⁶. Таким образом, интономы оказываются реально существующими благодаря связанности входящих в нее значений отдельных параметров⁵⁷.

⁵⁵ Т. М. Николаева. Интонация сложного предложения, стр. 76 (рис. 6).

⁵⁶ Сегментные соответствия для этих типов интоном приводятся там же (стр. 102—112). В данном случае существенны не типы примеров, а склеенность показателей параметров в интономе.

⁵⁷ О связанности меньших грамматических единиц в пределах больших см. для морфологии: З. М. Волоцкая, Т. Н. Молошина, Т. М. Николаева. Опыт описания русского языка в его письменной форме. М., 1965.

Интонымы есть, таким образом, смысловые единицы интонации. Реализуясь на синтагматической оси, они составляют синтаксис интонации. Наиболее близко такая концепция интонымы подходит к трактовке С. И. Карцевского, который понимал «интонационную единицу прежде всего как показатель бипарного отношения»⁵⁸. Интуитивно эти смысловые отношения внутри интонационной системы и имелись в виду при введении исследователями «интонаций» противопоставления, перечисления, вводности, пояснения и т. д. Однако трудность состоит в том, что далеко не всем интонымам можно найти адекватные терминологические эквиваленты, какой-либо эксплицитный ярлык. Именно в этом — трудность описания семантических отношений для внутриязыковых единиц⁵⁹.

В предложеной нами трактовке содержательной стороны интонационного уровня не оказывается места тем характеристикам, которые обычно приписываются интонации, интонационным фигурам, контурам и т. д., т. е. отношениям сомнения, удивления, недоверия и т. п. Действительно, в нашей трактовке интоныма передает отношение между единицами, т. е. передает факт внутриязыковой семантики. Названные же выше типы — это отношение говорящего к сообщаемому, т. е. факт другой, параллельной системы — системы несобственно языковых отношений. Поэтому противопоставление, пояснение и пр. могут произноситься с любыми эмоциональными наложениями и оттого не перестанут быть таковыми.

Однако при описании интонационных систем реальных языков, исследуемых с целью преподавания или синтеза речи, возможно ввести эмоционально окрашенные аллоформы (в том случае, если в данном языке этот тип эмоции не выражен универсальными внелингвистическими средствами)⁶⁰.

Как же трактуется интоныменная реализация односинтагменных предложений — например, не требующих ответа сообщений? Представляется, что их можно уподобить односоставным номинативным предложениям типа «Ночь», «Холодно», где второй член представлен нулевой формой.

Реальность существования интоном предстает, в частности, при чтении дикторами примеров разной сегментной наполненности. При этом обнаруживаются регулярные соответствия между типом интонымы и видами сегментных средств⁶¹.

⁵⁸ S. Karcevskij. Sur la phonologie de la phrase. — TCLP, IV, 1931.

⁵⁹ Это свойство интонации, относящееся к описанию на уровне семантики, отметил Д. Кристал, говоря об отсутствии ярлыков (lexical labels) для интонационных значений (*D. Crystal. Intonation and semantic structure. Proceedings of X-th International congress of linguists. București, 1967.*)

⁶⁰ О соотношении типологического и универсального на материал славянских языков см. гл. 2.

⁶¹ См. об этом статью: Т. М. Николаева. О соотношении сегментных указателей и суперсегментных языковых средств. — ВЯ, 1968, № 6 (переведена в журнале «Linguistics», 1974, № 129).

ИНТОНАЦИОННЫЙ УРОВЕНЬ И ДРУГИЕ УРОВНИ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Как уже говорилось, сформулированные нами вопросы-признаки иерархичны; поэтому положительный ответ на вопрос о том, имеет ли интонация свои содержательные единицы, еще не является достаточным основанием для признания фразовой интонации самостоятельным уровнем, автономным в полном понимании этого слова. В принципе возможно, что фразовая интонация — упорядоченная совокупность формальных и смысловых единиц — вся целиком входит в некий другой больший языковой ярус, составляя его фрагмент: субуровень или subsystemу, как считают многие исследователи фразовой интонации, относя ее к фонологии или к синтаксису. Проанализируем обе точки зрения.

Отнесение интонации к фонологии имеет давнюю традицию. Однако само понятие фонологии может иметь различное толкование и рассматриваться как: 1) наука о фонемах, фонемика, 2) наука о смыслоразличительной стороне звуковой субстанции языка.

Интонация включается в фонологию сторонниками второй точки зрения. При употреблении слова «фонологический» подразумевается некоторая не всегда высказанная явно оппозиция: фонологический — фонетический, где фонологический — значимый, смыслоразличающий, функциональный, «хороший»⁶². Таким образом, имеет место некоторый силлогизм: фонология — учение о функциональной значимости звуковых единиц. Интонация принадлежит к звуковой стороне общения, и она функциональна. Следовательно — это фонология. Однако даже сторонники «фонологического» статуса интонации уже не называют ее единицы в последнее время фонемами⁶³, оставляя за ними другую терминологию (просодемы, интономы, контуремы и т. д.). «Фонологический» принцип наталкивается на непреложность тезиса о том, что фонемы — не есть знаки и в отличие от интонационных единиц не имеют значения сами по себе. Тогда этот принцип обходится обратным расширением самого понятия «фонология». Например, А. Риго говорит о том, что фонология есть факт звукового плана и распадается на две части: фонематику и просодематику⁶⁴.

Другая оппозиция, приводящая исследователя к объявлению фразовой интонации фонологической, несомненно присутствовала у С. И. Карцевского⁶⁵. Это — не столько оппозиция фонетический/фонологический, сколько оппозиция: специфичность/неспеци-

⁶² Так, Г. Фор, автор ряда работ о функциональной стороне интонации, утверждая в одной из последних статей право интонации быть фонологичной, сводит весь пафос своих доказательств к тому, что интонация прежде всего функциональна (*G. Faure. Contribution à l'étude du statut phonologique des structures prosodematiques. «Prosodic feature analysis». Ottawa, 1970.*)

⁶³ Именно так считал Л. Блумфильд, назвавший единицы фразовой интонации «вторичными фонемами» (*Л. Блумфильд. Язык. М., 1968, стр. 89.*)

⁶⁴ *A. Rigault.* Указ. соч.

⁶⁵ *S. Karcevskij. Sur la phonologie de la phrase.*

фичность фразы, ее вхождение/невхождение в каркас грамматических категорий. Карцевский строго различал фразу (явление особого плана) и предложение (объект грамматики). Интонация обслуживает фразу и потому «не имеет ничего общего с грамматикой». Значит — это фонология. В этом отношении С. И. Карцевский был более последователен, чем многие писавшие после него. Так, противоречие: интонация имеет дело с синтаксисом, а входит в фонологию — Г. Фор предлагает снять, введя специально для интонационного уровня термин «фоносинтаксический» (*la composante phonosyntaxique*)⁶⁶. Тогда — при таком обозначении — становится неясным, какое место занимает интонация в обоих языковых уровнях.

Нефонежность интонационных единиц как будто наиболее просто определялась Г. Цваненбургом («разделяя с фонемами свойство быть звуковыми элементами, просодические элементы имеют семантическую значимость, которую фонемы не имеют»)⁶⁷.

На наш взгляд, отнесение интонации к фонологии есть дань традиции, которая в свою очередь есть результат некоторой терминологической неопределенности.

Отношения фразовой интонации и грамматической стороны языка намного сложнее.

По этому вопросу мы имеем три точки зрения:

1) интонация не имеет ничего общего с грамматикой (см. Карцевский);

2) интонация и грамматика соотносятся между собой, находясь в отношениях компенсации (формулировка А. М. Пешковского);

3) интонация есть факт грамматики (синтаксиса).

При этом существенно напомнить, что все авторы, которые декларировали специфичность интонационных знаков, по существу не высказались при этом ни за ни против ее введения в синтаксис (как уже говорилось, она может быть упорядоченной подсистемой).

Соотношение интонации и грамматики также прежде всего осложняется терминологической неясностью: 1) неясно, что в данном случае грамматика; 2) неясно, что в данном случае синтаксис.

В первом случае важно понять: грамматика — это вообще содержательная сторона языкового механизма (включая выделенность, эмоциональность, — широкие понятийные категории) или это обязательные по выражению языковые категории с соответствующим им набором формальных средств (грамматика как облигаторное формальное начало).

Во втором случае важно осознавать, что включается в синтаксис — учение о синтаксисе языка или учение о синтаксисе и языка

⁶⁶ G. Faure. Contribution à l'étude du niveau d'analyse des structures prosodiques. VII Congressus phoneticus. Montreal, 1971. — Однако в этой же работе он снова говорит о «фонологичности» интонации.

⁶⁷ W. Zwaneburg. Recherches sur la prosodie de la phrase française. Leiden, 1965, стр. 108. — Из этого делается вывод: «Ainsi la prosodie française fonctionne presque exclusivement au niveau de la syntaxe».

и речи (иными словами, только конструктивный или и конструктивный, и коммуникативный синтаксис). Кроме того, именно в синтаксических представлениях часто смешивается объект (синтаксис как часть языковой системы) и лингвистическая теория (синтаксис как учение)⁶⁸. Наконец, существенно отличать синтаксис естественного языка от синтаксиса вообще (в семиотическом смысле), т. е. комбинации и селекции единиц данной знаковой системы, встречающихся на линейной оси: именно это мы и имели в виду выше, говоря, что интонация насквозь «синтаксична».

Напомним, что текст есть некоторый результат, совокупность высказываний, на базе которого можно построить грамматику высказываний в их отличии от грамматики предложений (коммуникативный синтаксис *vs* конструктивный). Однако эта грамматика будет грамматикой анализа, не включающей в себя правила перехода от предложения к высказыванию, грамматику текстового синтеза⁶⁹. Тогда окажется возможным и деление на следующие два синтаксиса: в первый входит конструктивный синтаксис и правила перехода к высказыванию, во второй — отношения внутри цепочки высказываний⁷⁰.

В целом же контакт интонации с содержательной стороной языка может рассматриваться в следующих аспектах⁷¹:

- 1) на уровне классов слов,
- 2) на уровне синтаксических конструкций,
- 3) на уровне смысловых синтаксических отношений,
- 4) на уровне построения и функционирования высказывания.

1. О соотношении фразовой интонации и классов слов можно говорить как о соотношении на несодержательном уровне. Тогда анализу подлежит сам факт совпадения/несовпадения каких-либо просодических и непросодических единиц. Например, к этой группе можно отнести многочисленные наблюдения о частом совпадении границ просодических групп и границ синтаксических групп⁷². Само констатирование этих совпадений и является основным выводом исследователя. Такова, например, специальная работа Д. Л. Болинджера, посвященная совпадению выделенных временных характеристик внутри фразы и морфем определенного типа

⁶⁸ Вся сложность понятий, связанных со словом синтаксис, вся пестрота и нерешенность синтаксических проблем показана Н. Д. Арутюновой в разделе «Синтаксис» книги «Общее языкознание. Внутренняя структура языка» (М., 1973).

⁶⁹ Поэтому оппозиция язык/текст — не синоним оппозиции язык/речь, поскольку в речь входит и индивидуальное начало речетворчества, и сам процесс речевой деятельности.

⁷⁰ Именно так понимается синтаксис в обобщенном труде «Общее языкознание» (М., 1973).

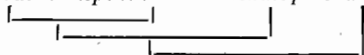
⁷¹ См. об этом также Т. М. Николова. [Рец.:] М. А. К. Nañiday. *Intonation and grammar in British English*. — ВЯ, 1970, № 3.

⁷² См., например: R. Quirk, A. R. Duckworth, I. Svartvik. *I. R. L. Rusiecki, A. L. Colin. Studies in the correspondence of prosodic to grammatical features in English*. Proc. of IX International congress of linguists. The Hague, 1964.

(т. е. одни морфемы произносятся быстрее, другие медленнее) ⁷³.
 О регулярном соотношении акцентной выделенности и принадлежности слова к определенному синтаксическому классу пишет в работе по английской фразовой интонации Х. Воде ⁷⁴.

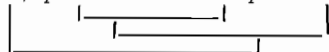
2. О соотношении на уровне синтаксических конструкций также можно говорить в двух планах. Во-первых, это способность интонации определять тип связи элементов предложения, однозначно решая вопрос о членении. Например,

Недавно приехавший доктор сказал

ИЛИ

Недавно/приехавший доктор сказал

(см. также случаи типа J gave her / dog biscuits или J gave her dog / biscuits) ⁷⁵.

Во-вторых, можно говорить о соответствии интонации типам предложений. При этом речь может идти о предложении в целом, рассматриваемом глобально (вопросительное предложение, повествовательное, восклицательное и т. д.), или о сложном (или осложненном) предложении, когда центр внимания переносится на интонационное оформление частей сложного предложения, рассмотренных отдельно или в соотношении (предложение с обращением, предложение с обособлением, сложные предложения с разного типа придаточными и т. д.).

В том случае, когда речь идет о целом предложении, функционирует интонационная надстройка над синтаксическими типами предложений. При этом удается свести число этих различных интонаций к минимуму ⁷⁶. Однако, как мы уже говорили, этот минимальный перечень обычно оказывается именно перечнем тоном (мелодем) с их синтаксическими эквивалентами. Таким образом именно мелодика является наиболее синтаксическим компонентом интонации.

Основные типы интонации, надстроенные над синтаксическими конструкциями, обычно не бывают привязаны только к этим типам предложений: возможен сдвиг, смещение, когда тип интонации употребляется не с привычно эквивалентным для него глобально синтаксическим образцом, а с другой конструкцией. Тогда имеет

⁷³ D. L. Bolinger. Length, vowel, juncture. «Linguistics», 1963, 1.

⁷⁴ H. Wode. Englische Satzintonation. «Phonetica», 1966, v. 15, № 3—4.

⁷⁵ Именно в этом — разрешении вопроса о непосредственно составляющих синтаксические конструкции — видел связь интонации и грамматики Д. Л. Болинджер (D. L. Bolinger. Intonation and grammar. «Language learning», 1957—58, v. VIII, № 1—2.)

⁷⁶ Именно таковы типы французских интонаций, приводимых П. Делаттром (P. Delattre. Le dix intonation de base de français. «The French review», 1966, v. XL, № 1).

место добавление вторичного значения (чаще эмоционального) к этой конструкции, метафоризация значения ⁷⁷.

Эта свобода употребления, сложная зависимость от лексико-грамматического состава явно показывает неоднозначность соотношения типа предложения и типа интонации.

Сложные предложения долгое время являлись наиболее привычным объектом исследования интонации с презумпцией: каждому типу сложного предложения — свой интонационный тип. Этот подход к материалу, как представляется, не случаен. Той единицей, с которой имеет дело интонация, является синтагма. Причем, понятие «синтагма» — это единство двустороннее: синтагма есть и сегментная последовательность, и суперсегментная. Простое предложение может оказаться расчлененным на синтагмы самым сложным и неясным по сегментному составу образом. В сложном же предложении (это подтверждал и собранный нами конкретный материал) синтагматический шов обычно совпадает с синтаксическим. Таким образом, на этом перекрестке двух языковых уровней реализуется интонация, и сложное предложение оказывается мелодически простым. Эта ощущаемая на слух реализация интонации заставляла исследователей предполагать, что выражаемый ею смысл непременно относится к синтаксическим связям, передаваемым типом союза. Каждое исследование по отдельному типу предложения имело, таким образом, позитивный ответ, обретающий ценность лишь в сопоставлении данных. Однако интонация, рассматриваемая для сложных предложений разных типов, показывает, что в одних случаях интонация у отдельных типов совпадает, в других — имеет свои специфические особенности (предложения присоединительные, следствия и т. д.). Несомненно, это связано не с типом союза, а с общими «глубинными» отношениями, передаваемыми частями предложения. Быть может, уместно в данном случае сделать несколько неожиданное предположение о принципиальной смысловой неоднородности синтаксических конструкций в том смысле, что одни типы более непосредственно соотносятся со смысловыми отношениями, передаваемыми интонацией, а другие не соотносятся с интонацией никак. Возможно, именно это и хотел сказать А. М. Пешковский, говоря, что «интонация блуждает по поверхности языка».

Итак, фразовая интонация не сливается с синтаксисом, рассмотренным на формальном уровне, а соприкасается с ним через отдельные совпадающие фрагменты.

⁷⁷ См. об этом: P. Delattre. Syntax and intonation «The modern language journal», 1970, v. LIV, № 1; I. Fonagy. Métaphores d'intonation et changement d'intonation. «Bulletin de la société de linguistique de Paris», 1969, t. 64, fasc. 1.— Существенны при этом ограничения, отмеченные и описанные Е. А. Брызгуновой: 1) не все типы интонационных конструкций могут смещать друг друга без замены основных смысловых оппозиций (например, вопрос / не-вопрос), 2) существенным при этом является однозначность / неоднозначность лексико-грамматического состава предложения (см.: Е. А. Брызгунова. Звуки и интонация русской речи. М., 1969).

Но возможно, что интонация входит в синтаксический уровень таким образом, что интонымы (смысловые единицы) составляют часть набора смысловых отношений, различаемых на синтаксическом уровне. Семантика предложений различает бинарные отношения (типа притяжательности, атрибутивности), смысловые функции отдельных элементов (агент, орудие, локус), смысловую интерпретацию словосочетаний в синтаксической позиции — членов предложения (обстоятельства цели, места, времени и т. д.)⁷⁸. Интонационные средства выражения могут относиться только к последней группе, однако даже самый простой слуховой анализ показывает, что чтение предложений типа *Он сделал это из выгоды — Он сделал это осенью — Он сделал это нарочно — Он сделал это для меня* и т. д. совпадает. Напротив, в системе смысловых отношений конструктивного синтаксиса нет места отношениям, передаваемым интонацией, — подчеркиванию, логическому ударению, актуальному членению; они имеют место на уровне высказываний.

Итак, фразовая интонация не входит в синтаксис, если под синтаксисом понимается синтаксис предложения. Вопрос о соотношении ее с высказыванием может стоять несколько иначе: интонация, конечно, связана с высказыванием, но входит ли высказывание и стоящие за ним коммуникативные нагрузки в синтаксис как ярус языковой системы?

Этому вопросу будет посвящен следующий раздел, в котором мы попытаемся сформулировать некоторое представление о сущности интонационного уровня.

СТАТУС ИНТОНАЦИОННОГО УРОВНЯ. ИНТОНАЦИЯ И ПОСТРОЕНИЕ ТЕКСТА

Общеизвестно, что интонация превращает предложение в высказывание. Однако существенно другое — как определить высказывание в его отношении к языковой системе. Высказывание — это реальная единица речи, уже созданная и построенная.

Человек в общем процессе созидания любого объекта, очевидно, имеет дело с тремя величинами. Первая — это та совокупность явлений (предметов), из которых будет создаваться требуемый объект. Вторая — это система установок творящего: что он хочет сделать из существующего материала. Третья — это система средств, которыми он пользуется создавая. Конечный результат, будучи, таким образом, индивидуальным продуктом (даже если он создан по стандарту), есть в то же время порождение общих установок — если этот предмет рассчитан не только на индивидуальное пользование.

⁷⁸ Набор компонентов глубинной семантики в последние годы стремительно увеличивается; пока, как кажется, он несколько хаотичен: более подробно останавливаться на предполагаемом составе этого списка представляется далеко уводящим от интонационной темы.

Это относится и к высказыванию. Высказывание порождается из языкового материала (статически упорядоченного и иерархически запечатленного в сознании его носителей) по определенным установкам и при помощи определенных средств ⁷⁹. Эти установки не соотносятся прямым образом с функциями языковых единиц. Набор установок, очевидно, не может быть индивидуальным, иначе не могла бы быть осуществлена коммуникация, поэтому набор установок столь же реален и принадлежит обществу, как и сам язык.

Входят ли эти установки в языковую систему, отдельную от возможной ассоциации «человек» — «язык»? Вероятно, нет: что-то, приводящее в действие любую систему, любой механизм, не принадлежит этой системе, этому механизму, а обязательно должно быть вне их.

Затрудненность нахождения места коммуникативного синтаксиса (высказывания) в системе языка отчетливо видна при анализе дискуссии по докладу Э. Бенвениста на IX Международном съезде лингвистов ⁸⁰. Э. Бенвенист ощущает специфику высказывания — это нечто особое, не сводимое к сумме значений отдельных слов-компонентов ⁸¹. Кроме того, «число предложений бесконечно». Таким образом, предложение выводится из языковой системы, оно — «единица речи». (Деления синтаксиса на коммуникативный и конструктивный у Бенвениста нет.) Однако разногласия, господствовавшие в начале 60-х гг. по отношению к высказыванию, еще больше показывает дискуссия по этому докладу ⁸². Предложение Э. Бенвениста создать две сложным образом корреспондирующих лингвистики — лингвистику языка и лингвистику речи ⁸³ — вызвало следующие предложения-реакции: 1) действительно, фраза есть единица речи. Значит, в языковую систему нужно ввести еще один уровень — речи (Э. Бюссенс); 2) предложение — действительно, элемент открытого списка, но и слова также бесконечны по числу, поэтому все-таки есть уровень предложений (П. Гарвин); 3) предложения вовсе не высший уровень: есть еще уровень над предложением — абзац, параграф и т. д. (К. Пайк); 4) в докладе не проводилось различия между высказыванием (субстанция) и предложением (структурной формой) — Ш. Хаттори.

⁷⁹ См.: «Система языка служит для образования высказываний» (Фр. Данеш, К. Хаузенблас. Проблематика уровней с точки зрения высказываний и системы языковых средств». «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969).

⁸⁰ См.: Э. Бенвенист. Уровни лингвистического анализа. «Новое в лингвистике», IV. М., 1965.

⁸¹ Там же, стр. 440.

⁸² «Proceedings of the IX-th International congress of linguists». The Hague, 1964, стр. 276—283.

⁸³ Гораздо раньше об этом писал В. Скаличка, о чертивший подробно лингвистику речи (V. Skalička. The need for a linguistics of «La parole». — «Prague school reader in linguistics». Bloomington, 1964).

Говоря о порождении высказываний, мы говорим о реальном построении реальных высказываний — так, как это делает человек. Поэтому последовательность процесса: «язык — установки — средства — высказывание» и цикличность (рекурсивность) этого процесса пока остается неясной. По всей вероятности, решить это — задача психолингвистики.

Если вывести синтаксис высказывания из языка (а его включение в язык во многом объясняется некоторой восходящей к Сосюру пейоративной окраской слова «речь» как чего-то хаотичного и индивидуального), то существование — в применении к интонации — задать вопрос, входит ли интонационный уровень в механизм языка, располагаясь между какими-либо его уровнями (вопрос-признак 5). Наиболее распространенный принцип уровневой организации, так называемый конститутивный, предписывает, чтобы единицы анализируемого уровня n , с одной стороны, разлагались на единицы $n - 1$ уровня, с другой — в качестве функции входили в построение единицы $n + 1$ уровня⁸⁴. Действительно, интонация как будто бы разложима: в плане содержания это интонымы — просодемы; в плане выражения это отдельные компоненты, реализующиеся посинтагменно — посложно. Но всех этих уровней нет в языке, эти низшие единицы есть единицы того же самого интонационного уровня (и слог, и синтагма лингвистически реальны, но нет слогового уровня и синтагматического — вне отношения к просодическим ценностям). Действительно, в качестве «функции» интонация входит в высказывание, но высказывание не состоит из интоном — так, как слово состоит из морфем, а предложение — из слов. Высказывание представлено и другими компонентами, и один интонационный пласт не исчерпывает его значения.

Таким образом, по теории уровней, фразовой интонации не находится места в системе языка (что несколько не отнимает у нее права быть фактом лингвистики).

Как же тогда определить место интонации?

Возвращаясь к положению, согласно которому интонация оформляет высказывание, мы возвращаемся к высказыванию и его порождению. Будучи даже изолированным, высказывание входит — в своем актуальном воплощении — в некий законченный коммуникативный комплекс — текст.

Теорию текста можно понимать как описание тех отношений, которые существуют в последовательности высказываний; эти

⁸⁴ См., однако, существенность замечания, сделанного Э. Бенвенистом в том же докладе, что, разлагая единицу данного уровня, мы получаем не непосредственные единицы низшего уровня, а формальные сегменты той же единицы (стр. 441). Только специальная лингвистическая процедура, позволяющая определить «интегративную функцию» единиц, может их квалифицировать как уровневые единицы. Изложенный выше принцип уровневого статуса, разумеется, упрощен. Более тонкий «репрезентативный» подход см. в разделе «Уровни языковой структуры» книги «Общее языкознание» (М., 1973).

отношения могут связывать и элементы внутри одного высказывания. Для того чтобы быть понятными для всех носителей языка, отношения, связывающие элементы текста, должны быть одинаково интерпретируемы и иметь единообразную систему средств выражения⁸⁵. Это значит, что речь идет о грамматике текста с системой своих специфических средств и системой содержательных категорий⁸⁶. При включении в эту систему найдут свое место, в качестве особых содержательных категорий текста, многие специфические отношения, обычно называемые синтаксическими (хотя в обычном синтаксисе они не находят своего места). Это — отношения противопоставления, сопоставления, смыслового равновесия, пояснения, предупоминания, определенности и т. д.

Грамматика текста состоит из трех компонентов: 1) содержательных текстовых категорий, 2) текстовых единиц, 3) текстовых средств⁸⁷.

Таким образом, лингвистику в целом можно рассматривать как состоящую из двух частей — грамматики языка и грамматики текста. Особую группу правил будут составлять правила преобразования единиц языка в единицы текста⁸⁸.

К средствам текстовой грамматики принадлежат: 1) интонация, 2) порядок слов, тектонические средства, 3) эксплицитные сегментные средства (частицы-актуализаторы, возможно, артикли и т. д.)⁸⁹. Каждое из этих средств, как и интонация, очевидно,

⁸⁵ О грамматике текста см.: Т. М. Николаева. Актуальное членение — категория грамматики текста. — ВЯ, 1972, № 2.

⁸⁶ В соответствии с этим можно говорить об эмическом и этическом текстах (см. об этом: W. Dressler. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1972).

⁸⁷ См. очень близкое положение у Фр. Данеша и К. Хаузенбласа (указ. соч., стр. 12). Более того, авторы показывают иерархичность «текстовой грамматики, говоря о «нескольких уровнях построения высказываний, которым соответствует несколько уровней построения системы коммуникативных средств» (Там же, стр. 14). Однако они считают уровень высказывания уровнем языковой системы, высшим над предложением (стр. 18). Как представляется, это отсутствие разрыва языковой системы с переходом уровня в иную категориальную систему объясняется в данном случае твердой установкой на функциональность, но не на конституитивность, которой — в соответствии с общими позициями Пражской школы — пронизан весь доклад. Если в языковой механизм не вводить понятия «А состоит из В», но иметь как основное понятие «В имеет в качестве функции вхождение в А», то тогда предложение входит в построение высказывания, и логического перерыва здесь нет.

⁸⁸ П. Сгалл определяет текстовую лингвистику как учение, выросшее из описания сверхфразовых единств в сочетании с лингвистикой речи (P. Sgall. K programu lingvistiky textu. «Slovo a slovesnost», 1973, № 1). Однако в этом определении, так же как и в удачном определении текста М. Хэллидеем как «языка в действии» — language in use (M. A. K. Halliday. The linguistic study of literary texts. «Proceedings of IX-th International Congress...») нет установок на лингвистически общую значимость текстовых категорий, подчеркивание неиндивидуальности этого коммуникативного набора.

⁸⁹ Не случайно Н. Хомский не находит места частицам в порождающей системе, объявляя их специфическими явлениями поверхностной структуры (N. Chomsky. Deep structure, surface structure and semantic interpretation. «Studies in general and oriental linguistics». Tokyo, 1970).

обладает своими формальными и содержательными единицами. Это значит, что каждый комплекс средств упорядочен и организован, однако возможно, что они могут, обслуживая одну и ту же текстовую категорию, находиться в сложных компенсаторных отношениях⁹⁰.

Таким образом, высказывание есть результат взаимодействия исходного потенциального лексико-грамматического состава со средствами-модификаторами, накладывающими на него текстовую смысловую нагрузку; при этом текстовые средства не модифицируют референционную сторону (например, *Вот и дождь пошел! — И пошел дождь. — Дождь / пошел. — Дождь пошел. — Ведь дождь пошел* и т. д.), обозначают одно явление действительности.

Остановимся на тех важных следствиях, которые имеет в настоящее время теория синтагматического членения, сформулированная Л. В. Щербой. Внимательный анализ щербовских положений показывает, что мысль о членении речи на синтагмы и сама идея синтагм как таковых — далеко не все наследие Л. В. Щербы в этой области. С понятием синтагмы в настоящее время естественно связывается возможность построения абсолютно нового синтаксиса — синтаксиса устного высказывания, опирающегося на значимые комбинации синтагм (обращаясь к классическим синтаксическим методам, можно сказать, что НС будут синтагмы).

Таким образом, в высказывании синтагмы соотносятся друг с другом, создавая его (высказывания) семантику. Само слово «синтагма», его «щербовское» толкование, принято противопоставлять «синтагме» С. И. Карцевского⁹¹. Действительно, синтагма у С. И. Карцевского — это явление иной трактовки. Однако идеи двух лингвистов в том аспекте, который относится к устному высказыванию, оказались удивительным образом схожи. Разница — в терминологии. Щербовская синтагма — это, у С. И. Карцевского, часть фразы (*partie de la phrase*). Именно так, как двучленное образование, как сочетание этих частей и видел фразу С. И. Карцевский. Как и у Л. В. Щербы, части фразы, в понимании С. И. Карцевского, не соотносятся однозначно ни с какими привычными синтаксическими классами; это видно по приводимым им примерам (*Я сказал / что завтра уезжаю; Рыбы плавают / а птицы летают; С милым / рай и в шалаше; С милым рай / и в шалаше; Волк / сер; Большой пожар / вспыхнул вчера ночью; Вчера ночью / вспыхнул большой пожар*)⁹².

⁹⁰ О соотношении интонации и порядка слов см.: П. Адамец. Порядок слов в современном русском языке. Прага, 1966; И. П. Распопов. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961; И. И. Костунова. Порядок слов в современном русском литературном языке и формирование норм слово-расположения в XVIII — первой трети XIX в., АДД. М., 1973; F. Daneš. Order of elements and sentence intonation. «For Roman Jakobson», t. I. The Hague, 1967.

⁹¹ А. А. Реформатский. Фонологические этюды. М., 1975, стр. 24—25.

⁹² S. Karcevskij. Sur la phonologie de la phrase. — TCLP, IV, 1931.

Идеи введения в синтаксис новых единиц и, соответственно, новых отношений и новой семантики намного опередили свое время. (Эту несоотносимость синтагматических отношений, выражаемых интонацией, с привычными для того времени грамматическими понятиями, несомненно, и имел в виду С. И. Карцевский, утверждая, что «интонация не имеет ничего общего с грамматикой»). Непривычными оказались и синтагмы Щербы; поэтому его теорию пытались сделать более «последовательной», вводя в более единообразные, как казалось, рамки: членов предложения, словосочетания, частей речи и т. д.⁹³, хотя именно в возможности синтагмы соотноситься с любым сегментным составом и состоит зерно излагаемой теории. Некоторую непоследовательность Л. В. Щербы видели в излишнем весе интонаций в комплексе его синтагматических идей. Однако, как представляется, именно в этом одно из достоинств этого комплекса идей. Дело в том, что высказывание не только членится на синтагмы, но и что их отношения значимы. Однако, в отличие от НС-компонентов, синтагмы не обладают показателями отношений — типа, например, флексий. Поэтому основным средством, которое дает возможность отличить ряд *Получите путевку, поедете в Крым* (последовательность действий) и *Получите путевку — поедете в Крым* (условие — результат), является интонация, т. е. вполне измеримое и парадигматически противопоставляемое соотношение пауз, мелодики, темпа, интенсивности. См. у Л. В. Щербы: «Синтагмы могут объединяться в группы высшего порядка с разными (! — Т. Н.) интонациями и в конце концов образуют фразу — законченное целое⁹⁴. Именно разные интонации и описывает С. И. Карцевский⁹⁵. Общая идея о сукцессивных последовательностях синтагм как о единственно возможных реализациях их смысловых отношений уже становится очевидной⁹⁶, однако только одной констатации членимости высказывания на синтагмы, без обращения к интонационным показателям на рубеже этого сочленения явно недостаточно. Так, обращаясь в свете вышесказанного вновь к теме актуального членения предложения, можно отметить, что есть высказывания, распадающиеся на тему и рему, соположение которых не выражает ничего кроме этой Т-Р предикации (*Волж / сер*), и высказывания, где то же соотнесение темы и ремы еще содержит некий смысловой

⁹³ См. об этих модификациях теории Л. В. Щербы: В. В. Виноградов. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950.

⁹⁴ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 86.

⁹⁵ См. об этом: S. Karcevskij. Deux propositions dans une seule phrase. «Cahiers F. de Saussure», 14, 1956; *Он же*. Бессоюзие и подчинение в русском языке. — ВЯ, 1961, № 2.

⁹⁶ П. Сталл говорит о двух типах единиц, порядок которых существен в славянской фразе: это, с одной стороны, синтагмы, с другой — единицы лексического плана, определяющие порядок темы и ремы в высказывании (P. Sgall. L'ordre des mots et la sémantique. «Studies in syntax and semantics». Dordrecht, 1969).

компонент Х. Эти идеи мы находим и у Л. В. Щербы. Сопоставляя, с одной стороны, фразы типа *Когда стало темно, мы выбрались, наконец, из нашего убежища; Так как вы поступили крайне неосмотрительно — то и пришлось принять некоторые меры предосторожности помимо вас* и двучленные фразы *Ленинград — большой город; Это замечательное произведение искусства — было вырезано простым ножом* и т. д., Л. В. Щерба приходит к выводу, что фразы первого типа тоже двучленны, кроме того, в них присутствует «та или иная логическая связь, временная или причинная»⁹⁷.

Итак, синтагма есть первичная единица устного высказывания. Ключ к текстовой грамматике — это сама идея линейного соположения единиц. Так, Р. Харвег говорит, что из двух способов порождения: вертикального, в духе порождающей грамматики, и горизонтального — слева-направо, горизонтальный является ведущим для порождения текста как такового⁹⁸. Вертикальное порождение используется для создания уже заданных, специфических текстов. Несмотря на фундаментальность горизонтального порождения, его семантические сущности и порождающий механизм имплицитны, не даны в непосредственном наблюдении, «и потому не удивительно, что эти правила научились обнаруживать так недавно»⁹⁹.

В круге вопросов, связанных с некоторыми проблемами функционирования звучащего текста, не все связано с актуальным членением и членением вообще, хотя и относится к интонационному уровню. Так, известно, что связность является характерной чертой текста. Структура текста, с точки зрения его связности изучалась в различных аспектах. Так, при этом исследовались: 1) местоименные средства сохранения текстового единства, 2) типы повторения в тексте одних и тех же лексем, 3) варьирование порядка слов и актуального членения с точки зрения текстовой нагрузки, 4) анафорические средства, 5) соположение высказываний, не имеющих в своем составе никаких средств спайки. Последний случай, проанализированный в статье В. Коха¹⁰⁰, говорит о зыбкости формальной границы между текстом и нетекстом: так, из соположения четырех предложений *Бесцветные зеленые идеи яростно спят; Практические розовые идеи спят спокойно; Логик озабочен идеей круговорота; Техник уверен в своем преуспевании* возникает связь между ними и становится возможным предложение-вывод *Техникисты спят более спокойно, чем логики*.

⁹⁷ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 120—122.

⁹⁸ R. Harweg. Text grammar and literary texts: remarks on a grammatical science of literature. «Poetics», 1973, № 9.

⁹⁹ Там же, стр. 70.

¹⁰⁰ W. Koch. Preliminary sketch of a semantic type of discourse analysis. «Linguistics», 1965, 12.

Одной из попыток понять внутреннюю структуру связного текста является анализ его восприятия, его интерпретации читателем. Наиболее несомненным показателем этой вносимой интерпретации являются паузы, удельный вес которых в общем времени чтения весьма значителен¹⁰¹. Паузы чтения в основном несут две функции: 1) членения и 2) передачи смысла. В связи с этим представлялось интересным проследить, как распределяются паузы при чтении одного и того же связного текста разными дикторами¹⁰² (нами была проделана экспериментальная работа по анализу этих фактов). Оказалось, что во всяком тексте есть разные по степени восприятия смысловые точки — в одних смысл выражен однозначно (обнаруживается максимальное число совпадений), в других такой определенности нет (частичное совпадение), в третьих — допускается индивидуальная трактовка. Очевидно, что такая расстановка обязательности есть всюду, где есть употребление, т. е. переход от системы языка к высказыванию. Во всех случаях употребления, будь то артикль, выбор порядка слов, выбор интонационной модели, акцентологическая трактовка инновации и т. п., есть зоны действия жесткого правила и зоны индивидуальной трактовки, которые мы предлагаем назвать зонами свободного выбора. Эти зоны свободного выбора, очевидно, нужно иметь в виду, составляя правила употребления той или иной языковой формы.

Вероятно, что зон свободного выбора не может в тексте быть слишком много — в этом случае отсутствие должной степени смыслового тождества нарушило бы коммуникативную цепь: автор — читатель — слушающий. Таким образом, по степени смысловой обязательности прочтения текст неоднороден. Представлялось бы интересным проверить наши данные, сопоставляя их с паузальными данными, полученными при фиксировании чтения нехудожественного текста. Наша гипотеза при этом следующая: в нехудожественном тексте зон свободного выбора должно быть меньше и число совпадающих смысловых пауз должно, напротив, оказаться большим.

Итак, на протяжении данной главы предлагалось следующее понимание лингвистического статуса фразовой интонации, анализирувавшейся в соответствии со сформулированными ранее иерархическими вопросами-признаками:

- 1) фразовая интонация есть факт, подлежащий лингвистическому изучению;
- 2) эта совокупность явлений упорядочена;

¹⁰¹ F. Goldman-Eisler. Sequential temporal patterns and cognitive processes in speech. «Language and speech», 1967, 10, стр. 3.

¹⁰² См. об этом более подробно: Т. М. Николаева. Смысловое членение эксперимента текста и его индивидуальные варианты: «Semiotyka i struktura tekstu». Ossolineum, 1973.

3) она обладает своими собственными содержательными единицами;

4) фразовая интонация не входит в другие уровни языка, в частности фонологию и синтаксис;

5) фразовая интонация не входит в систему языка в качестве одного из ее уровней, а, будучи автономным уровнем по своей структуре, является одним из трех типов средств, создающих высказывание. Эти средства осуществляют коммуникативные установки — категории грамматики текста.

Таким образом, автор данной работы придерживается концепции 6 (см. начало данной главы).

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ
ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УРОВНИ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ
ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ

1. Типологическое направление в языкознании в том виде, в каком оно существует в настоящее время, может, как представляется, быть сведено к трем кругам поисков, не исключающих, а, напротив, дополняющих друг друга. Это — поиски универсалий, поиски типа и поиски индивидуально-специфических особенностей.

Более десяти лет назад, при работе над теоретической программой типологического исследования славянских языков, было отмечено, что тщательно выполненные и единообразные описания отдельных языковых систем явятся надежной базой для общетипологических результатов¹. Однако установки типологические и установки на описание отдельного языка переплетены между собой изначально таким образом, что начать то или иное исследование, соблюдая все требования верности теоретическим посылкам, оказывается практически невозможным.

Под универсалиями тоже понимаются теперь вещи далеко не однородные.

Универсалиями в современном понимании считаются как элементы соотношения плана содержания и плана выражения, так и узкие, не поддающиеся содержательной интерпретации закономерности плана выражения². Для направления поиска универсалий оказывается ценным, что «языки как бы созданы по единому образцу»³.

Поиски типа языковой структуры обращены в сторону большей индивидуализации — «единый» образец распадается на некоторое число моделей, через которые описываются отдельные языки, причем в принципе допустимо, чтобы один и тот же язык входил,

¹ См.: М. И. Бурлакова и др. Структурная типология и славянское языкознание. «Структурно-типологические исследования». М., 1962.

² Перечень типов языковых универсалий см.: Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс. Меморандум о языковых универсалиях. «Новое в лингвистике», вып. V. М., 1970; см. также: Б. А. Успенский. Структурная типология языков. М., 1965, стр. 182—222.

³ «Новое в лингвистике», вып. V, стр. 31.

по разным основаниям, в различные типы⁴. Строго говоря, тип — это не только не конкретный язык, рассмотренный в качестве эталона, но и не класс языков, а некоторое идеальное и вовсе необязательно представленное во всех своих проявлениях соотношение определенных лингвистических свойств, взятых в их совокупности⁵.

Третье направление поиска — поиски индивидуально-специфических особенностей — как будто бы было всегда целью лингвистического описания. Однако речь идет о том индивидуальном описании, при котором всегда присутствует — явно или в сознании исследователя — установка на такое представление языка, когда в центре внимания оказывается не полное, монографическое описание, а выявление именно специфики данного языка (обычно эта специфика понимается как отличие от некоторого общего «ядра», характеризующего группу родственных языков или языковую совокупность).

Объект нашего исследования — замкнутая и перечислимая группа славянских языков. На этом материале естественным образом получают все три группы данных — универсалии, типы (пусть нигде не представленные в чистом виде) и, наконец, индивидуальные особенности каждого языка. Для этого каждый язык должен быть сопоставлен с набором данных — вопросов, которые оказываются типологически значимыми.

Конкретное изучение фразовой интонации близкородственных языков привело нас к выводу, что сопоставление интонологических данных не может (в той степени, в какой речь идет о системе интонации) производиться по одному какому-нибудь критерию, как, например, различаются консонантные и вокалические языки, но должно быть ответом на перечень вопросов, причем последовательность элементов перечня иерархически упорядочена. Таким образом, этот перечень есть иерархия уровней типологического анализа при сопоставлении фразовой интонации⁶.

Как показывают конкретные результаты, движение с более высокого уровня на более низкий удовлетворяет тем изменяющимся требованиям, которые возникают при переходе от более далеких генетически членов одной языковой семьи к близкородственным языкам.

1. Первым типологическим уровнем можно считать языковое различие по месту интонации в различении функциональных типов

⁴ О принципиальной типологической гетерогенности одного языка см.: *B. A. Uspensky. Subsystems in language, their interrelations and their correlated universals.* «Linguistics», 1972, № 88.

⁵ В этом понимании типа языка мы солидаризируемся с позицией П. Сгалла (*P. Sgall. Type of language. Travaux linguistiques de Prague*, 4. Prague, 1971).

⁶ В самом начальном и общем виде эти проблемы были поставлены в статье: *Т. М. Николаева. Типологическое изучение фразовой интонации славянских языков (перспективы исследования).* «Исследования по славянскому языкознанию». М., 1971.

предложения⁷. Это различие, безусловно, связано со строевой структурой предложения в данном языке. Так, например, русский язык допускает, по-видимому, максимальное различие и поэтому функциональная нагрузка интонации в нем очень велика. Например, предложение *Он был здесь* допускает как повествовательное, так восклицательное и вопросительное прочтение (причем с разными вопросительными центрами — *Он был здесь?* — *Он был здесь?* — *Он был здесь?*). Употребление в других языках частиц при неместоименном вопросе (*czy* — польское, *чи* — украинское, *чи* — белорусское, *дали* — болгарское и др.) снижает различительные возможности интонации. Это направление — сопоставление функции интонации в языке — в первую очередь занимается структурированием лексико-грамматического состава предложения, рассматриваемого с совершенно новой для синтаксиса точки зрения, а именно: классификации состава предложения по тем различительным возможностям, которые он представляет интонации (см. пример Е. А. Брызгуновой — *Вы были на Волге* и ограничивающее *когда-нибудь: Вы были когда-нибудь на Волге?*).

2. Второй уровень, в нашем понимании, — это сопоставление интонационных систем, рассматриваемых на содержательном уровне. Выше говорилось о том, что интонымы есть знаки, передающие определенные единицы смысла. Именно эта совокупность смысловых единиц и есть система содержательных категорий интонационного уровня, аналогичная, например, категориям падежа, числа, уменьшительности, вида — на морфемном уровне. Выявление содержательных категорий в их неразрывной связи с выражающими их формальными единицами и есть, на наш взгляд, основная и конечная задача описания интонационной системы каждого языка. Однако реально эта система пока не описана ни для одного языка. Кроме того, весьма возможно, что полученные системы содержательных категорий оказались бы крайне близкими для языков разных групп — в той степени, в какой большинству языков присуща, например, категория глагольного времени, организованная определенным образом⁸.

К сфере различения системных смысловых отношений относятся два важных вопроса славянской фразовой интонации: 1) различие интонации незавершенности (в неконечной синтагме) и интонации чисто вопросительной, т. е. различие полукаденции и антикаденции, 2) совпадение движения тона в вопроситель-

⁷ Первыми в этой области являются работы Е. А. Брызгуновой, а также работы, выполненные под ее руководством. См., в частности: Е. А. Брызгунова. Интонация и смысл предложения. «Русский язык за рубежом», 1967, № 3; Она же. О смысловых различительных возможностях русской интонации. — ВЯ, 1971, № 4.

⁸ Сообщая конкретные сведения, мы сознательно придерживаемся данных славянских языков. Другие языки будут привлекаться только в иллюстративных целях, иначе пестрота приводимых языковых данных затемняла бы картину типологического исследования, намеченную именно для родственных языков.

ном предложении с вопросительным словом с движением тона в повествовательном предложении или в вопросительном предложении без вопросительного слова.

Противопоставление антикаденции и полукаденции представлено в славянских языках по-разному. В противоположность немецкому языку с очень четким различием этих двух интонационных фигур⁹, о каждом славянском языке можно говорить в этом плане с определенными оговорками.

3. Различение систем интонации и различение степени ее функциональной нагрузки относятся к содержательной стороне сопоставления интонационных уровней. Для сопоставления существенны также и формальные средства. Не случайно Ф. Данеш подчеркивал (и в этом мы полностью с ним солидаризуемся), что при исследовании интонации одного языка центр внимания интополога обычно направлен на функциональные отличия, при типологическом же исследовании прежде всего существенно сопоставление формальных средств¹⁰. Именно эти формальные средства, описанные на «фонетическом» уровне, явятся базой для генетических и ареальных сопоставлений, это фонетический «инвентарь» интонационных средств¹¹.

Хотя интонация понимается как комплексное явление, методический подход к трем параметрам, формирующим языковую специфику просодии, в принципе, очевидно, различен. Так, при описании мелодических характеристик различаются количественный и качественный методы. Количественный метод предполагает сопоставление диапазона возможных частотных модуляций для данного языка в его обычной речи. В частности, наиболее широкий диапазон отмечается для русского языка, резко отличающегося по этому свойству от других славянских языков. При изучении же акцентных характеристик существенную роль приобретает именно количественный фактор¹².

Качественный подход к мелодике предполагает формальное сопоставление смысловозначительных мелодических фигур — каденций (т. е. конклюдивной каденции, антикаденции и полукаденции). В состав такой мелодической фигуры обычно вводят три компонента — высотное положение ударного слога, высотное

⁹ См. об этом: *Н. Д. Светозарова*. Реализация основных мелодических типов в словах различной ритмической структуры. «Иностр. яз. в школе», 1970, № 3.

¹⁰ «IV Международный съезд славистов. Сборник ответов на вопросы по языкознанию». М., 1958, стр. 148.

¹¹ См. об этом: *Н.-W. Wodarz*. Über vergleichende satzmelodische Untersuchungen. «Phonetica», 1960, v. 5, № 2.

¹² Сложность организации акцентных данных в виде рядов дискретных единиц отмечал П. С. Кузнецов, подчеркивая различие в музыкальной нотации для мелодики и интенсивности; расчлененные указания в виде гаммы при мелодических характеристиках и неопределенные типа *forte*, *piano* — при указаниях силы звука (*П. С. Кузнецов*. К вопросу об ударении и тоне в фонологическом и фонетическом отношении. «Теоретические проблемы прикладной лингвистики». М., 1966, стр. 105).

положение предударных слогов, высотное положение заударных слогов. По реальному числу слогов эта трехэлементная модель может быть как угодно велика: это зависит от величины заударной части, где часто тип мелодической фигуры находит свое разрешение в абсолютно конечном слоговом слоге заударной части. Для определения некоторых специфических мелодических характеристик речи бывает важна и значительная часть предударных слогов. При отсутствии заударной или предударной частей некоторые мелодические фигуры могут совпасть, так как создаются условия для их нейтрализации. Список всех мелодических фигур указанного типа явится перечнем-инвентарем славянских фразовых каденций. Многие типы каденций, как показывают конкретные описания, по всем славянским языкам совпадают, а именно — большинство зафиксированных каденций есть в каждом славянском языке.

Однако степень существенности тех или иных признаков для формирования типа каденции тоже произвольна и часто определяется эмпирическими данными. (Необходимо помнить, что при всей объективности анализа данных набор типологических признаков всегда в известной степени произволен и определяется исследователем¹³).

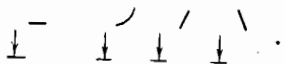
Обратимся, например, к тому виду восходящей мелодики, когда заударный слог располагается выше ударного (т. е. — ↓ —

или — ↓ —). Уже на этом уровне более абстрактной констата-

ции наличие такого типа является типологически характеризующим: например, он не характерен для русского и белорусского языков; в словацком языке заударный слог расположен на одном уровне с ударным и т. д.

Однако если ввести дополнительное понятие типа движения тона в этом высоко заударном слого, то мы получим четыре типа каденции, каждый из которых отличает отдельный славянский язык (т. е. в этом случае мы имеем дело с явлением «языкового алломорфизма»)¹⁴.

А именно, этот тип восходящей мелодики предстает в виде следующих аллофигур:

Как известно из соответствующих описаний, первый тип характеризует чешский язык¹⁵, второй — польский¹⁶, третий — словенский язык¹⁷, четвертый — ляхские говоры¹⁸. Это различие

¹³ См. об этом: М. И. Бурлакова и др. Указ. соч., стр. 5.

¹⁴ Б. А. Успенский. Указ. соч., стр. 17.

¹⁵ Fr. Daneš. *Intonace a věta ve spisovne češtině*. Praga, 1957, стр. 48—49.

¹⁶ V. Jassem. *Akcent języka polskiego*. Wrocław — Warszawa — Kraków. 1962, стр. 56—60.

¹⁷ См. соответствующий раздел (стр. 182).

¹⁸ H.-W. Wodarz. *Satzphonetik des Westlächischen*. Köln, 1963, стр. 181.

четко осознается — так резкое повышение в заударном слоге воспринимается как полонизм в чешском и словацком языках ¹⁹. Отвлекаясь от славянского материала, можем напомнить, что именно это различие в типе движения заударного слога при восходящей мелодике разделяет интонационные системы столь близких языковых структур, как американский и британский английский ²⁰.

Таким образом, на фонетическом уровне каждый каденционный тип представлен рядом подтипов (выше мы говорили о виде движения в заударном слоге, но это же можно сказать об ударных и предупредных слогах).

После составления такого максимального набора форм мы предлагаем на этом уровне сопоставления (третьем по счету и первом — по анализу формальных средств) выявить типы форм, присущие только одному языку и отсутствующие в других, т. е. определить формы, представляющие языковые раритеты, не переводимые друг в друга даже с учетом алломорфизма. Так, например, многие формы французской интонации, приводимые П. Делатром ²¹, вполне — с определенной перекодировкой — соответствуют русским, но формы *écho* в русской системе нет. Р. Лид считает несуществующей в английском языке характерную русскую фигуру восходящей мелодики с падающей заударной частью ²² и т. д. Итак, на этом уровне речь идет не о несовпадении функций, не о несовпадении фигур в их распределении по смысловым оппозициям, а о простой языковой исключительности формы одного языка, неизвестной другим языкам.

Как и можно предположить, таких форм в славянском инвентаре немного. Например, к ним принадлежит тип конклюдивной

каденции с подъемом на ударном слоге — —, он не существует в русском языке ²³. Далее, только для украинского, сербского и македонского языков нами была отмечена особая форма восходящей мелодики с восходяще-нисходящими заударными (в сербском языке она реализуется после долгого нисходящего акцента, форма

, см. соответствующие разделы).

¹⁹ См.: *VI. Uhlár*. O vetnej melódii v slovenčine, «Slovenská reč», 1958, t. 6, г. XXIII, стр. 335.

²⁰ Д. А. Шабагова. Интонация общего вопроса в американском варианте английского произношения в сопоставлении с британским вариантом. «Уч. зап. МГПИИЯ», 1970, т. 57.

²¹ См.: *P. Delattre*. La nuance de sens par l'intonation. «French review», 1967, v. XVI, № 3.

²² *R. L. Leed*. A contrastive analysis of Russian and English intonation contours. «The Slavic and East European Journal», 1965, v. IX, № 1.

²³ Именно этот тип Я. Скорек (указ. соч.) считает характерным для польского акцента.

Особое место занимают диалектные разновидности, например, «пльзенское пение»²⁴, вршовицкая мелодия²⁵ и т. д. Для русского языка, в частности, известны факты певучего подъема на последнем слоге конклюдивной каденции в северных говорах. Для их исследования нами был прослушан материал, собранный в Лаборатории экспериментальной фонетики ИРЯ АН СССР²⁶. Материал не интонаграфировался; однако слуховой анализ показал следующие особенности этого произносительного типа: 1) конечное повышение встречается далеко не всегда даже в речи одного диктора, а возникает в потоке высказываний внезапно после целого ряда «обычных» терминальных исходов и, вероятно, выполняет какую-то сложную текстово-терминальную нагрузку; 2) конечное повышение представлено на последнем, не обязательно ударном слоге, так что ударный слог (если он неконечный) в этих случаях осуществляет понижение тона; 3) если же ударный слог — конечный, то, как казалось на слух, на нем происходит нисходяще-восходящий перелом тона.

Итак, при выявлении интонационных раритетов необходим иерархический подход к материалу²⁷. Даже без детального разбора типа движения тона в восходящем заударном (см. выше) можно сразу сказать, что славянские языки условно делятся на две группы: 1) языки, где существенно движение заударного (польский, словенский, чешский) и 2) языки, где существенно движение ударного (русский, болгарский, македонский, белорусский, сербский)²⁸. Остальные славянские языки — промежуточные. Конечновосходящие языки — западные. Параллелей с языками южнославянскими на этом уровне нет. Исходя из этого можно высказать гипотезу об относительно позднем становлении интонационных стереотипов. Косвенные данные об изменении порядка слов в русском языке и русской разговорной речи говорят о том, что этот процесс стабилизации еще не прекратился²⁹.

Итак, на описанном уровне типологического сопоставления фразовой интонации основной задачей является определение типов

²⁴ P. Jančák. Zapadočeský intonační typ. «Slavica pragensia», 1966, 8.

²⁵ J. Skoumal. K melodii koncového useku věty v češtině a v ruštině. «Ceskoslovenská rusistika», 1970, № 2.

²⁶ Были прослушаны записи, сделанные в Архангельской и Вологодской обл. (всего шесть дикторов). Отмечались конечные повышения типа *Это хорошо; ... развезят к ушати; Не могу прогнать никак; В лесу эти баракы* и т. п.

²⁷ На таком сопоставлении настаивает также М. Ромпортл в своих статьях о типологии интонационных систем (*M. Romportl. Zum Problem der Frage-melodie. «Lingua», 1965, v. V; Он же. Zum vergleichenden Studium der Satzphonetik. «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», 1957, Bd 10, N. 4).*

²⁸ Сказанное выше не отменяет существенность каденций как некоторой фигуры-рисунка. Указанный признак (важен заударный или важен ударный) является более общим, каденция же включает в себя все три элемента — предударный, ударный и заударный.

²⁹ Г. А. Баринава. Некоторые особенности интонации разговорной речи (РР). «Русская разговорная речь». М., 1973.

интонационных фигур, не входящих в основное ядро инвентаря славянских просодических конструкций.

4. На следующем этапе сопоставления (при совпадении различаемых содержательных единиц и при общем совпадении формального инвентаря) целесообразно сравнивать языковые интонационные системы по тому, какие именно фигуры соответствуют каким именно единицам плана содержания³⁰. Так, например, тип каденции, употребляемый в русском языке в основном при вопросе с А (низкий ударный, высокий заударный), в чешском языке является обычной нормативной формой неместоименного вопроса; другой пример — форма вопроса с вопросительным словом с повышенным концом в русском языке допустима лишь для переспроса, а в польском языке — это нормативный вариант вопроса с вопросительным словом. Более того, подъем в абсолютном конце повествовательного предложения, в славянских языках с немзыкальным словесным ударением обычно воспринимаемый как показатель незаконченной коммуникативной связи, в сербском и словенском языках (см. соответствующие разделы) есть показатель типа словесного акцента в слоге — носителе фразового ударения, и такая конклюдивная каденция в этих языках не несет никакой дополнительной коммуникативной нагрузки.

5. При совпадении и набора форм, и их соответствия смысловым категориям может возникнуть еще одна проблема типологического описания — вопрос о разном соотношении нормы и ненормы в разных языках. А именно — в рамках общего упорядоченного множества форм-смыслов могут различаться дополнительные системы: литературный vs разговорный язык, и эти подсистемы могут по-разному распределять в разных языках свои единицы, совпадающие в целом³¹. Это различие относится к следующему уровню описания.

Наиболее показательным в этом отношении для славянских языков является тип восходящей мелодики с высоким поднимающимся ударным слогом и падающими заударными (в терминологии Е. А. Брызгуновой — ИК-3). Выше уже говорилось, что в русском языке этот тип очень яркий, с резким подъемом тона на ударном и с непривычным для европейского уха конечным понижением; он труден для иностранцев, в том числе и носителей славянских

³⁰ Аналогичную картину являет собой система славянской морфологии, когда одному и тому же набору содержательных категорий, например имени существительного, может соответствовать в целом (с элементарным фонетическим пересчетом) один и тот же инвентарь флексий в разных языках, но распределяться эти флексии могут по-разному. Из этого еще раз видно, что принципы типологического описания разных уровней родственных типологических языковых систем должны совпадать: специфика определяется лишь конкретностью языкового материала.

³¹ Мы сознательно говорим о мелодическом компоненте, поскольку именно он может быть наиболее простым образом описан в рамках не количественных отношений, но качественных моделей. — каденций и интонационных фигур. Однако в общей форме все сказанное относится и к другим интонационным параметрам — временным и акцентным характеристикам.

языков (системную характеристику этого типа см. стр. 84). Еще С. Боянус писал о том, что этот тип воспринимается иностранцами как утверждение³². В русском языке этот тип нормативен; только такой тип принят в белорусском языке, вполне допустим он в литературной украинской и сербской речи. В целом же — этот тип известен всем славянским языкам, но нормативные поправки при этом различны. Обратимся к чешскому языку. Фр. Данеш называет этот тип нисходящей полукаденцией (для русской традиции, ориентирующейся на ударный слог, это, конечно, восходящая мелодика), причем полукаденцией признаковой, т. е. маркированной, необычной³³. М. Ромпортл считает этот тип разговорным³⁴. При этом по говорам оказывается, что разное проявление этого типа мелодики встречается и в соседящих между собой селениях³⁵. Именно как разговорный описывает его Х. Кржижкова³⁶.

Для словацкого языка В. Ухлар также считает этот тип разговорным, употребляющимся преимущественно в тех случаях, когда заударные слоги кратки³⁷. В польском языке этот тип описан В. Яссемом, но не встречается в перечнях польских мелодических фигур, приводимых другими авторами. При этом в речи советских поляков, записанных нами в г. Вильнюсе, считающих польский язык родным и основным, этот тип мелодики уже значительно больше распространен, чем «классический» польский вариант с резким движением на заударном слоге. В словенском языке этот тип нормативен, но допустим лишь при определенном типе ударного гласного — с долгим нисходящим акцентом.

Говоря о других типах фразовой мелодии, можно заметить, что тип конклюдивной каденции с подъемом тона перед ударным, нормативный для русского языка, согласно сообщению Фр. Данеша, в чешском языке является «фамильярным вариантом»³⁸.

М. Грепл описывает как «народный» тип антикаденции с резким подъемом на конечном слоге, который является вполне нормативным в польском языке³⁹.

Таким образом, следующий уровень типологического сравнения интонаций — различие языков по оппозиции норма — ненорма, точнее «литературно — нелитературно» в применении к алломорфному набору интонационных фигур.

³² S. Boyanus. The main types of Russian intonation. «Proceedings of the second international congress of phonetic sciences». Cambridge. 1936.

³³ Fr. Daneš. Intonace a věta ve spisovné češtině.

³⁴ M. Romportl. Melodie (tonový průběh) otázky zjišťovací v hovorové střední češtině. «Listy filologické», 1951, r. 75, № 5—6.

³⁵ M. Romportl. Přízvuk, kvantita a melodie v nářečí na Jablunkovsku. «Slezký sborník (Acta silesiaca)». Jg. 52, Beilage der № 1/2. Opava, 1954.

³⁶ H. Křížková. Kontextové členění a typy tázacích vět v současných slovanských jazucích. «Slavia», 1972, r. XLI, стр. 3.

³⁷ Vl. Uhlár. Melodia opytovacích viet.

³⁸ «IV Международный съезд славистов. Сборник ответов на вопросы по языкознанию», 150.

³⁹ M. Grepl. Emocionálne motivované aktualizace v syntaktické struktuře výpovědi. Brno, 1967, стр. 85.

6. Однако возможна и такая ситуация, когда в сопоставляемых языках для одной и той же единицы плана содержания представлен один и тот же набор синонимических формальных единиц, причем этот набор для каждой смысловой категории по языкам совпадает и все синонимы при этом нормативны. Тогда следующим уровнем сопоставления будет уровень употребления, а именно — определение того, какой из нормативных вариантов в том или ином языке более употребителен.

Так, в русском языке из двух типов восходящей мелодики — употребительнее вариант с пониженными заударными (если не касаться вопроса о стилях произношения). В украинском же языке оба типа равноправны.

Не выходя за пределы лингвистических отношений, выраженных интонационными средствами, мы можем считать этот уровень — уровень употребления — последним уровнем сопоставления интонационных систем.

7. Однако описывать и сопоставлять интонационные системы невозможно, игнорируя эмоциональную сферу, которая выражается просодическими средствами двойственным образом. Во-первых, часть эмоций передается таким способом, что их трактовка универсальна для носителей любого языка, чаще всего это тембральные средства, определенные типы модуляций и т. д.⁴⁰ Горе, радость, человеческая симпатия не требуют знания языка, они неконвенциональны. Во-вторых, существуют эмоции, которые могут быть правильно поняты носителями одного языка и превратно истолкованы носителями другого языка. Сейчас мы не касаемся вопроса о том, как и почему эмоции разделяются на эти две группы; представляется, что конвенциональная сторона выражения эмоций гораздо шире — она охватывает и другие языковые сферы: сегментную фонетику, словообразование, порядок слов в предложении и словосочетании и т. д.

Для описания интонационных систем разных языков существенным является и тот факт, что эмоциональные варианты одного языка, воспроизведенные в другом языке, оказываются нейтральными. Поэтому для выявления систем «смыслы — формы» в разных языках необходимо уточнить их экспрессивную однородность (особенно это существенно для тех описаний, которые ориентированы на преподавание интонации). Эмоциональные варианты, так же как и нелитературные или диалектные, могут быть ценным материалом для сравнительно-исторического изучения фразовой интонации, для выявления генезиса ее форм, поскольку иногда только в этих формах может фиксироваться та или иная интонационная фигура, уже (или еще!) не употребляющаяся в нейтральной системе.

⁴⁰ См. об этом: Т. М. Николаева, Б. А. Успенский. Языкознание и паралингвистика. «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии». М., 1966.

Говоря об эмоциональных вариантах, мы имеем в виду не эмоциональную деформацию фразы, появляющуюся, в частности, под влиянием эмфазы или усиленного ударения⁴¹, — речь идет только о типах мелодических фигур, которые, в зависимости от языка, могут быть эмоциональными или нейтральными.

Обоснование причин расхождения одного и того же формального типа по эмоциональному и нейтральному вариантам в разных языках было сформулировано Р. Якобсоном, связавшим эмоциональные (или, в его терминологии, внеграмматические) элементы с общим синхронным состоянием системы данного языка, но не с какой-либо природной экспрессивностью⁴². Экспрессивные элементы используют те формальные возможности, которые не реализуются системой грамматических элементов. Поэтому для эмфазы русский язык использует фонологически свободную долготу, а чешский язык — интенсивность⁴³. Эта же закономерность вытекает из описания русского языка, предложенного Е. А. Брызгуновой. Так, стандартные ИК способны выражать эмоции, если они лексико-синтаксически избыточны. Например, типы полукаденций ИК-3, ИК-4, ИК-4а могут различаться, выполняя эмоционально-стилистическую нагрузку⁴⁴.

Строгое различие эмоциональных и нейтральных интонационных фигур проводилось на чешском и словацком материале⁴⁵, однако для нас существенны эмоциональные варианты одного языка, совпадающие с нейтральными вариантами другого языка.

Наиболее интересна в этом отношении мелодия «печали» (*smutku*), единообразно описываемая всеми чешскими исследователями⁴⁶ и состоящая в резком понижении на ударном пред ровном заударном. Это — обычный тип русской конклюдивной каденции, причем факт его неэмоциональности и нормативности

⁴¹ См. об этом для болгарского языка: *М. Георгиева*. Мелодика на просто то изявительно разширено изречение в българската литературна реч. «Изв. на института за българския език», кн. XIX. София, 1970; см. также о эмоциональном выделении слова, когда оно преодолевает воздействие фразы: *М. Pavlovič*. Intonation des Satzes und Wortakzent. «Die Welt der Slawen», 1966, Jg. XI, Hf. 4.

⁴² *Р. Якобсон*. О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. «Сборники по теории поэтического языка», вып. V. Прага, 1923, стр. 39—40.

⁴³ Там же, стр. 46.

⁴⁴ *Е. А. Брызгунова*. Звуки и интонация русской речи. М., 1969, стр. 179—184.

⁴⁵ См.: *М. Crepl*. Указ. соч.; *St. Petřík*. Zur Satzintonation der mährisch-schlesischen Mundarten. «Slavia», 1939—40, г. XVII; *Он же*. O hudební stránce středoečeské věty. Praga, 1938; *J. Mihál*. Vplyv melodie na zmysel věty. «Slovenská reč», 1958, № 2; *H.-W. Wodarz*. Satzphonetik des Westlachschen. Köln, 1963; *M. Romportl*. Zvuková stránka souvislé řeči v nářečích na Těšinsku. «Publikace slezského ustavu ČAV». Ostrava, 1958; *Он же*. Přízvuk, kvantita a melodie v nářečí na Jablunkovsku.

⁴⁶ *St. Petřík*. O hudební stránce, стр. 51.

кажется аномальным даже для носителей английского языка, в котором движение тона на слогах более резкое, чем в чешском ⁴⁷.

Второй тип отмеченной эмоционально фигуры чешского языка с восходяще-нисходящей фигурой в повествовании ⁴⁸ —

регулярно отмечался нами в нейтральном произношении белорусского языка.

В ляхских говорах в вопросе с вопросительным словом в качестве нейтральной формы употребляется двуцентровый рисунок, отмечаемый как эмоциональный для литературного чешского языка ⁴⁹ и недопустимый (т. е. нелитературный) для русского языка.

Эмоциональная форма незавершенности в ляхских говорах есть нейтральная форма чешского языка. Та же форма незавершенности, которую М. Грепл считает эмоциональной для чешского языка (с ровным заударным) ⁵⁰, есть нормативная форма полукаденции для словацкого языка ⁵¹. По нашим наблюдениям, особенно сложно соотносятся эмоциональные и неэмоциональные формы в близких по родству языках или диалектах одного языка ⁵². А именно: неиспользованные в данном языке формы мелодических фигур, будучи использованы в близком языке, кажутся эмоционально окрашенными, в более далеком языке — кажутся просто чужими.

Ниже предлагаются типологические критерии просодических характеристик славянских языков по несмысловым, нефункциональным нагрузкам, т. е. речь идет не о системе, а о норме ⁵³. В первую очередь это относится к мелодике, функциональная сторона которой анализировалась выше. Остальные параметры — длительность и интенсивность — рассматриваются в двух отношениях — с точки зрения смысловой и несмысловой нагрузки; при этом существенно, что в отличие от мелодики хрономы и акцентемы допускают в силу специфики своего выражения лишь условное парадигматическое структурирование.

⁴⁷ R. Leed. A contrastive analysis of Russian and English intonation contours. «The Slavic and East European journal», 1965, IX, № 1.

⁴⁸ St. Petřík. O hudební stránce..., стр. 9.

⁴⁹ Именно как эмоциональный описывает его Х. Кржижкова (указ. соч.). Судя по всем данным об интонационной структуре ляхских говоров (С. Петриш, М. Ромпортл), она является как бы «негативом» литературной интонации чешского языка.

⁵⁰ M. Grepl. Указ. соч., стр. 76.

⁵¹ Vl. Uhlár. O vetnej melódii v slovenčine.

⁵² Так, разный тип антикаденции для близких территориально районов описывает М. Ромпортл («Zvuková stránka souvislé řeči v nářečích na Těšínsku»).

⁵³ В ряде работ предлагается ввести для обозначения этого различия термины «просодия», т. е. нефункциональная специфика, «интонация», т. е. смысловая нагрузка, и в соответствии с этим делить получаемую информацию.

Различительными несмысловыми признаками мелодики, существенными для славянских языков, можно считать следующие показатели:

1. Тип фразы, точнее, фигура «несущего тона» (пользуясь термином и данными О. Ф. Кривновой)⁵⁴, различаемый в пределах высказывания одного типа. Для повествовательного предложения О. Ф. Кривновой был проделан специальный эксперимент по выявлению типа несущего тона в пяти языках, в том числе и неславянских. В частности, по ее данным, русский и сербский языки попали в разные группы. Наиболее важным при таком различении является тип движения тона в начале фразы: восходяще-нисходящий или нисходящий. Так, в чешском языке, как это описано А. И. Багмут, в начале фразы действует закон «второго слога»: ударный расположен ниже заударного⁵⁵. Если чешский язык принадлежит к восходяще-нисходящему типу, то тогда эта его особенность не есть качество отдельного языка, но свойство типа (напоминаем, что в чешском языке ударение на первом слоге и потому восходящее начало может восприниматься как повышение на втором слоге).

2. Тип распределения мелодической структуры фразы: предполагается ли рисунок на ударных слогах или реализуется «вообще» на некоторой последовательности слогов, включая ударные и неударные. Соответственно с этим — в восприятии — существенно услышать информацию ударных (особенно — главноударных слогов) или необходимо прослушать отрезок речи до конца, предполагая, что значимая информация может содержаться в последнем слоге или даже в последнем звуке. К языкам с движением «по ударным» принадлежит прежде всего русский язык, в котором ударение приобретает, по выражению Р. О. Якобсона, «монархический характер»⁵⁶. К русскому языку примыкают белорусский, украинский, отчасти — сербский языки; к языкам с движением «по фигурам» — западнославянские языки, включая и словенский⁵⁷.

⁵⁴ Несущий тон — это изменение во времени средних значений F , которые соответствуют в мелодических кривых стационарным участкам с наиболее низкими значениями F_0 (О. Ф. Кривнова. Характеристика несущего тона при анализе и синтезе интонации. «Всесоюзная конференция „Анализ и синтез как взаимообусловленные методы экспериментально-фонетических исследований речи“». Минск, 1972, стр. 107).

⁵⁵ А. И. Багмут. К характеристике интонации повествовательных предложений в современных славянских языках. «Argumenta lectionum. Резюме докладов VI конгресса фонетических знаний». Прага, 1967.

⁵⁶ Р. Якобсон. Указ. соч.

⁵⁷ Именно об этом писал М. Ромпортл, сравнивая чешскую и русскую фразовую мелодику. Он противопоставлял «общее движение» чешского языка «движению по ударным» в русском языке (М. Romportl. *Stručná fonetika ruštiny*. Praha, 1962).

3. Языковое различие, состоящее в монотонности/немонотонности движения тона на слогах. При этом необходимо различать разные уровни этого противопоставления. Прежде всего — это монотонность/немонотонность движения тона на ударных слогах (разумеется, вводится только общая тенденция). В этом плане различаются, например, чешский и украинский язык (чешский — более монотонный). Второй уровень — монотонность/немонотонность движения на безударных слогах. На этом уровне украинский и чешский языки сближаются и противопоставляются, в частности, русскому и польскому языкам. При этом необходимо учитывать и возможность особой смысловой нагрузки этого признака: так, например, в русском языке при переспросе слоги более монотонны, чем при общем вопросе.

4. Это определение общего частотного диапазона интервала отклонения от среднего уровня в данном языке. В одних языках этот диапазон меньше, в других, даже в неэмоциональной речи, он очень велик.

Длительность

Как уже говорилось, временные просодические характеристики занимают значительное место в создании смысловой структуры фразы. Однако не все из них можно считать типологически дифференцирующими. Необходимо сделать несколько оговорок.

К той же группе данных, что и мелодический диапазон, принадлежат общие сведения о темпе говорения носителей данного языка, т. е. говорят ли они быстрее или медленнее, чем носители другого языка. Все временные характеристики распадаются на две группы — сегментные и паузальные. Величина пауз есть явление структурированное и соотносимое со смыслом высказывания; она входит в интонемные характеристики. Но все паузальные закономерности универсальны и не входят в просодическую совокупность данного языка.

В целом языковую специфику определяют следующие структурные закономерности временного распределения, которые могут характеризовать темпоральную систему данного языка:

1. Общая временная структура фразы (синтагмы). Под этим имеется в виду соотношение начальной, срединной и конечной частей (в нашей работе оно определяется благодаря модификации временной структуры одних и тех же слов, помещаемых в разные фразовые позиции). В общую временную структуру входят, в частности, такие характеристики, как продление абсолютно начального слога, «сжатие» ударных слогов середины, продление ударного слога конца, продление абсолютно конечного слога и т. п. При этом обнаруживается, что некоторые языки, например белорусский, слабо структурированы во времени, другие же — например русский, имеют четкую временную структуру. Продление абсолютно конечного слога как будто бы кажется универсальным явлением

для большинства языков⁵⁸, но конкретные славянские данные показывают разные результаты — в одних языках конечный ударный меньше ударного (белорусский язык), в других — равен ударному (польский язык), в третьих — больше ударного (украинский язык). В ряде языков обнаруживается как бы сосуществование двух норм: более молодое поколение растягивает конечный слог, старшее поколение — произносит его кратко⁵⁹.

2. Факт продления ударных слогов по сравнению с безударными; особенность почти универсальна, однако степень продления ударного слога по языкам различна⁶⁰.

3. Относительная величина фонологических неударных долгот: так, еще О. Брок отмечал, что долгие безударные гласные сербского языка менее длительны, чем долгие гласные чешского и словацкого языков⁶¹.

4. Существенны и специфические временные просодические явления, известные славянским языкам — «ритмический» закон в словацком языке, где невозможно сочетание двух долгих слогов, из которых один должен подлежать стяжению, что создает заданный временной рисунок речевого отрезка⁶².

5. Разное проявление временных характеристик при решении смысловых нагрузок — эмфазы. Так, в языках, где долгота несет фонологическую нагрузку, она меньше используется для передачи эмфазы. Напротив, в языках с нефонологической длительностью именно долгота является одним из ведущих средств создания эмфазы⁶³.

Интенсивность

Проблемы, возникающие при типологическом изучении интенсивности славянских языков, сходны с проблемами описания временных данных, а именно:

Существенна акцентная линия фразы и ее давление на акцентные линии входящих слов, а также — давление на ударный слог на разных участках фразы⁶⁴.

⁵⁸ См. об этом: Дж. Х. Гейтсби. Эластичные слова. «Исследования речи. Труды Хаскинской лаборатории». Новосибирск, 1967.

⁵⁹ Именно об этом пишут исследователи разных языков (*St. Petřtk.* O hudební stráně středoešské věty, стр. 7; *Vl. Uhlár.* O vetnej melodii v slovenčine...). Об аналогичных русских данных нам сообщила Е. И. Торсуева.

⁶⁰ См. об этом: *J. Chlumský.* Česká kvantita, melodie a přízvuk. «Rozpravy české Akademie věd», 1928, třída III, č. 65.

⁶¹ О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910, стр. 195.

⁶² *D. Dvonč.* Rytmičský zákon v spisovnej slovenčine. Bratislava, 1955.

⁶³ Несомненно, к временным средствам примыкает и такой важный и характеризующий язык фактор, как ритм. См.: *J. Ondračková.* Ritmičnata struktura na českija ezik. «Ezik a literatura», 1963, XVIII, № 3. *H. В. Черемисина.* Ритм и интонация русской художественной речи. АДД. М., 1971, и др.

⁶⁴ В. Матезиус считал, что акцентная линия фразы в чешском языке нисходящая, в английском — восходящая (*V. Mathesius.* K dynamické linii české věty. «Casopis pro moderní filologie», 1931, v. 17).

Существенно сопоставление силы выделения ударного слога динамическими средствами. Так, экспериментальными исследованиями установлено, что русское ударение интенсивнее чешского⁶⁵, украинский ударный слог сильнее польского⁶⁶, ляшское ударение сильнее чешского⁶⁷, а в целом — сила экспирации в славянских языках слабее экспирации в германских языках⁶⁸.

Последний общепросодический критерий относится к области словесной просодии, его можно сформулировать как вопрос о том, какие именно акустические характеристики наиболее важны для выявления ударного слога в исследуемом языке. Опыты по изменению акустических характеристик с последующей установкой на восприятие показывают, что русский слушатель более склонен воспринимать усиление длительности, а не интенсивности⁶⁹, в целом же — для русских важнее всего качественная характеристика ударных и безударных гласных⁷⁰; для поляков дли восприятия длительность важнее, чем для англичан, для которых важнее интенсивность⁷¹. Первая попытка построить типологию славянского ударения была предпринята Х.-В. Водарцем. Считая ударение в основе своей динамическим, он классифицировал славянские языки по числу элементов («сателлитов»), которые могут добавляться к основному носителю ударения. Так, из четырех компонентов (интенсивность, мелодика, длительность, качество) у польского ударения возможно три (без качества), у чешского два (без качества и длительности), у русского — все четыре⁷².

Итак, мы предлагаем следующий список типологических критериев сопоставления фразовых интонаций славянских языков:

1. Типология терминальных отрезков — каденций, с учетом всех уровней сопоставления, о которых говорилось выше.

2. Типология высказываний, для которых недостаточен анализ одних каденций — глобальных высказываний (вопросительное предложение с вопросительным словом, восклицательное предложение).

3. Типология мелодической линии фразы.

⁶⁵ М. Romportl. *Stručná fonetika ruštiny*.

⁶⁶ О. Брок. Указ. соч., стр. 241.

⁶⁷ М. Romportl. *Zvuková stránka souvislé řeči v nářečích na Těšinsku*. Opava, 1958.

⁶⁸ О. Брок. Указ. соч., стр. 209.

⁶⁹ Н. А. Федорова. Восприятие ударения в простой звуковой последовательности. «Анализ речевых сигналов человеком». Л., 1971.

⁷⁰ Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. П. Щербакова. Об определении места ударения в слове. «Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка», 1973, т. XXXII, вып. 2.

⁷¹ J. Morton, W. Jassem. Acoustic correlates of stress. «Language and speech», 1965, v. 8, № 3; W. Jassem, J. Morton, M. Steffen-Batog. The perception of stress in synthetic speech-like stimuli by Polish listeners. «Speech analysis and synthesis», v. I. Warsaw, 1968, № 3—4.

⁷² H.-W. Wodarz. Ist der polnische Akzent melodisch? «Phonetica», 1961, v. 6, № 3—4.

4. Типология акцентной линии фразы.
5. Типология временной структуры фразы.
6. Типология мелодической линии слова — для языков с музыкальным ударением.
7. Типология акцентной линии слова.
8. Типология временной структуры слова.
9. Типология тенденции к выделению ударного слога в слове.
10. Типология воздействия линии слова (схемы) на тенденцию к выделению ударного слога.
11. Типология воздействия фразовой просодии на словесную — на разных участках фразы и разными акустическими параметрами.

ТРУДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ

Подлинное изучение интонационных фактов не укладывается, однако, в рамки идеальных описаний, на базе которых и возможна истинная типология. Проблемы эти изначальны, это проблемы двойного плана — проблемы типологии как ветви науки и проблемы описания, т. е. описания одной какой-либо системы. В данном случае не предполагается, что интонационный уровень обладает какими-то специфическими трудностями, не разрешимыми для описания; напротив, знакомство с изучением других языковых слоев, вплоть до словообразования или морфологии, показывает, что эти трудности в целом едины. Однако интонационные факты (и с этим, очевидно, согласятся все исследователи конкретного материала) мучительно и трудно добываемы, сама первичная недискретность речевого потока обязывает внимательнее отнестись к конечной задаче описания. Кроме того, одна удивительная особенность фразовой интонации требует особенно пристального внимания к индивидуальной языковой специфике. А именно — дело в том парадоксе, согласно которому нет языкового слоя, столь близкого к универсальности в своих категориях, как интонация, и в то же время нет языковой формы, столь сложной для усвоения и столь специфичной, как та же фразовая интонация.

Какие же объективные трудности и вытекающие из них дефекты описания можно считать первоочередными, создающими заколдованный круг для исследователя, пытающегося быть методически безупречным? ⁷³

1. Отсутствие системы содержательных единиц, с которыми соотносятся интонационные формы.

⁷³ О трудностях такого описания для близкородственных языков как особой языковой совокупности см.: *Т. М. Николаева. Фразовая интонация восточнославянских языков. К проблеме типологии близкородственных языков. «Всесоюзная научная конференция „Анализ и синтез как взаимообусловленные методы экспериментально-фонетических исследований речи“.* Материалы конференции». Минск, 1973.

Уже говорилось, что интонационный уровень характеризуется своими собственными единицами плана содержания — интонами. Интонома определялась как пучок содержательных единиц — просодем, а значение интономы — как реализующееся на синтагматической оси. Как указывалось выше, интономы не имеют названия, хотя обозначения типа «интонация перечисления», «интонация противопоставления», «интонация пояснения» приближаются к сущности передаваемого смысла. Однако как исчислить эти содержательные единицы, как определить их конечный список при том состоянии интонационной теории, когда мы не знаем главного — универсален ли этот список или выявляется только для конкретного языка? По существу нет критериев: 1) как обнаружить новую смысловую единицу, передаваемую интонацией, 2) как доказать, что эта единица есть действительно лингвистическая единица, 3) как попытаться передать словами — или на метаязыке — значение этой единицы. Например, очень сложно определить значение, передаваемое первым членением в известных примерах типа *Недавно / приехавший доктор прочел нам лекцию* и *Недавно приехавший доктор / прочел нам лекцию*. В случаях такого типа обычно пользуются термином «актуальное членение», по существу ставшим в настоящее время абстрактным ярлыком для всех неясных дроблений текстового целого. В этом смысле «актуальное членение» как термин вернулось к своей внутренней форме, т. е. членение, которое осуществляется сейчас — и ничего более. Но существуют явно не укладывающиеся в рамки актуального членения случаи типа *Кабинет истории / Московского университета* и *Кабинет / истории Московского университета*.

Что же передает членение на синтагмы в этих примерах? Как будто бы — это просто членение. Тогда *Лес рубят — щепки летят* является не просто членением, а добавлением к нему некоторого смысла. Интонационная теория не может дать ответа на вопрос о смысловой идентификации такого рода членений.

Специалисты по интонации самых разных языков предлагают списки основных интонационных значений; наборы этих значений как будто сильно отличаются друг от друга, однако внимательный анализ показывает, что эти отличия есть отличия не языков, но теорий. Интонационные описания не достигнут требуемого единообразия до тех пор, пока исследователь каждого отдельного языка не сможет аргументированно ответить, почему он выделяет, например, десять основных интонационных единиц, а не девять и не одиннадцать (хотя бы в рамках предлагаемой системы выявления и описания этих содержательных единиц). В данном случае классический метод описательной лингвистики — считать содержательной единицей лишь ту, которая выражается посредством формальных оппозиций, — не всегда оказывается пригодным, так как сами формальные единицы интонационного уровня по-разному определяются в зависимости от смысловой «установки».

Специфика экспериментально-фонетического исследования состоит в том, что оно всегда имеет некий результат. Именно поэтому многочисленные работы, исходящие из чисто синтаксической семантики (типа «Интонация придаточного определительного», «Интонация придаточного дополнительного» и т. д.), всегда давали, особенно при усреднении большого числа примеров, исходно разнородных на «глубинном уровне», некие количественные факты. Однако только сопоставление с данными и примерами другого исследователя может привести к выводу: данное смысловое отношение имеет или не имеет специфическую интонационную фигуру в исследуемом языке. В приводимых ниже очерках фразовых интонаций отдельных славянских языков рассматриваются отдельные виды интонаций. При этом мы отдаем себе отчет в том, что наш список неполон, точнее, недоказан по своей замкнутости. Более того, ряд конструкций (прежде всего — конструкция с А) рассматриваются лишь потому, что отмечались другими исследователями (в данном случае — Е. А. Брызгуновой). Также нет веских аргументов по поводу того, включать ли в список повелительные конструкции, хотя для русского языка специфичность их интонации отмечалась еще С. Боянусом.

Сказанное относится к тем ситуациям, когда перед исследователем стоит задача — описать интонацию одного языка. При сопоставительном изучении данных родственных языков существенна другая опасность: опуская какую-либо смысловую оппозицию, пропустить в языке X некую формальную единицу, интонационную фигуру, которая широко представлена в языках Y и Z. Между тем выводы ареально-генетического плана во многом могут зависеть от наличия / отсутствия в языке X этой фигуры, которая может выражать периферийные смысловые оппозиции и потому не окажется обнаруженной исследователями. Обращаясь к конкретным примерам, мы можем назвать для русского языка

интонацию переспроса — — — — / , которая соотносится с аналогичной фигурой обычного общего вопроса в западнославянских языках. Безусловно, эта фигура переспроса была выведена нами эмпирическим путем и нет никакой гарантии, что в русском языке не упущены какие-либо лингвистически значимые интонационные противопоставления.

2. Отсутствие формальных критериев определения границ и признаков интонационных конструкций.

Разбирая возможные типы языковых типологических соответствий формальных интонационных единиц, мы пользовались выше понятием каденции (включая сюда полукаденцию и антикаденцию). Каденция в целом соответствует тому, что в английской традиции называется терминальным тоном или у нас — интонационной конструкцией.

Какова же протяженность этой фигуры, достаточная для того, чтобы полученные по разным языкам данные были типологически

сопоставимы? Пытаясь найти ответ на этот вопрос, мы снова вступаем в сферу заколдованного круга: сведения о том объеме каденции, который достаточен для сопоставления, мы можем получить, уже имея нужные данные. Так, например, всеми исследователями включается в интонационную конструкцию ударный слог, обычно включаются и заударные слоги (причем, их число ограничивается рамками последнего слова), но число включаемых предударных слогов варьируется. При этом в ряде случаев не различаются сведения, достаточные для описания формальных конструкций, различающих смысловые оппозиции в одном языке, и те знания, которые необходимы для выявления фигур, существующих в этом языке А — для сопоставления их внутри группы языков, куда входит А. В частности, для различения вопроса / повествования может оказаться в одном языке достаточно знания о типе движения тона в ударном слоге, но для описания каденции и антикаденции в данном языке нужны сведения, большие по объему. Так, в белорусском языке в повествовательном предложении представлена в каденции некая восходяще-нисходящая фигура, место которой в каденции нефиксированно . Она легко

выявляется в пределах ударного и заударного слогов, но для того, чтобы ее обнаружить в предударной позиции, необходим анализ по крайней мере двух предударных слогов — таким образом, те фиксации каденций, при которых рассматривается лишь первый предударный слог, могут оказаться неполноценными для нужд сопоставления. Другой пример — из украинского языка, в котором есть полукаденция с восходяще-нисходящими заударными

слогами . Только знание того, что данный вид полукаденции регулярно представлен в сербском языке (после восходящих акцентов) заставило нас выделить эту фигуру в особый вид полукаденции. Только сопоставление, уже проделанное «начерно», как бы сопоставление первичного поиска, заставляет вводить в качестве типологических такие критерии, как резкость / нерезкость движения тона в конечном заударном слоге, как понятие монотонности слогов, как наличие / отсутствие второго центра в вопросительном предложении с вопросительным словом и т. д. Даже, казалось бы, ясный вопрос о конце интонационной конструкции становится неопределенным при сдвиге интонационного центра, при его переносе в середину или начало отрезка.

Известно, что сопоставительный анализ требует единообразности отдельных описаний. Вместе с тем известно также пожелание ко всякому описанию, предполагающему системность, включать лишь релевантные, дифференцирующие признаки. При более внимательном подходе эти два критерия оказываются в сложных, почти противоречивых отношениях (кроме банальных и неинтересных случаев одно-однозначных систем), что затрудняет поиски формальных средств: исследователь должен как бы заранее решить,

какие признаки ему нужны — интер- или интрасистемные. В первом случае полученные данные будет трудно сопоставить, во втором — нужно заранее знать типологические факты, в том числе, и о исследуемом языке.

3. Отсутствие критериев тождественности сегментного языкового материала.

Сказанное выше с некоторыми коррективами можно отнести не только к типологическому исследованию интонационного уровня, но к любой совокупности языковых фактов. Однако у интонации есть своя специфика, заключающаяся в том, что она, хотя бы на первичном уровне исследования, должна изучаться на базе сегментного языкового материала. Выше (стр. 21) говорилось о маркированности / немаркированности языкового материала, сказывающейся на выборе интоном.

Также очевидна и бесспорна неоднородность материала, возникающая при замене пунктуационных знаков (типа *Я вышел, стало душно; Я вышел — стало душно; Я вышел: стало душно*). Более сложна, но также поддается классификации неоднородность сложных предложений, как бессоюзных, так и с союзами разного типа; в данном случае ясно, что не существует сложного предложения вообще, а под этим названием скрывается перечень принципиально разных смысловых корреляций его членов. Однако существует более сложная и коварная вещь: смысловая неоднородность простых предложений. В книге «Интонация сложного предложения в славянских языках» мы пытались показать, какое значение для выбора интонации при чтении имеет лексическое наполнение предложений⁷⁴. Например, *Уйти незаметно было нельзя, он вышел открыто* содержит в своем лексическом составе указание на иной смысл отношений между синтагмами, чем *Он в роскоши, я здесь или Мне говорили, отец ее уже умер*. В простом предложении мы имеем дело с еще более неясной картиной. Так, опыт ряда исследователей говорит о том, что восклицательное предложение есть по существу лишь конгломерат классов восклицательных предложений⁷⁵. Интонационные модели не совпадают с синтаксическими, а соотносятся с ними сложным образом. Поэтому всякий исследователь интонации, занимавшийся повествовательным предложением на примерах типа *Я купил книгу*, и исследователь, делавший работу на примерах типа *Это дом*, могут делать вывод строго лишь о своем типе повествовательного предложения, всякая экстраполяция выводов может оказаться слишком грубой. Таким образом, возможно, что внимательный подход к пересечению сегментного состава и интонационных моделей будет толчком для

⁷⁴ Т. М. Николаева. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969, стр. 119—124.

⁷⁵ Это видно на примере трех типов восклицательных предложений, возможных на базе фразы *Какой у нее голос!* (Е. А. Брызгунова. О смысловозначительных возможностях русской интонации).

создания новой ветви синтаксиса, который явится синтаксисом смысловых отношений сегментного состава, рассмотренного «с точки зрения» интонации. Именно такой новый синтаксис предлагается Е. А. Брызгуновой, показывающей потенциальное расслоение предложения с некоторым лексико-грамматическим составом на разное количество сопоставляемых с ним «смыслов».

4. Смешение универсальных и специфически языковых показателей.

Это смешение является самым распространенным недостатком и самым неизбежным в большинстве интонационных описаний. Оказывается, что найти специфику одного языка можно лишь в том случае, если известны данные остальных языков. Возьмем к чисто славянским данным и сопоставим их с некоторыми сведениями, полученными на базе изучения языков других групп и семей (в данной ситуации сознательно отбиралось небольшое число примеров, взятых из малоизученных языков; число языков и примеров можно легко умножить).

Пример 1. Все славянские языки, согласно данным других исследователей и нашим собственным данным, по типу движения тона в общем вопросе были расклассифицированы на языки, в которых восходящее движение осуществляется до конца и часто в абсолютно конечном слоге, и те языки, где это восходящее движение затрагивает в основном зону последнего ударного слога. Ср.: «Другой особенностью азербайджанского языка является своеобразная мелодика речи. В азербайджанских вопросительных предложениях, не имеющих в своем составе вопросительного слова, последние слоги выделяются восходящим музыкальным (т. е. мелодически. — Т. Н.) движением голоса, независимо от того, является ли последний слог ударяемым»⁷⁶. Итак, «своеобразная азербайджанская мелодика» напоминает польскую, словенскую, немецкую и даже — украинскую, как ее описывал О. Брок.

Пример 2. Говоря о вопросительном предложении с вопросительным словом, мы замечали, что в некоторых случаях мелодика его может быть как равной повествовательной, так и иметь подъем в конце, как в чистом вопросе. Именно это отмечается для якутского языка (фраза *Кто поймал?* — *Ким тутта?* может произноситься именно этими двумя способами)⁷⁷.

Пример 3. Общий вопрос и переспрос в славянских языках различались в основном по тому, что переспрос имеет резко выраженную конечно-восходящую структуру. Это же различие выявлено в казахском языке⁷⁸.

⁷⁶ «Языки народов СССР», II. Тюркские языки. М., 1966, стр. 70.

⁷⁷ И. Е. Алексеев. Мелодемы односоставных и двусоставных нераспространенных предложений якутского языка. «Языки и литература народов Сибири». Новосибирск, 1970, стр. 42.

⁷⁸ Н. Туркенаев. Об интонации коммуникативных видов простого вопроса. «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», 1968, Bd 21, Hft. 6.

Пример 4. Как будто бы славянской спецификой является особый вид общего вопроса с падающим концом, в особенности спецификой русского языка (см. наши ссылки на описанные трудности воспроизведения и восприятия этого типа иностранцами; см. также о разговорности этого типа в ряде языков). Точно такая модель общего вопроса (в нотации К. Пайка-1231) оказывается разговорной формой вопроса испанского языка в отличие от более литературной 1222) ⁷⁹.

Пример 5. Х.-В. Водарц отмечал функцию двух последних слогов — ударного и безударного — в ляхских говорах: они, соответственно, носители эмоций и синтаксических реляций. Так же, по данным А. К. Оглоблина, распределяются функции двух последних слогов в индонезийском языке ⁸⁰.

Итак, судя по этим примерам, реальна опасность увидеть специфику там, где ее нет. Именно это рождает интонационные исследования, на которые тратится большое число сил и времени и которые, однако, содержат известные факты и не содержат ничего подлинно специфического. Например, сообщается, что особенностью тагальского ударения является «повышенная частота, большая амплитуда и большая длительность» ⁸¹, что спецификой повествовательного движения в хауса является «восходяще-нисходящее движение тона» ⁸² и т. д. Выше уже говорилось о «своеобразной» мелодике азербайджанского языка; далее, тот факт, что начало фразы более интенсивно и это повышенное начало представлено во всех видах повествовательного предложения, оказывается, «является признаком фразовой интонации узбекского языка» ⁸³. (См. ниже эти данные для всех славянских языков.) Или — заранее очевидно, что предложения декларативного характера (объявления) будут произноситься более громко и более медленно, чем обычное повествовательное предложение. Однако на молдавском материале была проделана большая экспериментальная работа, чтобы получить эти данные как специфически молдавские ⁸⁴. Представляется, что трудности — в самом материале. Как это ни парадоксально, возможно, что чисто типологическое описание с уже известной конкретной целью сопоставления

⁷⁹ J. D. Bowen. A comparison of the intonation patterns of English and Spanish. «Hispania», 1956, v. XXXIX, № 1.

⁸⁰ А. К. Оглоблин. Слово и интонация в индонезийском языке. «Филология и история стран зарубежной Азии и Африки (тезисы конференции)». Л., 1967.

⁸¹ A. Gonzalez. Acoustic correlates of accent, rhythm and intonation in Tagalog. «Phonetica», 1970, v. 22, № 1.

⁸² Л. Я. Вишневецкая. Интонация повествовательного предложения и интонационного вопроса в языке хауса. «Zeitschrift für Phonetik...», 1968, Bd 24, Hf. 6.

⁸³ Д. М. Ниязов. Интонация повествования в современном узбекском литературном языке. АКД. Ташкент, 1969.

⁸⁴ А. Т. Ченуша. Интонация некоторых видов повествования в современном молдавском языке. «Уч. зап. МГПИИЯ», 1971, т. 60. Исследования языка и речи.

может оказаться более методически точным, чем описания одного языка. Например, О. фон Эссен говорит о том, что в английском и немецком языках безударные слоги произносятся на более низком уровне, чем ударные, а в датском языке наблюдается обратная картина — та же, что и в южнонемецких диалектах⁸⁵. Сообщая такого рода сведения, исследователь не берет на себя ответственность за всю интонационную специфику языка, а только говорит об узких локальных отличиях.

В этом же общем круге неразличения специфического и универсального можно выделить и микроситуации той же проблематики. Например, выше достаточно говорилось о разговорной специфике и разговорных вариантах. Приведем несколько примеров сложности соотношения универсально-разговорного, специфически разговорного и неразговорного.

Пример 1. Общеразговорное vs специфически разговорное.

В работе, посвященной интонации русской разговорной речи, Г. А. Баринава⁸⁶ отмечает наличие полукаденции особого типа — понижающейся. Это входит в специфику русской разговорной речи и, действительно, отличает ее от литературного языка. Однако эта обрывистость, малая связность разговорной речи в целом, когда связи частей сложного предложения уподоблены связям отдельных предложений, когда интенсивность повышена, когда широко осуществляется сдвиг терминального тона и т. д. — свойственна разговорной речи вообще и не является специфически русской. См., например, сходные данные, полученные из исследования разговорной речи американских студентов⁸⁷.

Пример 2. Разговорное vs диалектное.

Сообщая сведения об интонационной специфике ряда поволжских русских говоров, А. Кугаевская пишет о том, что эти говоры отличаются конечным легким подъемом в абсолютном конце и понижением в неконечных синтагмах (там, где в литературном языке повышение); эти говоры отличаются и более сильным продлением конечных гласных⁸⁸. Все эти сведения характеризуют разговорный вариант русской интонации и очень характерны для него, не являясь специфически диалектными.

Пример 3. Разговорное vs словесно-просодическое. В сербском и словенском языках в тех случаях, когда ударный слог — носитель фразового ударения — представлен восходящими акцентами, имеет место повышение тона на следующем слоге. Если общая мелодика фразы понижающаяся, то ударный слог покажет это понижение, акцент же дает «рефлекс» в виде легкого подъема на сле-

⁸⁵ О. v. Essen. Rhythm and melody in Germanic languages. «Manual of phonetics». Amsterdam, 1957, стр. 298.

⁸⁶ Г. А. Баринава. Указ. соч.

⁸⁷ Отчет ЛЭФ ЛГУ, 1971.

⁸⁸ А. Кугаевская. Повествовательная интонация и синтаксическое членение фраз в поволжских говорах сравнительно с литературным языком. «Вестник студенческого научного общества», вып. 2—3. Казань, 1969, стр. 124—127.

дующем слоге или — в зависимости от распределения временных отношений — через слог (в принципе этот подъем может заканчиваться и общепонижающийся ударный слог). Однако именно этот подъем в конце повествовательной фразы часто бывает представлен в разговоре, в диалоге и служит, как всякая восходящая мелодика, средством связи, показателем неабсолютной законченности. При изучении близкородственных языков существенно иметь в виду, таким образом, возможность выявления в языке А рефлексов более древнего состояния некоторых фигур-окаменелостей, которые в языке Б могут быть функциональными.

Приведенные примеры говорят не о недостатках соответствующих исследований, а о принципиальной сложности подхода к данному материалу. Выход, на наш взгляд, состоит в признании этих первичных сложностей, в отказе от излишней абсолютизации полученных данных.

В заключение покажем на одном примере, как сложна и неразличима на разных этапах исследования грань между универсальным и специфическим. Речь будет идти об акцентной, или динамической, кривой слова, т. е. о движении интенсивности в пределах одного слова. Движение интенсивности в пределах слова (мы говорим об изолированных словах) сложным образом соотносится с тенденцией к выделению ударного слога акцентнодинамическими средствами. Эта тенденция различается от языка к языку и может быть сильной или слабой. Отвлекаясь от проблемы ударности, можно заинтересоваться вопросом о том, какова сама эта акцентная линия, рассмотренная как отдельный параметр, какова ее направленность и, наконец, существует ли она — или акцентная кривая слова целиком диктуется местом ударного слога⁸⁹.

В русском языке акцентная кривая изолированных слов всех ритмических структур обычно имеет одну форму — понижающуюся; самой высокой точкой является первый слог⁹⁰. Некоторые отклонения, по нашим данным, представляла структура — $\text{—} \text{—} \text{—}$, где ударный слог или был выделен, или равнялся по интенсивности первому слогу.

Аналогичные данные получаются и для языков, в которых словесное ударение выражено акцентными средствами более сильно, чем в русском языке. Так, в белорусском языке происходит борьба тенденции и «схемы», которая находит выражение в ко-

⁸⁹ В данном случае мы не говорим о более тонких способах демонстрации ударности акцентными способами, как, например, всплеск интенсивности внутри понижающегося слога — нас интересует линия слова в целом.

⁹⁰ Еще в 1953 г. Л. В. Златоустова писала о том, что предударные гласные могут быть сильнее ударного, а заударные — почти всегда слабее, т. е. общая линия слова таким образом понижающаяся (*Л. В. Златоустова. Фонетическая природа русского словесного ударения. АҚД. Л., 1953*). См. наглядные осциллограммы, демонстрирующие неучастие интенсивности в создании русского ударения и общее понижение акцентной кривой слова: *Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. П. Щербакова. Указ. соч.*

личественных показателях — например, для структуры — — показатель отношения первого слога ко второму 1 : 0,5, а для структуры — — 1 : 0,8, т. е. ударный слог стремится подняться (см. об этом подробнее в соответствующем разделе). Сложная акцентная кривая представлена в словенском языке: после \cup акцентная кривая понижается, после / на следующем слоге повышается, таким образом, конечный слог может оказаться более высоким. Однако добавление еще одного слога делает линию слова понижающейся в целом (см. подробно примеры в разделе «Словенский язык»).

Как известно, в таких языках, как русский, украинский, одним из наиболее постоянных признаков ударения является длительность⁹¹.

Лингвистическая интерпретация этого может быть следующей. Мелодика есть фактор фразы (в основном она «работает» на смысл, это наиболее функционально-семантический акустический параметр). Интенсивность, как оказывается, является параметром с делимитативной функцией (не только слова, но и фразы). Она стремится для слова иметь вид . И только длительность

оказывается функционально свободной, она может выполнять функцию передачи словесного ударения. Совершенно очевидно, что в тех языках, где ударение падает на первый слог (т. е. схема и тенденция совпадают или, иначе говоря, две сильных акцентных точки сливаются), длительность оказывается свободной и для функции словесного ударения; она начинает выполнять тогда фонологические смыслоразличительные функции (см. чешские и словацкие данные). Именно это интуитивно ощущал Р. О. Якобсон, говоря о «несовместимости свободного ударения и фонологической долготы»⁹², причем это утверждалось в те годы, когда еще верили, что в русском языке, например, ударение выражается интенсивностью, «экспираторно». Отсюда ясно, почему в польском языке, также языке с фиксированным ударением, длительность не имеет смыслоразличительной функции: дело в том, что в польском языке ударение падает на предпоследний слог, т. е. схема и тенденция здесь не совпадают. Обратившись к исследованиям о сущности польского ударения и о его восприятии⁹³, мы отчетливо увидим, что эти исследования методически некорректны, т. е. рассматривались синтезированные двусложные слова типа *sisi*, *sasa*, *soso* и т. д., где неизбежно первый слог должен был воспри-

⁹¹ О выраженности ударения длительностью см. подробные данные: Л. В. Бондарко, Л. Н. Вербицкая, Л. П. Щербакова. Указ. соч., стр. 144—148.

⁹² R. Jakobson. Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagma-phonologie. — TCLP, IV, 1931, стр. 182; см. и др. работы с упоминанием этого закона. См. также: J. Kramský. Incompatibility of free quantity and free stress. «Travaux linguistiques de Prague», 2. Praha, 1966.

⁹³ J. Morton, W. Jassem. Указ. соч.; J. Morton, W. Jassem, M. Steffen-Balog. Указ. соч.

ниматься вдвойне усиленным: как первый и как предпоследний одновременно. Только данные более чем двусложных слов были бы показательными для польского языка (см. в разделе «Польский язык» данные трехсложных и четырехсложных слов).

Все это относилось к славянским языкам, однако сходные данные можно извлечь и из работ по другим языкам. С 1955 г. вышел ряд публикаций, в которых опровергается доминирующая роль интенсивности в создании словесного английского ударения⁹⁴, на основании которых И. Лехисте предложила ряд $f > t > i$ для акустических параметров в их отношении к ударению⁹⁵. Если мы обратимся к этим работам с интересующей нас точки зрения, то увидим разницу в восприятии при изменении интенсивности и длительности в словах типа *permit* и *contact* и *contact* на первом или на втором слоге, из которой видно, что носители языка привыкли ощущать начало слова более сильным по интенсивности.

Итак, тенденция кривой интенсивности в слове несомненна: она понижается, поэтому заранее предсказуемыми и нетипологическими могут оказаться критерии, которые первоначально задуманы исследователем как интересные для сопоставления. Так, А. Риго занялся вопросом о ведущем акустическом параметре словесного ударения в языках, где «ударение фиксировано»⁹⁶. Он приходит к выводу о том, что фиксированность ударения сама по себе не предсказывает акустический параметр ударения: в чешском языке доминирует интенсивность, во французском — длительность⁹⁷. Однако эти выводы можно было бы на основании приведенных примеров предсказать заранее: в чешском языке, где ударение падает на первый слог, интенсивность занимает в слове вершинную позицию; во французском языке, в котором ударный слог удален от акцентной вершины, он будет выделен длительностью.

Итак, понижение акцентной линии к концу слова есть как будто бы одна из просодических универсалий.

И вместе с тем ряд данных свидетельствует о том, что это не совсем так. Это относится к сведениям о тюркских языках, кото-

⁹⁴ D. B. Fry. Duration and intensity as physical correlates of linguistic stress. «The Journal of the acoustical society of America», 1955, v. 27, № 4; H. Mol, E. M. Uhlenbeck. The linguistic relevance of intensity in stress, «Lingua», 1956, v. 2; Ph. Lieberman. Some acoustic correlates of word stress in American English. «The Journal of the acoustical society of America», 1960, v. 32, № 4.

⁹⁵ J. Lehiste. Suprasegmentals. Cambr.-Mass.— London, 1970, стр. 131.

⁹⁶ A. Rigault. L'accent dans deux langues à accent fixe: le français et le tchèque. «Prosodic feature analysis». Montréal — Paris — Brussel, 1970.

⁹⁷ А. И. Скупас также, признавая доминирующую роль длительности, демонстрирует интересные данные об уменьшении длительности при передвижении акцентной группы к началу (А. И. Скупас. О роли длительности в физической природе ударения современного французского языка. «Материалы коллоквиума лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи, II. Вильнюс, 1966).

рые приводятся в экспериментально-фонетических тюркологических работах. Так, например, сообщается, что слово, находящееся в конце фразы, может иметь музыкальную вершину на первом слоге, а динамическую — на последнем⁹⁸. В другой работе, по уйгурскому языку, сообщается, что в конце слова частота и интенсивность могут не совпадать в пользу интенсивности (т. е. интенсивность повышается. — *Т. Н.*)⁹⁹. В этой же работе приводятся удивительные для исследователя славянских языков данные татарского языка, где очевидно нарастание интенсивности в последних слогах повествовательного предложения, которое принимает акцентную форму дуги (например, aqqaş aşa «лебедь летит» — 3,5/5,1 2,97/3,2). Ссылаясь на В. А. Богородицкого, отметившего ту же тенденцию в горнобашкирском диалекте, У. Ш. Байчура говорит о неединообразности ударения в тюркских языках¹⁰⁰. Намечается сложная лингвогеографическая картина сдвигов и перемещений ударения (основная оппозиция: последний — первый слог) в тюркских языках — по мере перемещения с востока на запад ударение стремится перейти на первый слог или, наоборот, в свете концепции А. Ф. Габена о первичности инициального ударения, по мере движения к востоку оно переходит на последний слог. К сожалению, авторы большинства тюркологических работ пользуются обычно неясным в данном случае термином «ударение», неясным, поскольку в принципе и слово с начальным ударением может иметь восходящую акцентную кривую, а выражать «ударность» другими средствами.

Итак, не исключено, что понижение акцентной кривой в слове — явление не универсальное и тюркские языки обладают закономерностью противоположного характера. Существенно при этом, что фразовая акцентная линия в тюркских языках «обычная», понижающаяся, т. е. вполне укладывающаяся в рамки интонационных универсалий¹⁰¹. Именно это несовпадение линии слова и линии фразы в тюркских языках ведет к интонационному подавлению слова в тюркской фразе и — как естественный результат этого — к тому слабому ощущению словесного ударения во фразе, о котором говорится во всех пособиях по тюркологии¹⁰².

⁹⁸ У. Ш. Байчура. Некоторые экспериментальные данные о мелодике речи и словесном ударении в уйгурском языке. «Изв. АН Каз. ССР. Серия общ.», 1969, № 5. — О месте ударения в тюркских языках в синхронном и диахроническом аспекте см.: М. Рясанев. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.

⁹⁹ У. Ш. Байчура. Некоторые экспериментальные данные о мелодике речи и словесном ударении в уйгурском языке. «Структура и история тюркских языков». М., 1971.

¹⁰⁰ У. Ш. Байчура. Вопрос об акценте в турецком и инструментальные данные об ударении в других тюркских языках. «Вопросы тюркологии». Баку, 1971.

¹⁰¹ См. об этом Д. М. Ниязов. Указ. соч.; А. Н. Нурмаганова. Об интонационных особенностях типов предложений в тюркских языках. «Уч. зап. МГПИИЯ», 1971, т. 60. Исследования языка и речи.

¹⁰² См.: «Языки народов СССР», II. Тюркские языки.

Таким образом, если брать только акцентную кривую слова, тюркские языки, судя по приводимым данным, нарушают намеченную для индоевропейских языков универсалию — понижающуюся акцентную кривую слова. Выше мы приводили данные У. Байчуры, но вот совершенно отчетливая формулировка другого тюрколога: «Если для русского языка типично увеличение интенсивности гласного в направлении к началу слова, то для киргизского, напротив, характерно повышение интенсивности в направлении к концу слова»¹⁰³ (см. те же данные в азербайджанском языке¹⁰⁴).

Можно было бы остановиться на этом, признав, что явление, в начале как будто бы кажущееся специфическим, при расширении данных обернувшись универсальным, при еще большем увеличении данных вновь становится типологическим.

Однако, в свете тюркологических наблюдений, могут быть по-новому интерпретированы и некоторые особенности движения интенсивности в слове в славянских языках, которые на чисто славянском фоне могут казаться случайными или факультативными.

В первую очередь это относится к болгарскому материалу. В осциллограммах, приводимых Ст. Стойковым (*градът, градове*) обращает на себя внимание большая сила, яркость интенсивности конечного ударного гласного¹⁰⁵ (см. упоминавшиеся выше противоположные данные для русского языка). Наиболее важны в этом плане результаты Д. Тилкова¹⁰⁶. В числе приводимых им примеров большое количество слов с конечным ударением, которое одновременно является акцентной вершиной слова (*папалаг* — 30/45/50; *попощ* — 30/68; *лула* — 28/60; *гигант* — 10/40; *сусам* — 50/40; *фкусът* — 10/28 и т. д.). Представлены даже случаи акцентной вершины в заударном последнем слоге (*зъзна* — 20/45; *пеперуда* — 10/35/20/25); даже с поправкой на абсолютную интенсивность гласных эта тенденция несомненна. Есть, однако, среди его примеров и значительное число слов с невыделенным ударным, а с усиленным началом — по общеславянскому типу. Таким образом, болгарская система, очевидно, гетерогенна, т. е. возможная восходящая линия слова, как в тюркских языках, сосуществует — е общеуниверсальной понижающейся акцентной линией слова и понижающейся линией фразы¹⁰⁷. (См. также аналогичные данные македонского языка).

¹⁰³ А. Орусбаев. Киргизская акцентология. Опыт экспериментально-фонетического исследования ударения в слове и во фразе. АДК. М., 1971.

¹⁰⁴ Ш. Абдуллаев. Акустическая характеристика словесного ударения в азербайджанском языке. «Zeitschrift für Phonetik...», 1968, Bd 21, Hf. 6.

¹⁰⁵ Ст. Стойков. Увод във фонетиката на българския език. София, 1966, стр. 143.

¹⁰⁶ Д. Тилков. Някой наблюдения върху промените на интензитета при ударените и неударените гласни. «Изв. института за българския език», 1970, кн. XIX.

¹⁰⁷ См. М. Георгиева. Мелодика на простото изъвително разширено изречение в българската литературна реч. «Изв. на института за български език», 1970, кн. XIX.

Другое наблюдение относится уже к русским данным — а именно: к поволжскому говору села Соболевского (т. е. русско-му говору в тюркском окружении!)¹⁰⁸. З. М. Альмухаметова приводит крайне интересный факт — движение интенсивности в конечных слогах слов типа *tátata* в говоре отличается от литературной манеры: конечный слог в говоре усилен (например, *топѣта* — лит. 6/4/4, в говоре — 6/2/8; *выкупа* — лит. 10/8/7, говор — 6/2/4), причем это усиление регулярно отмечено.

Если приведенные выше славянские факты не окажутся случайными, то можно говорить об очень существенном и интересном явлении: 1) акцентная линия слова может иметь свою специфику; 2) просодические черты языков проницаемы; языковой контакт может вести к влиянию одной языковой системы на другую и в просодической области, причем это влияние может иметь свои градации. В частности, может передаваться и оказывать влияние: а) тенденция иметь (безотносительно к месту ударения) восходящую акцентную линию слова; б) иметь восходящую линию слова — в случае конечного ударного слога; в) иметь восходящую линию, поднимающуюся к ударному и затем понижающуюся; г) просто резко выделять динамически ударный слог.

Все эти данные и соображения по узкой проблеме были изложены нами с одной основной целью — показать, как зыбки и сложны границы между универсальным и типологическим, как необходима осторожность в определении признаков языка как специфических, так и общего характера.

Мы пытались перечислить трудности описания интонационного уровня. Как они могут быть разрешены? На наш взгляд, для этого возможен только один способ: непрерывное обновление теории новыми практическими результатами и — для исследователя отдельных языков — непрерывной оглядкой на уже известные истины и на конкретные факты других языков и даже того же языка (в случае анализа синтаксически ограниченной группы примеров).

ТРИ ИНТОНАЦИОННЫХ СЛОЯ ЗВУЧАЩЕЙ ФРАЗЫ¹⁰⁹

Смешение универсального и специфического в описании интонации не есть результат одной недостаточности лингвистической теории; это смешение проистекает из самой специфики материала, т. е. из суперсегментных свойств звучащего потока.

¹⁰⁸ З. М. Альмухаметова. Из наблюдений над поволжской интонацией. «Вопросы грамматического строя русского языка». Казань, 1970.

¹⁰⁹ Общая идея существования трех слоев (или трех уровней) звучащей фразы излагалась в работах: Т. М. Николаева. Языковые функции фразовой интонации и ее лингвистический статус. «Вопросы фонологии и фонетики (Тезисы докладов советских лингвистов на VII международном конгрессе фонетических наук)», II (Монреаль, 1971). М., 1971; Она же. О соотношении словесной и фразовой просодии. «Зборник за филологију и лингвистику», XIV. Нови Сад, 1971.

Выше уже говорилось о делении фразово-интонационных фактов на интонацию и просодию, т. е. на функциональную часть и фонетически-интегральную. Сама идея о членимости интонации фразы на отдельные слои — совокупности разнородных фактов — высказывалась неоднократно.

Один из самых ранних исследователей фразовой интонации (на материале исландского языка) С. Бергсвейнссон делил мелодию речи (*Sprachmelodie*) на мелодию предложения, мелодию слова и мелодию звуков¹¹⁰. Эти три слоя: слово — звук — предложение суть, по его мнению, краеугольные камни речи. Но при этом под мелодией слова Бергсвейнссон понимал лишь музыкально-мелодическую структуру тонального слова («в европейских языках мы находим *Wortmelodie* в норвежском, шведском, литовском, латышском, серокашубском, словенском и североалбанском»)¹¹¹, а под мелодией отдельных звуков — их фонометрические данные.

С. Оман указывает на два компонента фразовой интонации — интонацию предложения и интонацию слова¹¹². В тональных языках к этим компонентам добавляется еще и третий — тоновый. Именно о тональном компоненте как об особом уровне говорит и Б. Мальмберг (*le niveau des tons*)¹¹³. Также нерасчлененно представлена интонация предложения в противодействии просодии слова в книге Л. Лехто¹¹⁴.

Членение интонации звукового потока предложено также И. Фонадем¹¹⁵. Мелодика каждого отрезка есть, в его понимании, результат интерференции отдельных мелодик более мелких и более крупных речевых единиц, каждая из которых имеет свою форму. Так, различается мелодика периода, предложения, части предложения, синтагмы. На все это накладываются еще дополнительные мелодики эмоций.

Общая теория: частицы — поле — волны, принадлежащая К. Пайку, предлагается им и для интонации. В соответствии с этим различается интонация как частица (*particle*), т. е. интонация, разлагаемая на значащие отрезки — морфемы, тагменные единицы; интонация как волна, т. е. динамический непрерывный поток морфемных контуров; интонация как поле, т. е. арена пересечения формальных и смысловых категорий¹¹⁶. Делались по-

¹¹⁰ *Sv. Bergsveinsson. Über die Bedeutung und die Auswertung der Satzmelodie. «Phonometrie», III. Basel — N. Y., 1969.*

¹¹¹ Там же, стр. 267.

¹¹² *S. Ohman. A model of word and sentence infonation. «Speech transmission laboratory. Quarterly progress and status report». October, 15, 1968. Stockholm, стр. 6.*

¹¹³ *B. Malmberg. Analyse prosodique et analyse grammaticale. «Word», 1967, v. 23, № 1—3.*

¹¹⁴ *L. Lehto. English stress and its modification by intonation. Helsinki, 1969.*

¹¹⁵ *I. Fonagy. Zur Gliederung der Satzmelodie. «Proceedings of 5-th International congress of phonetic sciences». Basel — N. Y., 1965.*

¹¹⁶ *K. Pike. Grammar of intonation. — Там же.*

пытка представить интонацию фразы в виде дерева с составляющими по акустическим параметрам — тону, времени и интенсивности с дальнейшим их ветвлением¹¹⁷.

Однако во всех этих концепциях представлена или одна опозиция: слово/фраза (т. е. фразовая интонация представляет собой как бы всю просодию высказывания минус словесная просодия), или если и рассматривается интонация предложения, то только с точки зрения ее фонетической структуры. Типологические проблемы при этом не ставятся.

Все конкретные наблюдения над фактами интонации отдельных языков говорят о том, что во всяком звучащем отрезке представлены три интонационных слоя, каждый из которых может быть вычленен, описан отдельно, а сама интонация фразы таким образом стратифицирована. Именно нерасчлененный подход к этим трем слоям и приводит к тем противоречиям интонационного описания, о которых говорилось выше. Эти три слоя следующие: 1) универсальный слой; 2) слой словесной просодии данной фразы; 3) специфический интонационный слой, отражающий фразово-просодические особенности данного языка.

Как видно, в предложенном нами членении интонация предложения не просто противопоставлена просодии слова, а распадается сама на две части: универсальную и специфически-языковую. Идеальным результатом развития интонологической теории явилось бы унифицированное и точное перечисление универсальных свойств интонации, которое было бы известно каждому исследователю в той же степени, в какой известны, например, сведения по морфологической типологии или транскрипция Международной фонетической ассоциации. Тогда исследователи интонаций отдельных языков могли бы стремиться найти интонационную специфику своего языка или внести коррективы в набор интонационных универсалий.

Остановимся на каждом из трех слоев более подробно, стараясь хотя бы эскизно наметить их состав и специфику.

Универсальный слой

В интонационный универсальный слой, как нам представляется, также включаются три разных аспекта, касающихся трех разных сфер интонации:

- 1) сфера первая — структура и функции плана содержания;
- 2) сфера вторая — отношение плана содержания к плану выражения;
- 3) сфера третья — структура плана выражения.

План содержания, т. е. собственно смысловая сторона фразовой интонации, в своей универсальной части оказывается более

¹¹⁷ J. Dąbrowska. Message linguistique et intonation. «Kwartalnik neofilologiczny», R. XVI. Warszawa, 1969.

объемным, чем это обычно предполагается исследователями одного языка. В него входит прежде всего сама смысловая структура уровня в целом: так, во всех языках темп передает отношения важности/неважности, мелодика показывает связность/несвязность и т. д.¹¹⁸ Такое явление, как смысловая градуальность пауз между синтагмами, несомненно, универсально; заранее можно сказать, что причинно-следственные отношения и отношения результата будут передаваться большей паузой, чем отношения непосредственно примыкающих друг к другу событий. Во всех языках фразовая интонация, помимо знаково-интономного содержания, передает еще и эмоционально-оценочное значение¹¹⁹, при этом эмоциональная сторона речи раздваивается — одни эмоции передаются одинаковыми для всех языков средствами¹²⁰, другие специфически языковыми, находящимися в компенсаторных отношениях с интономными показателями.

Та общая семантика бинарных противопоставлений, которую предложил С. И. Карцевский для двусинтагменной фразы¹²¹, также представлена во всех языках. Выше говорилось о том, что семантика интонационного слоя еще остается неопианной и список интономных отношений — это открытый список. Это остается справедливым, однако в наборе интонационных значений всех языков присутствуют и такие смыслы, как пояснение, вводность¹²², эмфатическое выделение, логическое подчеркивание, противопоставление, перечисление, предикативность и т. д.

К сфере соотношения плана содержания и плана выражения относится передача вопросительного предложения восходящей мелодикой, общего сообщения — понижающейся мелодикой¹²³, сходство типа оформления восклицательного предложения, передача логического ударения усиления акустических характеристик и т. д. В эту же сферу входит различение вопроса и переспроса, различение общего вопроса и вопроса с вопросительным словом и т. д.

¹¹⁸ Генерализованную структуру интонационного уровня см.: G. Hammarström. Linguistische Einheiten im Rahmen der modernen Sprachwissenschaft. Berlin — Heidelberg — N. Y., 1966, стр. 8—45.

¹¹⁹ Об этих двух сторонах интонации см.: G. L. Huttar. Two functions of the prosodies in speech. «Phonetica», 1968, v. 18, № 4.

¹²⁰ См. об универсальности тембра как эмоционального показателя: B. Siertsema. Timbre, pitch and intonation. «Lingua», 1962, v. XI.

¹²¹ S. Karcevskij. Sur la phonologie de la phrase. — TCLP, 1931, 4. — Как известно, С. И. Карцевский выделяет четыре типа отношений: равенства — 1) тождество или 2) контраст; неравенство — 3) градация + 4) контраст. Характерно, что С. И. Карцевский с уверенностью говорит о том, что известный пример А. М. Пешковского *Я не понимаю / , как Вы / с Вашей добротой / ...* будет одинаково звучать во всех языках.

¹²² Так, полное описание «вводной» интонации приводит еще Н. С. Трубецкой (Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960. Стр. 246—254).

¹²³ И. Г. Торсуева называет такие универсалии интонации «импликационными» (И. Г. Торсуева. Некоторые вопросы теории интонации. «Уч. зап. Латвийского гос. ун-та», 1969, № 118).

Сходство в структуре плана содержания представлено для естественных языков и на других уровнях. Так, например, во многом совпадает набор грамматических категорий, передаваемых словообразовательным уровнем, глубинным значением падежа и т. д. В области же фразовой интонации исследователей издавна поражало чисто фонетическое сходство субстанционной категоризации, которое не могло быть объяснено через смысловую структуру. Это сходство давало основания для объявления всего интонационного уровня явлением универсальным, покоящимся на общефизиологической речевой основе¹²⁴.

К общим фонетическим явлениям (т. е. явлениям плана выражения) относится само членение звукового потока на интонационные единицы, по-разному называющиеся в разных интонационных школах (ритмическая группа, дыхательная группа, тоновая группа, речевой такт, синтагма) и т. д.¹²⁵ Мелодический параметр, изученный для интонационного уровня в разных языках, дал основания для выведения общеканонической формы интонации простого предложения, названной «шляпой» (a hat), в разных языках эта форма варьируется¹²⁶.

Распространено мнение, что в ряде языков в конце повествовательного предложения представлено повышение. Однако в специально посвященной этому работе К. Хаддинг-Кох вводит представление вторичной незаконченности, наложенной на первичную универсальную модель понижения¹²⁷. Выше говорилось об особом типе вопросительной интонации с понижающимися заударными слогами. Как отмечает И. Фонадь, такое проникновение понижения тона в yes/no вопрос наблюдается во всех языках¹²⁸. Во всех языках, по его данным, в конце повествовательного предложения появляется и абсолютно конечный подъем, ориентированный на коммуникативную связь (см. выше о К. Хаддинг — Кох) — особенно у женщин и молодежи¹²⁹.

Несомненно, сама структура просодического уровня такова, что при соединении синтагм в предложении восходящая мелодика будет сочетаться с более краткой паузой, а нисходящая мелодика первой синтагмы — с более длительной паузой¹³⁰. В самом ко-

¹²⁴ Именно на этой общефизиологической основе настаивали: Д. Л. Боллинджер. Интонация как универсалия (русский пер. в сб.: «Принципы типологического анализа языков различного строя». М., 1972); Ph. Lieberman. Intonation, perception and language. Camb.— Mass. 1967. Однако оба автора видят в интонации и конвенциональное начало.

¹²⁵ Общее описание такого рода единиц см.: Navarro Tomas. Manuel de entonacion española. N. Y., 1944, стр. 37—38.

¹²⁶ A. Cohen, J. t'Hart. On the anatomy of intonation. «Lingua», 1967, v. XIX, № 2.

¹²⁷ K. Hadding-Koch. On the physiological backgrounds of intonations. «Studia linguistica», 1965, v. XIX.

¹²⁸ I. Fonyagy. Métaphores d'intonation et changement d'intonation. «Bulletin de la société de linguistique de Paris», 1969, t. 64, fasc. 1, стр. 27.

¹²⁹ Там же, стр. 37.

¹³⁰ H. Richter. Kolloquium Rothenberge. «Phonetica», 1965, v. 12, № 1—2.

нечном же понижении общий интервал падения будет зависеть от числа заударных слогов и по-разному распределяться в зависимости от их количества¹³¹.

Общезыковые интонационные модели накладываются на абсолютные индивидуальные модели, с внесением при этом соответствующих корректировок¹³². При этом, как замечает Д. Кристал, возникают межъязыковые зональные просодические объединения — так, например, можно отличить в целом интонационные особенности севера и юга¹³³.

Многочисленные примеры, приводимые Д. Л. Болинджером в упомянутой статье, относятся именно к фонетической стороне интонационного уровня. Эффект этой статьи не только в том, что выявляются мелодические сходства типологически далеких языков, но и в том, что становится очевидной эклектическая пестрота интонационных описаний, представляющих уровень 1962 г.¹³⁴ Заканчивая перечень некоторых фактов, составляющих универсальный слой звучащей речи, мы можем, сославшись на Д. Болинджера, еще раз подчеркнуть, что «число и детализированность полученных аналогий заставляет предполагать, что если бы адекватные описания были составлены и для других языков, то некоторые из них, считающиеся столь специфическими, на деле оказались бы совсем не такими»¹³⁵.

Слой словесной просодии

Вторым интонационным слоем звучащей фразы, как говорилось выше, мы считаем те просодические явления, которые обязаны своим появлением просодии конкретных слов, входящих в данную фразу или синтагму.

При этом словесные просодические сведения также неоднородны — они представляют собой факты двух видов. Первый комплекс фактов — это совокупность общих сведений о словесной просодии в данном языке. Например, это знания о том, является ли ударение в данном языке фиксированным или нет и если фиксированным — то на каком именно слоге. Так, при ударении, фиксированном на первом слоге, интенсивность слова не будет сильной; при вопросительной мелодике или мелодике незавершен-

¹³¹ Н. Д. Светозарова. Реализация основных мелодических характеристик.

¹³² D. Crystal. Relative and absolute in intonation analysis. «Journal of the international phonetic association», 1971, v. I, № 1.

¹³³ Там же, стр. 24.

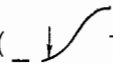
¹³⁴ Именно эта же пестрота представлена и в обзоре того же года: K. Magdicz. Research on intonation during the past ten years. «Acta linguistica Hungarica», 1963, t. XIII, fasc. 1—2.

¹³⁵ Д. Л. Болинджер. Интонация как универсалия. «Принципы типологического анализа языков различного строя». М., 1972, стр. 221.

ности ударный слог может быть выделен; при конечной понижающейся — скорее всего будет подавлен. При ударе, фиксированном на последнем слоге, антикаденция и полукаденция в данном языке может нейтрализоваться (т. е. дифференцирующих заударных здесь нет), повествовательная мелодика конца будет скорее всего иметь понижение перед ударным слогом.

Для языка существенны также сведения о том, есть ли в нем заударные и ударные фонологические долготы; представлено ли в данном языке музыкальное ударение или нет и т. д. К числу таких общих сведений принадлежат также и знания о том, какова средняя длина слова в данном языке. Так, например, специфический рисунок словенской фразы во многом объясняется средней краткостью словенских слов, обеспечивающих именно тот вид предложения, когда «ударение ныряет во фразе, как каное в волнах»¹³⁶.

Кроме общих сведений, характеризующих словесную просодию языка в целом, в словесно-просодический слой входят и конкретные факты данной фразы. Например, от числа заударных слогов зависит распределение мелодического интервала в терминальном тоне, а также возможность реализации той или иной мелодической фигуры. Исследователь, расшифровывающий данные осциллограммы русской фразы-вопроса с падающими заударными

ми (), может, не зная текста, принять это предложение за повествовательное, так как конец здесь — понижающийся. Существенно также, есть ли в данном слове — носителе фразового или синтагматического ударения — долгота, где она представлена: так, например, по нашим наблюдениям, в сербском слове с восходящими акцентами постударное повышение тона может полностью реализоваться на первом заударном слоге, если он долгий, или, напротив, перейти на второй слог, если первый заударный слог оказывается слишком кратким, таким образом оказывается существенной длительность слова в целом.

Структура начала фразы, ее мелодическая форма, часто бывает представлена повышением, однако, если начальное слово имеет ударение на первом слоге, мелодика повышается на нем, затем наступает понижение; если же начальное слово имеет ударение на втором или третьем слоге, то повышение может быть до ударного слога, он же сам будет в этом случае занимать высокую позицию.

К конкретным сведениям относятся и данные о типе акцента в словах — в тех языках, где она представлена. В частности, в сербском языке в вопросительной мелодике при наличии долгого нисходящего акцента будет выбрана антикаденция с падающей

¹³⁶ D. L. Bolinger. The melody of language. «Modern language forum», 1955, v. XL, № 1.

ми ударными, при восходящем акценте — с восходящими ударными.

В целом, говоря о конкретных словах, составляющих фразу и особенно — формирующих каденционный участок, можно сказать, что здесь прежде всего существенна ритмическая структура слова (т. е. число слогов и место ударения). Многие мелодические и акцентные кривые фраз, кажущиеся при первичной расшивке различными, на самом деле отличаются только за счет разных ритмических структур входящих лексем.

Третий интонационный слой

Это слой собственно языковой, составляющий фразовую интонацию языка X, именно его и должны обнаруживать интонационные исследования каждого конкретного языка¹³⁷. Но существует ли он вообще? Может быть, интонация каждой фразы состоит лишь из двух слов — универсально-языкового и конкретного слоя словесной просодии, которая модифицирует универсальные черты, создавая для каждой фразы ее интонационную специфику? Авторы обычно говорят лишь о двух слоях — словесном и фразовом, не расщепляя последний далее.

И все же, как представляется, этот третий слой существует. Но обнаружить его иногда удается только косвенными средствами.

Приведем примеры того, что мы считаем явлениями этого третьего слоя. Прежде всего о его существовании говорит факт влияния интонации одного языка на интонацию другого языка. Для славянских языков такое влияние отмечалось неоднократно, например, влияние немецкой интонации на словенскую, венгерской — на словацкую и т. д. Особенно интересным является факт, зарегистрированный для словацкого языка, где в ряде говоров с ударением на первом слоге фразовое ударение оказывается на предпоследнем слоге — под несомненным влиянием фразовой интонации соседящего польского языка¹³⁸.

Ни с универсальным, ни со словесным слоем не связаны такие явления, как величина частотного диапазона в подъеме и падении. К специфическим интонационным явлениям относятся и такие факты, как монотонность слогов в одних языках (украинский, белорусский, словацкий языки) и модулятивность их в других (русский, польский, сербский). Словенский язык, будучи также тональным языком, отличается от сербского именно этой малой модулятивностью безударных слогов, в результате чего ударные

¹³⁷ См. в этом плане наши замечания к М. А. Хэллидею, сообщающему в своей монографии об английской фразовой интонации в основном неспецифические сведения (Т. М. Николаева. [Рец.:] М. А. К. Halliday. *Intonation and Grammar in British*. — ВЯ, 1970, № 4.)

¹³⁸ Vl. Ťhlár. O vetnej melódii v slovenčine. «Slovenská reč», 1958, г. XXIII, č. 6.

слоги вырисовываются во фразе очень ярко. В целом деление языковой интонации на ориентированную на ударные и фигурно-ориентированную (см. русский язык, в котором существенная информация располагается на ударных, и немецкий язык, где важно выполнить некоторую мелодическую фигуру, как бы накладывающуюся на терминальный участок) также не зависит от универсальной модели и конкретного словесного наполнения фразы. Выведенная О. Ф. Кривновой типологически различающая форма повествовательной фразы с непосредственным падением тона или с восходяще-нисходящим движением (стр. 48) также входит в интонационную специфику языка.

Все упомянутые факты относятся к конкретному выражению интонации. Однако в инвентарь специфических интонационных средств входят и явления, определяемые косвенным путем. Например, к таким явлениям относится сила воздействия словесной просодии на тенденцию к выделению ударного слога (т. е. *strong stress/weak stress*)¹³⁹, а также сила воздействия фразовой интонации на фонетическое слово. Эта сила воздействия может по-разному выражаться на уровне разных просодических параметров. Так, фраза может быть сильно или слабо структурирована во времени, иметь сильно или слабо выраженную акцентную линию, сильное или слабое мелодическое воздействие — причем разное на разных участках фразы.

Со всеми этими проблемами связан сложный и тонкий вопрос — образуют ли эти специфические факты систему, т. е. системны ли те специфические факты, которые остаются, если мы «вычтем» из фразовой интонации данного языка все универсально-языковое?

Некоторые экспериментальные данные по этому поводу все же есть. Так, например, в научной литературе по русской интонации подробно описан специфический тип русского вопроса — с падающими заударными (Е. А. Брызгунова — ИК-З). Отдельно от этого в ряде конкретных описаний (особенно в зарубежных работах) упоминается о крайне высоком положении ударного слога в русском языке именно в этом типе мелодики. На основании экспериментальных данных оказалось, что оба этих признака можно объединить — высота слога, «супервысокость» оказывается компенсаторным вариантом неподнятого мелодически конца фразы¹⁴⁰. Это подтверждается тем разделом работы М. Г. Радиевской, где исследуется чтение русских текстов иностранцами (в интонационной системе которых при вопросе обязательен конечный подъем мелодики); интонационная система этих дикторов не требует высотной компенсации для различения вопроса и ответа, и потому очень высокий частотный подъем в русском языке имен-

¹³⁹ R. G. A. de Bray. Guide to the Slavonic languages. London, 1969.

¹⁴⁰ М. Г. Радиевская. Проблемы бинарного описания интонационных характеристик речи. АКД. Л., 1973.

но в этой вопросительной интонационной конструкции достигается при преподавании русского языка с наибольшим трудом.

Естественный вопрос, встающий перед исследователем, пытающимся стратифицировать предложенным нами тройным способом интонацию любой фразы, это вопрос о том, где же типологические характеристики интонации данного языка, т. е. характеристика не универсальная и не индивидуальная? Самый простой ответ, собственно и предлагающийся в данной работе, это — включить характеристики типа в третий слой, в собственно языковые данные. Дело в том, что, как это ни парадоксально, по мере развития типологии как науки понятие типа начинает исчезать из сферы языковедческих интересов¹⁴¹. С идеей типа соотносятся и такие элементы анализа, как замкнутость/открытость системы изучаемых объектов и число признаков, дифференцирующих эти объекты. В связи с этим возможны следующие ступени трактовки понятия типа. Наиболее простая представлена тогда, когда объекты различаются по одному какому-либо признаку, например, такова морфологическая классификация прошлого столетия, таково деление языков на консонантные и вокалические и т. д. При замкнутом числе объектов возможен и такой путь, когда сами языки, обычно полярные в этом ряду, объявляются типами, а остальные языки — промежуточными, тяготеющими к этому типу-эталоноу.

Возможен и третий путь, когда набор признаков задан до анализа объектов и каждый объект соотносится с этим набором или пространством признаков. В этом случае тип есть обычно некоторое идеальное соответствие заданной части выбранных признаков.

Но наиболее сложна практически и теоретически та ситуация, наиболее частая, когда необходимо всесторонне классифицировать — в их отличии друг от друга — заданную совокупность объектов, не имея ранее данного дифференцирующего набора. В этом случае признаки обычно выбираются в соответствии с данными языков анализа. Именно с такой ситуацией мы и имеем дело в нашем случае. Как будет видно из данных третьей главы и заключительного раздела, интонационные факты славянских языков группируются самым различным способом: поэтому если считать ведущими одни признаки, языки могут группироваться одним способом (например, по типу мелодического решения), если другие признаки — иным (например, по роли временного фактора) или третьим (по силе словесного ударения). В заключительной части нами предлагается некоторая иерархия призна-

¹⁴¹ Об эволюции лингвистической типологии в этом плане и ее современном состоянии см.: J. H. Greenberg. The typological method. «Current trends in linguistics», v. II. The Hague — Paris, 1973.

ков и в связи с этим градация их типологизирующей силы, однако при самом первичном подходе — групповые характеристики целесообразнее включать в индивидуальные. О трудности их различения пишет в указанной работе и Дж. Гринберг («Исследование того, что специфично или особенно, на практике бывает трудно отличить от присущего по крайней мере нескольким языкам») ¹⁴².

В заключение мы хотим сказать, что вся история изучения фразовой интонации разных языков говорит о том, что многие факты, познанные и сопоставленные, увеличивают сферу «универсального»; все большее число интонационных фактов переходит из частноязыкового в общезыковое. Поэтому можно предполагать, что факты, воспринимаемые пока как специфические, будучи организованными в систему, утратят свою специфичность.

¹⁴² Там же, стр. 162.

ОЧЕРКИ ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Рассмотренные выше типологические проблемы описания фразовой интонации находят свое воплощение при реальном исследовании интонации славянских языков.

В данной главе описываются конкретные результаты, полученные нами в работе по изучению фразовой интонации славянских языков.

В первой части каждого очерка представлена фразовая интонация, надстроенная над разными типами предложений: 1) повествовательным предложением, 2) вопросительным предложением без вопросительного слова, 3) неконечной синтагмой, 4) вопросительным предложением с вопросительным словом, 5) вопросительным предложением с *А*, 6) восклицательным предложением, 7) предложением с подчеркиванием какого-либо элемента.

Сопоставляя перечисленные типы предложений, на базе которых изучалась фразовая интонация, с программными заявлениями, сделанными нами в первой главе (о статусе интонации), а также во второй главе (типологические проблемы), легко заметить «компромиссность» нашего материала. И это, действительно, так. Однако пафос предыдущих глав и состоял, как нам казалось, в подчеркивании существующего пробела в интонологической теории и наличии объективных трудностей для всякого интонационного описания конкретного языка. Глава вторая состояла как бы из двух частей — позитивной и негативной.

Какие именно уровни типологического анализа (см. стр. 36—46) могут быть снабжены необходимыми данными при таком подходе? Обращаясь к предложенной нами иерархии, можно сказать следующее:

1) По первому уровню — системному описанию — можно будет получить сведения о том, различается ли полукаденция и антикаденция в данном языке и сходен ли по интонации вопрос с вопросительным словом с повествовательным предложением.

2) Для второго уровня — определения функции интонации в данном языке — наш материал окажется непригодным и недостаточным.

3) Для третьего уровня, напротив, этот метод дает позитивные данные, помогая составить «интонационный инвентарь» формальных средств.

4) Точно так же, хотя бы в самом общем виде, можно представить на базе предлагаемого материала четвертый типологический уровень — соотношение смысловых и формальных единиц.

5) Делать выводы о пятом уровне — сопоставлении в разных языках нормы и ненормы — предлагаемый материал не дает возможности из-за небольшого числа дикторов — носителей нормативного литературного произношения.

6) Шестой уровень — уровень употребительности тех или иных форм — может быть представлен в данном случае лишь гипотетическими соображениями.

Таким образом, наш материал дает основания лишь для частичной типологизации, однако, несомненно, что подлинная типология в ее конкретном, а не программном воплощении для интонации — еще отдаленное будущее; существенным при этом на каждом этапе является вопрос о том, что опережает в настоящее время — теория или практика.

Итак, на основании первой части представленных в очерках данных возможны следующие типологические выводы:

1) типология терминальных отрезков-каденций с учетом разных уровней сопоставления;

2) типология высказываний, для анализа которых недостаточен материал одних каденций — глобальных высказываний (вопросительное предложение с вопросительным словом, восклицательное предложение).

Вторая часть предлагаемого материала направлена на «фонетическую типологию» (см. гл. 2), в частности на глобальные фразовые характеристики, а именно:

1) степень воздействия фразовой просодии на словесную;

2) временную сжимаемость участков фразы, допустимую в данном языке;

3) выявление передне- и конечноориентированности фразы.

Эти задачи решаются методом анализа соотношения фразовой и словесной просодии. Так, определяется сила воздействия фразовой просодии на словесную на разных участках синтагмы (фразы), в позиции фразового ударения и в безударной позиции. При этом выявляются слабые и сильные участки фразовой просодии — для каждого из параметров. Сильные точки — это те участки, где фразовая просодия наиболее ярко подавляет словесную. Однако во всех случаях обращения к слову существенной остается фраза, ее интонация, поэтому все процессы изучаются «с точки зрения фразы».

Наш метод состоял в том, что подбирались примеры, в которых одно и то же слово попадало в разные фразовые позиции. Например: *Я слушал свой голос. Голос этот понравился мне очень. Я слушал также голос Танечки. У Танечки прелестный голос. Но сейчас для меня важнее был другой голос — голос Ромео.* В этом от-

резке текста ¹ слово *голос* повторяется шесть раз: 1) под фразовым ударением, в каденции; 2) под фразовым ударением — со сдвигом интонационного центра в начало; 3) в середине синтагмы не под фразовым ударением; 4) в позиции нормативного конца, но не под фразовым ударением; 5) под фразовым ударением — в полукаденции; 6) в начале фразы не под фразовым ударением. Таким образом оказывалось возможным провести слово через некоторую парадигму — набор позиционных возможностей (у некоторых слов эта парадигма могла быть представлена неполностью). Единство изменений для слов, попадающих в одну и ту же позицию, свидетельствовало, по нашей гипотезе, о характеристике не слова, но фразы.

Метод, при котором одно и то же слово попадает в разные участки фразы, кажется нам удачным по следующим причинам:

1) он дает возможность выявить просодические параметры самой фразы в данном языке;

2) он дает возможность выявить также силу воздействия фразовой просодии на словесную на разных участках фразы;

3) кроме того, он дает возможность подойти хотя бы в самых общих чертах к третьему слою звучащей фразы (см. гл. 2, стр. 72), составляющему интонационную специфику данного языка, и определить его отношение к универсальному слою. Универсальный слой, как мы видели выше, является более обширным, чем это предполагается обычно исследователями интонации одного языка; более того, универсальными оказываются не только факты, но и инвариантная система отношений.

Для сопоставления силы воздействия фразовой просодии на словесную мы предварительно описывали интонацию отдельных слов в изоляции от контекста, т. е. чтение микрофраз, — тех самых слов, которые в дальнейшем будут произноситься на разных участках фразы.

Под просодией слова мы имели в виду некий довольно сложный комплекс фактов. Предполагается, что в изолированном слове существуют как бы два измерения: 1) его просодия; 2) факт наличия ударного слога, который необходимо непременно выделить. При этом мы называем — и будем называть в дальнейшем — эти измерения: «схемой» (просодическая модель слова) и «тенденцией» (тенденция выделять ударный слог). В дополнение к этому вводится третье понятие — «сила тенденции», т. е. определение того, насколько в данном языке тенденция оказывается сильнее схемы в тех случаях, когда они противодействуют. Что включает в себя

¹ Тексты для чтения подбирались из художественной литературы. Этот метод имеет ряд серьезных недостатков (см.: Т. М. Николаева. О существующих принципах отбора речевого материала при изучении интонации. «Разговорная речь». Саратов, 1970), но при сопоставлении данных разных языков крайне трудно привести абсолютно идентичные примеры, при заданном тексте возникает опасность несколько неточного перевода; в данном же случае мы стремились не к смысловой тождественности, а к естественности восприятия текста дикторами.

понятие просодии? В этом понятии мы объединяем два явления: акцентную кривую слова и его временное распределение. Существенно также место ударного слога в слове. В соответствии с этим выделяются ритмические структуры — —, — —, — — —, — — — —,

Таким образом, мы имеем дело с четырьмя основными понятиями: 1) схемой, 2) тенденцией, 3) силой тенденции, 4) ритмической структурой слова, определяющейся местом ударного слога. При определении акцентных и временных характеристик (как в изолированном слове, так и во фразе) мы пользовались данными трех видов — по степени абстрактности.

Первое — сведения с нотацией типа ВН, НВ (где В — выше, выше, Н — ниже, меньше), например, ВН для структуры — — по данным интенсивности, означает, что ударный слог интенсивнее безударного, а НВ — что заударный слог интенсивнее ударного; для структуры — —, напротив, ВН означает, что неударный слог интенсивнее ударного, а НВ — что интенсивнее ударный.

Второе — относительные сведения. Например, ВН и для структуры — —, и для структуры — — означает, что первый слог интенсивнее второго. Однако если при этом окажется, что в первом случае отношение первого слога ко второму по интенсивности будет 1 : 0,5, а во втором — 1 : 0,9, то это будет свидетельствовать о совпадении схемы и тенденции в первом случае и об их противоречии — во втором.

Третий тип данных — абсолютные амплитудные данные (в мм). Они оказываются важными при изучении типа модификации слова во фразе, где увеличение или уменьшение абсолютных данных говорит о самой фразе. Например, слово *голос* может иметь всегда ВН и отношение 1 : 0,6, но в начале фразы — это 14 : 8,4 мм, в середине — 10 : 6 мм, в конце — 5 : 3 мм. Это показывает, как именно падает акцентная кривая фразы от начала к концу.

По этому же принципу анализировалось изменение длительности.

В наши просодические данные не включается мелодика слова (за исключением данных сербского и словенского языков). Мы полагаем, что мелодика слова есть чисто фразовый параметр. Строго говоря, изолированного слова вообще нет — это относится и к длительности, и к интенсивности. Однако, как увидим далее, эти данные сложным образом комбинируются с решением ударного слога, мелодика же изолированных слов единообразна (точковая, назывная или перечислительная). Эта фиктивность изолированного слова, иллюзорность его отдельного существования признается рядом исследователей².

² См. прямую формулировку Г. Невекловски, автора большого числа работ по просодии словенского слова («Eine Wortintonation als solche ist nicht realisierbar», т. е. словесная интонация как таковая не может реализо-

Итак, изолированное в произнесении слово — в нашем понимании — это не слово, взятое в противопоставлении фразе, а микрофраза, дающая еще один вариант воплощения слова и помогающая тем самым создать его инвариантную просодическую модель.

Таким образом, вторая часть предложенных описаний дает следующие нефункциональные просодические признаки:

1. Типология мелодической линии фразы.
2. Типология акцентной линии фразы.
3. Типология временной структуры фразы.
4. Типология мелодической линии слова — для языков с музыкальным ударением.
5. Типология акцентной линии слова.
6. Типология временной структуры слова.
7. Типология тенденции к выделению ударного слога в слове.
8. Типология воздействия линии слова (схемы) на тенденцию к выделению ударного слога.
9. Типология воздействия фразовой просодии на словесную — на разных участках фразы и разными акустическими параметрами.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Очерки фразовой интонации славянских языков начинаются с данных русского языка по целому ряду причин. Прежде всего потому, что данная книга в первую очередь ориентируется на русского читателя и, как автор надеется, не обязательно на специалиста по интонации и по экспериментальной фонетике. Русский язык, несомненно, должен быть первым в цепи славянских языков, описываемых нами в ареальной последовательности с севера на юг.

Все разделы подчинены указанному единому плану и поэтому в ряде случаев будут приводиться собственные наблюдения автора — если нет других данных, полученных на большем материале. Было записано 10 дикторов — носителей литературного произношения. Интонографировался материал трех дикторов — из них два — мужчина (ЛК) и женщина (СУ) — носители московской нормы, один (мужчина, ВК) — носитель ленинградской нормы произношения.

ваться): G. Neweklowsky. Zur Wortintonation in Slovenischen Mundarten Österreichs. «Acta Universitatis Carolinae. Philologica», I. Phonetica Pragensia III, 1972, стр. 179.

Интонация завершенной синтагмы
повествовательного предложения (каденция)

Конклюдивная каденция в русском языке при отсутствии заударных слогов может быть выражена несколькими вариантами. Эти варианты различаются по двум критериям: 1) положению первого и второго предударных; 2) типу движения тона в ударном слоге.

В ударном слоге движение может быть понижающимся (в наших примерах обычно до 40 гц) или ровным.

Предударный слог обычно располагается выше ударного или кончается на той же высоте, на которой начинается ударный.

Существенным оказывается положение второго предударного, который может быть на одном с ним уровне и — что важно — ниже его ¹.

Различие типа движения в ударном слоге не представлялось существенным. Существенно различие повышенного или неповышенного положения первого предударного, что образует различие каденционных фигур.

Возможным было простое объяснение — «занос» предударного имеет место в тех случаях, когда конечное слово двусложно и подъем мелодики начинает это слово.

Однако это не так. См., например: [Эт]и зверьки — 140—120/100/60 Д. ЛК; [кор]мить мангу́ст — 160/100/60 Д. ЛК; [сер]ые зверьки — 140/140/100 Д. ВК. Но есть случаи — предударного подъема — [Эт]и зверьки — 100/100—140/120—100 Д. ВК; для мангу́ст — 120/120—140/80 Д. ВК; [сер]ые зверьки — 220/180—200/160—140/100²⁻¹⁰ Д. СУ.

С другой стороны, см. [под]пото́лком — 160/180—200/180—160 Д. СУ. Таким образом, дело здесь не в пословном, а в посложном решении. Отлично понимая статистическую слабость этого утверждения, мы все скажем, что для русского языка фигура с повышенным предударным менее распространена, чем в белорусском и польском языках (см. ниже).

Конклюдивная каденция при наличии заударных слогов также имеет несколько мелодических решений:

¹ Р. Лид считает, что именно это сочетание претонального подъема и глубокого понижения создает русскую конклюдивную каденцию (R. L. Leed. A contrastive analysis of Russian and English intonation contours. «The Slavic and East European Journal», 1965, v. IX, № 1). — Глубокое понижение в английском языке служит признаком эмпазы. Именно на это сильное падение тона в завершающей синтагме как на специфически русский интонационный факт обращает внимание Z. F. Oliverius (Z. F. Oliverius. Динамика, ритм и мелодика русского языка. «Ruský jazyk», 1966, № 3).

²⁻¹⁰ Здесь и далее, в применении к мелодике, указываются данные в гц., ударный выделен светлой линией.

Ударный слог, как и в предыдущем случае, либо осуществляет движение вниз, либо, будучи монотонным, начинается на более низком уровне.

Заударный слог может принимать три вида — быть на том же уровне, что и ударный, быть ниже ударного и — быть выше ударного¹¹.

Полагаем, что эти варианты факультативны. Так, диктор ВК (ленинградец) предпочитал первый вариант, диктор ЛК — второй вариант, диктор СУ — третий.

Для предударных слогов, как отмечалось выше, существенно положение обоих слогов.

При этом важно, повышен или нет первый предударный слог. Таково, например, повышение предударного в слове *схватили* из фразы *Мой палец схватили* (Диктор ЛК), где движение тона в гласных — 100—160/180—100/100—80/.

Описанные выше варианты положения предударных, ударного и заударных, комбинируясь при реальном воплощении, дают большое число мелодических фигур.

Иногда отмеченное повышение начинается в конце ударного и кончается в заударном (см.: *Пароход качало* — Д. ВК).

Мелодическое начало фразы или синтагмы представлено или простым повышением , или петлеобразным повышением

; в любом случае начальное повышение имеет место.

Движение интенсивности во всех случаях было понижающимся.

Темпоральная фигура конклюдивной каденции отсчитывалась нами, исходя из ударного слога, который принимался за единицу (условно 100). По отношению к нему первый предударный был примерно 40—60, второй предударный — 30—40¹². В ленинградском произношении величина первого предударного меньше.

¹¹ Подъем к концу каденции отмечался для русского языка неоднократно (Е. А. Брызгунова. Звуки и интонация русской речи. М., 1969, стр. 230; Т. М. Николаева. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969, стр. 90; Г. А. Баранова. Некоторые особенности интонации Р. Р. «Русская разговорная речь». М., 1973). Как будет видно ниже, это повышение возникает в конклюдивной каденции сербского и славянского языков в определенных фонетических условиях словесной просодии (при ударном слоге — носителе акцента). В русском языке это может быть как фактом чисто фонетическим, так и результатом коммуникативной установки на связь, неабсолютную законченность — это как бы микрополукаденция. См. об этом: Г. И. Фирсанова. Интонация вопросо-ответных конструкций. АКД. Л., 1972.

¹² Ранее нами отмечалось это сильное продление предударного слога синтагмы (Т. М. Николаева. Интонация сложного предложения в славянских языках, стр. 71). См. об этом: Л. В. Златоустова. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962, стр. 33; R. L. Leed. Указ. соч.

Наиболее существенны были расхождения по длительности гласного в заударном слоге — от 25—120. Для русского языка здесь допускается большая свобода — возможно продление заударного до уровня ударного (см. этот тип в других славянских языках — с разной степенью длительности) или, напротив, скороговорочное «проглатывание» заударных¹³.

Интонация незавершенности (полукаденция)

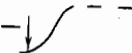

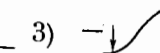
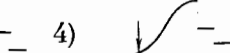
При отсутствии заударных гласных движение в ударном слоге в русском языке имеет два вида: 1) с повышением в первой части

и ровным движением в конце , 2) с повышением в начальной части и понижением в конечной .

При наличии заударных слогов движение тона в ударном слоге восходяще-ровное, в заударном в основном допустимы два варианта: 1) заударные находятся на том же мелодическом уровне, на котором кончается ударный — или немного выше; 2) заударные располагаются ниже ударного.

Положение предударного может быть и на одном уровне с началом ударного, или он может располагаться несколько выше его. При этом положение предударного может комбинироваться с разными вариантами расположения заударных.

Таким образом, оказались возможными следующие типы незавершенности:

1) 2) 3) 4)

Резкого повышения в ударном при наличии заударных обычно не отмечалось — в отличие от движения в ударных без заударных.

Описанные выше схемы для русского языка отмечались неоднократно. В наших данных были, однако, особые случаи мелодики незавершенности, которые, вероятно, можно считать нехарактерными, — когда мелодическое повышение осуществлялось на заударном (*лапой в стѣнку*. — Д. СУ).

При «сдвиге», т. е. перемещении ударного центра к началу синтагмы, всегда осуществлялся тип полукаденции с падающими

¹³ Согласно устному сообщению Е. И. Торсуевой, различие этих двух типов — с продленным конечным и с кратким — характеризует поколения: молодые говорят с продлением конечного слога. Для говоров отмечается удлинение конечных гласных и еще большее усиление ударного в конечной позиции. См.: А. Кугаевская. Повествовательная интонация и синтаксическое членение фраз в поволжских говорах сравнительно с литературным языком. «Вестник студенческого научного общества», вып. 2—3. Казань, 1969.

заударными, последний ударный не создавал дополнительного центра. Отмечалось, являлся ли ударный гласный в полукаденции самым интенсивным. В 70% ударный гласный не был выделен. Акцентная кривая полукаденции была как понижающейся (в большинстве случаев), так и повышающейся.

По длительности наблюдаются примерно те же соотношения, что и в каденции: 60% — предударный слог, 100% — ударный, 70—90% — заударный. Но абсолютно конечный заударный был продлен реже, чем в каденции (см. противоположные факты в разделе «Македонский язык»).

Интонация вопросительная (антикаденция)

Приведем примеры разных типов вопроса без вопросительного слова: 1) собственно вопрос — с начальным и конечным центром, 2) переспрос, т. е. контексты типа «Необходимость заставляет?» — «Необходимость?»; «Вы справились с племенами?» — «С племенами? С какими?» и т. д., 3) вопрос с *или* («По бегу или по стрельбе?»).

1. При отсутствии заударных слогов движение слога в ударном слоге было восходяще-ровным или восходящим (*Гостей нет* — Д. СУ), предударный слог располагался ниже начала ударного или на одном уровне с этим началом.

При наличии заударных слогов всегда был представлен тип с понижающимися, падающими заударными.

Этот тип, как отмечает Е. А. Брызгунова, представляет наибольшую трудность для нерусских¹⁴ и отмечается в первую очередь при исследовании интонации русского языка, причем отмечается в двух планах: 1) по падению заударных в вопросе, 2) по большому диапазону интервала на ударном.

Количественный мелодический перепад в ударном вопросе намного больше, чем в незавершенности (40 гц в незавершенности, 80—100 гц в вопросе).

При анализе вопросительных предложений с начальным положением интонационного центра существенно положение последнего ударного слога — создает ли он второй центр, с перепадом мелодики, или нет.

¹⁴ Е. А. Брызгунова. Указ. соч., стр. 34.— С. Боянус называет его high-pitch interrogative и отмечает его для разговорной речи (*S. Boyanus. The main types of Russian intonation. «Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences,» Cambridge, 1936.*)— См. также: Г. М. Кузнецова. Три типа неконечных синтагм. Мелодика простого повествовательного предложения в современном русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», 1960, вып. 40, № 237; А. Менац. Jz problematike rečenične intonacije u ruskom jeziku. «Radovi Zavoda za slavensku filologiju (Svenči liste u Zagrebu)», 1963, № 5.— Удачно подобранные примеры типа *Все прочитай?* и *Вот где статья* дают возможность Я. Скоумалу, также описывающему этот необычный тип, показать внешнее сходство мелодического рисунка в этих предложениях (*J. Skoumal. K melódii koncového úseku věty v češtině a v ruštině. «Československá rusistika, 1970, XV, № 2).*

Было два ответа: 1) последний ударный слог давал каденционный рисунок, т. е. терминальное понижение: *Видел ли ты стадо баранов?*; 2) последний ударный слог мелодически не давал терминального перепада: *Плаваешь в спокойном море?*

Движение интенсивности в основном понижающееся.

В некоторых случаях движение интенсивности абсолютно повторяло движение мелодики — причем по данным всех дикторов.

Однако в целом движение мелодики и интенсивности давало пеструю картину совпадений и расхождений.

Длительность конечного заударного, по нашим данным, была как краткой, так и продленной, но не более ударного.

2. Интонационная модель переспроса признается нами специфической. Переспрос может совпадать по форме и с утвердительным предложением, и с местоименным вопросом.

Типы переспроса: 1) *Необходимость?* 2) *С племетями?* 3) *Один на тысячу?* 4) *Учиться?*

Этот тип вопроса в русском языке (по нашим данным) имеет специфическую мелодическую фигуру, а именно — заканчивающуюся восходящим движением тона без последующего падения. Это восходящее движение может начинаться как на ударном, так и на заударном¹⁵.

В некоторых случаях сильное движение вверх осуществляется даже на втором заударном — *Один на тысячу* (Д. СУ). Как отмечалось выше, эта специфическая форма переспроса для русского языка является нормой обычного неместоименного вопроса в других славянских языках, например, в польском, словенском.

3. Альтернативный вопрос *По бегу или по стрельбе?* дал одну и ту же картину — с высоким ударным и падающим заударным в первом предмете вопроса¹⁶.

Существенной проблемой определения интонационных конструкций русского языка является различие/неразличение вопросительности и незавершенности интонационными средствами. Иначе говоря, различаются ли для русского языка три мелодики — восходящая, нисходящая и прогрессивная, как для большинства европейских языков, или две — восходящая и нисходящая. Для русского языка как будто бы определяется наличие двух мелодик¹⁷. Однако создается впечатление, что для незавершенности характерна некоторая ослабленность мелодических интервалов и более ровное расположение заударных. Кроме того, получены

¹⁵ Г. А. Баринаева отмечает также для разговорной речи для переспроса ускорение темпа (Г. А. Баринаева. Указ. соч.).

¹⁶ Р. Лид (указ. соч.) отмечает разницу в английском языке между паузальным и непauзальным отделением первого альтернативного члена (Do you want coffee II or milk?), констатируя, что в русском языке этой смысловой разницы нет.

¹⁷ См. об этом: А. Bloch. Intonation und Satzgefüge. «Sprache-Zuordnungsstrukturen». Den Haag, 1965.

данные о том, что индикатором в этом случае может быть начало фразы (у первого ударного слога незавершенности более высокий уровень)¹⁸.

В уже упоминавшейся работе Н. Д. Светозаровой («Описание основных интонационных контуров...») незавершенность отличается от вопросительной мелодики несколько более низким началом, меньшим значением мелодического максимума ударного конца и более высоким положением безударного конца. Однако, согласно наблюдениям Е. А. Брызгуновой, и в незавершенных, и в вопросительных конструкциях — представлен единый набор ИК (ИК-3, ИК-4, ИК-4а — типы восходящей мелодики). Учитывая эти данные, необходимо понять методическую опасность «усреднения» разных прочтений незавершенности или вопроса, поскольку дикторы могут свободно выбирать ту или иную конструкцию и усреднение покажет несуществующую модель.

Вторым важным вопросом является проблема выбора типа мелодики — с восходящими или падающими заударными (ИК-3 или ИК-4 и ИК-4а). Е. А. Брызгунова отмечает тип с восходящими заударными как дикторское чтение. Несомненно, оно свойственно «старому» произношению интеллигентов. В этом отношении очень характерны те косвенные данные, которые можно получить из книги И. Банинг и К. Схонефельда об употреблении этого типа в неконечной и вопросительной синтагмах — особенно в тех «длинных» примерах, где в центре внимания исследователей лишь конечная часть фразы. А именно — в подавляющем числе случаев здесь представлены восходящие или ровные заударные. Несомненно — это старая норма, сохранившаяся в речи русских на Западе¹⁹.

Но, говоря о том, что это норма старшего поколения, мы вовсе не считаем, что тип с падающими заударными — новый. Можно сказать лишь одно — при былом сосуществовании двух моделей одна, очевидно, побеждает другую.

Интонация вопросительного предложения с вопросительным словом

Различаются собственно вопросы и вопросы повторения, например: «Когда ночью летит самолет?» — «Когда ночью летит самолет? А он ночью не летит»; «Что нам дают ледники?» — «Что нам дают ледники? Ледники дают нам воду» и т. д.

Первая группа — собственно вопрос с вопросительным словом — имеет четкую мелодическую фигуру с понижающейся

¹⁸ См.: «Отчет Лаборатории экспериментальной фонетики I МГПИИЯ. Исследование количественных характеристик просодии русской речи». М., 1972.

¹⁹ J. E. J. Buning, C. H. v. Schooneveld. The sentence intonation of contemporary standard Russian as a linguistic structure. The Hague, 1960.

общей линией. Максимальный пик осуществляется на ударном слоге вопросительного слова (*когда, какие, что*), на этом слоге осуществляется подъем мелодики до максимума в данном предложении. Вторым мелодическим центром является последний ударный слог предложения, где происходит резкое понижение мелодики, т. е., на наш взгляд, это служит показателем терминальности.

Таким образом, общая линия этой фразы следующая:

Иногда перепад мелодики в последнем

слоге бывает значительным: Д. ЛК — *Что нам дадут ледни/ки?* (140—100 гц); *Когда ночью летит самолёт?* (140—100 гц).

Тот факт, что вопросительное предложение с вопросительным словом имеет понижающуюся мелодику, близкую к мелодике повествовательного предложения, часто считается почти универсалией. Однако в украинском и белорусском языках мы находим два повышения — в начале и в конце. Для польского чтения такое — двухпиковое — чтение русского вопроса без вопросительного слова является типичной ошибкой²⁰. Именно это же считают характерной ошибкой венгров авторы «Курса русского языка» для венгров²¹.

Кривая интенсивности в предложениях этого типа понижающаяся — с максимальным пиком на вопросительном слове; по силе интенсивности этот пик превышает начало повествовательного предложения, для которого также характерна понижающаяся линия интенсивности.

По нашим данным, длительность таких предложений имеет два центра: первый из них расположен на ударном слоге вопросительного слова, второй — на последнем ударном слоге. По соотносительной величине второй центр превосходит первый в 1,5—2 раза, таким образом именно длительность здесь является основным показателем терминальности.

Предложения этой же лексико-грамматической структуры, но с переспросом (т. е. повторением вопроса) имеют совершенно другую мелодическую кривую. Повторение вопроса заканчивается восходящим движением тона без последующего падения. На вопросительном слове также осуществляется повышение. Таким образом, предложение в целом имеет два восхождения.

Интонация вопросительных предложений с А

Этот тип вопросительных предложений подробно описан Е. А. Брызгуновой, которой была показана интонационная самостоятельность этих конструкций. Именно поэтому тип с А был

²⁰ J. Skorek. Z problematyki intonacji języka rosyjskiego i polskiego. «Język rosyjski», 1970, № 2.

²¹ К. Болла, Э. Палл, Ф. Панн. Курс современного русского языка. Будапешт, 1968, стр. 130.

включен нами в перечень конструкций, разбирающихся во всех славянских языках, — проверялось, представляет ли эта конструкция и в других славянских языках самостоятельный тип.

Наши примеры: *А неть?*; *А вода?*; *А дедушка?*; *А про помещика?* — продемонстрировали удивительное сходство чтения по дикторам. Во-первых, это подъем на первом гласном *А*, во-вторых, низкое положение ударного, в-третьих, и это существенно: обязательным оказалось последовательное конечное повышение тона. Это конечное повышение тона может полностью реализоваться на конечном ударном — *А неть?*; на заударных — *А дедушка?* *А про помещика?* Вся фигура напоминает фигуру переспроса; по всей вероятности, это не случайно. Напоминание семантически может быть сближено с переспросом.

Ниже, при сопоставлении всех типов предложений, мы будем указывать среднюю длительность каждого типа, сейчас же, предваряя эти данные, можно сказать, что средняя продолжительность звука в данной конструкции является одной из самых высоких, что может объясняться как смысловой спецификой, так и формальной стороной — обычной краткостью этих конструкций.

Кривая интенсивности во всех случаях была понижающаяся, ударный гласный не был самым интенсивным, но был самым длительным.

Интонация восклицательных предложений

Восклицательное предложение представляет наибольшую трудность для интонологического описания. Строго говоря, анализируя интонацию и повествовательного предложения, исследователь не знает, сколько «смыслов» стоит за этим термином, однако он может надеяться, что анализируемые им примеры читались нейтрально, без эмоций. В восклицательном предложении к лингвистической неясности добавляется неясность эмоциональная. Вопрос *Какой сегодня день?* — понятен. Но *Какой сегодня день!* может предполагать любую ответную реплику: «Да, мерзкий, чудесный, настоящий весенний, печальный» и т. д.

Нами рассматривались предложения, по форме совпадавшие с вопросительными: *Какая здесь красота! Какие могут быть рекорды!*, и предложения, имеющие собственную структуру: *Дотянула бы! Один на тысячу! Мангусты! Не одна, а две мангусты!*

Результаты получились самыми разнообразными:

1) Был представлен обычный рисунок тона вопросительного предложения с вопросительным словом:

Какие могут быть рекорды! (Д. ЛК, Д. СУ); *Какая здесь красота!* Д. СУ²²;

²² О том, что восклицательность часто не реализуется, см. (с подробным анализом) отчет Н. Д. Светозаровой по теме «Описание основных интонационных контуров русской речи и их разновидностей» (Л., 1970, стр. 14).

2) Была представлена некая дугообразная фигура, но в самых различных вариантах:

а) она могла распространяться на предложение в целом.
Дотянул бы! (Д. СУ);

б) она могла концентрироваться на восклицательно-ударном слове: *Не одна, а две мангусты* (Д. ВК);

в) она могла концентрироваться на одном ударном слоге:
Какая здесь красота! (Д. ЛК).

Как мы увидим далее, дугообразная фигура характеризует, как правило, восклицательное предложение²³.

Отличительная черта восклицательных предложений — крайне высокая средняя длительность и, более конкретно, длительность ударного слога — носителя оценки. Так, например, для диктора СУ ударный гласный достигал 230—270 мсек, при обычной длительности гласного — носителя фразового ударения — 110—140 мсек.

3) Третья характерная особенность восклицательных предложений — их относительно ровная и в целом повышенная интенсивность. Но среднюю интенсивность они могут дать такую же, как, например, вопросительные предложения с вопросительным словом (где средняя интенсивность высокая за счет яркого прогмостки начала).

Наиболее сложным вопросом в отношении восклицательных предложений является проблема числа его центров — его мелодические характеристики скорее диффузны.

Интонация выделения²⁴

Под интонацией выделения мы имеем в виду также интонеми, т. е. знак интонационного уровня. Под выделением понимается противопоставление одного слова речевой цепи другим словам той же цепи, т. е. синтагматический контраст. Наше понимание выделения близко к тому, что обычно называют эмфазой. Сложность вопроса — в определении места в этом явлении для так называемого логического ударения. Мы считаем логическим ударе-

²³ Однако для разговорной речи, как отмечает Г. А. Барина, эта фигура нехарактерна. В аналогичных конструкциях употребляется форма с повышением на ударном и последующим повышением на заударных (Г. А. Барина. Указ. соч.).

²⁴ Мы ничего не пишем об интонации пояснения. Дело в том, что этот тип интонации достаточно хорошо описан («произносится в более быстром темпе, на более низком тоне»), см.: Е. А. Брызгунова. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963; см. также: Р. М. Романова. Мелодика предложений с вводными словами автора при прямой речи. «Уч. зап. ЛГУ», 1964, вып. 69, № 325. — В нашей книге «Интонация сложного предложения в славянских языках» интонация пояснения рассматривается на материале предложений, содержащих скобки. Данные русского, украинского, чешского и польского языков говорят о единообразном оформлении этой конструкции, возможно являющемся универсальным.

нием тот частный вид выделения, когда выделенное слово имеет внеконтекстный ассоциативно противопоставленный член — как существующий реально, так и выражаемый абстрактной постановкой типа «а не...» (*Петр это сделает* — т. е. а не Павел и не кто-то другой). Чистым выделением мы считаем такие случаи, когда этого ощущаемого противопоставления нет — *Ничего не будет; Нравилась мне очень; Теперь — самое главное.*

Фонетика логического ударения наиболее детально описана М. М. Галеевой — для конечной и неконечной синтагм. М. М. Галеева различает логическое ударение на последнем и не последнем слове ²⁵.

Согласно данным М. М. Галеевой, в законченной синтагме логическое ударение осуществляется всеми параметрами: мелодический интервал увеличивается, длительность резко увеличивается, интенсивность иногда увеличивается, иногда уменьшается; в незаконченной синтагме в основном выражается резким повышением мелодики. Синтагматическое же ударение в основном выражается увеличением длительности.

Итак, мы различаем выделение и логическое ударение. Полученные данные по обоим видам выделения говорят о следующем.

Логическое ударение не в конечной позиции осуществляется мелодически нисходящей мелодикой — *Ничего не будет;*

И мне, а не ему хлопает публика.

Выделение, помещаемое в неконечную позицию, выражается восходящей мелодикой: *Мне нравился другой голос* и т. д.

Длительность является наиболее активным средством выражения выделения. См., например, *мне (И мне, а не ему хлопает публика)*, произнесено дикторами ЛК и СУ — с длительностью ударного гласного — 230 мсек, превышающей вдвое характерную в среднем для них длительность ударного гласного.

Интенсивность также является ведущим средством выражения выделения. При этом характерно, что при восходящей мелодике, сопровождающей выделенное слово (*А теперь — самое главное; другой голос* — и т. д.), обязательно наблюдается повышение интенсивности на ударном гласном — обычно в виде пиковой кривой.

Таким образом, эффект выделения создается и совместным действием акустических параметров ²⁶.

²⁵ См.: М. М. Галеева. Элементы интонации и их взаимодействие в синтагмах повествовательного предложения в русском языке. АКД. М., 1968.

²⁶ Л. В. Златоустова подчеркивает также наряду с интенсивностью и долгой роль тембра звука как средства выделения, особенно эмфазы, см.: Л. В. Златоустова. Указ. соч.

Тип — — (*море, вбду, остров, палец, думал* и т. д.). Кривая интенсивности²⁷ во всех случаях была ВН, кроме одного чтения диктора СУ (*книги* — 7—5—3/2—8—3).

Тип движения и интенсивности в заударном слоге понижающийся, в ударном же слоге были представлены три возможности движения интенсивности. Первая — нисходящая (*клетка* — Д. ЛК — 6—5—4), вторая — изогнутая линия (*вижу* — Д. СУ — 5—3—8, *шкурки* — Д. ВК 7—6—9 и т. д.); третья — выпуклая (*берег* — Д. СУ — 6—8—6; *клетка* — Д. ЛК — 5—8—5 и т. д.).

Относительные показатели сильно колебались по дикторам. Однако в среднем отношение было 1 : 0,7—0,4 (у диктора ЛК почти всегда 1 : 0,5).

Длительность в данной группе слов резко менялась по дикторам. Это объяснялось тем, что, как указывалось выше, в русском языке существуют два варианта речевого произношения абсолютно изолированных речевых единиц — с сокращенными заударными и с продленными заударными. Поэтому у диктора ЛК во всех случаях была формула ВН, у остальных дикторов — половина ВН, т. е. ударный слог продлен, в остальных случаях — РР (т. е. ровно) и НВ, т. е. продлен конечный слог.

Тип — — (*гляжу, манюста, успел, меня, нейлон* и т. д.). Движение и интенсивности во всех случаях — ВН (исключением *успел* — Д. СУ — 9—6/5—9—6—5). Это значит, что наиболее интенсивным оказывается неударный слог, т. е., иначе говоря, наиболее интенсивным является, как и в предыдущем случае, первый слог.

Относительные показатели здесь колеблются очень сильно — от 1,5 : 1 до 3 : 1. Таким образом, на этих двух структурах, по данным интенсивности, схема побеждает тенденцию.

Длительность демонстрировала во всех случаях НВ, т. е. ударный слог был продлен²⁸.

Относительные показатели показывают приблизительное отношение 0,6—0,7 : 1.

Таким образом, на материале двусложных структур мы можем говорить о сильной точке интенсивности — начале слова и о (потенциально) сильной точке длительности — абсолютном конце.

²⁷ Мелодия не есть характеристика слова, Л. В. Златоустова отмечает для слова — тембр, длительность и интенсивность, а для фразы — мелодику и паузу (указ. соч.).

²⁸ Несмотря на то, что временное продление ударных гласных как один из главенствующих факторов создания ударного в русском языке было проанализировано достаточно подробно — в сопоставлении с интенсивностью — и достаточно давно (Л. В. Златоустова. Фонетическая природа русского словесного ударения. Л., 1953), утверждение о том, что в русском языке — ударение динамическое и ударный слог всегда выделяется средствами интенсивности, продолжает кочевать из одного общего пособия в другое.

Тип \acute{e} — — (*пáзухой, глáзками, пáлубу, вóздухе, шлѐпнулся* и т. д.). Движение и н т е н с и в н о с т и было во всех случаях ВНН, т. е. понижающееся²⁹.

Относительные данные говорят о довольно значительном понижении после ударного слога — обычно пропорциональном — к последнему слогу. При равных гласных понижение к следующему слогу ориентировочно осуществляется на 1/4 средней интенсивности гласного.

Д л и т е л ь н о с ь — при кратком варианте произнесения абсолютно конечного гласного — давала стопроцентную отмеченность ударного гласного, при продлении конечного гласного образовывались два центра длительности — начально ударный и конечный гласный. Длительность конечного гласного, по нашим данным, не превышала длительности ударного, а составляла 80% его длительности.

Тип — — \acute{e} (*пáрохбд, пóтолкбм, убéжáл, чéловéк, мóлоká* и т. д.). Во всех случаях по интенсивности была все та же схема ВНН. Это значит, что тенденция полностью побеждается схемой.

Некоторые рефлексы ударного можно найти в последнем слоге в виде внутреннего подъема интенсивности (например, *убежал* Д. СУ — 9—8—5/7—3/2—2—5, т. е. выпячивается участок ударного—слога).

Относительные показатели были самыми разнообразными (3,5 : 3 : 1; 2,5 : 2 : 1; 1,7 : 1,3 : 1 и т. д.).

Д л и т е л ь н о с ь была во всех случаях НВВ, т. е. увеличивающаяся на каждом слоге. Характерным для московских дикторов было очень сильное продление предударного гласного (до 80% длительности ударного).

Тип — — \acute{e} (*мангóста, рабóтал, банáнов, гóтбво, кáкóту*). Этот тип в известной степени может считаться диагностическим для определения силы тенденции к выделению ударения, так как в этом случае ударный слог не расположен ни на одной из сильных точек слова — ни по интенсивности, ни по длительности³⁰. В 80% случаев кривая интенсивности была ВНН. Но в этом типе наблюдались формулы НВН, т. е. ударный слог самый интенсивный, а также формула ВРН (в 15% случаев), т. е. ударный слог равен первому, а третий слог значительно ниже³¹.

В ряде случаев акцентная отмеченность ударного выражалась разными способами внутри общей схемы ВНН, а именно, это был:

²⁹ М. Ромпортл отмечал силу русского динамического ударения по сравнению с чешским (*M. Romportl. Stručná fonetika ruštiny. Praha, 1962*).

³⁰ О слабости заударных слогов по сравнению с сильной слоговой зоной — ударным и первым предударным, см.: Л. В. Бондарко. Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем. АДД. Л., 1969, стр. 28—29.

³¹ Л. В. Златоустова определяет эту структуру как имеющую сильные предударные и слабый заударный (*Л. В. Златоустова. Фонетические единицы русской речи. Экспериментальное исследование. АДД. М., 1970*).

1) новый подъем на ударном гласном; 2) подъем внутри ударного гласного; 3) подъем в конце ударного гласного.

Относительные показатели — самые разнообразные, но часто ударный гласный ближе по интенсивности к первому гласному, чем к последнему.

Д л и т е л ь н о с т ь — при кратком произношении заударного — всегда выделяла ударный гласный; при продленном заударном он мог оказаться более длительным.

Итак, очевидно, что говорить о выделении ударного слога интенсивностью не имеет смысла, не принимая во внимание места ударения, которое может «предсказать» выделенность ударного слога.

Несомненно, что в русском языке схема оказывается очень сильной и — как мы видим — побеждает тенденцию (см. иные данные в разделе «Белорусский язык») ³².

Длительность же более регулярно выделяет ударный слог — в 80% случаев.

Однако необходимо ясно осознавать, что в разобранных выше случаях речь шла об отдельно произнесенных словах. Во фразе, как мы увидим далее, эти пропорции смещаются и ударный слог на разных участках фразы может оформляться разными средствами.

Нами подсчитывалась комплексность выделения параметрами ударного слога. Результат получился очень наглядный (t — время, i — интенсивность).

— — — ti	60%;	i	— 40%;
— — — t	100%;		
— — — ti	70%;	i	— 30%;
— — — t	100%;		
— — — ti	70%;	t	— 15%; 0 (т.е. не выражено этими параметрами) — 15%.

МОДИФИКАЦИЯ СЛОВЕСНОЙ ПРОСОДИИ ВО ФРАЗЕ

Цель нашей работы — описать третий слой звучащей фразы, составляющий собственно интонационную специфику данного языка. Универсальный слой, как мы видели выше, оказывается более обширным, чем это предполагается обычно исследователями интонации одного языка, более того — универсальными оказыва-

³² Интересны экспериментальные данные по восприятию русского ударения, сообщаемые Н. А. Федоровой, а именно: отношения интенсивности воспринимаются в значительно меньшей степени, чем отношения длительности, — могут иметь и психо-акустическую базу, состоящую в том, что для носителя русского языка акцентная кривая слова есть показатель терминальных рамок в той же степени, как и показатель ударения (см.: Н. А. Федорова. Измерение человеком полезных акустических параметров словесного ударения. АКД. Л., 1969; Она же. Восприятие ударения в простой звуковой последовательности. «Анализ речевых сигналов человека». Л., 1971).

ются не только факты, но и инвариантная система отношений. В качестве одного из типологических параметров мы выделяем не только тип фразы в данном языке, но и особый параметр — силу воздействия фразовой просодии на словесную, возможно, реализующуюся по-разному на разных участках фразы³³.

Основная задача нашего исследования не словесная, а фразовая просодия, на слово мы смотрим «с точки зрения фразы», выявляя в его модификации все существенное для познания фразы.

Тип — . — В начале фразы — в большинстве случаев и н т е н с и в н о с т ь (т. е. ударный слог интенсивнее заударного), но есть и случаи РР, т. е. оба слога равны. Относительные показатели говорят о том, что ударный слог незначительно выше ударного ($1 : 0,8$ — близкий по дикторам результат).

В середине фразы — ВН, РР, НВ; т. е. безударный слог интенсивнее (например, *видел* — $4/5-7$, ЛК; *море* — $4/6-7$ — СУ). Относительные показатели — по-прежнему $1 : 0,8$, но и ряд случаев с более резким разрывом — $1 : 0,5$.

В конце фразы — в ударной позиции — различается восходящая и нисходящая мелодика. При нисходящей мелодике всегда отмечено ВН; при этом относительные показатели демонстрируют сильный разрыв между ударным и заударным — $1 : 0,5$ (и менее).

Согласно абсолютным данным, интенсивность фразы понижается к концу (например, *это* — начало $8/7$, середина $6/5$, конец $3/1$ мм; *море* — середина $5/3$, восходящий конец — $2/1$; нисходящий конец $1/0,5$ и т. д.).

Таким образом, согласно показаниям интенсивности по этой структуре сильными точками фразовой просодии являются: начало фразы вплоть до второго слога и последний слог фразы — в обеих точках фразовая просодия оказывается сильнее словесной: в первом случае интенсивность повышена, во втором — резко понижена. В середине фразы, по нашим данным, интенсивность словесного акцента не была подавлена.

Д л и т е л ь н о с т ь в начале — всегда ВН, в середине — также ВН, в конце — тоже ВН, однако относительные показатели меняются. А именно — ударный слог начала относится к заударному как $1 : 0,8$; в середине представлено самое большое разнообразие отношений — от $1 : 0,3$ до $1 : 0,8$ ³⁴, в конце — опять отношение $1 : 0,8-0,9$ для варианта с продлением.

Абсолютные показатели говорят о значительном продлении начально ударного слога, в середине же — абсолютные величины

³³ Употребляя слово «фраза», мы включаем в это понятие и синтагму. О том, что во временном отношении синтагма не может рассматриваться как простая последовательность словесных подпрограмм, а имеет свою структуру, см.: «Речь, артикуляция и восприятие». Л., 1965, гл. 3.

³⁴ Эту нестабильность, неструктурированность середины по сравнению с началом и концом синтагмы на большом материале демонстрирует Р. К. Потاپова: R. K. Potapova. Some timing characteristics of spoken Russian. «Proceedings of the speech communication seminar», v. 2, N. Y., 1976.

уменьшаются (например, *голос* — Д. СУ в начале 120/90, в середине — 90/70 мсек; конечный ударный снова продлен — несколько более начального).

Мелодика показывает для данной структуры высокое положение начального слога, в котором осуществляется движение, следующий слог оказывается либо на той же высоте, либо ниже, т. е. ВН или РР, в середине наиболее часто представлена фигура РР, т. е. ударный слог мелодически не выражен³⁵. В нисходящем конце следующий слог обычно понижен (ВН), в восходящем — либо повышен, либо понижен. Это, как видели ранее, зависит от выбора типа каденции.

Какие параметры представляют ударный слог в разных позициях фразы?

В начале — *f, fti, t, fi, ft.*

В середине — *fti, t, ft, o.*

В нисходящем конце — *fti, fi.*

В восходящем — *fti, fi.*

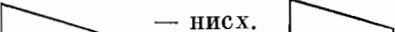

Тип — —. В начале интенсивность представлена двумя формулами — НВ и РР. Это значит, что линия самой фразы стремится к усилению начальной позиции, но тенденция к выделению ударного слога достаточно сильна (в предыдущем случае обе эти линии совпадали, поэтому и результат был одинаков — все случаи давали формулу ВН).

Середина фразы дает интересный, хотя и предсказуемый результат. А именно — здесь сказывается отличие ленинградского варианта. В московском варианте представлены (по степени убывания) ВН, РР и реже — НВ. Это значит, что в середине фразы интенсивность (понижающаяся) подавляет словесную. В ленинградском же варианте преобладает НВ (т. е. выделенность интенсивностью сохраняется)³⁶, но также представлено и РР.

Картина ударной позиции — позиции конца — демонстрирует единство. А именно — в нисходящем конце ВН, в восходящем — РР и НВ.

³⁵ Эти данные противоречат результатам О. Ф. Кривной о том, что на ударных гласных неконечных слов регулярно происходит подъем основного тона. Однако серединная мелодическая «смазанность» ударных гласных отмечалась неоднократно, что заставляет даже предполагать, что мелодика в русском языке есть основной смысловой фактор, реализующийся на каденционном участке, и именно он, если пользоваться аналогиями с другими языковыми уровнями, уподобляет синтагму словоформе, где флексия — это каденция. Однако возможно, чтение наших дикторов было обусловлено более разговорным характером примеров — предложений, допускающих несколько иное чтение (см.: О. Ф. Кривной. Некоторые особенности интонационной системы русского языка. АКД. М., 1969).

³⁶ Наш материал, конечно, минимален, однако, располагая и данными других языков, можно высказать гипотезу о более «западном» ленинградском произношении — в том смысле, в каком это сближает данный вариант с белорусским языком (см. ниже), где интенсивность ударного слога слова очень мало подавлена внутри фразы.

Относительные показатели начала и середины — 0,7 : 1. Существенно, что нисходящий конец дает те же показатели, что и предыдущая структура ВН, где фразовая позиция совпадает со словесной (2 : 1). Это еще раз подтверждает силу этой фразовой позиции. По абсолютным показателям ленинградский вариант демонстрирует свое отличие. Для московского варианта — и нисходящий, и восходящий конец демонстрирует понижение интенсивности: — нисх. — восх.; в ленинград-

ском варианте конец оказывается достаточно высоким (ср. Д. ВК — *хотёл* — начало 8/9 — конец восх. 7/8; *банан* — начало 9/10, конец восх. — 8/9).

Д л и т е л ь н о с т ь в начале фразы РР, НВ и ВН, т. е. позиция первого (предударного) слога во фразе, очень сильна; слог продлен (*гостёй* — Д. СУ — 110/75; *один* — Д. ЛК — 120/80). В середине — НВ, ударный слог выделен, в конце намечается тенденция внутри восходящей мелодики к различению вопроса и незавершенности — в вопросе всегда НВ, в незавершенности — НВ и РР. Нисходящий конец дает РР и НВ.

Относительные показатели сильно варьируются, абсолютные же показатели, несомненно, демонстрируют некоторую «сжатость» середины.

М е л о д и ч е с к и е показатели показывают всегда НВ в начале фразы (т. е. фраза идет вверх); в середине представлены три возможных варианта — НВ, РР и ВН; в конце фразы — в нисходящем варианте ВН, в восходящем — НВ.

Обобщенные показатели дают для этой структуры в начале фразы — *fti*, *ft* (характерно, что элиминируется *i*!) в середине — *fti*, *ft*, *t*, *f*, 0; в нисходящем конце — *ft*, 0; в восходящем конце — *fti*, *ft*, *i*.

Тип — — —. В начале фразы интенсивность представлена как ВНН, ВНР (т. е. последние два слога равны); однако есть и более редкие случаи — ВНВ и НВН (5/6/3). Большеобразие в данном случае, чем у структуры — — —, возможно, говорит о слабости последнего, третьего слога в речевой цепи. — в том смысле, что единство слова здесь оказывается меньшим.

В середине была одна структура — ВНН, т. е. ударный слог выделен. В нисходящем конце — ВНН с резким падением на заударных (например, ВНН *гла́зками* — Д. СУ — 9/1,5/1), в ленинградском варианте это падение меньше: 5/4/3 — *гла́зками*.

Д а н н ы е д л и т е л ь н о с т и во всех случаях в начале фразы показывают ВНН (относительные показатели примерно 100/70/50); середина также дает ВНН; нисходящий конец, как и можно предположить, дает три структуры — ВНН (при кратком произнесении заударного), ВНР (при продленном заударном), ВНВ (при еще

более продленном заударном), однако в наших примерах конечный не превышал начального ударного, временное соотношение было типа 100/40/80/.

Мелодическое движение в начале фразы по данной структуре выражалось в том, что первый ударный слог не только занимал более высокое положение, но имел на себе восходящее движение тона. Последующие слоги были ниже ударного, либо на одном уровне с ним или между собой (это представлено формулами ВНН, ВНР, ВРН). В середине фразы формулы были разнообразными.

В обоих концах — восходящем и нисходящем — представлена формула ВНН. Таким образом, как будто получается, что оба типа мелодики имеют одну форму. Действительно, на уровне общей схемы это так. Однако в восходящей мелодике (в полукаденции и антикаденции) ударный слог начинается восходящим движением тона, в конклюдивной же каденции — нисходящим или низким, сами эти интонационные фигуры расположены на разных уровнях (по терминологии К. Пайка, 1-й — 432; 2-й — 311).

В обобщенных формулах данный тип представляет в начале $f t i$, в середине — $t i$, t , o , в нисходящем конце — $f t i$, o , $f t$, в восходящем — $f t i$, $f t$. Таким образом, в позиции середины фразы f не представлено, f представляет лишь начало и ударную позицию.

Тип — — \sphericalangle . Исходя из сказанного выше, можно заранее предсказать, как будет деформироваться структура слова данной ритмической структуры на разных участках фразы.

А именно — в начале фразы и в нисходящем конце интенсивность будет подавлена, но в нисходящем конце возможно скорее ВНН или ВНР, а в начале ВНН и ВРН. В середине фразы возможно и невыделение, и выделение ударного слога интенсивностью.

Длительность середины и конца непременно будет НВВ с самым длительным ударным слогом, напротив, длительность начала может варьироваться — первый слог может быть равен предупдарному (или даже ударному).

Мелодика начала не должна выделять ударный слог, в середине он может выделяться, а также в восходящем конце.

Данные в целом подтверждают выведенные из предыдущих фактов предположения, например, слово *пароход* (Д. ЛК): интенсивность начала — 5/6/3, середины 7/6/5 и 8/4/4 — 5 — 6, восходящего конца — 5/5/7; длительность начала — 40/50/60, середины — 40/60/70 и 45/45/80, восходящего конца — 50/50/85; мелодика начала — 140/160/160, середины — 140/140/120—100 и 140/100/100—140, восходящего конца — 100/100/100—180. Таким образом, несоответствие с предположенными данными обнаруживается лишь в длительности первого слога, который не оказался продленным.

Тип — — —. Этот тип наименее предсказуем по возможным характеристикам, поэтому на нем остановимся более подробно.

Движение интенсивности. В начале фразы акцентная кривая слова представлена, как и можно ожидать, разнообразными показателями. Необходимо заметить, что это различие также и варьируется индивидуально — по дикторам. Однако, анализируя все случаи в целом, можно заметить, что преобладают формулы с повышенным первым слогом, это значит, что фразовая тенденция — выделение начала фразы — оказывается достаточно сильной. Таким образом, преобладают формулы с началом В, далее следует Н, т. е. ударный слог ниже, следующий же слог оказывался ниже, выше ударного или на одном уровне с ним, т. е. это формулы ВНН, ВНВ, ВРН. Приблизительно для трети случаев ударный слог оказывается выделенным — т. е. НВН, в остальных примерах НВР, РРР.

Однако понять это разнообразие оказывается сложно. Так, например, слово *мангуста* оказывалось в начальной позиции 6 раз. В этой позиции оно было произнесено диктором ВК: НВР — 2 раза, ВНН, ВНВ, ВРН, НВН — 1 раз; диктором ЛК: ВНН — 2 раза, ВНР, НВН, ВРН, ВНВ — 1 раз; диктором СУ: ВРН, НВН — 2 раза, НВР, ВНВ — 1 раз (однако это распределение формул по фразам по дикторам не совпадало).

В середине фразы картина оказывается еще более сложной — большая часть примеров (в 80% случаев) начинается с повышенного первого слога (ВНН, ВРН, ВНВ). Если же рассмотреть те случаи, когда ударный слог оказывается выше заударного (т. е. это НВН, ВНН, ВРН), то это число также достигает 80% случаев. Можно предположить, что есть тенденция к сохранению ритмической структуры внутри фразы, но эта тенденция вступает в противоречие с выделением ударного слога, и потому результаты разнообразны.

Нисходящий конец для данной структуры в 80% представлен структурой ВНН, т. е. мы еще раз видим, как сильна фразовая позиция нисходящего конца. Вторая — НВН (побеждает тенденция к выделению ударного слога). Два единичных случая ВРН (т. е. как бы компромиссное решение).

Восходящий конец, как и следовало предполагать, поскольку восходящая мелодика создает благоприятные условия для выделения ударного слога, представил более разнообразную картину. Так, из общего числа — 56 случаев, 21 случай — структура НВН, 25 — ВНН, т. е. приблизительно равное число. Если же рассматривать число случаев с повышенным первым слогом (ВНН, ВРН), то их оказывается — 30, число случаев с ударным слогом, более интенсивным, чем первый (НВН, НВР, НВВ), — 26. В восходящем конце необходимо отметить усиливающуюся позицию последнего слога (случаи НВР, ВНВ и даже НВВ).

Длительность. Заранее обдумывая возможные результаты исследования, мы предполагали, что в средней части фразы ударный слог будет обязательно выделен средствами длительности, однако в начале фразы может победить тенденция к продлению

абсолютно первого слога и абсолютно последнего слога. Однако выделение ударного слога как самого длительного (НВН) осуществлялось в 80% случаев. Какие же случаи явились исключением? Прежде всего это факторы чисто фразовые — продление первого и последнего слогов. Во-вторых, это факторы не фразовые, а относящиеся скорее к области регионального произношения. А именно — в московском произношении сильна тенденция к продленному произношению первого предударного во всех фразовых позициях, так что он может оказаться равен ударному (у ленинградского диктора такой вариант произношения не наблюдался).

Относительные и абсолютные данные говорят о несомненной временной структурированности самой фразы на разных ее участках: середина оказывается более «сжатой» по сравнению с началом и концом (наиболее продленным).

Например, слово *манюста* (Д. ЛК — начало — 85/100/90, середина — 65/80/70, восходящий конец — 70/115/100; нисходящий конец — 100/140/110 — при общем сохранении формулы НВН).

Мелодика. В начале фразы — подавляющее большинство НВН, в остальных случаях — НВВ, НВР, т. е. первый слог оказывается несколько ниже второго. Однако в значительном числе случаев именно на этом первом слоге осуществляется восходящее движение, а ударный слог, будучи монотонным, оказывается выше.

В середине фразы представлен вариант НВН (исключение — 1 случай НВН у диктора ВК).

Восходящий конец у дикторов ВК и ЛК представлен в подавляющем большинстве как НВН, у диктора СУ (с тенденцией к «старой» манере произношения) — НВВ, НВР (т. е. заударные слоги не понижаются) и НВК.

Разнообразные случаи (в виде формул) представлены в нисходящем конце — это ВНН (80% случаев), ВРН, ВНР и даже НВН — 1 случай. Однако на уровне движения тона в каденции все эти фигуры передают одно движение — либо падение тона на ударном, либо перепад регистра к ударному, либо то и другое вместе. Заударный может располагаться на одной высоте с удар-

ным, либо ниже его:

На функциональном уровне —

это аллоединицы, как мы полагаем, со свободным варьированием.

Случай НВН в нисходящем конце не является исключением: *схватили* — Д. ЛК (100—100/180—100/100—80).

На уровне обобщенных показателей эта структура показывает (располагаем по степени убывания частотности):

- 1) в начале фразы *fti*, *ft*, *t*;
- 2) в середине фразы *ft* (*t* — один случай);

3) восходящий конец ft, fti, ti, t;

4) нисходящий конец t (подавляющее большинство случаев), ft, ti.

Полученные данные о модификации словесных характеристик в разных участках русской фразы (синтагмы) интересно сопоставить с данными других исследователей. Прежде всего это две работы по изменению длительности³⁷. Н. Телин рассматривает неударные гласные на материале изолированных слов и в контексте. Контекст представлен тремя типами: 1) внутрисинтагменная позиция; 2) позиция конца синтагмы; 3) конечная позиция при завершающей мелодике. Хотя цель работы — понять структуру безударного вокализма (тип редукции, нейтрализация различий)³⁸, однако из его данных можно извлечь следующие выводы: 1) конечный безударный всего длительнее в изолированном слове, 2) в середине синтагмы длительность сокращается почти в два раза (90/51; 111/60 и т. д.); 3) синтагматический конец и конец фразы — обе позиции достаточно сильны, гласные подвергаются здесь значительному продлению, но степень силы каждой из них колеблется.

Анализ гласных — как ударных, так и безударных — в структурах разного вида был проведен Л. В. Златоустовой и соавторами при различении фразовых условий. Так, ими было показано, что в начале фразы первый предударный структур СГСГСГС (у нас — — <) может преобладать по длительности над ударным, в конце фразы длительность предударных слогов сокращается.

Неабсолютно конечные заударные гласные структур СГСГСГС и ГСГСГС в начале короче, чем в конце. Еще более отчетливо это видно на примере второго заударного слога структур СГСГСГС и ГСГСГС. В абсолютном исходе главные продляются.

Незначительные данные по многосложным словам также говорят об этой же тенденции к выделению сильных и слабых точек для позиций слов. Так, и по данным Л. В. Златоустовой в четырехсложной структуре ГСГСГСГС гласный абсолютного начала в 85% случаев преобладает над ударным, а первый предударный в 50% случаев больше ударного по длительности (см. автореферат докторской диссертации Л. В. Златоустовой, стр. 17).

³⁷ N. B. Thelin. On stress assignment and vowel reduction in contemporary standard Russian. Uppsala, 1971; Л. В. Златоустова, И. Г. Фролова, Е. В. Ленина и др. Исследование длительности неударных гласных в зависимости от фразовых условий. «Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики». М., 1968.

³⁸ Так, интересны, например, данные Н. Телина о том, что последний гласный слов типа *море* в предложном падеже во всех позициях регулярно длительнее гласной в слове *море* в имен.-вин. пад., указываются отношения гласных в этих падежах: 60/51; 143 (? — Т. Н.)/65; 96/80; 111/90; 178/166 (указ. соч., стр. 108).

БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

Материалом, использовавшимся при анализе белорусской фразовой интонации, были тексты, записанные от 10 дикторов-белорусов в Минске в 1970 г. Все дикторы — лица с высшим гуманитарным образованием (преподаватели белорусского языка, в частности белорусской фонетики, сотрудники сектора современного белорусского языка Института языкознания АН БССР). Дикторы считали себя активными носителями белорусского языка; возможность взаимного прослушивания помогала выявить индивидуальные дикторские особенности. Материал трех дикторов-мужчин интонографировался.

Данные белорусского языка, как будто бы достаточно полно представленные, не всегда кажутся вполне достоверными — из-за тех трудностей типологического описания ближнеродственных языков, о которых говорилось во второй главе. Мы не имели предшественников опубликованных работ по интонации белорусского языка, которые дали бы возможность сопоставить наши данные с данными других исследователей¹.

ФРАЗОВАЯ ИНТОНАЦИЯ

Интонация повествовательного предложения (каденция)

При отсутствии заударных слогов мелодика конечной части повествовательного предложения в белорусском языке представлена несколькими вариантами:

1. Движение тона на ударном слоге понижающееся, причем незначительно — до тона. Предударный слог расположен значительно выше ударного, при этом он в самом своем начале уже может начинаться выше второго предударного, или же восходящее движение начинается на нем самом. Таким образом, создан некоторый восходяще-нисходящий рисунок (см. *да нас* — 120—140/140—120 (Д. Т); *не был* — 140—180/160—100 (Д. Т); *правя-раў* — 120—160/180—120 (Д. Т.); *за нёс* — 120—140/140—120 (Д. Т); *яна* — 140—180/190/140 (Д. С); *за нёс* — 120—140/140—120 (Д. Т); *дуббў* — 140—180/140—120 (Д. С) и т. д.). Не случайность такого произнесения видна на чтении слова *рубэль*: Д. К—140—180/160—100; Д. С—160—180/140—120; Д. Т—140—160/160—120.

2. Движение в ударном слоге нельзя назвать собственно понижающимся, поскольку это повышение перед падением осуществляется в самом ударном слоге. Образуется фигура типа

¹ Уже после представления и обсуждения настоящего труда вышла в свет работа А. А. Метлюк «Исследование интонации общего вопроса и утверждения в белорусском языке методом «анализ—синтез»» (Всесоюзная научная конференция «Анализ и синтез как взаимообусловленные методы экспериментально-фонетических исследований речи». Материалы конференции. Минск, 1973).

дзень — 140—160—140 (Д. Т); *свет* — 100—140—120 (Д. Т);
нас — 140—200—180 (Д. К).

3. В конце ударного слога происходит повышение, а в начале — понижение (по сравнению с предударным). *Правярай* — 120/120/120—140 (Д. К); *яна* — 120/120—100—140 (Д. Т); *зімі* — 100/100—120 (Д. К).

4. Комбинирование дугообразного заноса (1 и 2) и конечного подъема: *не былб* — 160—200/180—220—180/100—100—140 (Д. К) ².

5. Вариант, который можно условно назвать «обычным»: на ударном слоге происходит небольшое понижение или он расположен на более низком уровне. Ближайшие к нему предударные могут располагаться «лесенкой», несколько выше друг друга или быть на одном уровне. Например, *ганчарá* — 160/140/120 (Д. С); *у зямлі* — 140/140/120 (Д. Т).

При наличии заударных слогов мелодическое решение конклюдивных каденций в белорусском языке также имеет несколько возможных решений:

1. Тип, который также можно назвать «обычным», а именно — состоящим из предударного слога, занимающего высокое положение, ударного слога в низком положении (или на нем осуществляется понижение) и еще ниже расположенных заударных, размещающихся друг под другом или на одном уровне. Например: *поўніца* — 200—180/160/140 (Д. К); *стралялі* — 180/140/140—120 (Д. С); *забілі* — 180/140/120 (Д. С); *поўніца* — 140—120/120—100/80 (Д. Т) и т. д.

2. Тип, характеризующийся подъемом, начинающимся на ударном слоге, с последующим понижением на заударном. Этот вариант каденции известен в сербском языке при определенном типе словесного ударения (/). Примеры: *азярынах* — 120/120/120—180/160—140 (Д. Т); *да щасця* — 100/120—140/140—100 (Д. Т); *выйграў* — 160—180/180—160 (Д. К); *засохла* — 140/140—180/140—100 (Д. К) и ряд других.

3. Тип, характеризующийся высоким положением ударного слога по сравнению с предударным, на ударном слоге происходит понижение, заударные слоги повторяют движение ударного. Этот вариант в сербском и словенском языках представлен при словесном ударении, выраженном долгим нисходящим ударением (˘). *Стралялі* — 160—200/200—140/140—100 (Д. К); *экзамен* — 100/140—120/120—100 (Д. Т); *у палёце* — 160—180/180—140/140—120 (Д. С) и т. д.

4. Тип, отличающийся от первого повышением на заударных слогах. Например, слово *экзамен* в произношении диктора К ха-

² В указанной работе А. А. Метлюк приводится структура такого вида. По ее данным, этот тип утверждения воспринимался как интонация незавершенности, некатегоричности.

рактируется подъемом от 100 до 120 гц на последнем сонанте [н]. Этот тип может представлять собой либо самостоятельный вариант конклюдивной каденции, либо объясняться общей установкой на связность текста, на неабсолютную терминальность, некоторую незаконченность сообщаемого (этот абсолютный небольшой подъем — характерная черта для невопросительных реплик диалога).

Итак, резюмируя сказанное, мы можем говорить о двух видах конклюдивной каденции в белорусском языке: 1) ровнопонижающейся с вариантами, определяющимися резкостью движения тона в слогах и 2) каденции, характеризующейся обязательным наличием подъема/падения — . Эта фигура «подъем/падение» обычно не более, чем двусложна, и, может, как это было видно, реализоваться в трех вариантах: а) перед ударным, б) в ударном-заударном, в) только в ударном (особенно в конечно ударных слогах).

Распределение длительности в конклюдивной каденции следующее: ударный слог обычно самый длительный, предударный составляет приблизительно 60% длительности ударного, абсолютно конечный заударный продлен — до 70—75% длительности ударного неконечного.

Кривая интенсивности характеризуется обязательным падением к абсолютно последнему слогу (даже если он — ударный). Неконечный ударный слог обычно выделяется динамически, хотя общая линия — понижающаяся. Например, *не палляціць у дарогу* (интенсивность гласных дана в мм, ударные слоги подчеркнуты) — 10/9/7—5/8/4—5/5/7—4/2—1 (Д. К).

Интонация незавершенной синтагмы (полукаденция)

При отсутствии заударных слогов мелодика незавершенности в белорусском языке выражена следующим образом:

1. В ударном слоге движение повышающееся или ровное без понижения.

2. В конце ударного слога общее повышающееся движение понижается. При этом предударный слог может быть и выше и ниже ударного. Таким образом, возможны четыре мелодических фигуры. Например: 1) *буслы* — 120/180/120—220 (Д. К); 2) *суды* — 180/180—220 (Д. Т); 3) *лян* — 140/120—180 (Д. С); 4) *бусянят* — 120—160/120/220—160 (Д. К).

При наличии заударных слогов положение предударного может также варьироваться, но заударные всегда располагаются ниже ударного. Понижение мелодики может начаться либо на самом ударном слоге, либо сразу после него. Этот тип движения мелодики демонстрирует рис. 1 (Движение мелодики в незавершенных синтагмах: *Першы — з палявой вады бывае. Другі — лясной вадю поўніцца. А для трэцяга — з глыбі вады прыходзіць.* Д. К).

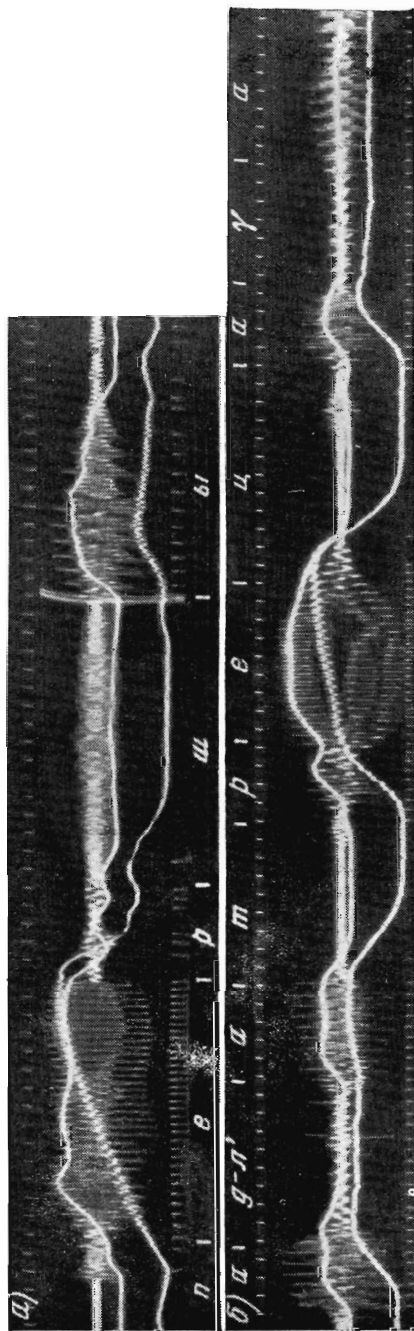

Рис. 4. Движение мелодики в белорусской полукаденции:

а) Синтагма Першы из фразы Першы — з плявой вады бывае;

б) Синтагма А для трэцяга из фразы А для трэцяга — з глыб і вада прыходзіць.

Обращает на себя внимание тот факт, что «сдвиг», т. е. перенос мелодического центра от конечной части синтагмы к началу, характерный в достаточной мере и для русского языка, в белорусском языке осуществляется очень часто и в произношении всех дикторов (включая тех, которые подвергались только слуховому анализу): *Пабачыў яго у першы раз на ляту — да шчасця. Выкінуў бусел яйка з гняздоўя, малое спіхнуў — галоднаю зіма будзе. Хацела спытаць — не спытала* и т. д. Эта ситуация, несомненно, относится к тем, когда, с одной стороны, трудно различить случайные факультативные факты и тенденцию (о норме, конечно, говорить по этим данным рано); с другой стороны, некий факт отклонения от нормы в одном языке будет литературной нормой другого языка.

И все же мы берем на себя смелость считать белорусский язык «начально ориентированным».

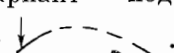
Ударный слог обычно самый длительный, первый предударный менее длительный, чем второй предударный, конечный заударный продлен меньше, чем в конклюдивной каденции.

Интенсивность имеет тенденцию к понижению, но ударный слог обычно выделен, так что линия интенсивности может в зависимости от типа ритмической структуры слова оказаться равной (*буслы — 10/10—8 — Д. К*) или даже восходящей (*буслы — 8/9 — Д. С*).

Интонация вопросительного предложения без вопросительного слова (антикаденция)

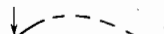
Мелодика ударных слогов при отсутствии заударных была регулярно восходяще-нисходящей. Предударный слог располагался ниже ударного. Таким образом, наблюдался один вид антикаденции с конечным ударным (*Правяраў? — 180/180—200/220—280—220/ — Д. К; Разумень? 140/140—180/190—220—160 — Д. Т; 180/180—200/200—240—180 — Д. С*).

При наличии заударных слогов картина была более сложной:

1) Первый вариант — подъем на ударном слоге и понижение на заударных —

2) Тот же вариант с добавлением повышения в абсолютно конечном слоге: *А таткі не было ў магазіне? — Д. К; Яго можна есці? — Д.Т.* Это конечное повышение абсолютно последнего слога сходно с выражением антикаденции в польском языке (см. соответствующий раздел).

Существенным для типологического описания интонации любого языка является вопрос о том, различны или совпадают в данном языке формы полукаденции и антикаденции (в данном случае мы говорим о мелодике). Для белорусского языка этот вопрос оказывается сложным. Если строить описание на одном

уровне абстракции, например, брать общее соотношение ударного, предупредительных и заударных слогов, то оба эти вида оказываются тождественными: подъем на ударном, падение на заударных. Однако в ряде случаев тип мелодической фигуры оказывается различным — антикаденция тяготеет к фигуре типа

т. е. к плавной дуге; полукаденция — к фигуре типа —

т. е. с резко падающими заударными с монотонным движением. Это различие достигается, во-первых, за счет одновременного распределения по слогам движения мелодики в антикаденции, во-вторых, более резким контрастом монотонных безударных слогов и резко повышающегося ударного — в полукаденции (рис. 2 показывает отличие вопросительных предложений: *Ну, выйграй?* — Д. С; *Выйграй?* — Д. К; *Стреляли?* — Д. Т.

Это различие мы можем описывать лишь как тенденцию. Кроме него полукаденция и антикаденция имели (см. выше) свои специфические фигуры: 1) непонижающуюся линию ударного конечного слога в полукаденции и 2) повышение абсолютно конечного слога в антикаденции.

Ударный слог был почти во всех случаях более длительным. Конечный заударный составлял приблизительно 80% ударного.

Кривая интенсивности слабо понижающаяся, ударный слог обычно выделен по сравнению с окружающими слогами. Если ударный слог предпоследний, то на последнем происходит резкое падение интенсивности, например: *Стреляли?* — 6/6—7—6/2—1 — Д. С.

Интонация вопросительного предложения с вопросительным словом

Мелодика вопросительного предложения с вопросительным словом нисходящая, с двумя центрами — подъемом на ударном слоге вопросительного слова и переломом-падением на последнем ударном слоге: . Иногда в этих центрах

(или в одном из них) осуществляется не движение тона, а частотный перепад (если первый центр есть абсолютно начальный, он тогда занимает самую высокую позицию).

Пример мелодического движения: *А колькі тебе год?* (100—160/180—260/230/220/200—140/120 — Д. Т).

Среди однотипных были примеры со слабым подъемом в конечном ударном слоге — как бы приближение к обычному вопросительному предложению — *Што ты зрабіў з Травінкаю?*
Што ты меў бы?

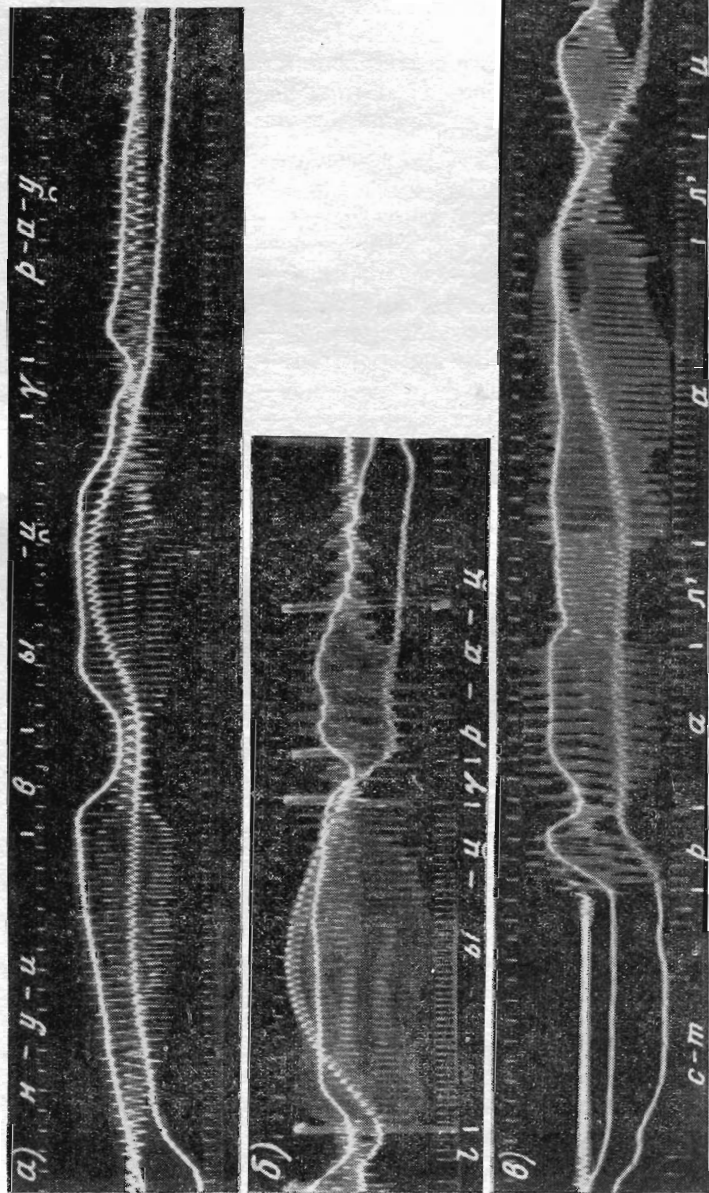

Рис. 2. Движение мелодики в общем вопросе (белорусский язык):

а) Ну, і выйераў (Д. С); б) Выйераў? (Д. К); в) Стралаці? (Д. Т)

Кривая интенсивности понижающаяся. По сравнению с аналогичной кривой повествовательного предложения усилено акцентное начало фразы, конечный ударный часто не выделен.

Длительность обоих центров демонстрирует противоположное соотношение — конечный ударный выделен, по длительности равен переднеударному или превосходит его.

Ср. интонацию вопросительного предложения этого типа для уточняющего и общего типа вопросов на примере одного слова *што?* из двух контекстов: 1) *Выйграў. — Што? — Рубель* и 2) *І спакою не было. Але што іменна, што? — Мелодыя вясны — яна.*

<i>што 1</i>		<i>што 2</i>	
Д.К	<i>f</i> — 220—120	Д.К	<i>f</i> — 200—240—120
	<i>t</i> — 210		<i>t</i> — 250
	<i>i</i> — 10—8—5—1		<i>i</i> — 10—5—1
Д.Т	<i>f</i> — 200—120		<i>f</i> — 180—200—120
	<i>t</i> — 160		<i>t</i> — 240
	<i>i</i> — 10—7—3—1		<i>i</i> — 7—6
Д.С	<i>f</i> — 180—140		<i>f</i> — 180—200—140
	<i>t</i> — 190		<i>t</i> — 260
	<i>i</i> — 7—4—1		<i>i</i> — 6—3—1

Таким образом специальный вопрос (*што 1*) имеет понижающуюся мелодику, меньшую длительность, а большую интенсивность, чем в *што 2*.

Интонация вопросительного предложения с А

Белорусский материал представляет две мелодических возможности решения этого типа фраз.

1) Тип, соответствующий русскому варианту, — низкое положение ударного, подъем на ударном слоге без конечного падения. Например, *Усе вялікія птушкі жывуць пры двары. А арлы?* (Д. С); *А Хмель?* (Д. К, Д. С).

2) Во всех случаях на первом гласном осуществляется подъем, общая линия фразы следующая:

Ударный слог отмечен высокой длительностью, и высокой интенсивностью, так что динамическая кривая в этих предложениях оказывается восходящей.

Интонация восклицательного предложения

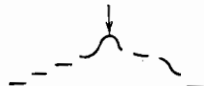
Восклицательное предложение — наиболее сложная структура и не всегда включается в перечень лингвистических сегментных структур, подлежащих интонационному сопоставлению.

Восклицательное предложение, несомненно, явление эмоциональной сферы, и в этом отношении оно может быть выведено из числа собственно лингвистических оппозиций. В то же время передаваемые восклицанием эмоции не наслаиваются на некую общую интонационную структуру (так, например, вопросительное предложение, произнесенное нейтрально, в горе или в радости все равно остается вопросительным). По сегментной структуре восклицательное предложение не противопоставлено в белорусском языке предложениям другого типа — *Што ты зрабіў з Травінкаю!* — *Што ты зрабіў з Травінкаю?* или *Яго можна есці.* — *Яго можна есці?* — *Яго можна есці!* Но восклицательный знак является формальным письменным показателем и тем самым однозначным указанием типа предложения и потому входит в число причин, по которым восклицательное предложение может быть включено в общий перечень типов.

Форма восклицательного предложения в белорусском языке не всегда специфична, а иногда совпадает либо с вопросительным (*Колькі табе год!*), либо с повествовательным (*Ёсць родня!*), однако в ряде случаев наличие в сегментной структуре специальных формальных показателей делает предложение специфически восклицательным (*Во каб усе дубы былі такія!*).

По своей мелодической характеристике восклицательное предложение характеризуется наличием восходяще-нисходящей петлеобразной фигуры (). Однако, по нашим данным, эта фигура незначительна по величине частотного интервала (в отличие от русского языка). От сходной фигуры в украинском языке отличается тем, что распространяется на меньшее число слогов (только ударный или ударный + заударный), тогда как в украинском эта фигура может охватывать целое слово.

Средний типизированный вид белорусского восклицательного

предложения: . Например: *Ёсць родня!* —

Д.К 120—180—140/120/120/120/120; *Колькі табе год!* — Д.К 180—240—200/200/180/180/120—100; *Машыну!* Д.С 180/200/240—260—220/200/120; *Яго можна есці!* Д.Т —140—160/180/180—220—180/160/160—120/120 и т. д.

Представляется существенным, что слоги после ударного обычно монотонны и произносятся на одном уровне.

Длительность в восклицательном предложении распределяется таким образом, что ударный слог выделен длительностью (но меньше, чем в русском языке). Под ударным слогом имеется в виду ударность восклицания. В целом же длительность восклицательного предложения значительно больше длительности тождественного по лексико-грамматическому составу предложения другой структуры. Ср.: *Яго можна есці!* Средняя длительность звука —92,1 мсек

и *Яго можна есці.*—74,3 мсек; *Колькі табе год!*—80,8 мсек; *Колькі табе год?*—70,8 мсек (Д.Т).

Интенсивность восклицательного предложения высокая в целом с резким понижением в конце (если на него не падает основного ударения). Большинство слогов произносится с интенсивностью, максимальной для данного диктора. Резкого всплеска интенсивности на ударно-восклицательном слоге не наблюдалось.

Спорным при обсуждении статуса восклицательного предложения является вопрос о том, сколько в нем центров — один или два (речь идет о просодических, а не о смысловых центрах). Мелодически — как мы уже говорили — естественнее говорить об одном центре, этим восклицательное предложение отличается от вопросительного предложения с вопросительным словом. Интенсивность дает незначительные колебания. И только длительность (в большинстве случаев, но не во всех) показывает два центра — центр «восклицательности» и конечно-ударный, выполняя, таким образом, функцию показателя терминальности. Например: *Яго можна есці!* имеет (Д.К) два центра [мо] и [je]: *Во каб усе дубы былі такія!* — центр [бы] из *дубы* и [ки] из *такія* и т. д.

Интонация выделения

При определении этого типа интонации существует вопрос о том, как отличить выделение от сдвига интонационного центра, ибо в конечноориентированных языках этот сдвиг значим.

К содержащим выделение мы относили такие предложения как: *Ты меў бы машыну. Сваю, сваю ўласную машыну; І спакою не было. Але што іменная, што? Мелодыя вясны — яна; Першы — з палявой вады бывае. Другі — лясной вадою поўніцца. А для трэцяга — з глыбі вады прыходзіць.*

Гипотеза состояла в том, что выделенный член должен иметь усиленные акустические характеристики.

Эти характеристики реализовались по-разному и неединообразно по дикторам. Например, слово *яна* у Д.С было выделено повышенной длительностью ударного слога, у Д.Т повышением на ударном, не ожидающемся в позиции конклюдивной каденции. В словах *першы*, *другі*, *трэцяга* реализовалась усиленная по диапозону полукаденция. Обращает на себя внимание тот факт, что выделение реализовалось в первую очередь не акцентными средствами.

Итак, в белорусском языке основные 6 типов предложения противопоставлены по акустическим средствам: повествовательное предложение противопоставлено вопросительному по типу мелодики, незавершенности — по типу мелодики, предложению с вопросительным словом — по наличию двух центров, мелодике и интенсивности; вопросительному предложению с А — по мелодике, длительности и интенсивности. Также противопоставлены и другие члены этой парадигмы. Характерна тенденция к различению по-

Лукадэнции и антикадэнции при конечном ударном (без понижения в полукадэнции) и при наличии заударных (ровное дугообразное решение в антикадэнции).

ПРОСОДИЯ ИЗОЛИРОВАННЫХ СЛОВ

Анализировались типы движения интенсивности и распределение длительности в словах пяти ритмических структур: $\acute{\text{—}}$ —, $\acute{\text{—}}$ —, $\acute{\text{—}}$ — —, — — —, — — — —. При этом фиксировалось относительное положение ударного и безударного слогов в виде общей формулы (например, ВН для структуры $\acute{\text{—}}$ — означает, что первый, ударный слог интенсивнее), затем определялись относительные показатели интенсивности и длительности слогов в %.

Мелодические данные не учитывались, так как слова произносились с одной и той же мелодикой (по дикторам): с восходящей — Д.С, нисходяще-восходящей — Д.Т; со сложной, но однотипной фигурой с двумя подъемами — Д.К.

Тип $\acute{\text{—}}$ — (*э́та, пту́шкі, со́бла, вь́рай, ве́даць* и т. д.). Формула и н т е н с и в н о с т и для всех случаев ВН. Относительные показатели менялись от 1 : 0,7 до 1 : 0,5.

Абсолютные показатели колебались для ударного слога от 6 мм для диктора с минимальной интенсивностью до 10 мм для диктора с максимальной интенсивностью.

Д л и т е л ь н о с ь дала в 87% ВН, остальное — РР, т. е. ровно, и НВ, т. е. неударный слог более длителен. Эти различия объясняются в некоторых случаях тенденцией к продлению абсолютно конечной гласной.

Относительные показатели по длительности колеблются от 1 : 0,8 до 1 : 0,6.

Тип $\acute{\text{—}}$ — (*буслы́, крыла́, магу́, яны́, наза́д* и т. д.). — И н т е н с и в н о с ь дает ВН (т. е. первый слог, неударный, интенсивнее) в следующем распределении по дикторам: Д. К — 60%, Д. Т — 53, Д. С — 36%. Это значит, что в белорусском языке отчетлива тенденция выделять акцентными средствами ударный слог. Эта тенденция борется с тем, что мы называли схемой слова, т. е. понижающейся акцентной линией. Если бы мы имели дело не с двумя явлениями, а с одним из них, то при наличии только схемы и структура $\acute{\text{—}}$ —, и структура — $\acute{\text{—}}$ всегда показывала бы ВН; при наличии тенденции в случае $\acute{\text{—}}$ — мы имели бы всегда ВН, а в случае — $\acute{\text{—}}$ НВ.

Относительные показатели для этой структуры в случае ВН обычно 1 : 0,7 или 1 : 0,8, а в случае НВ — 1 : 1,2 или 1 : 1,1.

Д л и т е л ь н о с ь в этой структуре всегда НВ. Относительные показатели 2 : 1, но может быть и 2,3 : 1.

Тип $\acute{\text{—}}$ — — (*па́мяці, вільчы́ках, рэ́дныя* и т. д.). И н т е н с и в н о с ь обычно дает формулу ВНН, т. е. акцентная кривая понижающаяся. Однако первый и второй слоги близки друг к дру-

гу, а на последнем происходит падение. Например, *вильчыках* — 9/8/3—1 (Д.К)

Д л и т е л ь н о с т ь допускает и тип ВНН и — чаще ВНВ (т. е. заударный слог резко короче ударного, а второй заударный опять становится длительным, почти достигая длительности ударного). Первый заударный достигает приблизительно 40% длительности ударного.

Тип — — — (*бусляня́т, правяра́й* и пр.).

И н т е н с и в н о с т ь во всех случаях дала ВНН, т. е. понижающуюся кривую. Однако, в отличие от типа — — —, где третий слог был резко акцентно ослаблен, в данном случае как бы намечается ровное понижение слогов, например, 9/8—7/7—6 или 8/6—5/4 и т. д. Таким образом, тенденция выделять ударный слог выступает в скрытом виде. По сравнению со структурой — — — первый слог имеет интенсивность приблизительно на 0,9 меньше.

Д л и т е л ь н о с т ь в этой структуре такова: 1-й слог > 2-го > 3-го. Предударный составляет 0,5—0,6 от ударного.

Тип — — —. Эта структура в известном отношении для каждого языка с нефиксированным ударением является диагностической: она наиболее непредсказуемым образом демонстрирует силу тенденции к выделению ударного слога в данном языке.

П о и н т е н с и в н о с т и эта структура в 60% случаев дает НВН, т. е. ударный слог выделен, в 20% — структуру ВРН, т. е. второй слог находится на уровне первого, и в 20% — ВНН, т. е. понижающаяся линия. Интересно, что в большинстве случаев, когда ударный слог выделен, это осуществляется повышением отдельного участка внутри слога.

Относительные показатели были разнородными — с резким и нерезким подъемом на ударном. При формуле ВНН характерным было уже упоминавшееся падение к последнему слогу.

Д л и т е л ь н о с т ь во всех случаях выражалась формулой НВН, т. е. с выделением ударного слога. Длительность заударного колебалась значительно — от 0,5 до 0,9 длительности ударного.

Покажем — на общих формулах — какими параметрами выражено словесное ударение для каждой ритмической структуры (t — длительность, i — интенсивность).

— — —	ti — 90%	i — 10%
— — —	t — 50%	ti — 50%
— — —	ti — 100%	
— — —	ti — 60%	t — 40%
— — —	t — 100%	

Особенность этих данных — отсутствие 0, т. е. тех случаев, когда ударный слог не выражен данными параметрами. Это объясняется регулярностью временного показателя, однако непременная длительность показательна лишь в пределах общих формул, так как во многих случаях заударный конечный реально почти равен ударному (напоминаем о реальной недискретности суперсег-

ментных данных, когда практически допустимая произвольность членения фонетического слова может влиять и на его воплощение в виде абстрактной схемы). Существенно, что для белорусского языка не отмечалось столь значительного временного превышения заурядного слога, как в украинском языке.

Сильной точкой интенсивности является начало слова, слабой — последний слог.

Можно высказать гипотезу о том, что в белорусском языке тенденция выделять ударный слог оказывается весьма сильной.

МОДИФИКАЦИЯ СЛОВЕСНОЙ ПРОСОДИИ ВО ФРАЗЕ

Модификация словесной просодии во фразе исследовалась «с точки зрения» фразы. При этом было существенно выяснить следующие факты: 1) какова внутренняя структура фразы в данном языке — ее начало, середина и конец; 2) какова в данном языке сила давления на словесную просодию со стороны фразовой?

Слова разных ритмических структур помещались в начало, середину и концы фраз-синтагм (при восходящей и нисходящей мелодике). При этом определялось: 1) сохраняется ли ритмическая структура слова, т. е. место и выделенность ударного; 2) сохраняется ли относительная пропорция параметров, например, если для структуры — — в изолированном произнесении отношение интенсивности первого слога ко второму будет $1 : 0,8$, то деформируется ли это отношение во фразе, и если да — то как именно в разных ее участках; 3) каковы абсолютные данные, которые — при сохранении относительных — могут, меняясь, сообщать при этом данные о фразе: так, например, данные по длительности структуры — — в относительных показателях $1 : 0,6$ при 100/60 мсек в начале фразы, 50/30 мсек в середине фразы и 150/90 мсек в конце демонстрируют, что: 1) в данном языке фраза сильно продлена в конце, менее продлена в начале и более сжата в центральной части; 2) в данном языке фразовая просодия накладывается на слово, сохраняя пропорции его ритмической структуры.

Тип — —. Интенсивность в начале фразы — ВН. Отношение около $2 : 1$. В середине ВН, но относительные пропорции меняются, уменьшаясь до $1,2 : 1$. В конце — и нисходящем, и восходящем — ВН, но в нисходящем конце отношение бывает $3 : 1$, в восходящем от $2 : 1$ до $1,1 : 1$.

Абсолютная интенсивность показывает общее понижение фразы — от 10—9 мм для начала (ударный слог) до 4—5 мм в середине, 4—5 мм в нисходящем конце и 7—8 мм в восходящем конце. Таким образом, при восходящем конце линия интенсивности принимает вид дуги.

Длительность в начале ВН, в середине ВН и РР (т. е. слоги уравниваются, ритмическая структура деформируется), в конце — ВН и РР (за счет продления конечной гласной). Однако при рассмотрении относительных характеристик и сравнении их

с характеристиками изолированных слов видно, что они деформируются незначительно (ср. сильную деформацию в русском языке). Например (приводим относительные данные): *крылаў* изол. 2 : 1, Книсх. 1,9 : 1; *ведаць* — 2,5 : 1, Квосх. 2,4 : 1; *ніла* — 1,5 : 1; Квосх. 1,6 : 1; *іншай* — 2,4 : 1, Сер. — 2,4 : 1.

Длительность ударных в середине не оказывается короче длительности конца и начала. Это наводит на мысль о том, что белорусская фраза мало структурирована по длительности.

Мелодика для данной структуры в начале — ВН и РР. Однако и в последнем случае движение осуществляется на первом

слоге — с подъемом ко второму — . В середине — ВН, в нисходящем конце — ВН, в восходящем — ВН, т. е. осуществляется полукаденция и антикаденция с понижающимися заударными.

Обобщенные данные дают для этой структуры: в начале — *fti*, в середине — *fti* и *f*, в восходящем конце — *fti*, в нисходящем конце — *fti* и *ti*. Эти данные также говорят о сильной временной выделенности словесного ударения в белорусском языке и о большой сохранности его во фразе.

Тип — \curvearrowright . В начале фразы интенсивность ВН и НВ, в середине — ВН, НВ, РР (т. е. ударный слог не выделен); в нисходящем конце — НВ, ВН, РР. Характерно, что для этой ритмической структуры возможно НВ в нисходящем конце (например, *дубоў* — 3/4—5—4). Для многих славянских языков это практически маловероятно — так, сильно нисходящая фразовая акцентная кривая, крутизна падения которой при нисходящей мелодике увеличивается, подавляет динамическую выделенность ударного слога последнего слова.

Однако и в белорусском языке в конце преобладает наиболее ожидаемая схема ВН. При ВН отношение обычно 1 : 0,7, при НВ — 1 : 0,8.

Абсолютные данные показывают уменьшение интенсивности в середине (5—7 мм для ударного слога — Д.К), увеличенное начало (9—10 мм — Д.К), нерезкое понижение к нисходящему концу (4—6 мм — Д.К) и в 50 % случаев подъем в восходящем конце — 7—9 мм Д.К

Длительность дает в начале НВ, в середине НВ — 50 % и Р — 50 %, в обоих типах концов — НВ.

Относительные пропорции при этом могут меняться (*буслы* — изол. 1,5 : 1, Квосх. 2,2 : 1, Книсх. 1,6 : 1, Сер. 1,7 : 1 — Д.Т).

Мелодика для этой структуры дает в начале ВН и НВ; в середине — НВ и РР, в восходящем конце — НВ, в нисходящем — НВ и ВН. Таким образом, для этой структуры заметно стремление выделить словесное ударение мелодическим способом.

Обобщенные данные показывают: для начала — *fti*, *ft*, для середины — 0, *ft*, *i*, *t*, для нисходящего конца — *ti*, *ft*, *t*, для восхо-

дящего конца — *fti, ti, ft, t*. Характерно, что одно и то же слово в произнесении одного и того же диктора в одной и той же позиции дает *ft, fti* и *i* (например, *буслы* в позиции незавершенности).

Тип — — — . В начале интенсивность ВНН, в середине — НВР (*памяці* — 7—9/10/10), — ВНН (*вільчыках* — 10/9/8); в нисходящем конце — ВНН (*родныя* — 10—8/9—8/3—1), в восходящем конце — ВНН и НВР.

Сложную зависимость акцентной кривой от мелодической (которую иногда считают однозначной) показывает, например, слово *родныя*, которое при восходящей мелодике имеет пропорции 10/5/4—1, а при нисходящей — 10—8/9—8/3—1.

Д л и т е л ь н о с т ь характеризует начало и середину фразы через ВНН, при этом первый заударный составляет приблизительно 0,6 ударного, а второй заударный — 0,7 от первого заударного. В абсолютном конце второй заударный — в силу общего закона продления конца — доминирует над первым заударным.

М е л о д и к а этого типа в начале — ВНР, ВРН, в середине — ВНН, ВНР, НВВ. Нисходящий конец дает структуру ВНН, восходящий конец — ВНР и ВНН (т. е. это антикаденция и полукаденция с падающими заударными).

Обобщенные данные показывают *fti* — для начала, *t, ft, fti, i* — для середины и *fti* — для концов.

Тип — — — . И н т е н с и в н о с т ь в начале ВНН, НВР, НРВ, в середине — 0, НВВ, в конце — НВР (в реальных показателях это малоизменяющаяся кривая с почти равной интенсивностью: *буслянат* — 9/10—9/10—7— Д.К), в конце возможно ВРН также с почти равной интенсивностью (*правяраў* в восходящем конце — 8—10/10—6/8—5— Д.К). Мало меняется акцентная кривая слова и в нисходящем конце (*правяраў* — ВНВ — 8/6/8—5— Д.К). Таким образом, и на примере этой структуры видна отчетливая тенденция белорусского языка выделять динамически ударный слог слова, тенденция, которая в данном случае побеждает не только схему слова, но и схему фразы.

Д л и т е л ь н о с т ь в этой структуре во всех случаях дает схему с усиленным ударным. При этом первый предударный короче второго, т. е. начального.

М е л о д и к а этой структуры в начальной позиции фразы демонстрирует сложную картину: ВНВ, ВНН, НРВ, чаще всего это подъем на первом слоге; в середине — чаще НВВ (со слабым выделением — около полутона), а также ВНН, ВНВ. В восходящем конце — формула НВВ, НРВ, в нисходящем конце — ВНВ. Этот тип — с конечным подъемом — встречается в сербском и словенском языках при определенном типе словесной просодии (при словесном акценте ').

Обобщенные данные: для начала — *t, f, i, ft*, для середины — *ft, fi, ti, fi, fti*, для конца — *ft, t, i, ti*.

Тип — — — является диагностическим; он определяет, что оказывается сильнее — схема слова, схема фразы или тенденция

к выделению ударного, так как именно в данной структуре выделенность ударного слога не противоречит схеме и не совпадает с ней.

И н т е н с и в н о с т ь в начале по большей части ВРН, т. е. ВНН, НВН; в середине — ВРН; в восходящем конце — НВН, ВНН, ВРН, НРВ; в нисходящем конце — НВН и ВНН (в первом случае тенденция побеждает схему, во втором — схема побеждает тенденцию).

Относительные пропорции во всех вариантах формул рисуют следующую модель трехсложного слова: первые два слога располагаются на одном уровне (с колебанием по доминированию), третий слог резко понижается.

В качестве иллюстрации рассмотрим слова с восходящим и нисходящим концом при разных формулах (Д. К):

<i>Мясціны</i>	Квосх.	НВН 5/7—5/2—1
<i>бязозкі</i>	Квосх.	ВРН 9—7/8—9—6/1
<i>узлесках</i>	Квбсх.	НВН 6/7—9/2—1
<i>старыя</i>	Квосх.	ВНН 7/5/2—1
<i>дарогі</i>	Квосх.	ВРН 7—5/5—7/2—1
<i>машыну</i>	Книсх.	НВН 6/7—5/2—1
<i>забілі</i>	Книсх.	НВН 3/5/1

Д л и т е л ь н о с т ь в начале фразы НВН, в середине — НВН, РРР (т. е. равная длительность), в восходящем конце — НВВ (т. е. продлен последний слог), НВН, НРН (т. е. первые два слога равны), в нисходящем конце — НВН, НВВ. При этом одно и то же слово может иметь различную реализацию.

М е л о д и к а в начале — ВНН, НВН, в середине — НВН, в восходящем конце — НВН, в нисходящем конце — ВНН, ВРН, НВН.

Обобщенные данные дают f_{ti} по всем фразовым позициям, кроме того, по всем позициям t , в восходящем конце ft , в нисходящем — ti .

УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК

Исследование украинской фразовой интонации базируется на данных нескольких категорий. Во-первых, это запись 10 дикторов — носителей литературного произношения, осуществленная в Лаборатории экспериментальной фонетики КГУ им. Т. Г. Шевченко в 1970 г. (текст, прочитанный тремя дикторами, интонографировался). Во-вторых, это сведения, собранные для украинского раздела нашей книги «Интонация сложного предложения в славянских языках» и пересмотренные теперь с новой точки зрения.

В-третьих, это экспериментальные данные, сообщаемые авторами исследований по украинской интонации¹.

Дикторами были преподаватели украинского языка, сотрудники Лаборатории экспериментальной фонетики при кафедре украинского языка, дикторы украинского радио. Дикторы имели возможность слушать друг друга и высказывать свои замечания. И все же некоторая «элитарность» в отборе материала несомненна и предлагаемая интонационная модель — не описание речи широких масс, что, впрочем, можно сказать и о данных других языков. Исследований по украинской интонации сделано немного, в основном в Киеве, поэтому еще затруднительно, скоррелировав самые разнообразные данные, построить более широкую интонационную модель.

Дикторы последнего эксперимента читали материал, состоящий из трех частей: связного текста, изолированных слов, взятых из этого текста, и фраз различной синтаксической структуры. В соответствии с синтаксическими типами, подбирались фразы с заданными противопоставлениями, разрешаемыми интонационно², например: *У тебе є дві копійки. — У тебе є дві копійки? — У тебе є дві копійки!* Или: *Високо. — Високо? Нам, туристам, високо? — Нам, туристам, нічого не високо; Скільки верстов до Ялти? — А до Гурзуфа? — А до Гурзуфа — п'ять; Скільки верстов до Ялти!; Чорне море — тобто море, що чорне. Не Біле, а Чорне море* и т. д.

ФРАЗОВАЯ ИНТОНАЦИЯ

Интонация конечной синтагмы повествовательного предложения

При отсутствии заударных слогов движение тона в ударном слоге слабо понижающееся или ровное (*дощу, степовий, отуди*). Предударный слог расположен выше ударного, движение тона в предударном ровное.

При наличии заударных слогов в ударном слоге возможен слабо понижающийся или ровный тон (различие факультативно).

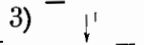
Заударные слоги могут располагаться ниже ударного («лесенкой»), могут помещаться на одной высоте — с ударным слогом или друг с другом. Предударный слог может располагаться выше ударного (в большинстве случаев) или быть ниже ударного (*а Чорне море; зовсім зникли; Степанкові*). В том случае, если ударный слог начинается на одной высоте с предударным, движение на ударном слоге обычно не ровное, а слабо или резко понижающееся (*Ти не медалістка*).

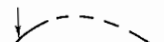
¹ Прежде всего это украинская часть книги: А. И. Багмут. Інтонаційна будова простого розповідного речення у слов'янських мовах. Київ, 1970. — Затем статьи об украинской интонации в сб.: «Інтонація мовлення». Київ, 1968; «Інтонаційна організація мовлення». Київ, 1972, и др.

² См. такого же типа примеры в книге А. И. Багмут: *Усі сплять. — Усі сплять? — Усі сплять! — Усі сплять... — Усі сплять, а Микола вартує* и т. п.

Таким образом, конклюдивная каденция в украинском языке (если не принимать во внимание резкость движения) имеет следующие

возможности реализации: 1) (наиболее частый вид);

2) 3)

Особое место занимает тот тип движения в ударном слоге нисходящей синтагмы, который можно назвать «петлеобразным» (в наших примерах — *кроків*)³. Этот рисунок может реализоваться либо в одном ударном слоге, либо распространиться на соседний заударный . Примеры фигуры такого типа выяв-

ляются в значительном количестве в книге А. И. Багмут — главным образом в немногосложных односинтагменных высказываниях⁴. Оценка этого типа мелодического оформления ударного слога конечной синтагмы может быть двойкой. Первая возможность — признать этот мелодический тип одним из вариантов именно конклюдивной каденции. Вторая возможность — объяснить его возникновение в некоторых фразах определенным усиленным дикторским чтением ударного слога (в свое время появление именно таких фигур усиленного чтения в ударных слогах чешского языка дало повод для дискуссии о том, реализуются ли в чешском языке мелодические рисунки старого славянского циркумфлекса)⁵.

А. И. Багмут отмечает также в ряде случаев довольно значительное повышение в конце конечной синтагмы, так что мелодическая фигура становится вогнутой: (*Усі сплять* — стр. 50; *Вони малювали собі в уяві чудові картини* — стр. 70; *Місто вже жило* — стр. 82). Из примеров видно, что это повышение имеет место и в ударном, и в заударных слогах, т. е. это повышение абсолютного конца. И этой мелодической фигуре можно дать два объяснения. Первая интерпретация относится к универсальному слою звучащей фразы. Это повышение — показатель связи, указание на то, что речевой текст не закончен⁶. Кроме того, это может быть

³ По нашим более ранним данным, этот тип реализовался лишь в более длительных гласных и в основном в произношении дикторов украинского радио (см. нашу книгу «Интонация сложного предложения...», стр. 213).

⁴ *Вони малювали* (стр. 69); *Туман зовсім зник* (стр. 78); *Було похмурне осіннє передрання* (стр. 149). Кроме того, он представлен и в некоторых примерах, анализировавшихся О. Ф. Пилипенко («Интонаційні особливості відповіді на незайменникове питація в українській мові». — «Интонаційна організація мовлення», стр. 58—65).

⁵ R. Ekblom. Zur tschechischen und serbischen Akzentuation. «Slavia», 1924—1925, г. III; J. Chlumský. La mélodie des voyelles accentuées en tchéque avec une mention de l'état en serbes et en allemand. «Slavia», 1925—1926, г. IV, с. 1.

⁶ См. об этом подробно для данных русского диалога в работе Г. Фирсановой, где эти подъемы регулярно отмечались для реплик-ответов с неабсолютным концом разговора (Г. И. Фирсанова. К вопросу о мелодическом оформлении вопросно-ответных конструкций в русском языке. «Studia Slavica», 1971, т. 17, fasc. 3—4).

факультативным вариантом украинской фразовой интонации конца (см. ниже регулярную реализацию этой фигуры при заданной просодии слова в сербском и словенском языках).

Распределение длительности в конклюдивной каденции украинского языка следующее. Выделяются два длительных слога с равно вероятным доминированием по длительности — фразовоударный и абсолютноконечный (при отсутствии заударных ударный и есть абсолютно конечный). В зависимости от диктора возможны разные соотношения их по длительности: 1) больше ударный, 2) больше конечный, 3) они равны. Абсолютно конечный ударный примерно в три раза длительнее предударного (*дощу* — 60/180; *ордені* — 80/80/220; *води* — 80/200 и т. д.). При неконечном ударном первый предударный составляет примерно 60% ударного, неконечный заударный — 70% ударного. Таким образом, конечная часть синтагмы (ударный, заударный, конечный заударный) оказывается протяженной по длительности, что ощущается при слуховом восприятии украинских фраз.

Кривая интенсивности — понижающаяся. Ударный слог при этом может быть несколько интенсивнее предударного, т. е. выделяться.

Интонация незавершенности, неконечной синтагмы (полукаденция).

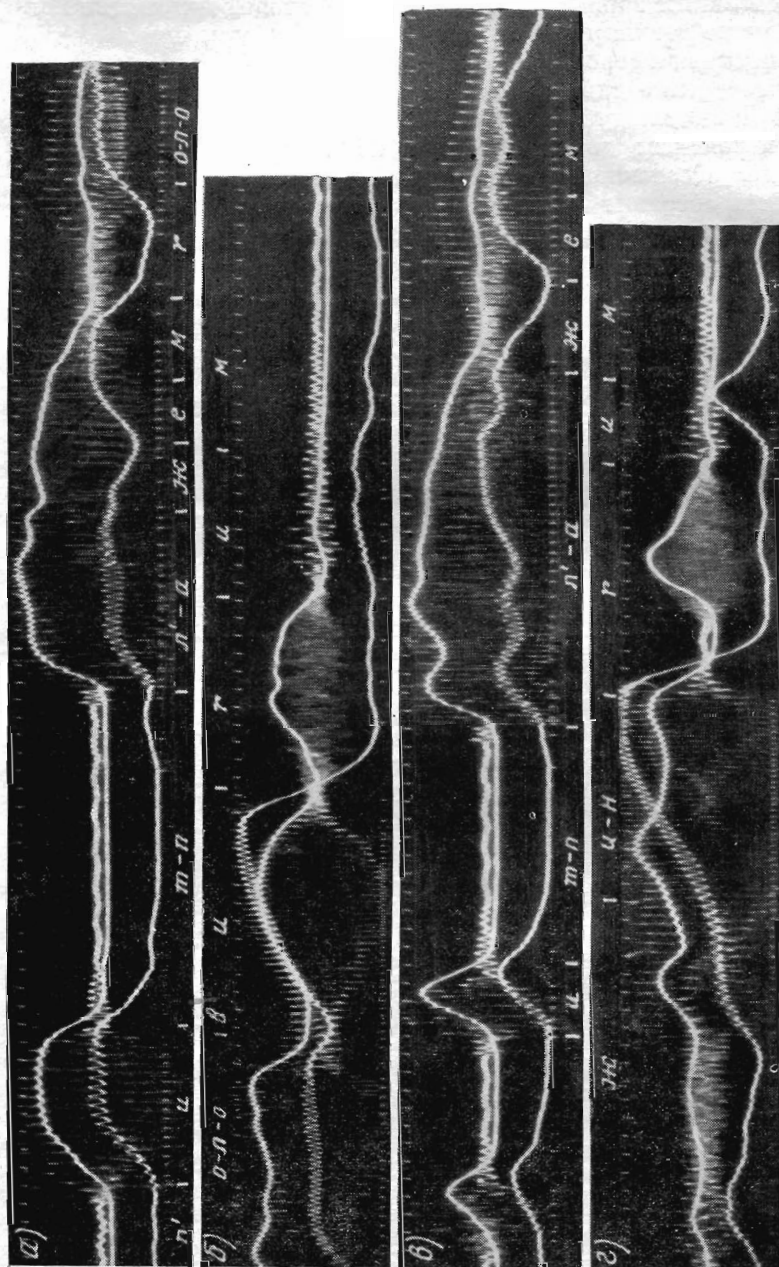
При отсутствии заударных слогов мелодика в ударном слоге повышающаяся, а в конце звука — ровная . Мелодика ударного слога может быть и ровной, в этом случае он выделяется высоким тональным положением. Предударный слог расположен ниже ударного.

Заударные слоги, если они есть, могут располагаться двояко:

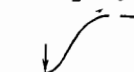
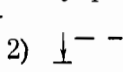
1) на одной высоте с ударным слогом: или 2) ниже его

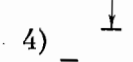
. Восходящего движения заударных (т. е. заударных выше ударного) в интонографированных примерах не было. (Однако этот тип был представлен в данных 1966 г. и описан в книге «Интонация сложного предложения...»). Предударный слог чаще расположен на одном уровне с ударным, но может быть и ниже его. См. характерный тип незавершенности на рис. 3, где представлена фраза *Під пляжем чоловічим — стрілка осюди, а під пляжем жіночим — стрілка отуди*. Движение тона в ударных слогах доходит до октавы и более⁷, движение тона в безударных слогах

⁷ А. И. Багмут (стр. 57) отмечает даже движение от 60 до 250 гц на ударном слоге.

Гис. 3. Движение тона в украинской полукаденции:
 Фраза Під нами чоботкам (стрілка осюди), а під плечем жіночим (стрілка отуду).

обычно ровное. Таким образом, мелодический рисунок украинских полукаденций следующий: 1) 2)

3) 4) .

Из приведенных схем видно, как отличается современное литературное произнесение полукаденций в украинском языке от представленного в работах О. Брока и И. Зилинского⁸. О. Брок описывает движение мелодики в украинском языке как функцию движения тона в абсолютно последнем слоге (см. именно такое решение в ряде европейских языков, в особенности немецком, а также в словенском, польском, в ляхских говорах и т. д.). Совершенно очевидно, что доминирующая ранее функция *последнего* слога перешла к ударному слогу, как мы имеем это в русском и белорусском языках. Далее, по этим данным не отмечается описанное О. Брокром абсолютно низкое положение ударного слога (см., например, чешский язык). Редко встречается резкое движение вверх на последнем заударном слоге (см. польский, словенский языки). Напротив, господствует тип полукаденции с понижением на заударных слогах, вообще О. Брокром не отмеченный.

Распределение длительности такое же, как и при каденции.

Интенсивность имеет двойное решение: 1) понижается к концу, хотя и не так резко, как в каденции; 2) имеет относительное ровное движение, с возможным легким подъемом в конце.

Интонация вопросительная (антикаденция)

Мелодика вопросительных предложений без вопросительного слова в том случае, когда заударные слоги отсутствуют, может быть выражена двумя способами: 1) ударный слог имеет восходящую мелодику, с относительно ровным концом; 2) ударный слог понижается к концу. Движение в ударном слоге может быть ровным, тогда он выделяется своим повышенным положением. Предударный слог всегда располагается ниже ударного.

Если заударные слоги представлены, украинская антикаденция может принимать следующие формы:

1. Заударные слоги располагаются ниже ударного. Если заударный слог один, то понижающееся движение резкое (*Ти не мдалістка?*); если заударных слогов более одного, то движение на них чаще ровное, а интервал падения распределяется между слогами⁹.

⁸ См.: О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910, стр. 240; J. Zilyński. Opis fonetyczny języka ukraińskiego. Kraków, 1932, стр. 168.

⁹ Общий механизм распределения интервалов в значащей зоне фразы представлен в работе: Н. Д. Светозарова. Реализация основных мелодических типов в словах различной ритмической структуры. «Иностр. яз. в школе», 1970, № 4.

2. Второй тип представлен из восточнославянских языков только в украинском языке (в случае двух и более заударных слогов). Это подъем на первом заударном (или более высокое его положение — при ровном тоне) с понижением второго заударного:

(*Високо?*). Этот тип антикаденции встречался у всех

дикторов, но в разных фразе, что дает основания считать его свободным вариантом, не обусловленным типом слова.

Типологически интересно, что подобный тип антикаденции встречается, по нашим данным, в восходящей мелодике в сербохорватском языке (см. соответствующий раздел), где он регулярно выступает при словесном акценте / (долгом восходящем), а также в македонском языке. В украинском языке этот тип полукаденции представлен и в тех случаях, когда осуществляется «сдвиг» интонационного центра: *У тебе є дві копійки?* Небезынтересно отметить, что в этом случае ударный слог начинается ниже предударного, что — для вопроса этого типа — восточнославянским языкам несвойственно.

По имеющимся данным, в особого типа вопросах — риторических — заударный слог всегда понижается, а ударный имеет либо восходящий, либо восходяще-нисходящий тон¹⁰. О. Брок также отмечает обязательность движения на последнем слоге как для полукаденции, более того, он специально настаивает на том, что вопросительное повышение интонации совсем не привязывается к ударному слогу, а может выражаться после, но обязательно до самого конца¹¹. Трудно, однако, говорить с определенностью, что 60 лет, протекшие со времен О. Брока, были эпохой принципиальной эволюции — можно лишь констатировать явное несовпадение данных описания.

Распределение длительности отличается от каденции несколько большим продлением абсолютно конечного слога (это ощущается и на слух).

Интенсивность, так же как и мелодика, осуществляется в антикаденции по-разному. Во-первых, это ровное понижение к концу синтагмы. Во-вторых, это подъем на ударном слоге, как бы всплеск интенсивности с последующим понижением на заударных (*У тебе є дві копійки?*; *Сімферополь?*).

Свободное разнообразие выбора в этом решении демонстрирует, например, отрезок *Засне и Впаде?* в исполнении трех дикторов¹².

	<i>засне</i>	<i>впаде?</i>
д.Ш	3/5—3	5/5—1
д.Х	6/5	7/5—1
д.У	8/5—6	7/9—5—2

¹⁰ *І. В. Борисюк. Інтонаційна характеристика риторичних питань в українській та французькій діалогічних мовах. «Інтонація мовлення». Київ, 1968, стр. 71.*

¹¹ *О. Брок. Указ. соч., стр. 24.*

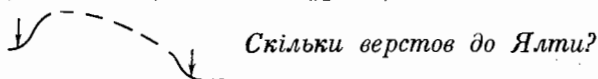
¹² Указывается интенсивность в мм по гласным.

А. И. Багмут отмечает подъем интенсивности к концу вопросительного предложения (анализируемый ею пример *Усі сплять* заканчивается ударным)¹³.

Интонация вопросительных предложений с вопросительным словом.

Мелодика вопросительного предложения с¹ вопросительным словом в украинском языке имеет два рисунка.

В первом — наиболее распространенном варианте — данное предложение имеет два центра: первичный и вторичный. Первичный центр располагается на вопросительном слове со значительным подъемом на ударном слоге. Второй центр — на последнем ударном слоге предложения, где имеет место понижение (примерно в полтора-два раза меньше по интервалу). Это значит, что общий рисунок этого вида фраз следующий (с модификациями, зависящими от общего объема фразы):

Именно этот рисунок имели все фразы с вопросительным словом, где ударным был первый слог: *Звідки взялися Кримські гори?* *Скільки до Ялти?* *Що це у нього за ордени?* и т. д. Если ударный слог вопросительного слова оказывается не первым, то возможно или движение к нему от первого слога, или просто более высокое положение ударного слога. Одно и то же предложение допускало обе возможности произнесения (например, *Куди це ви так радісно?*). И. В. Борисюк отмечает самые различные типы движения на вопросительном слове — восходящий, восходяще-нисходящий, нисходяще-восходящий, нисходящий. Эти различия, по ее мнению, стилистико-эмоциональны¹⁴.

Более необычен второй тип мелодики вопросительных фраз с вопросительным словом, при котором основной мелодический центр один — на последнем слове, а не на вопросительном, т. е. эта мелодика повторяет мелодику вопросительного предложения — общего вопроса¹⁵, например: *Що ж ти вибрав?* или *Що ви говорите?* И. В. Борисюк отмечает также компромиссный тип, при котором имеются два центра, но конец — восходящий. Этот случай она объясняет «повышенной заинтересованностью спрашивающего»¹⁶.

Длительность в предложениях такого типа оформляется таким образом, что создаются три центра повышенной длительности: 1) ударный слог вопросительного слова, 2) ударный слог конца,

¹³ А. И. Багмут. Указ. соч., стр. 52.

¹⁴ И. В. Борисюк. Указ. соч., стр. 71.

¹⁵ См. обсуждение этого типа в гл. 2.

¹⁶ И. В. Борисюк. — Указ. соч., стр. 76.

3) заударный абсолютно конечный слог. Какова же иерархия этих трех продленных точек? Ударный слог вопросительного слова менее длителен, чем конечно ударный или конечный заударный. Заударный и ударный по-разному подчинены друг другу у разных дикторов. Таким образом, именно длительность создает терминальную оформленность конца. См., например, фразу *Скільки до Ялти?* Указанные три центра распределяются следующим образом: (Д.Х — 100 мсек/190 мсек/110 мсек; Д.У — 110 мсек/120 мсек/160 мсек, указывалась длительность гласных).

Линия интенсивности обычно резко понижающаяся, с высшей точкой на вопросительном слове. Интенсивность при этом выше, чем в повествовательном предложении, динамическая линия которого также понижается¹⁷.

В тех случаях, когда мелодическое движение аналогично движению в общем вопросе, движение интенсивности также повторяет приводимые выше типы динамической линии этого типа фраз: либо понижающаяся линия, либо ровное движение, либо повышение до конечного ударного, а затем — резкое падение тона на заударных.

Интонация вопросительных предложений с А

В русском языке, как это описано Е. А. Брызгуновой, вопросительные предложения с А имеют фиксированный тип мелодики (ИК-4). Этот тип на украинском материале ранее не исследовался. Полученные нами результаты оказались крайне разнообразными. Мелодических рисунков можно выделить четыре:

1. Рисунок, сходный с русским типом движения. Это низкое по отношению к предударному слогу положение ударного, повышающееся движение на ударном слоге и продолжение этого движения на заударном слоге: $\text{—} \downarrow \uparrow$. Например, *А ноги?* (Д.Х); *А Бахчисарай?* (Д.У); *А до Гурзуфа?* (Д.Ш).

2. Обычный для вопросительного предложения тип мелодики с падением тона на заударных и высоким положением ударного с восходящим движением на нем: $\text{—} \downarrow \uparrow \text{—}$. Например, *А ноги?* (Д.Ш); *А ноги?* (Д.У); *А до Гурзуфа?* (Д.Х)¹⁸.

3. Тот же тип, что и 2, но с низким положением ударного, как в типе 1: $\text{—} \downarrow \uparrow \text{—}$. Например, *А до Гурзуфа?* (Д.Ш); *А до Гурзуфа?* (Д.Х).

¹⁷ См. об этом также: *І. В. Борисюк. Інтонація займенникових власне питань в українському діалогічному мовленні. «Інтонаційна організація мовлення». Київ, 1972.*

¹⁸ Эта фраза была помещена в несколько контекстов с тождественным значением.

4. Не описанный ранее, однако регулярно встречающийся у всех дикторов мелодический тип, характеризующийся резким падением тона на ударном слоге и подъемом на А: А *Сімферополь?* (Д.Х); А *Бахчисарай?* (Д.Х); А *до Гурзуфа?* (Д.У); А *Сімферополь?* (Д.У); А *до Гурзуфа?* (Д.Ш).

Таким образом, мелодически этот тип фразы может не иметь своей тоновой фигуры. Рис. 4 показывает совпадение чтения фразы А *до Гурзуфа?* и первой синтагмы из фразы А *до Гурзуфа* — *десять* (Д.Ш). Мелодические рисунки совпадают при наложении гласных полностью, различие проходит лишь за счет большей длительности вопроса.

В этой конструкции длительность распределяется таким образом, что представлен один центр — конечноударный. В целом же эта конструкция регулярно оказывается более длительной, чем та же синтагма во фразах иной конструкции.

Интенсивность в этих фразах понижающаяся с одной регулярной особенностью: А начинается на низком уровне, следующий

слог выше, далее идет понижение:

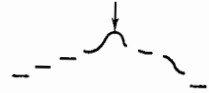
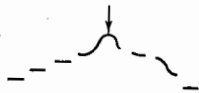
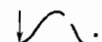

Интонация восклицательного предложения

Как уже говорилось, восклицательное предложение часто реализуется либо как вопросительное предложение с вопросительным словом (в примерах типа *Как она поет!*), либо как повествовательное (тип *Это замечательно!*). Эти две возможности реализуются и в украинском языке, кроме того намечаются некоторые возможности выделить как особый тип восклицательного предложения — по данным всех параметров. Особенно ярко мелодически выделялся этот тип в тех случаях, когда этому способствовал контекст, ср.: *Що це у нього за ордени? — Не ордени, а орденські значки.* и *Що це у нього за ордени! — Гарні! Дівчата! Скільки же верстов до Ялти!* и *Скільки верстов до Ялти? — Та верстов з п'ять* и т. д.

На мелодическом уровне восклицательное предложение характеризовалось обязательным наличием некоторой петлеобразной

фигуры , которая может реализоваться либо только на ударном слоге, либо распространиться на большее число слогов — с ударным восклицательным слогом в центре. Например: *У тебе дві*

копійки! *Скільки верстов до Ялти!*
Гарні!

Этот вид движения в сербском и словенском языках связан с определенным типом словесного акцента. Такое произношение

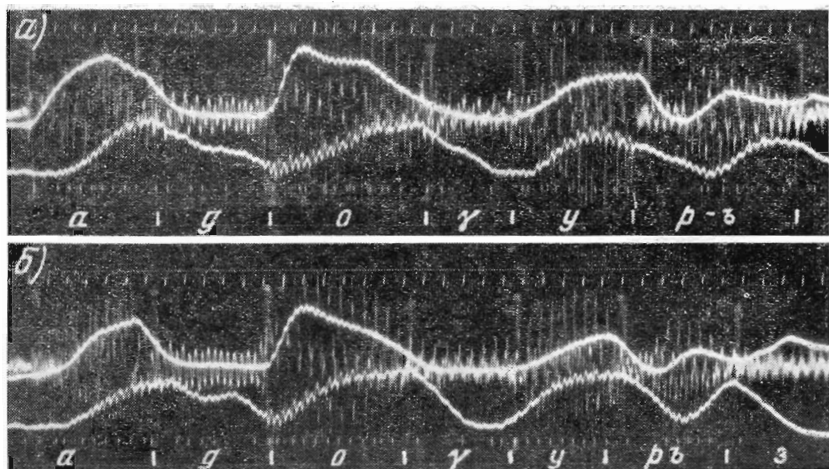

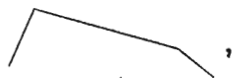
Рис. 4. Чтение фраз с А в украинском языке. Совпадение в движении тона в этой конструкции и в полукаденции:

а) А до Гурзуфа? (Д. Ш); б) А до Гурзуфа — сингама из фразы А до Гурзуфа — десять (Д. Ш)

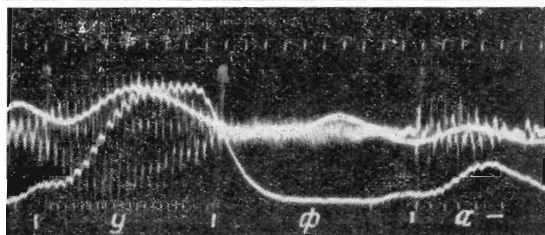
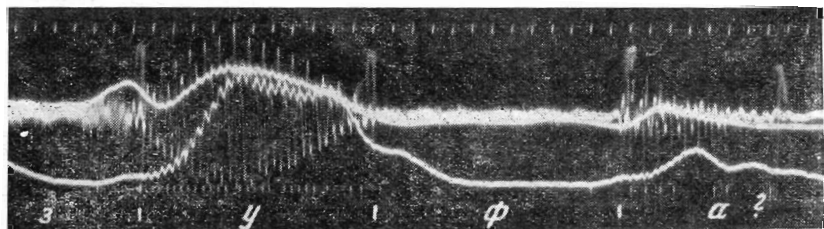
возникает также как следствие усиленного чтения. Однако эта фигура, поскольку она реализуется не только в пределах одного слога, может быть признана значимой мелодической фигурой. На тех графиках восклицательных предложений, которые приводит А. И. Багмут, также отчетливо различается эта петлеобразная фигура¹⁹. Абсолютно конечный ударный выделяется в этих фразах слабым понижением тона.

Анализируемый тип фраз имеет и свое распределение длительности. Прежде всего длительность самой фразы в целом максимальна. Так, например, средняя продолжительность звука во фразе *Що ж ти вибрав!* (Д. У) — 115,7 мсек, а во фразе *Що ж ти вибрав?* — 80 мсек; *Що ви говорите!* — 93,3 мсек, а *Що ви говорите?* — 70,8 мсек; *Що це у нього за ордени?* — 96,5 мсек, а *Що це у нього за ордени?* — 72 мсек. Особенно ярко видна временная протяженность ударных гласных. Например, у Д. Х в повествовательных предложениях длительность фразово-ударного гласного 120—140 мсек, а в восклицательных — 300 мсек (*Гарні!*), 350 мсек (*У тебе є дві копійки!*) и т. д.

Линия интенсивности в этих фразах тоже особая. Это довольно ровная линия с резким понижением в конце

¹⁹ А. И. Багмут. Указ. соч., стр. 52.

причем сама интенсивность, взятая в абсолютных показателях, высока, однако попытки сравнивать интенсивность фраз одного состава по средней интенсивности не были удачны, так как вопросительные предложения типа *Що ж ти вибрав?* при пониженном конце имеют яркое по интенсивности начало, так что средние показатели — при явных внешних различиях этих фраз — оказываются сходными.

ПРОСОДИЯ ИЗОЛИРОВАННЫХ СЛОВ

Нефиксированность места ударения в украинском языке дает возможность, так же как для русского и белорусского языков, рассматривать пять ритмических структур — две двусложных и три трехсложных.

Аналізу подлежали только временная структура слова и его динамическая кривая. Мелодическая же характеристика в нетональных языках не характеризует слово. Это лишь рисунок той мелодики, с которой произносятся в данном языке изолированные слова, — назывная мелодика. Важно подчеркнуть еще раз, что изолированное слово — это фикция, слово вне ситуации произнести невозможно, а именно мелодика и реагирует на коммуникативную ситуацию. О незначимости частотного параметра в оценке просодии украинского слова свидетельствуют также результаты Т. О. Бровченко, по данным которой частотные характеристики — явление фразы, но не слова²⁰. К такому же выводу приходит В. М. Брахов²¹. Из этих данных вырисовывается общая мелоди-

²⁰ Т. О. Бровченко. Словесний наголос в сучасній українській мові. Київ, 1969, стр. 151.

²¹ См. «Сучасна українська літературна мова. Вступ. Фонетика». Київ, 1969.

ческая фигура изолированного украинского слова (нисходящая), см.: «Частота основного тону в переднаголошених складах слів сучасної української літературної мови вища, а в післянаголошених нижча, ніж у наголошених»²².

Полученные нами данные в целом совпадают с результатами Т. О. Бровченко и авторов указанного общего труда. Наша задача — дать просодическую характеристику украинских слов разных ритмических структур — сначала на примере изолированных произнесений, с тем, чтобы в дальнейшем показать модификацию просодических характеристик этих же слов в разных фразовых позициях.

Тип — — (*небо, хлібці, мбре, вбду, хмари* и т. д.). И н т е н с и в н о с т ь. По нашим данным, всегда выражается через ВН (т. е. ударный слог выше). Относительные показатели менялись от 1 : 0,6 до 1 : 0,25 — это зависело от дикторов и от абсолютной интенсивности гласных.

Абсолютная интенсивность колебалась для ударного слога от 7 мм для диктора с минимальной интенсивностью до 10—11 мм для диктора с максимальной интенсивностью. Характерно, что интенсивность безударного слога по дикторам ближе, и потому у диктора с максимальной интенсивностью меняется относительный показатель отношения безударного к ударному.

Д л и т е л ь н о с т ь дала для этой структуры примерно равное количество ВН и НВ. Это объясняется указанной выше тенденцией украинского языка к сильному продлению абсолютного конца, который может быть равен ударному или быть длительнее ударного²³.

Тип — — (*доцці, воді, засне, тепер, верств*). И н т е н с и в н о с т ь дала в 80% ту же картину: первый слог интенсивнее²⁴ — ВН. Но в некоторых случаях картина была обратной (*тепер — Д.У; упаде — Д.Н*). В остальных случаях — РР, т. е. «ровно» (с конечным резким понижением в конце второго слога). Относительные показатели были иными, чем для — —, примерно 1 : 0,8. Абсолютные показатели также иные, примерно на 0,2 меньше, чем для — —. Это значит, что мы имеем дело с двумя разными факторами: 1) схемой слова, т. е. понижающейся акцентной моделью, и 2) тенденцией выделять ударный слог динамически. Несомненно, что силовое ударение в украинском языке слабое и тенденция подчиняется схеме.

Д л и т е л ь н о с т ь в этом случае всегда дает схему НВ, причем относительное соотношение здесь примерно 1 : 2,2²⁵. Тен-

²² Там же, стр. 351.

²³ Именно это стоит за отношением 1 : 1 как показателем отношения ударного к безударному в двусложных словах, приводимом в «Сучасної української мови» (указ. соч., стр. 343).

²⁴ См. сходные данные там же, стр. 345.

²⁵ «Сучасна українська...» дает 1 : 2 (стр. 344).

денция в этой ритмической структуре совпадает со схемой («найтривалішим голосним е голосний кінцевого наголошеного складу»). Например, *засне* — 80 мсек/170 мсек (хотя по абсолютной длительности $A > E$).

Тип — — — (*вісоко, при́смерку, б́ерега, б́езром, б́язко* и т. д.). Интенсивность для этого типа — обычно ВНН. Однако относительные и абсолютные показатели показывают нерезкое падение — *б́язко* — 7/6—5/5—2, т. е. интервал, указанный для — — —, распределяется между тремя слогами.

Длительность в словах этой структуры такова: 3-й слог \geq 1-го; 3-й и 1-й $>$ 2-го. Формула в % примерно такова: 100/60/120²⁶.

Тип — — — (*орде́ні, помі́чав* и т. д.). Интенсивность дает структуру ВНН (исключение — *помі́чав* — 4/4/6 — Д.Ш). Однако в абсолютных показателях первый слог этой структуры составляет 0,9 интенсивности первого слога структуры — — —.

Длительность в этой структуре такова: 1-й слог $<$ $<$ 2-го $<$ 3-го. Однако предударный составляет не более 0,5—0,6 ударного (см. выше очень большую длительность предударного в русском языке, особенно в московском произношении).

Тип — — — (*жерди́ну, водбю, холб́дну, ні́кого, вбирала* и пр.). Эта структура наиболее интересна по нетривиальности своих возможностей, тенденция здесь может быть равна по силе схеме.

По нашим данным, эта структура дает следующие возможности движения интенсивности: 1) НВН, 2) ВНН, 3) ВРН, 4) ВРР.

При этом показатели отношений между слогами были очень различными. Например, *сбирала* 8—5/4—2/2—1— ВНН; *жердину* 3/6—3/1,5— НВН; *водю* —5—7/5—7/4—1— ВРН; *тікати* 9/4/4—1— ВРР²⁷.

Длительность выражается как НВВ или НВР. *Нікого* — 70/150/140; *вбирала* — 70/140/120. Длительность предударного колеблется от 0,6 до 0,75 от длительности ударного.

В заключение покажем общие формулы показателей ударения (в %) для слов разной ритмической структуры (t — ударение выражено длительностью, i — выражено интенсивностью).

— — — ti — 47, t — 5, i — 43, 0 — 5 (т. е. эти параметры ударения не показывают).

— — — ti — 14, t — 86

— — — ti — 14, t — 14, i — 42, 0 — 30

— — — ti — 100

— — — ti — 26, t — 7, i — 30, 0 — 37

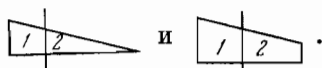
²⁶ Там же приводится соотношение 202—104—184 мсек для трехсложного слова этого типа.

²⁷ В «Сучасна українська...» (стр. 348) говорится для структур такого типа лишь о повыжающейся интенсивности слова, т. е. ВНН.

Таким образом, ритмическая структура слова в известной степени предсказывает, какими параметрами будет выражено словесное ударение. Структура — — также оказывается самой неясной.

Из приведенных данных очевидно, насколько — в отношении интенсивности — схема побеждает тенденцию. Поэтому говорить о силовом характере украинского ударения в целом нельзя, это с очевидностью справедливо лишь для структур — —, — — —. Именно поэтому также целесообразно усреднять какие бы то ни было данные по словам различной структуры.

Итак, изолированно рассмотренное украинское слово — по данным этих параметров — имеет две усиленные точки: для интенсивности — начало слова, для длительности — его конец. Таким образом, структура — — усиливает акцентное начало, а структура — — — временной конец. Из этого видна разная нагрузка и разная функция этих параметров, а за этим — и общая схема слова. Понятие «суммарной энергии»²⁸, т. е. $t \times i$ для ударного слога, скрывает различное «поведение» этих параметров и ступеневывает типологические различия (см. в конце главы 2 сведения о слове в тюркских языках, где интенсивность к концу слова повышается). Суммарная энергия нивелирует эти различия, не дифференцируя слогов 1 и 2 в слове типа

МОДИФИКАЦИЯ СЛОВЕСНОЙ ПРОСОДИИ ВО ФРАЗЕ

Как и для других языков, эта проблема модификации словесной просодии решалась следующим путем: слова разной ритмической структуры помещались в разные фразовые позиции. Рассматривается не только интенсивность и длительность, но и мелодический рисунок слова. Существенны при этом ответы на следующие вопросы:

1) сохраняется ли ритмическая структура слова, т. е. выделенность ударного хотя бы любым параметром;

2) при сохранении ритмической структуры сохраняются ли относительные и абсолютные показатели слоговых отношений.

Тип — —. Интенсивность. В начале фразы всегда ВН, т. е. ударный слог выше. В середине фразы — ВН в 85% и РР (т. е. ровно) в 15%. В конце фразы всегда ВН.

Относительные пропорции могут резко меняться, но регулярности этих изменений обнаружить не удалось. Например, *чорне*: Н — 1 : 0,6; С — 1 : 0,3; Книсх. 1 : 0,4; *рантом*: Н — 1 : 0,8; С — 1 : 1; Книсх. 1 : 0,9; *дiва*: Н — 1 : 0,7; Квосх. — 1 : 0,6. Абсолютные показатели свидетельствуют о постепенном понижении интенсивности к концу фразы, но понижение это нерезкое — примерно в 1,4 раза.

²⁸ Именно идея о существенности этого параметра есть основная идея указанной книги Т. О. Бровченко.

Д л и т е л ь н о с т ь. В начале фразы дает и ВН и НВ, т. е. структура нарушается (например, *хмари* изолированное 120/70 мсек, в начале 100/120). В середине фразы длительность показывает ВН. В конце фразы — РР, НВ или ВН в зависимости от степени индивидуальной выраженности абсолютного конца. Относительные пропорции не сохраняются (например, *зовсім* — изол. 1 : 0,6, С — 1 : 0,4, Книск. — 1 : 1,4). Учитывая давление фразы в абсолютном конце — как в изолированном слове, так и в предложении — существенно сравнить распределение длительности в начале и в середине фразы. На этом уровне данные оказываются очень близкими (например, *чорне*: Н — 1 : 0,7, С — 1 : 0,71; *страшно*: Н — 1 : 0,63, С — 1 : 0,66), что заставляет предполагать некоторую темпоральную «заданность» украинского слова, мало сжимаемого по временным показателям (см. обратную картину в русском языке).

По абсолютным показателям начало показывается более продленным (примерно в 1,1—1,2 раза), причем это относится и к ударному, и к заударному.

М е л о д и к а. Учитывалось: 1) расположение слогов, 2) тип движения (восходящее, нисходящее, ровное, т. е. 0), 3) диапазон движения тона. В начале фразы преобладала схема НВ, т. е. движение поднималось ко второму слогу. В ударном, напротив, движение тона восходящее, заударный чаще был ровным. В середине фразы представлены схемы ВН и РР, чаще ударный слог был выше (т. е. ВН); движение тона осуществлялось только на ударном слоге. В конце фразы и при восходящей, и при нисходящей мелодике преобладала формула ВН (при нисходящей мелодике — это обычное конечное понижение тона; при восходящей — полукаденция и антикаденция с падающими заударными).

Наибольший диапазон подъема — если обратиться к абсолютным показателям — в восходящей мелодике и в начале, меньшее движение — в конце при нисходящей мелодике и самое незначительное — в середине.

В терминах обобщенных показателей ударения начало фразы характеризуется fti, fi, ti, t ; в середине — fti, fi, t, O , конец восх. — fti, fi, f , конец нисх. — fi, i, fti .

Т и п — — . В начале фразы и т е н с и в н о с т ь ВН. Это значит, что ударный слог динамически не выделяется. В середине фразы — чаще ВН, но и НВ. В конце фразы при нисходящей мелодике — ВН, при восходящей — ВН, НВ и РР. Однако относительные показатели по сравнению со структурой — — меняются. В том случае, когда в середине оказывалась формула ВН (т. е. первый слог выше), для — — это было приблизительно 1 : 0,5—0,6. Для — — отношение первого слога ко второму 1 : 0,8—0,9, т. е. второй ударный слог как бы стремится быть выделенным, но оказывается подавленным общей динамической линией фразы (быть может, имеет смысл говорить об ударности как бы скрытой, потенциальной). Абсолютные показатели также

свидетельствуют о стремлении акцентной линии фразы понижаться к концу (например, *чернець* — С — 5/4 — Квосх. 3/2). В случае восходящей мелодики отмечается — в позиции фразового ударения — и подъем акцентной линии (например, *разів* — С — 7/5, Квосх. 7/7).

Д л и т е л ь н о с т ь. В начале фразы всегда НВ, т. е. ударный слог выделен. В середине фразы — НВ и РР (т. е. равная длительность). В конце фразы во всех случаях НВ. Относительные показатели, как это можно легко предположить, зная украинское продление конца, меняются. В начале это 1 : 0,7; в середине 1 : 0,6, в конце 1 : 0,3 (например, *дощу* — 60/180; *води* — 80/220 и т. п.). По абсолютным показателям можно говорить о некотором продлении предударного в абсолютном начале примерно на 0,1.

М е л о д и к а. В начале — НВ и РР, т. е. подъем начинается на первом слоге. В середине — и НВ, и ВН, в конце — при восходящей мелодике всегда НВ, при нисходящей — ВН. Таким образом во фразе нисходящая мелодика побеждает. Наиболее сильное движение — в ударном слоге конца при восходящей мелодике: здесь фразовая просодия идет в одном направлении со словесной, затем — в ударном слоге конца при нисходящей мелодике. В середине фразы движение тона в слогах незначительное — от одного до двух полутонов.

В начале фразы оказалось значительным число монотонных ударных слогов, когда ударный слог оказывался таким образом выделенным лишь своим высотным положением. Возможно, это объясняется разногласием фразовой и словесной просодий (ср. с обратной ситуацией для структуры —).

Обобщенные показатели ударения: в начале фразы — ft, в середине — t, fti, O, ti, в конце при восходящей мелодике — ft и fti, при нисходящей мелодике — t.

Т и п — — . **И н т е н с и в н о с т ь.** В начале фразы — ВНН, в середине — ВНН, ВНВ и РРН. В конце — при нисходящей мелодике — ВНН, при восходящей — ВНН, ВНВ, РРН.

Согласно относительным данным, в тех случаях, когда основная схема ритмической структуры остается, пропорции меняются, в отдельных случаях подчиняясь фразовой нагрузке (например, при восходящей мелодике общая линия становится менее наклонной), в других — не подчиняясь никаким явным закономерностям. Общая линия фразы понижающаяся.

Д л и т е л ь н о с т ь. Для данной структуры имеет во всех фразовых позициях формулу ВНВ, что означает продление последнего слога. Это продление, регулярное в конце фразы, не может объясняться тем же в начале и середине фразы. До сих пор демонстрировалась длительность гласных. Для проверки сведений о продлении последнего слова подсчитывалась длительность слогов в целом. При этом длительность последнего слога все равно остается значительной. Например, *високо* (Н — 220/190/290,

С — 200/160/280, Квосх. — 160/150/380, Книсх. — 290/170/370); берега (Н — 160/80/170, С — 220/95/170, Квосх. — 240/105/210).

Аналогичное явление было отмечено нами и в македонском языке, что может объясняться (если речь идет о середине временного отрезка) малой темпоральной сжимаемостью слова при включении его в больший отрезок, как бы сохранением его отдельности, «пословного» решения фразы.

Мелодика. В начале фразы — ВНН, ВНР, в середине — РРР (т. е. относительно ровное движение), ВНН, НВР. В конце — при нисходящей мелодике всегда ВНН, при восходящей — ВНН (т. е. падение на заударных), НВВ (т. е. общеевропейский подъем на заударных) и НВН (это тот сходный с сербским языком тип восходящей мелодики — антикаденции, о котором говорилось выше).

Обобщенные данные для ударения дают для начала — fti, f, ft; для середины — f, t, i, ft, fi, fti; для конца — fi, i (и реже — t). Выше мы отмечали зависимость этого от варьирующейся длительности абсолютно последнего слога).

Тип — — —. **Интенсивность.** В начале фразы — НВН, ВНН, ВНВ. В середине фразы — те же формулы. В конце фразы при нисходящей мелодике — НВН (т. е. ударный слог все же выделен, причем иногда довольно ярко: *третіла* — 5/7—2/2—1; *Чубарик* — 5/7/3; *холодну* — 5/7/3—1); ВНН, ВРН (т. е. оба первых слога на равной высоте), при восходящей мелодике — НВВ, ВНН, НВН, РРН. Относительные показатели не дали возможности найти какую-либо общую закономерность. По абсолютным данным видна тенденция интенсивности понижаться к концу (например, та же схема НВН для слова *туристам* имеет в начале 10/12/8 и в конце — 6—5/7/4—2).

Длительность. В начале и середине фразы — регулярно НВН. В конце — либо НВВ, либо НВР. Не в конечной позиции заударный слог длительнее предударного или равен ему (*туристам* — Н — 70/100/70, С — 100/180/120). Длительность предударного к концу несколько сокращается: *туристам* Квосх. 60/130/200.

Мелодика. В начале и в средней части — НВН, НВВ, НВР. В конце с восходящей мелодикой обычно НВН (менее часто — НВВ и НВР — с ровным положением ударного и заударного). В конце нисходящем — ВНН.

Обобщенные данные дают для начала fti, ft; для конца (восх.) — ft, fti, i; для конца (нисх.) — i, t, ti, fi.

Тип — — — дает наиболее предсказуемые результаты.

Интенсивность выделяет ударный слог (т. е. ритмическая структура сохраняется) обычно в восходящем конце. **Длительность** отмечает ударный слог всегда — особенно в абсолютном конце (см. *ордени* — 80/80/220!). **Мелодика** дает результаты более разнообразные, но в конце (восходящем) — В, в конце — (нисходящем) — Н.

Фразовая интонация польского языка изучалась автором на основании нескольких источников. Прежде всего — это данные, записанные во время работы над польским разделом книги автора «Интонация сложного предложения в славянских языках»¹; во-вторых, — записанные в 1971 г. специально для настоящего очерка материалы, полученные от 10 поляков из Польши, студентов и стажеров. В Вильнюсе, при этом — для сопоставления — были записаны дикторы-поляки, студенты польского отделения Педагогического института, уроженцы Литовской ССР, для которых польский — родной язык (далее — вильнюсские поляки). Наконец, самостоятельным источником служили данные исследователей польской интонации — В. Яссема, М. Длусской, М. Стефен-Батуговой² и др.

Специфика польской словесной просодии — наличие фиксированного ударения на предпоследнем слове — определила выбор слов для определения влияния фразовой просодии, отличной по ритмической структуре от слов, выбранных для языков, рассмотренных выше, а именно — исследовались структуры трех видов — —, — — —, — — — —. Введение четырехсложной структуры оказалось необходимым для выявления схемы слова (т. е. акцентной и временной линий) в ее отношении к тенденции выделять ударный слог. Для определения этого соотношения, к сожалению, нельзя было опереться на многочисленные работы по решению загадки польского ударения, так как в них всегда анализировались двусложные слова: именно тот случай, когда место ударения заведомо совпадает с сильной точкой словесной интенсивности³.

ФРАЗОВАЯ ИНТОНАЦИЯ

Интонация повествовательного предложения (каденция)

Конклюдивная каденция в польском языке представлена мелодически несколькими вариантами.

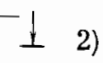

1. В первом варианте на ударном слове происходит понижение, предударный слог расположен выше, а заударный — ниже

¹ См. рецензию на эту книгу и на ее польскую часть: *J. Twardzikowa*. [T. M. Nikołajewa.] *Intonacja zdania złożonego w językach słowiańskich*. «Język polski», 1971, t. LI, № 2.

² *W. Jassem*. *Akcent języka polskiego*. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962; *M. Dłuska*. *Prozodia języka polskiego*. Kraków, 1947; *M. Steffen-Batógowa*. *Versuch einer strukturellen Analyse der polnischen Aussagemelodie*. «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationforschung», 1966, Bd 19, H. 6.

³ См.: *W. Jassem*. Указ. соч.; а также: *J. Morton, W. Jassem*. *Acoustic correlates of stress*. «Language and Speech», 1965, v. 8, № 3; *W. Jassem, J. Morton, M. Steffen-Batóg*. *The perception of stress in synthetic speech-like stimuli by Polish listeners*. «Speech analysis and synthesis». Warsaw, 1968, v. 1.

ударного⁴. При этом ударный слог может осуществлять понижение мелодики либо положением более низким, либо резко понижающимся движением (в последнем случае ударный слог может начинаться на одном уровне с предударным). Таким образом, этот

вариант представляет две возможности: 1) 2)

2. Вторым вариантом отличается от первого наличием некоторого повышения, которое осуществляется либо в ударном слоге⁵, либо на границе предударного и ударного (см. белорусские данные), например: *cięzarówki* (120/140/180/160—140/140—120), *zyrafa* (180—190/200—140/120). Таких примеров много. Можно было предположить, что в речи это повышение реализуется перед началом слова (т. е., например, в структуре — — где предударный слог одновременно и начинает слово). Действительно, в ряде случаев это имело место.

Однако в большинстве случаев этот подъем осуществляется именно перед ударным и не имеет отношения к делению мелодики фразы на слова. Например: *Zbliżał się do Marszałkowskiej. Na Marszałkowskiej był ruch ogromny.* Отрезок *do Marszałkowskiej* имеет вид 140/140/240—220/140—120/120. Оба вида каденции представлены у всех дикторов.

Данные вильнюсских поляков демонстрируют отличие. В их речи представлено повышение на заударном слоге повествовательного предложения, т. е. фигура типа — —. Это различие можно было бы считать случайным, если бы оно не было представлено в белорусском языке (см. выше).

Длительность в терминальной каденции распределяется следующим образом: предударный — около 60% длительности ударного, заударный — 80 или 90% ударного, но чаще равен ударному, хотя по абсолютной длительности гласные различны (например, [že] *lazko* — 120/120, 100/100 и т. п.). Эта особенность польской длительности отмечалась и ранее⁶.

По распределению интенсивности представлены 3 случая:

1) ударный слог резко выделен — *tygodni* 4/13/2—1; 2) ударный слог слабее предударного — [au] *tobusem* 8/4/2; 3) в случае

⁴ Х-В. Водарц отмечает для повествовательного предложения резкое падение на ударном, причем заударный остается на том же уровне (H.-W. Wodarz. *Zur Satzintonation des Polnischen*. «Phonetica», v. 8, 1962, № 1—3).

⁵ Об этом повышении см. в нашей книге «Интонация сложного предложения в славянских языках» (М., 1969, стр. 184). Впервые на это повышение обратил внимание О. Брок («Очерк физиологии славянской речи». СПб., 1910, стр. 230); В. Ясsem (указ. соч., стр. 55), также отмечает это явление.

⁶ См.: Т. М. Николаева. Интонация сложного предложения..., стр. 180.

структуры из трех слогов (а иногда и 4-х) возможна равная акцентная выделенность первых двух слогов, а третий слог оказывается резко пониженным (żelazko Д. Т — 10/10/6 — 2; żelazko Д. М — 8/8/3 — 2; heregasji Д. К — 7/5 — 7/7 — $\frac{5}{2}$ — 1). Сходные явления отмечались и в белорусском языке.

Интонация незавершенной синтагмы (полукаденция)

Мелодика незавершенной синтагмы представлена в польском языке тремя вариантами (если пренебречь резкостью / нерезкостью тона)⁷:

1) ударный слог расположен между предударным и заударным \downarrow — ;

2) ударный слог расположен низко, ниже предударного, заударный занимает самую высокую позицию — \downarrow —⁸;

3) ударный слог расположен высоко, за ним начинается падение \downarrow .

В наших материалах, а также в материалах исследователей-полонистов равномерно представлены все три типа (если говорить не о восходящей мелодике в целом, а только о полукаденции). Существенно при этом, что в других славянских языках эти три типа представлены количественно по-другому: 1) в чешском языке преобладает второй тип, 2) в восточно-славянских языках — третий.

Интересны показания мелодики у вильнюсских поляков. По их данным, широко представлен первый тип, а также третий⁹. Второй тип — с повышением, реализуемый на заударном слоге, не был отмечен. Это показывает, что существенное отличие восточнославянских языков состоит в элиминировании роли последнего слога как релевантного показателя мелодики и замены этой оппозиции движением тона в ударных слогах (говоря это, мы обязательно понимаем под движением модуляцию в слогах и в движении тона включаем и положение слога).

Говоря о трех типах полукаденции, мы пренебрегаем резкостью / нерезкостью тона. Но для польского языка — в его отличие от других славянских языков — именно эта резкость восходящего движения тона, реализуемая на последнем слоге, является крайне характерной и ярко ощущаемой на слух.

⁷ Однако резкость / нерезкость движения тона крайне важна, см.: *M. Stefan-Batógowa*. Указ. соч., стр. 417.

⁸ См.: *W. Jassem*. Указ. соч., стр. 55 и сл. (разное чтение у пяти дикторов фраз *Kto rano wstaje, temu Pan Bóg daje*; *Co ma wisieć, nie utonie*).

⁹ В описаниях О. Брока и Х.-В. Водарца этот тип не упоминается.

В наблюдаемых нами материалах «сдвига» мелодического центра при полукаденции почти не отмечалось, поэтому польский язык целиком укладывается в рамки вводимого нами понятия «конечно ориентированного языка».

Длительность предударного оставалась в тех же рамках, что и при каденции (около 60%), но заударный был более кратким (90% длительности ударного).

Движение интенсивности в полукаденции представлено в двух формах:

1) В первом случае ударный слог резко динамически выделен (*zmęczeniu* — Д. К $5/12-8/7-1$; *żelazko* — Д. М $5/8-10-8/5$ и т. д.

2) Во втором — ударный слог не интенсивнее окружающих. При этом также возможны два случая: а) предударный > ударного > заударного. Это значит, что кривая интенсивности данной полукаденции понижаящаяся. Например, *zakładzie* — Д. К — $12/11-10/3$; б) предударный ≤ ударного < заударного. Например: *się [nazywam]* — Д. М $10-4/4/6$; *ale żyje* — Д. К $12/3/5-4$ ¹⁰.

Интонация вопросительного предложения без вопросительного слова (антикаденция)

В польском языке антикаденция мелодически представлена теми же фигурами, что и полукаденция, т. е. средним, низким и высоким положением ударного слога. Однако, на наш взгляд, количественное распределение оказывается иным — в антикаденции в основном представлен тип с низким положением ударного и повышающимся движением тона на заударном слоге¹¹. Иногда понижение тона к ударному бывает значительным (см. рис. 5, предложение *Czy nie ma pan drobnych?* — Д. К).

Существенно то обстоятельство, что в тех случаях, когда центр вопросительного предложения сдвигается, на первом центре осуществляется только тип с повышенным заударным (ср. иные данные в восточнославянских языках, где в этих случаях заударный слог обычно понижен), например: *Normalne czy ulgowe? Lubisz mocną czy słabą? Czy możesz mi nalac herbaty?* Таким образом, второй слог после ударного здесь повышен.

¹⁰ В этом случае интенсивность полукаденции образует как бы дугу, на дне которой находится ударный слог (см. аналогичное явление в словенском языке). Эта дугообразность отмечалась и ранее. См., например, об этом: А. И. Вагмут. Интонаційна будова простого розповідного речення у слов'янських мовах. Київ, 1970, стр. 123, фраза *W hotelu było zimno i brudno.* — В. Ясsem (указ. соч., стр. 21) также приводит примеры такого рода. При этом интересно, что у него представлены оба варианта движения интенсивности в полукаденции, однако во фразе *Kto rano wstaje* все дикторы почему-то выбирают вариант с повышенным ударным, а во фразе *Co ma wisieć* — дугообразный вариант.

¹¹ В. Ясsem (указ. соч.) отмечает для антикаденции только этот тип.

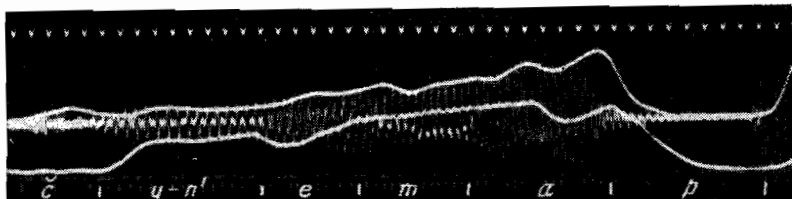

Рис. 5. Положение ударного слога в польской антикаденции:
Фраза *Czy nie ma pan drobnych?* (Д.К)

Переспрос не имел специфического единого рисунка и давал фигуру то с повышенным, то с пониженным заударным¹².

Распределение длительности в антикаденции отмечалось значительным продлением абсолютно последнего слога — так открытый гласный в заударном слоге относился во многих случаях к открытому ударному как 1,1 : 1.

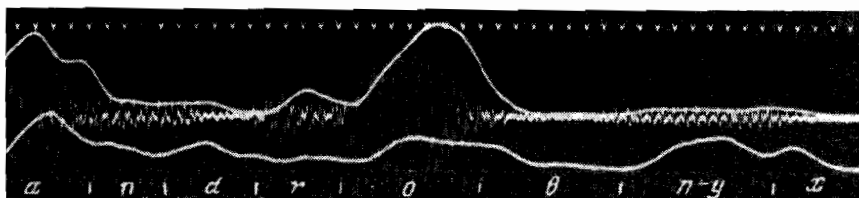
Кривая интенсивности резко понижалась к последнему слогу, причем ударный слог выделен по сравнению с заударным, но может быть равен преударному или быть выше его. Однако были случаи, когда наблюдалось нарастание интенсивности к концу последнего ударного гласного (хотя мелодика на этом слоге могла быть и падающей). Например, *Normalne czy ulgowe?* *Ulgowe* имеет мелодику 140/240/120 гц и интенсивность 3/13—15/5—9 мм.

Интонация вопросительного предложения с вопросительным словом

Мелодика вопросительного предложения с вопросительным словом в польском языке существенно отличается от мелодики аналогичных предложений в восточнославянских и южнославянских языках¹³. А именно в польском языке мы имеем также два центра — на вопросительном слове и на терминальном участке. Однако на последнем центре осуществляется не понижение, а подъем (при общем понижении фразы в целом). Это конечное повышение (вплоть до трех тонов!) может осуществляться как на последнем ударном слоге, так и на последнем звуке (так, во фразе *Kiedy pani ma egzamin?* перепад от 110 до 140 гц осуществляется на последнем сонанте [н]). Повышение тона в конце может реализовываться не только движением тона, но и повышением положения звука при монотонном движении в отдельных гласных, на-

¹² М. Длуска отмечает два варианта польского общего вопроса — один с подъемом на последнем слове: *Stefan zabrał kapelusz / Jana?*, и второй — делящий фразу пополам: *Stefan zabrał/kapelusz Jana?* (М. Длуска. Указ. соч., стр. 39).

¹³ См. об этом в гл. 2 (стр. 43).

пример, *A czym pan jest z zawodu?* имеет движение с высоким положением последнего гласного.

В данном случае интерес представляют данные вильнюсских поляков: часть предложений этого типа произносится по восточнославянской модели, а часть — так, как описано выше. Например, абсолютно такой же рисунок имеет фраза *Na który region przychodzi pociąg z Brzeźcia?* в вильнюсском произношении.

Длительность в предложениях этого типа имеет три центра — на вопросительном слове (где длительность наименьшая), на последнем ударном гласном и на заударном, эти последние центры могут быть равны друг другу или заударный может быть более длительным.

Линия интенсивности в предложениях этого типа имеет два пика. Первый из них располагается на вопросительном слове или на первом значащем слове после вопросительного, второй центр — в конце. В случае коротких фраз первый центр может располагаться и на вопросительном слове. Например, *Jak się nazywasz?* 9/5/10/13/15 или *Co on wyprawia?* 15/10/5/2/9. Более полная фраза *A czym pan jest z zawodu?* 10/2—3/13/6/12/13/5. Таким образом, нам не удалось отметить ровной понижающейся линии интенсивности, обычно приписываемой этому типу предложений.

Интонация вопросительного предложения с А

В наших примерах эта конструкция имела однотипную мелодику (совпадающую с той, которая описана для русского языка Е. А. Брызгуновой). Это — низкое положение ударного слога с непрерывным дальнейшим повышением, например, *A Włodek?*

Повышение может осуществляться и на последнем сонанте — *A pan?* — движение на [н] от 140—180 гц, *A słon?* — движение на [н] от 230—260 гц.

В произношении вильнюсских поляков эта конструкция имела такой же чтение и чтение типа обычных вопросительных конструкций с понижением на заударном слоге. Эта конструкция вся продлена по длительности (возможно, это объясняется тенденцией к изохронности, действие которой ярко проявляется на этой — очень короткой по установке — синтаксической конструкции), например: *A ty?* (Д. К) — 100/210 мсек.

Интенсивность в случаях, когда основное слово односложно, нисходящая; в тех случаях, когда основное слово неодносложное, — дугобразная. Например: A słoń? 14/11/13—8/6—3; A ran? 10—12/9—7/6; A ty? 13—12/4—6, но A Włodek? 12—10/3—1/10—11.

Интонация восклицательного предложения

Восклицательное предложение в польском языке, как и в других языках, представило крайне пеструю и разнообразную реализацию. В целом, однако, можно отметить некоторую обобщенную модель интонации, совпадающую — в грубом виде — с данными других славянских языков. Мелодически эта конструкция имеет вид петлеобразной или треугольной фигуры . Длительность в восклицательных предложениях максимальная. Например (приводим длительности гласных в мсек), фраза *Ogromny ruch!* 100/130/110/110. По интенсивности данные фразы обычно произносятся на максимальном для данного диктора уровне.

В качестве примера можно привести фразу *Jak tu płytko!* (Д. К). Данные — по гласным: *f* — 180—220/270/240—180/140—100; *t* — 130/100/130/210; *i* — 10—12—15/5—3/6—12/10—1. Обращает на себя внимание тот факт, что мелодическая вершина оказывается на слове *tu* и именно это слово наименее интенсивно (главно-ударное слово в данной фразе *płytko*). Таким образом, возможно высказать гипотезу о том, что в польском восклицательном предложении должна быть выполнена некоторая фигура с нефиксированным семантически центром (в восточнославянских языках центр восклицательного предложения обязательно располагается на главно-ударном слове).

ПРОСОДИЯ ИЗОЛИРОВАННЫХ СЛОВ

Дискуссия по вопросу о польском ударении, которая велась в свое время между В. Яссемом и Х.-В. Водарцем¹⁴, не была в сущности дискуссией об ударении, хотя авторы как будто бы говорили именно об этом. Известно, что под восходящим движением тона интенсивность первого слога может оказаться меньшей, чем у заударного (В. Яссем); кроме того, мелодика «тянет» за собой интенсивность. Поэтому разногромкие гласные, по-разному реагируя на это, создают сложную акцентную картину соотношения первого и второго слогов (Х.-В. Водарц), не говорят в строгом смысле о польском ударении и о том, чем оно выражено, а только сообщают, как мелодика фразы — восходящая и нисходящая — влияет на польское слово.

¹⁴ См.: W. Jassem. The phonology of Polish stress. «Word», 1959, v. 15, № 2; H.-W. Wodarcz. Ist der polnische Akzent melodisch? «Phonetica», 1961, v. 6, № 3—4.

Эта основная проблема может быть поставлена несколько иначе. В нашей работе под словесной просодией понимаются три связанных, но не тождественных круга вопросов: 1) какова в данном языке просодическая схема слова, т. е. какова акцентная линия слова — понижающаяся или повышающаяся, как распределяется длительность и т. д., 2) как в данном языке выражается ударение, т. е. как именно реализуется тенденция к выделению ударного слога и 3) какова сила этой тенденции, т. е. из двух линий — схема и тенденция — что оказывается побеждающим — схема или тенденция.

До сих пор мы рассматривали языки с так называемым свободным ударением. Сложность получаемых решений во многом усугублялась при этом различием ритмических структур.

История изучения словесного ударения в польском языке имеет достаточно большую традицию¹⁵. Однако нас интересовало только изменение словесной просодии (во всех ее указанных аспектах) при наращении числа слогов перед ударением. Поэтому рассматривались двухсложные, трехсложные и четырехсложные слова.

Тип — — (dalej, słońca, chodnik, domu и т. д.). В 80% случаев интенсивность была ВН, т. е. первый слог выше. Но были и отчетливые исключения (miasto — 12—9/15 Д. К; nadal — 5—12/15. Д. Т и т. д.).

Относительные показатели колебались от 1,5 : 1 до 3 : 1.

Д л и т е л ь н о с т ь дала большее нарушение ритмической структуры: 60% — ВН и 40% — НВ, причем интенсивность в этих примерах была ВН (например, chwili — 110/150 мсек и 5/3 мм Д.К).

Относительные показатели демонстрировали отношение от 1,2 : 1 до 1,05 : 1. Это значит, что длительность первого слога является слабой точкой словесной польской просодии, а интенсивность первого слога — сильной.

Тип — — (żyrafa, żelazko, daleko, Sudety, Pankracy). В 50% всех случаев интенсивность имела формулу НВН, т. е. ударный слог выделен. Остальные случаи представляли формулу ВРН, когда первые два слога равны, а третий понижен (например, ogromny — 15/10—15/5—1; traktory — 13—11/8—13/6—1); формулу ВНВ, т. е. ударный слог самый низкий, rozmawiać — 15/5/10; drewniane — 10/15/6/13—8/; ВНН — т. е. полное понижение: zakładzie — 15—13/12—13/8.

Анализ относительных показателей демонстрирует более интересные результаты, так, ударный слог в случае НВН относится к предударному обычно как 1,1 : 1, а к заударному как 3—2,5—2 : 1. Это значит: 1) акцентная кривая слова несомненно стремится

¹⁵ Историю польского ударения и его ареальную специфику см.: Z. Topolińska. Z historii akcentu polskiego od wieku XVI do dziś. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961.

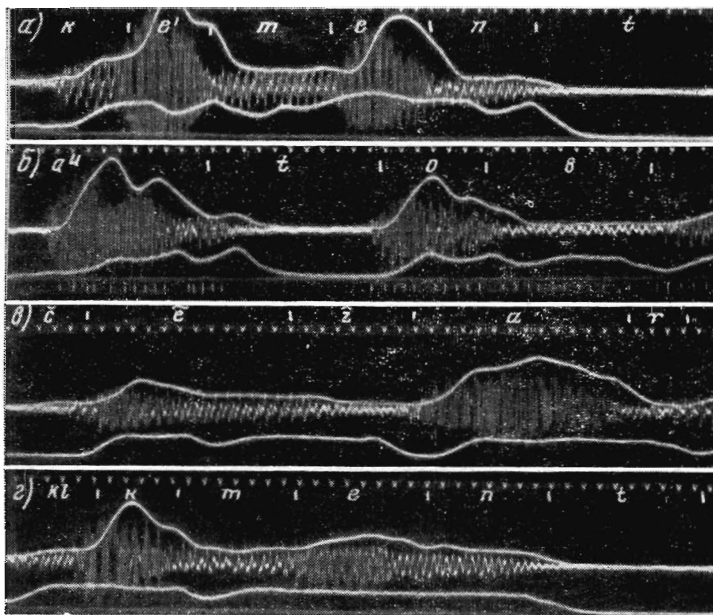

Рис. 6. Интенсивность ударного слога и безударных слогов (верхняя огибающая) в многосложных изолированно произнесенных польских словах:

а) *Klementyna*; б) *autobusem*; в) *ciezarówki*; з) *Klementynie*

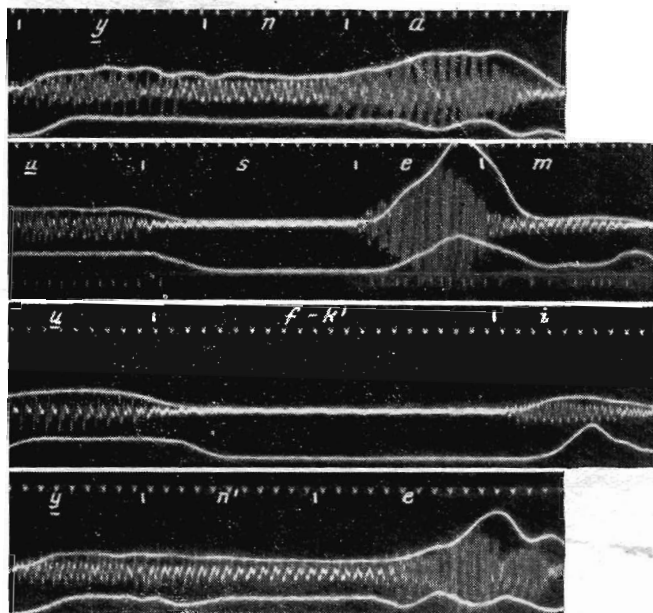
ся к понижению, но фиксированный акцент на пенультине искажает эту тенденцию; 2) в трехсложном слове сильны акцентно два первых слога.

Эти данные, вполне объяснимые с точки зрения польского языка, интересно сопоставить с аналогичными данными белорусского языка (см. выше), которые трудно объяснить исходя из позиций собственно белорусского ударения.

Длительность в этой структуре дает в 50% формулу НВР, т. е. ударный слог равен заударному (например, *wygrawia* — 70/160/160; *zakładzie* — 90/140/140; *rozmawiać* — 70/110/110 и т. д.). Остальные случаи — НВВ, т. е. заударный еще длительнее (*tygodni* 90/140/160) и НВН, т. е. ударный длительнее остальных.

Относительные данные по длительности показывают картину, обратную интенсивности. А именно, в «правильных» структурах НВН отношения ударного к предударному примерно 1,5 : 1, а отношение к заударному, как 1,1 : 1, т. е. здесь усилены два последних слога.

Тип — — — (*Klementyna*, *samochody*, *reperacji*, *plastykowe*).

Этот тип был наиболее интересен, поскольку ударный слог отдален здесь от начала, что дает возможность проверить справедливость тезиса о сильном акцентном положении начала слова.

Разбираем интенсивность этой конструкции более подробно. Из 48 интонограмм по 4 дикторам ударный слог был самым интенсивным только в двух случаях (!): *plastykowe* (Д. К) — 10—13/3/14/13; и *samochody* (Д. Т) — 13/8/14/5.

Существенно посмотреть, в каком числе случаев наиболее интенсивным был первый слог. Таких случаев оказалось 26, т. е. около 60%. В 8 случаях самым интенсивным был последний слог. Остальные случаи представляли разнообразные комбинации парно равных слогов по высоте.

Таким образом, в подавляющем большинстве случаев ударный слог оказывается акцентно невыделенным. Акцентная линия слова была представлена в двух видах — понижающемся (60%) и дугообразном (с подъемом в конце) (см. рис. 6).

Ударный слог был самым длительным в 30% случаев, заударный — в 35%. Остальные в основном являли собой равные пары — ударного и заударного (в нескольких случаях был самым длительным предударный). Существенно было то, что первый слог не был самым длительным ни в одном случае.

Итак, данные четырехсложной структуры по длительности лишь сообщают факт продленности последнего слога, так как продление предпоследнего слога обусловлено ударностью. Сильной точкой по интенсивности является первый и — в ряде случаев —

последний слог. Повышение же первых двух слогов в трехсложной структуре объяснялось ударностью¹⁶.

МОДИФИКАЦИЯ СЛОВЕСНОЙ ПРОСОДИИ ВО ФРАЗЕ

Собственно языковая специфика фразовой интонации определялась теми изменениями, которые претерпевает одно и то же слово на разных участках фразы, меняя или сохраняя свою ритмическую структуру. Изучение этой модификации имеет два выхода: 1) определение общих параметров фразы, 2) определение той силы, с которой в данном языке фразовая просодия — на разных участках — оказывает давление на словесную.

Тип — —. Интенсивность в начале во всех случаях была ВН, т. е. ударный слог самый интенсивный. В середине — ВН, НВ и РР (т. е. ровно). В конце с восходящей мелодикой равное число ВН и НВ, в конце с нисходящей мелодикой — ВН и РР (т. е. оба последних слога равны). Это значит, что акцентная линия слова во фразе сильно деформируется.

На уровне относительных показателей даже в тех случаях, когда основная формула сохраняется, в слове происходит ряд изменений. Например: *zrobić* — в изолированном произношении 8—12/4—3, в нисходящем конце — 10—15/1,5; напротив, *nałal* — в изолированном чтении 5—12/15—5, в нисходящем конце — 5/3—2.

Сопоставление первого и второго слога в их движении по фразе показывает, что общая акцентная линия польской фразы понижающаяся, что, однако, больше сказывается на первом, ударном слоге, в то время как интенсивность второго слога меняется в значительно меньших пределах. Например, *Tatry* — изол. 13/5, в середине 9/5; *Włodek* — начало 16/8, восходящий конец 11/8; *domu* — начало 15/6, середина — 10/6.

В начале длительность — ВН и РР. В середине представлено равное число ВН и РР. В конце — равное (относительно) количество ВН, РР и НВ (т. е. последний слог, который становится абсолютно последним, оказывается продленным).

В середине фразы в тех случаях, когда формула сохраняется, ударные слоги несколько сокращаются. Однако для польского языка обращает на себя внимание малая структурированность по длительности. Так, в частности, для диктора К длительность ударного — 110 мсек — сохраняется на протяжении разных участков фразы. Более точно, для польского языка можно говорить о продленном конце, но начало и середина различаются мало.

¹⁶ Как уже упоминалось, польский слушатель ориентирован на пенуль-тимное ударение, в соответствии с этим он по-разному воспринимает изменения акцентных и темпоральных характеристик в первом и втором слогах. См. об этом: *J. Morton, W. Jassem*. Указ. соч.; *W. Jassem, J. Morton, M. Steffen-Batóg*. Указ. соч.

Мелодика дает более яркую картину, чем длительность. Для анализируемой структуры начало всегда НВ, т. е. ритмическая структура деформируется, фраза начинается отчетливым подъемом ко второму слогу, причем сильное движение обычно осуществляется на первом слоге, второй слог располагается выше ударного. В середине чаще представлена структура ВН (т. е. ударный слог повышен), однако движения может не быть или оно может быть и понижающимся и повышающимся. Мелодика конечной части строго разграничивается: для нисходящего конца — ВН, с движением на ударном и относительно монотонным заударным; для незавершенности — НВ, с сильным восходящим движением и на ударном, и на заударном; для вопроса — ВН, т. е. тип антикаденции с падающим заударным.

Обобщенные данные показывают: для изолированных слов ti, \varnothing, i, ft , для начала ti, i , для середины fi, fti , для восходящего конца fti, \varnothing , для нисходящего конца fti, ft, fi, f .

Это означает, что мелодика в основном отмечает ударные слоги в середине фразы. В конце тип выражения мелодического компонента в словесном ударе можно предсказать: его не будет при восходящем движении (именно в структуре — —), так как восходящее движение идет на последнем — в данном случае заударном — слоге; если бы в польском языке была возможна структура — — , f-фактор, несомненно, был бы отмечен для ударного слога.

Тип — — — . Интенсивность в начале фразы НВН, т. е. ударный слог повышен, и ВРН, т. е. оба первых слога повышены и равны. Это говорит о повышеннойности начала. Середина дает пеструю картину — НВН, ВНН, НВР, РРР. Нисходящий конец дает в равной степени количество ВНН, т. е. ударный слог подавлен понижающейся линией фразы, и НВН, т. е. повышенность ударного сохраняется.

Общая акцентная линия — понижающаяся, однако менее чем в русском языке, т. е. с резким понижением лишь в самом конце. Приведем пример таких слов, демонстрирующих малое изменение интенсивности в польской фразе: Rankasu — изол. $12/14-12/5-4$; Нач. восх. — $12-13/15-14/5-3$; Нач. нисх. — $12/14/4$; сер. — $14/13-12/6,5$; Книсх. — $10/15-11/3-2$; zelazko — изол. — $5-13/15-10/9-8$; Нач. нисх. — $5/10-15/5$; сер. $8/12/6$; Квосх. — $5/10/5$; Книсх. — $15/10-8/6-2$.

Длительность в этой структуре последовательно сохраняется в начале НВН (по сравнению с изолированными словами, очевидно, что продление последнего гласного в них есть факт конца, а не факт слова); середина фразы также в большинстве случаев НВН, в конце — как нисходящем, так и восходящем — равно представлены НВН, НВВ, НВР, различие в этих формулах определяется ударным и заударным слогами, которые могут быть равны или превосходить друг друга. Реальное изменение

длительности состоит в общем уменьшении длительности всех гласных в середине фразы. Например: *żelazko* — изол. — 80/140/140; сер. 80/80/40 и 70/100/50; Книсх. 70/120/100; Квосх. 80/110/120; *żyrafa* — изол. — 10/150/150; Сер. 80/90/80; Квосх. 70/120/120.

Мелодика в данной структуре в начале НВН и — редко — НВВ (т. е. повышение продолжается за пределы второго слога), однако — в отличие от предыдущей структуры — на первом слоге (который в предыдущем типе был ударным) не осуществляется резкого движения, а переход происходит путем перемены высотного положения.

В середине мелодика — НВН, ВНВ, ВНК, ВРН, НВР (т. е. практически осуществляются все возможности, в том числе и когда ударный слог оказывается в самом низком положении — ВНВ). Восходящая мелодика при антикаденции дает ВНВ, т. е. терминальное повышение заударного при низком ударном; восходящая мелодика при полукаденции — НВН (редко ВНВ), т. е. тип с понижением заударного; нисходящая мелодика — ВНН и — реже ВРН, т. е. тенденция к понижению подавляет ударный.

Обобщенные данные дают для начала *ft*, *tī*, *fi*, *fti*; середины — *fti*, *ft*, *t*, \emptyset ; восходящего конца — *ft*, *t*, *f*; нисходящего \emptyset , *i*, *tī*.

Тип — — — —. Модификации этого типа разнообразны. Единственная закономерность — несомненное акцентное понижение в нисходящем конце.

Мелодика этой структуры показывает начальное повышение не ко второму, а к третьему, т. е. к ударному, слогу.

Обобщенные сведения по ударению дают для этой структуры сведения, отличные от аналогичных для предыдущих структур: ударение здесь обычно выражается одним параметром и часто — нулем. В изолированных словах — это *t*, \emptyset ; в начале — *f*, *t*; в середине — *f*, *i*; в конце — *t*, \emptyset (иногда *tī*).

Большое число нулей объясняется в данном случае нашими правилами: *f*, *t* или *i* ставились в тех случаях, когда ударный слог был самым высоким, самым длительным или самым интенсивным. Поэтому в цепочке 15/6/8/5 ударный слог с интенсивностью 8 у нас не получает пометки, хотя — в строгом смысле слова — он был выделен.

Таким образом, говоря об особенностях польской фразовой интонации в фонетическом плане в целом, можно заметить следующее:

1. В польском языке мелодика фразы в начале повышающаяся: если ударный слог первый, то движение идет на этом слоге; если ударный слог второй, то он повышен, если ударный слог третий, то повышение идет к нему¹⁷. После этого отмечается ровный

¹⁷ А. И. Багмут отмечает также, что заударный слог начала остается на том же уровне, что и ударный, не понижаясь (А. И. Багмут. Указ. соч., стр. 74).

участок. Каденция заканчивается понижением с предыдущим характерным повышением.

2. Язык конечно ориентированный, существенно движение последнего слога вплоть до последнего звука ¹⁸.

3. Длительность структурирована мало, начало продлено незначительно, ударный конечный продлен, заударный продлен и часто равен ударному ¹⁹.

4. Интенсивность фразы усилена в начале нерезко (ср. белорусский язык), в нисходящем конце — понижается, в восходящем — либо понижается, либо имеет дугообразную фигуру с понижением на ударном (ср. словенские данные).

5. В выделении ударного слога играет большую роль мелодика ²⁰.

6. Движение на ударных слогах фразы значительное, безударные слоги мало монотонны ²¹ (см. белорусский и украинский), особенно резко движение на последнем слоге восходящего конца.

7. Акцентная линия слова — понижающаяся, с резким началом; в трехсложных словах усилены первые два слога; в двухсложных — первый. Акцентная линия слова сильно подавляет ударный слог ²².

8. Роль длительности в выделении ударного слога меньше, чем в восточнославянских языках.

9. Схема слова сильно подавляет тенденцию.

¹⁸ Так, Я. Твардзикова говорит, что для различения терминальности/нетерминальности важны два последних слога (т. е. ударный и заударный) (*J. Twardzikowa. O stosunku rozwijania w zdaniu podrzędnie złożonym, 3. Intonacja. «Język polski», 1970, № 4.*

¹⁹ Данные по конечному продлению приводит В. Ясsem («Акцент...», стр. 99), ср. с общей абсолютной длительностью (Там же, стр. 97).

²⁰ Можно считать, однако, устаревшим замечание О. Брока, что в польской фразе все ударные слоги повышены, кроме последнего (*О. Брок. Очерк физиологии славянской речи, стр. 245*). О том, что в польском языке мелодика играет большую роль, чем длительность и интенсивность, см. также: *А. И. Багмут. Указ. соч., стр. 86—87.*

И. Лехисте в книге «Суперсегментные средства» («Supersegmentals», *N. Y., 1970*), разбирая устарелость «экспираторной» концепции ударения, выводит ряд $f > t > i$ в основном на базе данных английского языка. Для большинства славянских языков $t > f > i$. Возможно, что польский в этом отношении ближе к английскому (см. о малой роли длительности: *М. Dłuska. Указ. соч.*); хотя В. Ясsem и В. Мортон (указ. соч.) отмечали, что поляки реагируют на изменение длительности слога больше, чем англичане.

²¹ О меньшей монотонности польского языка по сравнению с украинским см. также: *А. И. Багмут. Указ. соч., стр. 123.*

²² Однако интенсивность в польском языке выделяет ударный слог слова. Согласно Я. Домбrowsкой, польская фраза отличается от французской, в частности, тем, что дает слуховое ощущение акцентов (*J. Dąbrowska. Le rôle de l'intonation dans la langue parlée. «Biuletyn fonograficzny», 1971, X*); Б. Хала считает, что польский акцент сильнее чешского, хотя и слабее немецкого (*В. Hala. Fonetyka polštiny. Rozprawy SAV, т. 64*), хотя, возможно, он не имеет в виду собственно интенсивность. В. Ясsem («Акцент...», стр. 18) приводит средние акцентные отношения ударного слога к заударному — 2,5 : 1 при нисходящем движении тона, 1,2 : 1 при восходящем движении тона.

Особенности польской фразовой интонации в функциональном плане:

1. Тенденция к функциональному распределению типов восходящей мелодики по антикаденции, полукаденции, перечислению и выделению.

2. При «сдвиге» антикаденции и полукаденции отмечается только вариант с повышенными заударными.

3. Предложение с вопросительным словом имеет два восходящих центра — в начале и в конце, а также два центра интенсивности.

4. Восклицательное предложение, так же как и в восточнославянских языках, имеет петлеобразную форму, но эта фигура распространяется на всю фразу, а центр ее может размещаться не обязательно на главноударном слове.

5. Особую подсистему данных составляют факты фразовой интонации поляков литовского происхождения, т. е. факты так называемой «польщизны литовской»²³. В целом можно говорить о двух основных наблюдениях, которые (с некоторой осторожностью) вытекают из этого материала:

1) В интонации литовских поляков существуют как бы две противоположные тенденции: а) понижать концы интонационных конструкций (конклюдивная каденция, общий вопрос, переспрос, конструкция с *A*); б) повышать концы интонационных конструкций. Примечательно, что первый тип — это как бы доведенный до крайности восточнославянский образец (в литературных восточнославянских языках переспрос и конструкции с *A* произносятся с повышением), второй тип — это столь же унифицированная польская модель (с несоблюдением литературно польских понижений). Как отмечалось нами на материале шести славянских языков, русская и польская системы симметричны²⁴; указанные типы сохраняют эту полярность, но в сильно упрощенном виде, нейтрализуя различия внутри восточнославянских языков.

2) Эти две системы сосуществуют, создавая сложную и не единую картину интонационной системы литовских поляков²⁵.

²³ Разнообразные факты, относящиеся к польско-иноязычным контактам, см.: «Польские говоры в СССР», ч. 1 и 2. Минск, 1973.

²⁴ Т. М. Николаева. Лингвистические проблемы типологического изучения фразовой интонации. АДД. М., 1974, стр. 42—44.

²⁵ О разнообразии фонетических реализаций польской речи в контакте с белорусским и литовским языками, разнообразии норм, колеблющихся даже в пределах одного идиолекта, см.: Т. М. Судник. Предварительные материалы к характеристике фонологических систем польских говоров Белоруссии и Литвы. «Польские говоры в СССР», ч. 2.

Фразовая интонация чешского языка на протяжении последних ста лет изучалась основательно и разносторонне. Анализу подвергались не только данные высказываний литературного языка, не только факты словесного ударения (как акустические, так и перцептивные), но и материал чешских диалектов, как территориально, так и социально характеризованных¹. Проверялись экспериментальным путем и данные о сохранении/ликвидации следов общеславянских и старочешских интонаций в пределах просодии слова. Широкое изучение чисто акустических фактов сочеталось в чешской традиции в соответствии с общей установкой на функциональное изучение языка с детальным анализом высказывания в целом, в результате чего предлагались концепции, охватывающие данные всех трех групп текстовых средств, в первую очередь работы, связанные с общей теорией актуального членения предложения. Исследовались отличия чешской интонации от интонаций близких языков (как генетически, так и территориально) — словацкого, польского, русского и немецкого. Пожалуй, именно модификация слова во фразе оставалась наименее изученным звеном общинтонационной системы (в отличие от сербско-словенской школы). Поэтому мы приведем в этом очерке собственные данные, хотя бы в чисто иллюстративных целях. Записывались данные носителей чешского литературного языка (в 1966 г. в Праге и в 1971 г. в Москве). По мере изложения привлекаются данные и концепции чешских интонологов, однако общий план соответствует плану остальных очерков. Наибольшее внимание уделяется чисто формальным характеристикам, наименьшее — сфере употребления и месту тех или иных средств в семантике чешского высказывания².

ФРАЗОВАЯ ИНТОНАЦИЯ

Интонация повествования (конклюдивная каденция)

При рассмотрении данного материала существенны два момента — вопрос об интонации повествовательного предложения в целом и вопрос о типах собственно конклюдивной каденции.

Мелодика повествовательного предложения в чешском языке (как и в других языках) понижающаяся. Однако это понижение постепенное, монотонное, нерезкое³, что создает «растянутость речи, монотонность». В начале предложения ударный слог рас-

¹ Библиографию работ по чешской интонации см. в конце книги.

² Наиболее детально этот вопрос разрабатывается в трудах Ф. Данеша, Я. Фирбаса и др.

³ Особенно эта постепенность нерезкого падения бросается в глаза по сравнению с русским языком. См. об этом: Z. F. Oliverius. Динамика, ритм и мелодика русского языка. «Ruský jazyk», 1966, № 3.

полагается низко, подъем осуществляется ко второму слогу ⁴. Низкое положение ударного слога на протяжении высказывания является одной из характернейших черт чешской фразовой про-
содии. Приведем в качестве примера мелодическое движение одной из читавшихся фраз: *V domě je klubovna, kde bývají přednáš-
ki, koncerti, divadlo a kino* (приводятся данные из гласных и сонантов; гласные ударных слогов подчеркиваются 150—200/220/
/220/220/150/150 — 190/200/200/200/150/180/180/180/150/170 — 190/
/120/150/150—170/170/150/150/160/150—170/120/150/130/100).

Высказывалось предположение о сходстве этого типа решения тональности ударного слога с мелодикой немецких областей — эльзасских и баденских диалектов (И. Хлумский назвал это «швабской мелодией») ⁵. Б. Хала в специальной статье ⁶ говорит об отсутствии этого сходства, поскольку в немецком языке низкое положение ударного отмечается лишь в особой форме усиленного подчеркивания (*dûrgaz*) и свойственно и северонемецким гово-
рам.

Интенсивность ударных слогов и всей фразы небольшая, конечный ударный продлен незначительно ⁷.

Ф. Данеш («*Intonace a věta...*») отмечает два основных вида конклюдивной каденции — признаковый и беспризнаковый. Признаковый — с подъемом на ударном слоге — употребляется в особых экспрессивно-модальных случаях подчеркивания (*melo-
dické výtukání*) и не рассматривается как типичный вариант каденции. Беспризнаковый вариант характеризуется, по данным большинства исследователей, понижением на ударном слоге или к ударному слогу (причем понижением очень незначительным) ⁸. У Ф. Данеша этот вариант представлен весьма схематично:

Однако конкретные факты говорят о возможных модификациях этой фигуры ⁹. А именно:

⁴ А. И. Багмут («*Інтонация будова простого розповідного речення у слов'янських мовах*» Київ, 1970) называет это «законом второго слога» для чешского языка.

⁵ J. Chlumský. *Ceská kvantita, melodie a přízvuk*. «*Rozpravy české Akademie věd*», 1928, t. III, č. 65.

⁶ B. Hála. О. т. zv. «*Švabské melodie*» v češtině. «*Studie a práce lingvistické*», t. 1, Praha, 1954.

⁷ И. Хлумский (указ. соч.) пишет о регулярном продлении перед паузой всего последнего слова. Однако он же отмечает незначительное изменение ударного гласного в чешском языке по сравнению с другими славянскими языками (польским, болгарским, русским).

⁸ О незначительности этого понижения см.: M. Romportl. *Melodie ruské a české věty*. «*Sovětská jazykověda*», 1954, r. 4, № 3, стр. 210. — В гл. 2 настоящей работы см. о том, что характерное для русского языка резкое падение тона на ударном слоге для чешского языка — это эмоционально окрашенный вариант: «мелодия печали» (*smůtku*).

⁹ В данном случае речь идет о факультативных вариантах одной мелодемы,

Предударные слоги: а) могут быть равными с падением к ударному (*tudy i plakala; nějaký buršák; stojí u okna* и т. д.); б) могут повышать тон на первом предударном, создавая некий «столбик» (см. польский раздел) (*nemají krále; skutečně škoda* и т. д.).

Заударные слоги: а) обычно продолжают линию ударного с нерезким понижением на абсолютно последнем звуке: (*tudy i plakala; mavající berlemi*); б) на первом заударном слоге осуществляется падение тона, затем идет ровный тон (*vůjel na vojnu; daleko od lidí; příliš mladý* и т. д.).

Комбинация решений предударной и заударной тональности создает разные варианты конклюдивной каденции¹⁰. Примечательно, что для чешского языка — конечный подъем в конклюдивной каденции не отмечается как норма (см. эти данные в восточнославянских языках)¹¹.

Интенсивность характеризуется понижающейся линией с возможным легким подъемом на ударном слоге¹².

В чешском языке равновозможны следующие варианты длительности:

1) гласный — носитель фразового ударения — продлен (с поправкой на фонологическую долготу);

2) абсолютно последний гласный — продлен¹³.

Таким образом, можно отметить слабую временную структурированность чешской конклюдивной каденции¹⁴.

Интонация незавершенности (полукаденция)

Виды незавершенности, типы полукаденции, можно дифференцировать по двум разным признакам: 1) положение ударного, 2) положение заударных. По положению ударного слога отмеча-

не различающихся функционально (о принципах отличия «алломелов» одной мелодемы от двух разных мелодем см. статью М. Ромпортла «On the synonimy and homonimy of means of intonation» в кн.: *M. Romportl. Studies in phonetics. Prague, 1973*).

¹⁰ Й. Скоумал считает существенным не общее движение тона, но «пофигурное» решение каденции, а интервал между опорными точками-слогами (необязательно соседними). В этом случае различия рисунков объявляются нерелевантными (*J. Skoumal. K melódii koncového úseku věty v češtině a v ruštině. «Českošlovenská rusistika», 1970, т. XV, № 2 и № 4*).

¹¹ Ст. Петршик приводит формы с повышением в предложениях с приветствием (*pozdrav*). Однако предложения такого типа не могут приравниваться к предложениям с конклюдивной каденцией (*St. Petřík. O hudební stránce středoevropské věty. Praha, 1938, стр. 63—64*).

¹² См. о незначительности этого подъема: *Ст. Петршик. Указ. соч.; J. Chlumský. Česká kvantita, melodie a přízvuk*.

¹³ Ст. Петршик считал это продление последнего слога особенностью речи молодого поколения (указ. соч., стр. 71).

¹⁴ О невозможности временных манипуляций в чешском языке, особенно для долгих гласных — носителей смыслоразличительной функции, в связи с анализом чешского стихосложения см.: *Р. Якобсон. О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. «Сб. по норме поэтического языка», вып. V. Прага, 1923*.

ются три типа полукаденции: с низким, средним и высоким положением ударного (см. эти же наборы и в других языках). Для литературной нормы характерны два первых типа¹⁵, третий — вариант разговорный, на грани допустимой нормы¹⁶. По нашим данным был представлен лишь тип с низким ударным (ударный в среднем положении отмеченный в начале века для всех славянских языков, в настоящее время, видимо, вырождается).

Заударные слоги демонстрировали четыре возможности: 1) заударные монотонно располагаются на уровне выше ударного:

↓ — — (этот тип принято считать мелодическим словакизмом; см. словацкий раздел): *berlemi*; *kudy šhodila*; *konstatovat* и т. д.;

2) монотонные заударные заканчиваются подъемом на конечном гласном (или сонанте) — ↓ — — ↗ (*před domem*; *Václavském náměstí* и т. д.);

3) от ударного начинается сплошной подъем — ↓ ↗ (*neho chloučku*; *odvodní komisí*; *černí na bílém* и т. д.);

4) последний слог из заударных понижается: ↓ — — — (pražských ulicích; *Krakovské ulice*; *student Kovalenko* и т. д.).

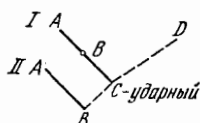
В отличие от конклюзивной каденции длительность последнего гласного отчетливо увеличена: примерно на 10—30% с поправкой на абсолютную длительность гласных. При отсутствии заударных слогов (*Švejk*, *den*, *dne* и т. д.) выражена единообразная фигура

∫ с подъемом в начале и ровным тоном в конце.

Интенсивность выражена в полукаденции четырьмя возможностями: 1) понижение, 2) повышение, 3) легкий подъем на ударном слоге, 4) ударный слог расположен в нижней части некоторой дуги (см. соответствующие данные в словенском разделе): *jak se možne* — 5/5/3/5/3; *měli dělat* — 4/5/4/7—9; *student Kovalenko* — 7/5/9; *nastal večer* — 7/5/6 и др.

¹⁵ См.: *Fr. Daneš. Intonace a věta ve spisovné češtině. Praha, 1957; M. Romportl. Melodie ruské a české věty; J. Chlumský. Česká kvantita, melodie a přízvuk.* — Однако Ст. Петршик (указ. соч.) считает нормой легкое повышение на ударном, а низкое положение ударного с высоким заударным — «жалобным и изнеженным звучанием».

¹⁶ М. Грепл объединяет оба типа как

(*M. Grepl. Emocionálně motivované aktualizace v syntaktické struktuře výpovědi. Brno, 1967.* Подробно см. об этом в гл. 2.

Интонация неместоименного вопроса (антикаденция)

В литературном чешском языке принято различать два основных типа антикаденции¹⁷. Они различаются движением тона в заударных слогах: при первом типе заударные слоги повышаются, достигая предела на последнем заударном слоге, при втором последний слог может быть понижен. Оба варианта характеризуются низким положением ударного.

Наиболее существен для интонационной типологии вопрос о различении двух типов восходящей мелодики — полукаденции и антикаденции. На основании схем Ф. Данеша выводы получаются следующими:

1. Антикаденция не знает варианта с низким положением ударного слога.

2. Полукаденция не знает варианта с пониженным заударным.

3. Для антикаденции недопустим вариант с поднятым ударным и падающими заударными (*polokadence příznaková*).

4. Вариант с низким ударным и восходящими заударными типичен и для полукаденции, и для антикаденции.

Последние два пункта, однако, требуют пересмотра. Тип антикаденции с поднятым ударным слогом и падающими заударными (т. е. нормативный вариант вопроса в русском языке) известен и чешскому языку, но как вариант нелитературный; в ряде работ он подробно описан М. Ромпортлом. М. Ромпортл¹⁸ показывает критерии различия и двух нормативных форм, приведенных Ф. Данешем. А именно: форма с конечным подъемом общеупотребительна, форма с понижением в заударных употребляется как нейтральная в центральной Богемии, а в других местах — это форма с определенной долей эмоциональной окраски. В разговорном же языке (*vernacular Czech*) разговорный вариант с высоким ударным занимает место варианта II литературного языка (с пониженным заударным), который в свою очередь вытесняет «основной» вариант с высокими заударными. Таким образом, интерпретируя сведения, сообщаемые М. Ромпортлом, можно отметить, что наиболее уязвимой и наиболее «литературной» чертой антикаденции является последовательное восхождение тона в заударных слогах.

Обратимся теперь к последнему пункту — к сходству антикаденции и полукаденции в модели этого основного варианта. В схеме Ф. Данеша движение последних слогов — не восходящее резко ($\downarrow - -$). Однако другие чешские интонологи указывают последовательно на обязательное усиленное повышение тона на последнем слоге, так что вся мелодическая фигура предстает как $-\downarrow - - \curvearrowright$. Это конечное повышение тона отличает полу-

¹⁷ См. о них: Ф. Данеш. Указ. соч., стр. 48—49.

¹⁸ M. Romportl. On the synonymy and homonymy of means of intonation.

каденцию и антикаденцию (в полукаденции заударные слоги более монотонны) ¹⁹.

В наших непосредственных данных был представлен именно «основной» вариант антикаденции в литературном языке. Если заударные слоги отсутствовали, на низко расположенном ударном слоге осуществлялся значительный подъем без конечного понижения. При наличии заударных движение тона осуществлялось на них с возможным легким понижением в конце.

Рассматривая вопросительное высказывание в целом, нельзя не заметить его двучленности: во всех фразах были отмечены два подъема тона — в начале и конце с мелодическим перепадом в области фразово ударного слога:

 . Столь отчетливой двувёршинности в полукаденции не отмечалось.

Длительность отмечается регулярным продлением последней гласной, например *Je Helena doma?* (длительность гласных в мсек — 60/60/40/60/60/150), и отсутствием очевидной структурированности предшествующей зоны.

Интенсивность характеризуется двумя основными вариантами: 1) линия интенсивности понижается к концу отрезка; 2) ударный слог оказывается на дне акцентной дуги и др.

Оба варианта соответствуют подъему мелодики на заударных слогах, и, таким образом, не определяются непосредственным движением тона.

Эмоциональные варианты антикаденции в чешском языке, по данным М. Грепля, — это либо усиление тонального перепада ²⁰, либо монотонность заударных слогов (указ. соч.).

Интонация вопросительного предложения с вопросительным словом

В славянских языках отмечены две реализации конца фразы с вопросительным словом — понижение или повышение (речь идет о норме, а не о случаях отдельного употребления). В чешском языке мелодия местоименного вопроса, как правило, понижающаяся ²¹. Только в случае эмоциональной нагрузки (удивление, просьба

¹⁹ *M. Romportl. On the synonymy...; M. Grepl. Указ. соч., и др.* — Это еще раз демонстрирует неустойчивость различающих критериев, применяемых при описании интонационных систем, и зависимость выводимого сходства/различия интонационных систем разных языков от выбранной самим исследователем степени дробности, тонкости (*delicacy*) признаков различения.

²⁰ Еще Ст. Петришк писал о «жалобности и изнеженности» того звучания, когда ударный слог оказывается очень низким, а заударные — высокими (указ. соч., стр. 18).

²¹ *M. Romportl. K tonovému průběhu v mluvené češtině. Praha, 1951.* — Однако М. Ромпортл отмечает и случаи конечного повышения в местоименном вопросе, что, как он считает, усиливает «вопросительность»

повторить) за конечным слогом и на нем реализуется антикаденция²². Х. Кржишкова, относя чешский язык к языкам с конечно автоматизированным ударением, видит связь между местом ударения и понижением к концу неместоименного вопроса. Действительно, в наших примерах местоименный вопрос заканчивался мелодическим понижением и наиболее близко приближался к выведенной А. Коэнном и И. Т'Хартом модели «шляпы» (повествовательного предложения).

Однако возможны модификации начала и конца, а именно — в начале допустимы следующие мелодические решения:

1) вопросительное слово начинается с самой высокой точки во фразе (Kde stojí psací stůl?);

2) подъем к высокой точке осуществляется на этом вопросительном слове (Když nastal večer?);

3) вариант наиболее частый: самая высокая точка — это слог, следующий за вопросительным словом (в соответствии с законом «второго слога»). На вопросительном слове при этом может быть или может отсутствовать тональный подъем: (Jak se jmenuješ? А со vám ještě schází? Kto se z neho vody napije? и т. д.).

Конец может также иметь два мелодических варианта:

1) осуществляется понижение до самого последнего слога;

2) окончательное падение тона происходит на предпоследнем слоге или ранее, а последние слоги монотонны.

Непременная характеристика этого типа высказываний — наличие монотонной зоны между начальным подъемом и конечным понижением. Таким образом, вопросительное предложение с вопросительным словом отличается по мелодике от обычно сопоставляемого с ним повествовательного большей слитностью и монотонностью²³.

Временные показатели говорят о малой структурированности этого типа фразы: нет значительного продления на ударном слоге вопросительного слова; нет второго центра на конечноударном слоге; нет регулярного продления на абсолютно конечном слоге.

Интенсивность демонстрирует два варианта: 1) падающая кривая: Jak se jmenuješ? 10/8—6/3—5/3/2—1; 2) выгиб с подъемом после вопросительного слова, например: Kto se z neho vody napije? 3/7/9/9/7/4/4/4—5/2—1; Co vám ještě schází? 3/9—10/5/4/4—5/1,5; А со vám ještě schází? 2/5/876/6—5/4/2.

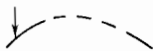
этой конструкции. В работе о синонимии и омонимии интонационных средств М. Ромпортл приводит в качестве омонимичной формы совпадение этого усиленного вопроса с подчеркнутым вопросительным словом, с особой мелодией «предупреждения» (warning) («On the synopu...», стр. 145). Однако и здесь подчеркивается, что «основная мелодема — это падающий тон».

²² В восточнославянских языках так реализуется переспрос. Однако перечисленные эмоции в целом можно свести к переспросу.

²³ См. в русском разделе данные о специфике местоименного вопроса, в его отличии от повествования, полученные Н. Д. Светозаровой.

Интонация вопросительных предложений с А

Мелодически этот тип был представлен одной моделью (отличной от русской модели, описанной Е. А. Брызгуновой). Самое низкое положение занимает А, затем осуществляется подъем на непониженном ударном слоге, затем последующий подъем и обязательное понижение на последнем слоге. Общая схема:

Таким образом, эта схема диаметрально противоположна русской модели: русский — ударный слог понижен, чешский — повышен; русский — обязательно конечное повышение, чешский — конечное понижение. Соответственно эти периферийные для вопросительности формы напоминают: русская — чешский общий вопрос; чешская — русский общий вопрос. Конечный слог в этих формах сильно продлен, например: А Helena? — 60/70/50/160; А dědeček? — 40/55/70/180.

Таким образом, заканчивая обзор первых пяти типов предложений, можно сказать, рассматривая только длительность, что продление конечного слога (и большая структурированность) отмечается в чешском языке для высказываний с восходящей мелодикой (полукаденция, антикаденция, вопрос с А) и не отмечается при нисходящей мелодике (конклюзивная каденция, местоименный вопрос).

Интонация восклицательного предложения

Восклицательное предложение описывается чешскими интонологами часто в рамках повествовательного, фигурируя иногда именно в виде примера конклюзивности²⁴. Однако собранные для прочтения примеры демонстрируют некоторое единообразие в чтении и — в то же время — некоторую специфику чешского восклицания.

Мелодически, как и в других славянских языках, фигура восклицания представляет собой нечто петлеобразное, но с несильным и распространенным по всей фразе повышением. Например: Na Bělehrad! Jenom když vám chutnalo! Dobry den, Mařenko! и т. д., т. е. характерно значительное повышение, затем монотонное сохранение этого уровня с обязательным резким понижением к концу. Не отмечалось резкого повышения на главноударном слоге восклицания (точнее, не выделялся главноударный слог). Интенсивность всей фразы в целом повышенная, например: Na Bělehrad — 9/10—9/10—7/9—8 при средней характерной для данного диктора интенсивности гласных 3—5 мм.

Резко отличным от восточнославянских языков является не-

²⁴ Например, М. Грель, говоря о конклюзивной каденции, приводит пример *Zůstal tam na oběd!* (указ. соч.), Ст. Петршик — пример *Ne, ja holt sem zapomněl!* в общем разделе об интонации фразы (указ. соч., стр. 9).

выделение главноударного слога восклицания средствами длительности, например; *Pujdeme do kina!* — 70/60/70/70/60/80. Таким образом, восклицательное предложение представляется образованием общесловесного характера без более узкой интонационной локализации.

Слабая оформленность интенсивности и длительности как факторов смысловых нагрузок определяет в чешском языке такой факт, как наличие неударной фонологической долготы. Как уже обсуждалось в главе второй, ударение в чешском языке совпадает с наивысшей точкой интенсивности слова. Таким образом, в сознании носителя языка интенсивность и длительность связываются со смыслом слова, но не фразы²⁵.

Сказанное выше о фразовой интонации чешского языка относится к литературной его форме. Однако также и чешская диалектная интонация имеет богатую традицию описания²⁶. Наиболее системно может быть изложена интонация так называемых яшских говоров, т. е. западноморавских говоров, граничащих с собственными польско-силезскими говорами. Подробные исследования Ст. Петршика, М. Ромпортла, Х.-В. Водарца²⁷ дают возможность проследить возможную системность интонационных переходов при изменении некоторых основных просодических условий. Первым условием мы считаем одно — изменение места ударения, практически в этих говорах ударение закреплено за предпоследним слогом²⁸. Отсюда ряд заранее предсказуемых просодических

²⁵ Р. Якобсон говорит («О чешском стихе...») о продлении согласных в эмфатической функции, так как длительность гласных — особенно долгих — неприкосновенна.

²⁶ Это работы Ст. Петршика, Л. Петршиковой, Р. Янчака, М. Ромпортла и мн. др.

²⁷ *St. Petřík. Zur Satzintonation der mährisch-schlesischen Mundarten.* «Slavia», 1939—40, г. XVII. — Это посмертная работа ученого, посвятившего себя изучению славянской интонации и погибшего в 28 лет в экспедиции по изучению словацкой диалектной интонации; *M. Romportl. Zvuková stránka souvislé řeči v nářečích na Těšinsku.* «Fonetická studie». Opava, 1958; *M. Romportl. Přízvuk, kvantita a melodie v nářečí na Jablunkovsku.* «Slezský sborník», 1954, Jg. 52. Beilage der N 1/2; *J. Wodarz. Melodie vypořádání věty v nářečí středního Opavska.* «Slezský sborník», 1955, Jg. 53, № 1; *J. Wodarz. Soustava melodických prostředků v nářečí zapadního Hlučínska.* «Slezský sborník...», 1955, Jg. 53; *H.-W. Wodarz. Satzphonetik des Westslawischen.* Köln, 1963.

²⁸ Ст. Петршик («*Zur Satzintonation der mährisch-schlesischen Mundarten*») говорил о разнообразных видах акцентов в этих говорах: начальном, пенультимном, третьем от конца; М. Ромпортл («*Přízvuk, kvantita a melodie v nářečí na Jablunkovsku*») пишет о преобладании пенультимного ударения с поправкой на появление дополнительного акцента на первом слоге в многосложных словах; Х.-В. Водарц, полемизируя с Петршиком, твердо говорит о пенультимном ударении (*J. Wodarz. Soustava melodických...*). Вероятно, решение здесь не абсолютное, а количественно-пороговое. Так, М. Ромпортл, исследовав один из архаических чешских диалектов, дудлебское наречие (южнее Будейовиц), определил для многосложных слов начальное ударение в 65,2% случаев, пенультимное — в 34,8% (*M. Romportl. Zur Akzentstabilisierung in den westslawischen Sprachen.* «Zeitschrift für Slawistik», 1958, № 1).

характеристик: 1) ударение здесь динамически более сильное, чем в литературном чешском; 2) фонологически значимая долгота исчезает; 3) ударный гласный, особенно — носитель фразового ударения — продлевается; 4) интенсивность и длительность должны играть большую роль в передаче смысловых нюансов фразы (об этом непосредственных данных пока нет). Более сложно предсказать мелодическую систему этого типа говора. Несомненно, что она ближе к польской и восточнославянской. Назовем основные черты (неэмоциональные и эмоциональные формы)²⁹.

1. В терминальной каденции ударный слог повышен, заударный — понижен (см. наши наблюдения об именно таком мелодическом исходе в белорусском языке)³⁰. Эмоциональный вариант — низкое положение ударного с возможным повышением предупредного и заударного³¹.

2. Вопрос с вопросительным словом: неэмоциональная форма тяготеет к повествовательной мелодии, эмоциональная — к вопросительной (см. именно этот тип в польском языке).

3. Мелодика незавершенности: неэмоциональная форма — это низкий ударный и низкий заударный; эмоциональная форма — ударный ниже заударного.

4. Общий вопрос в ляхских говорах обладает неэмоциональной формой, если так можно сказать, компромиссного типа: ударный слог низок, заударный поднят высоко, но в конце понижается³².

²⁹ В основном используются данные монографии: *H.-W. Wodarz. Satzphonetik des Westlächischen.*

³⁰ Интересно, что в более специальной работе Х.-В. Водарц пишет именно об обязательности такой фигуры, которая, однако, может линейно располагаться в разных местах исхода (*J. Wodarz. Soustava melodyckých prostředků v nářečí západního Hlučínska*). Это повышение отмечает последовательно и М. Ромпортл (*Přívuk, kvantita a melodie v nářečí na Jablunkovsku*); *Он же. Zvuková stránka souvislé řeči v nářečích na Těšinsku*). Яблунковское — диалект южной части тешинской области; Глущинское — наречие центра между западноповским и восточноостравским районами; более широко: опавская область — относится к западноляшским говорам; тешинская — к восточноляшским.

³¹ Этот вариант напоминает так называемое «пльзенское пение»,

которое описал Ст. Петришк, отмечая его наличие в польско-силезских говорах. См.: *St. Petřík. O plzeňském «zpívání»*. «*Naše řeč*», 1936, № 20; *P. Jančák. Zapadočeský intonační typ, tzv. «plzeňské zpívání»*. «*Slavica pragensis*», 1968, 8. — Этот конечный подъем, возможно, сопоставляется с аналогичным подъемом конца повествовательной фразы в русских северных говорах, так же создающим общее впечатление напевности и так же осуществляющимся нерегулярно.

³² Таким образом, по положению ударного при восходящей мелодике (т. е. низкому) ляхские говоры ведут себя как западнославянские языки, по движению тона в заударном слог (понижающемся) — как восточнославянские. Из этого видно, насколько сведения, имеющие смысл при ареально-типологическом сопоставлении, должны быть более подробными (и насколько набор их пока неопределен!) по сравнению с признаками, достаточными для различения простейших интонационных конструкций в пределах одного языка.

Эмоциональная форма характеризуется низким ударным, но тем же типом заударного. По этим всем данным мелодическую систему ляхских говоров, несмотря на ряд сходств, можно считать самостоятельной.

ПРОСОДИЯ ИЗОЛИРОВАННЫХ СЛОВ

В современном чешском литературном языке ударение падает на первый слог изолированного фонетического слова. Чешское слово различает также фонологическую долготу (в корне: долгие — краткие: *bláto* — *zlatο*; в окончаниях — как грамматический показатель: *řeknúch* — *řeknuch*).

Однако реальная ситуация, стоящая за этим, отражает достаточно сложные факты становления и манифестации чешского ударения. Прежде всего сам факт инициальности чешского ударения относительно поздний; разделяя с польским языком колебание начальный/предпоследний слог, чешский язык «выбрал» первый слог, а польский — предпоследний (см. выше о пенультиимном ударении в ляхских говорах)³³.

По мнению Т. Лер-Сплавинского, пенультиимное ударение возникло из усиленного побочного³⁴.

Обобщение на начальном слоге согласуется с теорией рецессивного славянского ударения (динамического, располагавшегося на начальном слоге) в противовес тональному в другой точке слова³⁵. Теория рецессивного ударения вполне соотносится с подчеркиваемым в данной работе положением о нисходящей линии интенсивности в славянском слове (см. литературные данные в гл. 2 и экспериментальные данные в соответствующих очерках). Однако в других языках в тех случаях, когда ударение падает на начальный слог слова, интенсивность этого слога резко усиливается (совпадают две сильные точки), в чешском же языке ударение выражено слабо. Таким образом, фиксированность как таковая, очевидно, создает дополнительный аспект влияния на выраженность ударения, которое ослабляется³⁶.

Как уже указывалось, чешское слово характеризуется наличи-

³³ См. Р. Якобсон (*Contributions to the study of Czech accent*), предположение о конечном ударении в чешском слове в VIII в. (*R. Jakobson. Selected writings, t. I. The Hague, 1962*).

³⁴ См. об этом: М. Ромпортл. *Zur Akzentstabilisierung in den westslawischen Sprachen*.

³⁵ Р. Якобсон. Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии. «V Международный конгресс славистов». София, 1963.

³⁶ Эта мысль проходит через статью А. Риго (*A. Rigault. L'accent dans deux langues à accent fixe: le français et le tchèque. «Prosodic feature analysis». Montréal — Paris — Bruxelles, 1970*), слабость фиксированного ударения как будто бы коренится в причинах психолингвистического характера: носителю языка нет необходимости подчеркивать уже заранее известное место ударения. Однако в польском языке ударение, несомненно, выражено сильнее.

ем долгих и кратких гласных. Известно также, что количество соответствует в данном случае рефлексам древних славянских различий: долгая гласная — акуту, краткая — циркумфлексу. На протяжении последних пятидесяти лет велись споры о том, отражают ли эти гласные в современном чешском произношении, помимо количественных, и старые тональные отличия³⁷.

Непосредственная запись чешских информантов показывает, однако, что долгота гласных не всегда соблюдается. Учитывая абсолютные количественные показатели гласных, мы считали долгой гласную, на 1,25 превышающую краткую гласную того же слова (у Хлумского \bar{a}/\bar{a} — 2,6; \bar{i}/\bar{i} — 1,6). Оказалось, что из 145 слов с долгой гласной количественное увеличение соблюдалось лишь в 73 случаях (т. е. 50%). Не удалось найти какой-то закономерности у отсутствия продления, очевидно только относительное регулярное продление \acute{a} (cukrář; válnka; zástup; ptáci, krále и т. д.), а также сокращение долгого \bar{i} в исходе слова (visí; dobrý; pení; mladý и т. д.).

Наиболее сложным фактом чешского словесного ударения является невозможность в ряде случаев вообще обнаружить акустические характеристики его выражения. Исследователь чешского ударения Я. Ондрачкова, ранее отмечавшая сложность инструментального фиксирования чешского словесного ударения³⁸, в более поздней работе прямо говорит о частом несоответствии акустических показателей и аудитивного впечатления акцентированности³⁹. Это признание неумовимости чешского ударения парадоксальным образом сочетается с отчетливым осознанием чехами места акцента в родном языке с исправлением акцентных ошибок иностранцев⁴⁰.

Приведем данные двусложных и трехсложных изолированных слов.

³⁷ Можно говорить о двух волнах этой дискуссии: а) 20-е годы: Экблом — Хлумский, б) 50-е годы: Экблом — Ромпортл. В первой работе (*R. Ekblom. Zur čechischen und serbischen Akzentuation. «Slavia», 1924—1925, г. III*) Экблом отмечает сходство чтения чешских и сербских слов одной тональной истории и выводит модели чешского воспроизведения старых различий (нисходящий — циркумфлекс, дугобразный — акут). В написанной в ответ на это работе И. Хлумский, повторив все примеры Экблома, показывает, что так называемая дугобразность есть результат акцентированного дикторски чтения долгих гласных (*J. Chlumský. La mélodie des voyelles accentuées en tchèque avec une mention de l'état en serbe et en allemand. «Slavia», 1925—1926, г. IV*). М. Ромпортл показал также в связи с работами Экблома, вставляя в одну и ту же фразовую рамку слова с долготой и без нее ($\bar{bláto}$ — \bar{zlato}), одинаковость мелодического оформления этих слов (*M. Romportl. Zůstaly v češtině stopy praslovanských intonací? «Slavia», 1953, г. 22; Он же. Noch einmal zur tschechischen Quantität und Akzentuierung. «Zeitschrift für slavische Philologie», 1958, т. 27*).

³⁸ *J. Ondračková. K analýze přízvučnosti, zvláště v češtině. «Acta Universitatis Carolinae. Philologica. Slavica pragensia», 1962, IV.*

³⁹ *J. Ondračková. O některých aspektech výzkumu přízvučnosti. «Slovo a slovesnost», г. 29, 1968.*

⁴⁰ См. об этом: *A. Rigault. Указ. соч., стр. 9.*

Тип. — —. Интенсивность выражалась через ВН (nízky — 5—4/4—2; ptáci — 8—7/3—4; paní — 7/4—2 и т. д.); НВ (hodin — 5—6/6—7; chytrý — 5/7—5; student — 6/7—8 и т. д.); ВР (т. е. ровная линия) — (Martin — 5—8/5—8; cukrář — 7/7 и т. д.)

Длительность демонстрировала неожиданные для чешского языка результаты: во всех случаях было НВ, т. е. последняя гласная оказывалась длительнее начальной, даже в случае долгих начальных, например, dítě — 140/200 (исключение — zástup). Возможно, именно здесь сказалась тенденция к предпаузальному продлению гласной⁴¹, хотя данные фразы (см. выше) как будто бы такой регулярности не отмечали.

Обобщенные данные показывают, в соответствии с этим, что ударение выражается либо интенсивностью, либо нулем.

Тип — — —. В литературе неоднократно отмечалось э к с п и р а т о р н о е у с и л е н и е первых двух слогов многосложного чешского слова⁴². Этот факт сопоставим не только с данными польского языка, где эта повышенность первых двух слогов начала может в трехсложных словах объясняться пенультимым характером ударения, но и с аналогичными данными белорусского языка, где такого объяснения быть не может. Действительно, такие случаи представлены: knihovně — 5/5/3—2; Vělehrad — 6—9/10/8—6; Helena — 5—8/9—8/4—2. Однако эти случаи нерегулярны: ударный слог может быть и самым интенсивным, и менее интенсивным, чем второй слог (однако он не бывает слабее последнего слога).

Интерес представляли фонетические слова, состоящие из предлога в сочетании со знаменательным словом (na vojnu; na kterém; se Svejkem; na rohu). В этих случаях был усилен начальный слог основного слова — na vojnu — 4—6/7—6/3; na kterém — 4—6/9/5; se Svejkem — 7—6/7—5/6; na rohu — 5—8/8—7/6—4—2).

Данные длительности также свидетельствовали не только о продлении конечного гласного, но и об общем продлении слова к концу: Veléhrad — 90/100/130; na rohu — 90/150/190; knihovně — 40/170/170; na vojnu — 80/150/180; čepici — 70/80/180 — и т. д.

Ударный слог не был выделен длительностью⁴³. Таким образом, обобщающие данные для трехсложного слова — это либо *i*, либо \emptyset .

⁴¹ Об этом писал еще Й. Хлумский; специальное исследование см.: А. Скалицková. К otázce vetního přízvuku v češtině. «Acta Universitatis Carolinae. Philologica. Slavia pragensis», 1956, II.

⁴² См. об этом: F. Travníček. Příspěvky k nauce o českém přízvuku. Врно, 1924. — А. М. Селищев, говоря об этой двусложной структуре, описывает ее как иногда характеризующую трехсложное слово с двумя краткими слогами и последним долгим (А. М. Селищев. Славянское языкознание, т. I. М., 1941, стр. 65).

⁴³ А. Риго (указ. соч., стр. 71) отмечает некоторое выделение ударного слога длительностью (слово *příšice* в чтении четырех дикторов).

Тип — —. Интенсивность в начале фразы — ВН и НВ. При этом характерно, что слова, имеющие в изолированном произнесении ВР, т. е. ударный слог динамически не выделен, в начале слова имеют характеристику ВН, причем в ряде случаев с сильным увеличением интенсивности ударного слога, например: *Martin* — изол. 5—8/5—8, нач. 6/3; *stojí* — изол. 6/6—4, нач. —6/3.

В середине фразы интенсивность двусложных слов — в 80% — ВН, в 20% — НВ и РР (ровная линия), например: *zástup* изол. 5—6/6, в сер. — 9—8/2.

В конце фразы восходящем — равное число ВН и НВ. В конце нисходящем — всегда ВН.

Допускается варьирование динамической структуры слова в разных фразовых ситуациях, например: *večer* — изол. 5/5—7—НВ; нач. — 5/5 — РР; сер. — 9—8/6—5 — ВН; *Квосх.* — 5/5—6 — НВ; *Книсх.* — 6/2,5 — ВН. Таким образом, акцентная структура слова в чешском языке не сохраняется.

Из этих фактов можно сделать два предположительных вывода: 1) фразовая интонация конца оказывается сильной и подавляет последний слог, создавая конфигурацию ВН. Однако необходимо говорить о весьма относительной силе фразовой интонации, поскольку ВН в двусложных чешских словах — это свидетельство подавления неударного слога, тогда как ВН в русских словах типа *домá, землjá* — это свидетельство большей силы фразовой интонации, подавляющей ударный слог; 2) большая интенсивность ударного слога, не выявляющаяся в изолированно произнесенных словах — как это неоднократно отмечалось исследователями, — в связной речи может быть достаточно отчетливой; таким образом, можно говорить о динамической выделенности ударного слога в чешском языке как о явлении с большой степенью потенциальной реализации.

Длительность начала — всегда НВ, т. е. ударный слог темпорально не выделен (речь идет о тех случаях, когда в слове нет долгого гласного — в таком случае решение предсказывается заранее).

Длительность середины — НВ, ВН с разнообразными моделями. Длительность в восходящем конце — НВ, длительность в нисходящем конце — НР и значительное число РР (т. е. длительность равна). Последняя структура распространена и достаточно устойчива. Например, слово *Martin* (в изол. произнесении 80/110) оказывалось трижды в позиции нисходящего конца — с показателями 80/80; 70/70/80/80: это различие степени предпаузального продления конечного гласного — большее при восходящей мелодике и меньшее — при нисходящей встречается не только в чешском языке и может объясняться коммуникативным фактором — временная растяжка может быть показателем неабсолютной законченности.

Обобщенные показатели для структуры — —: в начале σ и i , в середине \sphericalangle i , ti , fi , в восходящем конце — ti , i , в нисходящем — ti , fi .

Тип — — —. Интенсивность начала фразы показывает самые разнообразные конфигурации акцентных уровней — с повышенным ударным (ВНР — dědeček — 6/4/4), с усиленным вторым слогом (НВР — knihovně — 4/10—8/8), с двумя равными первыми слогами (Helena — 5/5/4), с двумя равными конечными слогами (ulice — 3/5/5).

Такие же данные в середине фразы. Нисходящий конец — ВНН, т. е. понижение интенсивности к абсолютному концу. Восходящий конец демонстрирует также ВНН или ВРН (равны первые слоги), например: čerisi — 4/4/2, Helena — 7/7/4—2.

Таким образом, положение о двусложной акцентной волне в чешском языке подтверждается — в нашем случае — лишь на небольшом числе примеров.

Д л и т е л ь н о с ь этого типа демонстрирует разнообразные модели с преобладанием во всех фразовых позициях, кроме нисходящего конца (см. выше о типе — —), структуры ВНВ — с продленными первым и последним слогами. Абсолютные составляющие этой структуры могут сильно меняться. Например, слово Helena — изол. 100/90/190, начало — 60/50/65, середина — 60/40/60, Квосх. — 70/50/160.

Обобщенные данные для этого типа: в начале — σ , i , в середине — i , σ , fti , fi (т. е. отмечается мелодический подъем на ударном слоге), восх. конец — σ , i , ti , нисх. ti .

Приведенные примеры (с обилием случаев, когда ударение как будто бы выражено нулем) вполне укладываются в рамки уже известных фактов о слабой выраженности чешского словесного ударения. Позволим себе высказать утверждение — о слабости не только словесной, но и фразовой просодии, в особенности на материале немелодических фактов: ни длительность, ни интенсивность не демонстрируют столь отчетливой фразовой структурированности, как, например, в русском языке. Только мелодика — на релевантном участке — обнаруживает четкие каденционные рисунки.

СЛОВАЦКИЙ ЯЗЫК

Фразовая интонация словацкого языка (как литературного, так и диалектов) в последние годы мало привлекала к себе внимание исследователей — непосредственные данные нашего эксперимента в основном сопоставлялись с результатами Вл. Ухлара¹.

¹ Vl. Uhlár. Melódia opytovacích viet. «Slovenská reč», 1956, г. XXI, ч. 6; Он же. O vetnej melódii v slovenčine. «Slovenská reč», 1958, г. XXIII, ч. 6; Он же. Z problematiky melódie opytovacích viet v slovenčine. «Jazykovedné studie», 1971, XI, Bratislava.

К сожалению, не оказалось возможным ознакомиться с работами Ст. Петршика 30-х годов, упорно занимавшегося словацкой интонацией — как изолированно, так и в сопоставлении с чешской системой². Однако ряд сведений о данных Ст. Петршика и о его трактовке словацких фразово-интонационных фактов удалось почерпнуть из его собственно диалектологических изысканий, в частности интонационных данных западных областей Словакии³. Это — наречия собственно западные (трнавские) и северо-западные (от Илавы до Жилина и от Жилина на север до Красно и на юг до Рачкова). Эти диалекты примыкают к моравско-силезским горам Чехии (исследованным тем же Ст. Петршиком, М. Ромпортлом, Х.-В. Водарцем — см. чешский раздел), что существенно для их анализа. Другую группу диалектных данных представляют факты, опубликованные Л. Петршиковой об интонации диалектов крайнего востока страны — абовских диалектов (Кошице и более мелкие пункты — Тягановце, Барце и Гуменне и др.)⁴, а также диалектов шарышских и земплинских. Общая просодическая система словацкого языка обладает рядом особенностей, отличающих его от других славянских языков и прежде всего — от родственного чешского. Основных специфических черт — две: 1) т. н. «ритмический закон» и 2) место ударного слога и связанные с этим проблемы.

Ритмический закон словацкого языка кратко формулируется следующим образом: 1) в одном слове не могут соседствовать два долгих слога (т. е. слоги с долгими гласными); если это происходит, то второй слог должен сократиться⁵. В нашем случае особенно интересной была проблема соотношения долгот на стыке слов, т. е. проблема временных «сандхи».

В литературном словацком языке словесным ударением отмечается первый слог слова⁶. Однако эта ударность характеризует двусложные и трехсложные слова, для многосложных непременно отмечается и побочное ударение — пенультымное⁷.

Однако Ст. Петршик говорит о пенультымном характере общесловацкого ударения (o *stredoslovenském prízvuku penultimovém*) — в отличие от чешского⁸, Л. Петршикова считает язык

² См.: *St. Peřík. K otázkam prízvuku a intonácie v slovenčine a češtine. «Sborník matice slovenskej», г. XIII, 1935; г. XIV, 1936, ч. 1—2; Он же. Spôsoby stredoslovenskeho zdôrazňovania prízvukom. «Slovenská reč», 1936, R. VI, ч. 1, 2, 3; Он же. K vetnej intonácii morsliezkych a niektorých slovenských nárečí a vliv polštiny na tieto nárečia. «Carpatica», 1936; Он же. K hudobnej stránke slovenskej vety. «Carpatica», 1936; Он же. K fonológii zapadoslovenskej vety v trnavskom nárečí. «Sborník matice slovenskej», 1937, г. XVI, ч. 1—2.*

³ *St. Peřík. Dva príspevky k hudobnej stránke slovenskej vety. Praga, 1947.*

⁴ *L. Peříková. K hudobnej stránke nárečia abaujského. Praga, 1947.*

⁵ *D. Dvonč. Rytmičský zákon v spisovnej slovenčine. Bratislava, 1955.*

⁶ См. прямую формулировку: *E. Paulíny, J. Ružička, J. Stolc. Slovenská gramatika. Bratislava, 1968, стр. 59.*

⁷ Там же, стр. 60.

⁸ *St. Peřík. O hudební stránce středoečeské věty. Praga, 1938, стр. 21.*

системой с двумя словесными просодиями слова — начальноударной и пенультимноударной⁹. Эта конфликтная просодическая ситуация находит разрешение в интонации фразы, которая во многом определяется словесной: оказывается возможным размещение фразового ударения на предпоследнем слоге, а словесного — на первом¹⁰. Ст. Петршик, опираясь на диалектные факты, говорит об эволюции пенультимноударения от слова к фразе¹¹. Строго говоря, создается крайне сложная для анализа система интонационных средств. Как будет видно в дальнейшем, место фразового ударения на предпоследнем слоге соблюдается лишь в ряде случаев. Таким образом, интонационная система словацкого языка потенциально гетерогенна и может быть описана с разных позиций.

Словацкую интонацию обычно сравнивают с чешской. Так, Ст. Петршик перечисляет следующие различия интонационных систем чешского и словацкого языков:

1) фразовое ударение чешского языка слабое; словацкого — сильное;

2) тоновый интервал чешской фразы незначителен; в словацком он больше;

3) в чешском языке характерна тенденция выделить (*vytknut'*) только основное слово интонационной единицы; в словацком языке есть стремление сделать весомым каждое полнозначное слово;

4) в чешском языке мелодия конечного такта падает сильно; в словацком — монотонно (причем отмечается иногда у женщин конечный подъем);

5) в отрезке с полукаденцией в чешском языке тон к паузе повышается; в народной словацкой речи часто понижается;

6) подчеркивание слова (*vytýkanie*) в чешском языке осуществляется повышением после ударного слога; в словацком — продлением слога или динамическим усилением предпоследнего слога¹².

В других работах Ст. Петршик и Л. Петршикова сообщают еще о некоторых общих характеристиках словацкой речи в ее отличие от чешской. Прежде всего — это продление ударных слогов¹³ (как отмечалось в чешском разделе, чешское слово этого не знает). Несомненно, так как просодические явления связаны, что продление ударных слогов, осуществляющее «фразовую функцию», должно расшатать систему неударных фонологических долгот (именно это и отмечает Л. Петршикова для восточных говоров)¹⁴.

⁹ L. Peříkova. Указ. соч., стр. 140.

¹⁰ Vl. Uhlár, O vetnej melódii..., стр. 325.

¹¹ St. Peřík. Указ. соч.

¹² St. Peřík. Dva príspevky..., стр. 14. — В работе о чешской интонации он пишет: «В словацком языке главным носителем функции выделения элемента является ударение на предпоследнем слоге; тон же (высокий или низкий) осуществляет побочную функциональную нагрузку; в чешском языке, напротив, главным носителем подчеркивающей функции является тон («O hudební stránce...», стр. 35).

¹³ St. Peřík. Dva príspevky..., стр. 5, 7, 8; L. Peříková. Указ. соч., стр. 128.

¹⁴ Там же.

а последнее — по закону о несовместимости свободного ударения и фонологической долготы — привести к появлению разноместного ударения. (И действительно, Ст. Петршик отмечает факты постановки ударения на последнем слоге ¹⁵.) Несомненно также, что в данном случае нельзя точно наметить последовательность этих процессов, она может быть и условной: мы говорим лишь о связи этих трех явлений — длительности как фразового фактора, неударной фонологической долготе и фиксированности места словесного ударения.

Итак, словацкий язык представляется, по описанным данным, языком с сильной словесной просодией, во-первых, и фразовой смысловой нагрузкой длительности и силы, во-вторых (в чешском языке почти все фразовые функции принимает на себя мелодика) ¹⁶. В этом словацкий язык приближается к интонационным системам восточнославянских языков, в особенности украинского и русского. Так, Л. Петршикова отмечает близость временных характеристик и к русским ¹⁷ (украинские данные тогда не были широко известны), Ст. Петршик говорит о близости к карпатским русинам ¹⁸. Представляется, что в свете ареально-типологических фактов интонационная система русин должна представлять необыкновенно привлекательную задачу для интонолога.

ФРАЗОВАЯ ИНТОНАЦИЯ

Непосредственные наблюдения над фразовой интонацией словацкого языка проводились на материале записи трех студентов-словаков, обучавшихся один семестр в Московском государственном университете (филологический факультет). Запись осуществлялась в 1972 г., полученные данные интонографировались.

Интонация повествовательного предложения (каденция)

Отмечено два варианта конклюдивной каденции (если рассматривать мелодику):

1. В зоне последнего ударного слога — носителя фразового ударения — происходит понижение ¹⁹, заударные слоги либо остаются на том же уровне, либо продолжают понижение ²⁰. При этом в свою очередь возможно двойное решение мелодики ударного слога: а) от него начинается понижение тона, а сам он распо-

¹⁵ St. Petřík. O hudební stránce..., стр. 57.

¹⁶ См. раздел «Чешский язык».

¹⁷ L. Petříková. Указ. соч., стр. 128.

¹⁸ St. Petřík. Dva příspěvky..., стр. 13. — Ст. Петршик приводит фразовый конец Na moju dušu с сильно протянутым конечным ударным слогом.

¹⁹ В. Ухлар («O vetnej melódii...») считает, что понижение идет от ударного слога.

²⁰ Так, J. Sabol говорит о самом низком тоне абсолютно последнего слога (J. Sabol. O tónovej modulácii suvislej reči. «Kultura slova», 1972, г. 6, č. 6, стр. 193).

жен на уровне предшествующего предупредного слога; б) движение в ударном слоге монотонное, но сам он расположен на более низком уровне по сравнению с предупредным слогом.

Таким образом, возможны воплощения: 1)

2. В зоне ударного слога — носителя фразового ударения — имеет место повышение мелодики, которая понижается в постударной позиции. Например, *Nechsem niaké zajtra* имеет движение мелодии с резким подъемом на ударном (первом слоге слова *zajtra*). Это же движение было представлено в высказываниях разной протяженности: . . . *sa stratil v súmraku; bol malý; ... a je po víanociach; rekna* и т. д. Восходящее движение ударного слога при этом может осуществляться с уровня предупредного слога или начинаться с более низкого тона. Этот тип мелодики был отмечен у всех дикторов; создается, однако, впечатление, что варьирование обоих вариантов свободно, каждый диктор употреблял оба типа — с восхождением и с понижением на ударном; попытки искать различия в сегментном материале оказались нерезультативными.

Сходное явление отмечалось и в других языках (см. соответствующие разделы). Однако эта восходяща-нисходящая фигура, реализующаяся в каденции, например, в белорусском языке, производила впечатление позиционно незакрепленной — возможно, было осуществление ее на границе ударного слога, на ударном слоге, на границе ударного и заударного слогов — вплоть до конца каденции. В словацком же языке постударное повышение в наших материалах не отмечалось.

Выше мы говорили о наблюдениях Ст. и Л. Петршиков о продлении ударных слогов в словацком языке. Однако в наших примерах, как и в чешском языке, регулярно это продление не всегда осуществлялось и даже в долгих гласных (например, *spýtala sa* 100/100/100, 80 — Д.ТК; *Vianociach* 100/130/130 — Д.БЦ; *egoistom* 80/110/90/70 — Д.ТК и т. д.).

В целом, говоря о структуре длительности (элиминируя наслоения долгих гласных и правила ритмического закона), можно вывести, по нашим данным, 4 возможные комбинации ударного слога (уд) и абсолютного конечного слога (АК), по сравнению с остальными слогами ²¹:

1) $\overline{\text{Уд}} - \overline{\text{АК}}$	3) $\text{Уд} - \overline{\text{АК}}$
2) $\overline{\overline{\text{Уд}}} - \overline{\text{АК}}$	4) $\text{Уд} - \overline{\overline{\text{АК}}}$

²¹ Светлая черта под знаком указывает, что слог продлен.

Все четыре возможности были представлены в нашем материале, например:

1. <i>v učárni</i>	140/90/150
2. <i>požiar [nu vežu]</i>	40/150/100
3. <i>zajtra</i>	100/140
4. <i>spýtala sa</i>	100/100/100/80

С уверенностью (только по нашим данным!) можно было бы говорить об отсутствии выделения длительностью пенультимого слога — в связи с проблемой места словацкого ударения.

В отличие от чешского материала можно с большей определенностью говорить о динамическом выделении начального ударного слога в словацком слове — носителе фразового ударения (*spýtala sa* — 10—9/7/4/3; *súmraku* — 7—9/7/3—2; *mály* — 10—7/6—2). Ударный слог оказывается и интенсивнее предударного, например: *bol malý* — Д.ТК — 9—5/10—7/6—2; Д.БЦ — 8/9—5/3—2. Это значительное (2 : 1 и выше) преобладание ударного слога над безударным несомненно для двусложных конечных слов. В случае же трехсложных фонетических слов предпоследний слог примыкает к первому, к последнему же слогу происходит резкий перепад интенсивности. При этом предпоследний слог может оказаться в отдельных случаях выше первого (*usmial sa* 7—5/10—7/3—2; по *Vianociach* 5/6—5/3—2; *okolí* 8/9/5; *učárni* 5—4/7—5/3 в речи разных дикторов), что опять возвращает нас к проблеме словацкого ударения, место которого кажется — для каденции — дискуссионным лишь по данным интенсивности.

Интонация незавершенной синтагмы (полукаденция)

Мелодика словацкой полукаденции представлена несколькими вариантами:

1. Ударный слог расположен низко (но, в отличие от чешского, необязательно ниже предударного), заударный или заударные слоги, обычно монотонные, располагаются на одном уровне выше ударного: — \downarrow — (*nechápeš* — Д. БЦ).

2. Ударный слог расположен высоко, заударные слоги понижаются (см. описание этого типа как «разговорного» для западнославянских языков и нормативного для восточнославянских языков в гл. 2): — \downarrow — (*... do kúta stromček* — Д. ТК)²².

3. Ударный расположен ниже предударного, на нем осуществ-

²² Вл. Ухлар называет такую полукаденцию «сдвинутой» и считает, что она имеет место перед более краткой паузой («О *vetnej melódii...*»). Эта полукаденция типична для «живой речи».

ляется движение восходящего тона, которое продолжается в заударном: (ružové ráno — Д.БЦ).

Именно этот тип полукаденции описан Ст. Петршиком. Однако остальные авторы (Вл. Ухлар, Крчмнеры, Саболь)²³ считают его не первостепенным по употреблению, отдавая предпочтение типу мелодики с монотонным положением заударных слогов с небольшим абсолютно конечным понижением.

Особый тип словацкой полукаденции представляет не отмеченная в наших примерах фигура с резким подъемом на конечном слоге. Вл. Ухлар считает этот тип польским влиянием, которое словацким дикторам нужно преодолевать²⁴.

Движение интенсивности в полукаденции двойное: 1) нисходящее, например *stromček* (включая акцентные данные сонорных): 7/6/5/4—3; 2) восходящее — *ráno* — 6/7—8/8/9 и т. п. Эти типы интенсивности, по-видимому, не объясняются различием в мелодической фигуре полукаденции.

По сравнению с каденцией можно с большей определенностью говорить о временной структурированности словацкой полукаденции: ударный гласный продлен, абсолютно конечный продлен в большей степени (даже в ряде случаев, если ударный гласный долгий) например: *do kú[ta stromček]* — 75/80/120; *zapalí sa svička* — 90/120/170; *pechápeš* — 100/110/120 и т. д.

Интонация общего вопроса (антикаденция)

Мелодика словацкого общего вопроса в наших данных была представлена двумя вариантами:

1. Все предложение как бы рассекается на две части последним ударным слогом — носителем фразового ударения, который занимает положение на уровне начального слога. Таким образом, вся вопросительная фраза имеет следующий вид:

Заударные слоги осуществляют последовательное восходящее движение тона (см. описание этого же типа в чешском разделе).

²³ Вл. Ухлар. Указ. соч.; Й. Саболь. Указ. соч.; St. Krčmňery. *Melodia vety a prízvuk v slovenčine*. «Slovenské pohľady», 1932, г. 48, стр. 7—8. — Несомненно, что словацкая полукаденция имеет несколько вариантов, но специфически словацкой, очевидно, мы можем считать фигуру с монотонным положением заударных слогов.

²⁴ В. Ухлар. *O vetnej melódii...*, стр. 35. — О польском влиянии на литературное словацкое произношение есть определенные указания наших авторов; однако ряд сведений, восходящих еще к Ст. Петршику, приводит к мысли и о возможном влиянии венгерского языка — монотонность заударных слогов (см. об этом гл. 4 настоящей монографии, где говорится об интерференционном воздействии славянских и неславянских фактов).

Анализ этого типа мелодического движения возвращает нас к проблемам, анализируемым во второй главе настоящей работы. Если рассматривать только область ударного слога антикаденции и заударные слоги, то этот тип вопроса не будет специфичным (см. ИК-4, в нотации Е. А. Брызгуновой и случаи этого типа в разных описанных нами языках). Если обратиться только к положению предударного слога, то более низкое по отношению к нему положение ударного слога также отмечается по всем славянским языкам и служит ведущей характеристикой этого типа. Специфичным для чешского и словацкого вариантов является именно абсолютный размах высотного различия предударного и ударного слогов и то, что предложение предстает в виде двух однофигурных частей.

В случае сдвига фразового центра на начальную часть повышения тона осуществляется на двух заударных слогах, после чего имеет место понижение тона: *Pačí sa vám?*

Вторым мелодическим типом воплощения является вариант с незначительным повышением на предударном слоге (ударный слог может начинаться на той же высоте, что и предударный).

Спорным вопросом квалификации словацкой антикаденции является вопрос о пенультимном слоге как носителе фразового ударения. В качестве доказательства переноса ударения на предпоследний слог в словацкой антикаденции обычно говорят о вершине мелодики на предпоследнем слоге²⁵. Между тем понятие ударного слога определяется по решению его в каденционной фигуре: абсолютно высокое положение занимает в антикаденции ударный слог лишь при фигуре определенного типа (см. раздел о восточнославянских языках), при типе же антикаденции с низким ударным высокое положение заударного слога предполагается рисунком каденционной фигуры и не делает еще заударный слог носителем фразового ударения.

В. Ухлар различает как бы два вида антикаденции — с фразовым ударением на двусложном слове и с фразовым ударением на многосложном слове²⁶. Двусложное слово — по Ухлару — как бы поднято вверх, и ударный слог расположен между заударным и предударным²⁷. Заударный слог нерезко движется вверх. При эмоциональном вопросе ударный слог располагается ближе

²⁵ *L. Petříková*. Указ. соч., стр. 124; *St. Petřík*. Dva příspěvky..., стр. 31.

²⁶ В односложных словах, если ударный слог краток, тон поднимается вверх, если ударная гласная долгая, слово приравнивается к двусложному.

²⁷ Этот тип антикаденции — с серединным положением ударного слога

описывался различными авторами практически для всех славян-

ских языков, но — характерно — в наших данных и в реальных экспериментальных данных других авторов он почти не представлен. Вероятно, этот тип — промежуточный — оказывается наиболее уязвимым на фоне симметрично полярных других двух типов антикаденции с высоким ударным и антикаденции с низким ударным.

средней линии (т. е. это нормативный вариант чешского общего вопроса). Антикаденция, реализующаяся на трехсложных словах, может давать три варианта:

- 1) конечное понижение (аналогичное понижение в двусложных словах В. Ухлар считает сленговым фактом);
- 2) постепенно восходящую линию;
- 3) нелитературный вариант — резкий подъем на конечном слоге²⁸.

В наших данных представлены два первых варианта.

Если мелодика не показала достаточно данных о переносе ударения на пенультиимный слог (напомним, что его высокое положение не есть показатель ударности, см. пример Е. А. Брызгуновой *А Наташа?* с высоким конечным *a*), то интенсивность также не продемонстрировала этого переноса (единственный пример *Som ti niecolurobila* 7—5/5—10—5/4—2 — Д. БЦ).

Акцентная линия словацкой антикаденции представлена тремя вариантами:

1) последовательно нисходящей линией: например, *Som ti nieco urobila?* 9/9/8—7/6/6/5—4/4/2/—Д.БЦ;

2) выгнутой дугой с пониженным началом и пониженным концом. Этот вид был обнаружен у всех дикторов и представляется нам словацкой спецификой²⁹. Примеры: *Páci sa vám?* — 5—6/7/5/5—3 — Д. А; *A ste už vstali?* 5—6/11/9/7—5/6 — Д. А; *3/6/6/5/5/—3 — Д. БЦ; Ty tu pracuješ?* 7/10/10—9/10—8/7—6 — Д. А и т. д.;

3) подъем интенсивности к концу вопроса, например, *Otecko sedi?* 4/5—7/7—8/8/9 — Д. В. Длительность демонстрирует продление конечного участка. При этом конечный слог и ударный могут попеременно оказываться более длительным.

Вопрос с вопросительным словом (местоименный вопрос)

Из предыдущих разделов очевидно, что вопрос с вопросительным словом по своей интонации разделяет славянские языки на две группы: а) мелодика может быть только понижающейся; б) мелодика может иметь два повышения — в начале и в конце (речь идет о нормативном произношении). Для словацкого языка отмечается понижение тона к концу фразы.

В наших же данных представлено два мелодических рисунка этого типа фраз:

1. Тип произношения с понижением тона к концу и наиболее высокой точкой — на вопросительном слове (иногда с захватом соседнего слога). Например: *čo robiš?* — Д.А — 210/210/150/120, Д. ВЦ — 150/120/100; *Čo je v tej miske?* — Д.А 150/140/120/100/100 и т. д.

²⁸ V. Uhlár. Z problematiky melódie...

²⁹ См. обратное движение — выгнутую дугу — в словенской антикаденции.

2. Мелодический контур двуцентров, осуществляется конечный подъем. Специфичным является помещение первого подъема на абсолютно втором слоге (будь то второй слог вопросительного слова — *kedy* или первый слог слова, следующего за вопросительным — *čo budeme?*.... Таким образом, мелодическая линия характеризуется конечным подъемом на абсолютно последнем слоге. Например: *Čo to tak pekne vonia?* Д.А — 200/240/200—150/120/115/136; Д.ВЦ — 150/160/120/105/105/150; *Kde je tu nejaký správca?* Д. А — 120/220/200/150/150/130/120/120—160; *Čo to je zajtra?* — Д. БЦ 110/130/110/100—120; и т. д. В этом случае гласный первого слова (т. е. ударный гласный вопросительного слова) оказывается продленным, и начало фразы производит слуховое впечатление некоторого певучего приступа к подъему, а вся фраза — впечатление волнообразности.

В первом варианте начальный гласный может не быть продлен (конечный ударный и конечный заударный — продлены в обоих случаях). Например: *Čo robíš?* Д. А — 80/100/130; Д. БЦ — 70/80/110. Акцентная линия этого типа фраз нисходящая, даже и при втором мелодическом варианте. Ударное вопросительное слово отмечено наибольшей интенсивностью.

Исследователи словацкой интонации отмечали конечный подъем лишь в тех случаях, когда вопрос выражает удивление, сомнение и т. п.³⁰ Между тем на содержательном уровне именно эти значения (наряду с некоторыми другими) и выражает переспрос (см. в русском разделе — *Когда ночью летит самолет? — Когда ночью летит самолет? А он ночью не летит...*, где во втором случае нормативен конечный подъем и для русского языка, не допускающего его).

Для переспроса конечное повышение считается обязательным³¹.

В наших примерах переспрос выражался резко восходящей структурой, с менее монотонно растущим повышением тона, чем в антикаденции и особенно в полукаденции. Например: *Teaz?* Д. А — 100—140/140—180; Д. В — 120—140/140—160; Д. С — 100—150/150—160; *Chlebič?* Д. А — 120—150/150—220 и т. д. Вся фраза сильно продлена. Акцентная линия — слабо нисходящая.

Интонация вопросительных предложений с А

Мелодика этих типов фраз единообразна, повышающаяся, и этим близка к русской (см. раздел «Русский язык»). Однако для русского языка отмечено низкое положение ударного слога, в

³⁰ L. Peřtková. Указ. соч., стр. 127. H. Křížková. Kontextové členění a typy tázacích vět v současných slovaných jazycích. «Slavia», 1972, г. XLI, стр. 3.

³¹ V. Uhlár. O vnanej melódii..., стр. 345; Он же. Z problematiky melódie... стр. 257; Он же. Melódia opytovacích viet, стр. 360.

словацком же языке ударный слог располагается между начальным А и заударным слогом. Таким образом, именно в этой конструкции употребляется исчезающий для антикаденции тип со средним положением ударного слога (ср., как столь же редкий для русского языка тип восходящего движения с низким ударным, избираемый в этой конструкции, оказывается нормативным общим вопросом в чешском и словацком языках).

Примеры: А Kohútik? Д. А — 120/120—150/150—200/200—220; Д. В — 100/100—110/110—150/150—160; А ty? (1-й раз) — Д. А — 120/150—210; Д. БЦ — 100/110—150; А ty? (2-й раз) — Д. А — 120/170—220; Д. БЦ — 100/150—160.

Таким образом, мелодическая линия этого типа вопроса близка к мелодике переспроса и вопроса с удивлением и сомнением. Эта формальная близость соответствует близости на содержательном уровне: все эти виды вопросов можно объединить под общей шапкой — вопрос/уточнение (с эмоциональной накладкой и без нее).

Временная структура этого типа фраз строится четко: последний гласный резко продлен. Например: А ty (1) — Д. А — 80/160; Д. В. — 90/140; А ty (2) — Д. А 90/180; Д. В. — 60/120, т. е. соотношение примерно 1 : 2.

Акцентная структура — повышающаяся (!), с возможным понижением в самом конце. А Kohútik? Д. А — 5/6—7/7/7; Д. БЦ — 3/5/4—2/5—6;

А ty (1) Д. А — 4/9—2; Д. В — 3/9—5;

А ty (2) Д. БЦ — 5/9—5; Д. В — 4/8—3.

Интонация восклицательного предложения

Восклицательное предложение в словацком языке оформляется дугообразными фигурами вокруг значимых центров высказывания. Этот подъем не так значителен, как, например, в восточнославянских языках, а все высказывание выгладит в виде поднятой дуги с дополнительными дугами, например, предложение Aké rekne hračku tam boli! имеет вид с дугами вокруг слов rekne и hračku. В восклицательном предложении может быть одна дуга-центр: Podúvajte sa... или Podúvajte sa na to! имеют вид одной дуги.

Рассмотрение и квалификация анализированных фигур (в особенности фигур в двух последних примерах) возвращает нас к трудноразрешимым проблемам формального описания мелодических рисунков, о которых говорится в гл. 2 настоящей книги. В восточнославянских языках ударный слог может оказаться и в середине слова (*мангуста*) и петлеобразная фигура над ним позволяет квалифицировать восклицательные фразы как отдельные интонационные типы со специфической мелодикой. В случае же чешского и словацкого языков мы не имеем формального критерия, чтобы отличить фигуру в *podúvajte* от полукаденции или даже

от сдвинутой антикаденции (понижение последних слогов слова возможно и в этих типах).

Далее, в украинском разделе говорится об особой фигуре восходящей мелодики, которая отмечена также для сербского языка (при акценте/), а именно: мелодика ударного слова восходящая, следующий слог поднимается еще выше, а следующий за ним понижается.

ПРОСОДИЯ ИЗОЛИРОВАННЫХ СЛОВ

Анализировалось чтение изолированных слов типа — —, — — —, — — — —

Поскольку мелодика в изолированных словах — это факт фразы, рассматривались данные интенсивности и длительности.

Тип — —. Интенсивность в 55% была ВН, т. е. первый, ударный, гласный оказывался интенсивнее заударного. Однако этот разрыв в интенсивности незначителен: от 1,5 : 1 (в редких случаях) до 1,1 : 1 (в большинстве случаев), например: správsca — 8—7/6; študent — 9/8—7; budú — 9/7—5 и т. д. 35% составляли отношения НВ — с повышенным заударным слогом, например: budú — 7/10—8; okno — 8/10—9 и т. д. Соответственно 10% — это слова типа РР (с равной интенсивностью), например: jedno — 10—8/10—8; ráci — 5—2/5—2 и т. д. Как представляется, это различие не объясняется фонетической структурой самих слов, поскольку одни и те же слова могут в произношении разных дикторов иметь разную структуру (например, peshcem: Д. А — ВН — 10/6—5; Д. В — НВ — 8/9—5). Приводимые данные демонстрируют слабую обязательность выделения словацкого ударения интенсивностью. Эта слабость акцентного выделения усугубляется еще и начальным положением ударного слога, т. е. размещением его на той точке, которая в других славянских языках является максимально повышенной, даже и в неударном положении.

Длительность в 86% случаев демонстрировала структуру НВ (т. е. самый длительный — заударный слог), в 12% — ВН — ударный слог более длителен, и в 2% — РР — (оба слога равны). Однако эти 14% необходимо исключить из рассмотрения, так как во всех этих случаях ударный гласный был долгим (správsca, ráno, sviečka, ráci и т. д.). Таким образом, изолированно произнесенное словацкое слово обнаруживает сильную тенденцию к продлению конца.

В соответствии с этим обобщенные показатели выраженности словесного ударения в изолированных словах этого типа показывают формулу i или \emptyset .

Тип — — —. Интенсивность в 36% была ВНВ, т. е. срединный слог был самым низким; в 23% — ВНН, т. е. самый интенсивный был первый слог, в 30% — НВН, т. е. самый интенсивный центральный слог, остальное — НВР и НВВ (слово okolí, которое по неясным нам причинам все дикторы произнесли с по-

вышающей интенсивностью). Однако если перейти от формул к реальным данным и посмотреть, во скольких случаях первый слог оказывается интенсивнее остальных (т. о. включая слова с формулой ВНВ и данными типа 8/5/7), то оказывается, что таких случаев было 52%, т. е. примерно столько, сколько и в словах типа — —.

Д л и т е л ь н о с т ь слов этого типа в 46% выражалась формулой НВВ с сильным преобладанием абсолютно конечного гласного, например; *dediny* — 70/100/180; *okolí* — 80/90/185; *oblokom* — 70/90/140 и т. д. При этом оказывались подавленными и долгие гласные первого слога (например, *súmraku* — 100/130/150; *pu'tal sa* — 90/140/170 и 100/120/200). 30% — случаи ВНВ с длительным выделением ударного гласного, остальное — слова типа НВН, единообразно произнесенные всеми дикторами. Во всех словах последней группы был в центре долгий гласный, причем гласный [a] — т. е. с абсолютной высокой длительностью (*hlupáček*, *pechápeš* и т. д.).

Обобщенные данные показывают *i*, *ø* и *ti*, характерно, что чистого *t*, т. е. только временного показателя, не было.

Многосложные слова были интересны проблемой пенультимого ударения. Случаев выделения средствами интенсивности предпоследнего слога не было. Зато в ряде случаев был выделен второй и третий слог (*podúvajte*; *pomyslel si*; *netrpezlivosti*). Ударный слог был выделен интенсивностью только в 20% случаев.

Из показаний длительности следует несомненная тенденция продления слова к концу — с несомненным подавлением долготных слогов (*podúvajte* — 70/100/120/170). Ударный слог не был выделен длительностью.

В соответствии с этим обобщенные данные показывают для 20% показатель *i*, а для 80% — *ø*.

Итак, несомненно, что схема, т. е. определенная структура слова в словацком языке, оказывается сильнее тенденции к выделению ударного слога. Очевидно также, что для длительности эта схема оказывается более сильной, чем для интенсивности.

МОДИФИКАЦИЯ СЛОВЕСНОЙ ПРОСОДИИ ВО ФРАЗЕ

Анализировались изменения просодических данных одного и того же слова, помещаемого в разные фразовые позиции. При этом целью исследования являлась именно фразовая структура, весь анализ производился «с точки зрения фразы» (см. подробнее об этом стр. 77).

Т и п — — . И н т е н с и в н о с т ь. В[начале фразы — поровну ВН, НВ и РР (равные интенсивности). Попытка проанализировать эти различия (в сравнении также с изолированно произнесенным словом) не привела ни к каким результатам. Однако анализ лексического состава слов, в которых заударный гласный был интенсивнее ударного (или равен ему), показал, что по фор-

муле НВ или РР приносятся (в начале фразы!) слова служебного или полуслужебного характера, относящиеся к более весомому семантически элементу предложения — *každý, takej, jedno* и т. д. С этим сравниваются слова с ВН (*teraz, nechcem, správca* и т. д.).

В середине фразы большинство двусложных слов имеет интенсивность ВН, но также НВ и РР. При этом те же слова, которые в начале фразы характеризуются как НВ, могут стать ВН (например, *jedno* — нач. — 5/9—7, сер. — 7/4).

В нисходящем конце 100% случаев демонстрируют формулу ВН. Однако словацкий язык в полной мере не дает в этой позиции обнаружить силу фразовой мелодики в ее воздействии на словесную, так как ударение в слове не падает на последний слог (в этом смысле ВН для слов типа русского *вода* или *трава* гораздо более показательная формула).

В восходящем конце 63% случаев дают формулу ВН, 15 — РР и 22% — НВ. При этом существенно вспомнить, что мелодика в словацких полукаденции и антикаденции не падает к концу, как, например, в русском языке, и потому шансов на значительный процент НВ (так как интенсивность при резковосходящей мелодике скорее следует за ее движением) было больше.

Если отбросить непоказательный нисходящий конец и посчитать число ВН по всем позициям, то их оказывается 53%, т. е. то же число, что и для изолированных двусложных слов. Из этих данных не создается впечатление сильного воздействия фразовой интенсивности на словесную, кроме позиции начала.

Существенны также данные об абсолютном изменении интенсивности к концу фразы. Наиболее сильно деформируется заударный слог в нисходящем конце: Например, *sedí* 9/8—10 — изол. слово, 8—7/9 — середина и 7—5/4—2 нисх. конец. К восходящему концу интенсивность слова мало меняется. Например, *teraz* — нач. — 9/5, *K* *vosx.*₁ — 9/4—5, *K* *vosx.*₂ — 9/7—4; *správca* — нач. 8/6—5, —7—6/5—3 *K*₁ *vosx.*; *rekne* — сер. — 9—7/8—5, *K**vosx.* —7—5/7—5.

Интенсивность в словацкой фразе падает от начала к концу незначительно.

Д л и т е л ь н о с т ь. В начале фразы преобладает ВН, т. е. ударный слог в начале фразы отмечен длительностью. Однако при этом существенно вспомнить, что абсолютно начальный слог и первый ударный слог, судя по данным остальных языков, в славянской фразе продлен. В словацких фразах первый начальный слог и есть ударный, поэтому в данном случае затруднительно определить, есть ли это продление факт слова или факт фразы.

Наиболее показательна середина фразы. Здесь преобладает НВ — 60% случаев, остальное — ВН и РР (поровну). В восходящем конце — 72% НВ, т. е. последний слог продлен, остальное — ВН, т. е. ударный слог выделен. В нисходящем конце — 50% НВ. Остальное ВН. Полученные данные отличают словацкий язык от других рассмотренных нами языков, т. е. выявляются два про-

тиворечивых обстоятельства. Первое — это малое по сравнению с другими языками (например, украинским) продление абсолютного конечного слога — по обоим типам конца 61%. Это наводит на мысль о выраженности словацкого ударения средствами длительности. Тогда это должно проявиться в середине фразы, наименее подверженной фразовой просодии. Между тем именно в середине реализуется формула НВ, согласно которой продлен заударный, а не ударный, даже исключая слова с долгим вторым гласным типа *budú, každý*, где заударный отмечен долготой и т. п.

М е л о д и к а. В начале фразы большее число случаев (более половины) падает на формулу РР, т. е. «ровно». Так не представлена ни одна славянская фраза. Более конкретно это РР означает подъем на первом слоге и сохранение этой высоты на втором. О «законе второго слога» в чешском языке (термин А. И. Багмут) мы писали в чешском разделе, но в чешском языке второй слог обычно был выше первого. Для середины (несколько более пониженной) более характерно ВН и РР.

В восходящем конце — 70% НВ, с более высоким заударным. Однако здесь оказывается целесообразным различать данные полукаденции и антикаденции. Для антикаденции число случаев с НВ равно 90%, для полукаденции — 48%. Таким образом, и путем чисто формального анализа можно обнаружить различие полукаденции и антикаденции в словацком языке: антикаденция последовательно реализует восходящее движение тона, полукаденция — допускает ровное движение в заударных слогах и даже понижение тона. Более того, та же формула НВ по конкретным данным в антикаденции и полукаденции различается: в антикаденции это может быть, например, 150/150—200 гц, а в полукаденции — 130/150 гц. В нисходящем конце все случаи демонстрируют формулу ВН.

Таким образом, в словацком языке мелодика сильнее воздействует в антикаденции, чем в полукаденции.

Обобщенные данные: 1) в начале — *t, i, f, ø*; 2) в середине — *ti, ø, i*; 3) в нисходящем конце — *fti, fi, ti, i*; 4) в восходящем конце — *fi, i, ti*.

Это значит, что наибольшая выраженность — несколькими параметрами — обнаруживается в нисходящем конце. Вероятно, что именно в этой позиции ударный слог должен лучше всего восприниматься и распознаваться, что может быть проверено перцептивными методами.

Тип — — —. Интенсивность. В начале фразы — по ровну ВНВ и НВН. При этом возможны любые отклонения от изолированного чтения, например: *Kohútik* — Д. А изол. 9/5—7/10—9 — ВНВ; начало — 7/9/7 — НВН; Д. С изол. 7/7/9 — НРВ; начало — 7/3/6 — ВНВ.

В середине — НВН и ВРН (эти данные как будто говорят о силе пенультимного слога). В восходящем конце — ВНН, ВНВ, НВН, ВНР, ВРН. Однако если рассматривать те случаи, когда

ударный гласный ниже остальных по интенсивности (НВН и частично ВНВ), то их оказывается около 30%. В остальных случаях ударный гласный акцентно выражен.

В нисходящем конце треть случаев — НВН, т. е. опять выступает пенультимный слог. Остальные ВНН.

Д л и т е л ь н о с т ь. В начале фразы ВРН и ВНН, т. е. как и для типа —, несомненно продленность абсолютного начала в словацкой фразе. В середине — равное число ВНН и НВН.

Неожиданными оказались данные конца. Так, НВВ, т. е. продленных к концу структур, оказалось не более 25%, столько же — НВН, т. е. с продлением пенультимного слога, остальное — ВНН, ВРН, ВНР. Большее число случаев конечного продления было при восходящем конце — в примерах с полукаденцией.

М е л о д и к а. В начале фразы — НВН и НВР, т. е. подъем ко второму слогу, в середине — все возможные комбинации без преобладания какой-либо формулы.

В нисходящем конце — 70% ВНН, что и должно было быть — здесь совпадение фразовой мелодики и структуры слова. Но 30% — ВРН, т. е. пенультимный слог, будучи подавленным общей нисходящей линией, все же стремится выделиться, например, *šmraku* — 140/140/100.

Наиболее типичная фигура восходящего конца — НВР и НВН, т. е. повышенным слогом является средний (см. об этом стр. 170). Есть также ВРН (т. е. ударный слог — самый высокий в слове).

Обобщенные данные: а) в начале — *i, ø, t*; б) в середине — *t, ø*; в) в нисходящем конце — *fi, ø, t, fri, ft, i*; г) в восходящем конце — *fi, i, t, ft, ø, f*, т. е., как и для типа —, наибольшая выраженность словесного ударения в конце фразы.

Многосложные слова анализировались с целью найти резко выраженное усиление пенультимного слога. Такие случаи были единичны, например:

<i>i — y pomysel si</i>	5/3/9—10/6—4—Д.БЦ
<i>t — y po Vianočiach</i>	60/100/140/110—Д.А
<i>t — pomysel si</i>	30/50/140/110 —Д.А

СЛОВЕНСКИЙ ЯЗЫК

Словенский язык, входящий в группу южнославянских, принадлежит к языкам с так называемым музыкальным, или тональным, типом ударения. Это значит, что различается несколько типов реализации словесного ударения, причем выбор того или иного типа не произволен — он задан, и нарушение этих правил выбора влечет за собой искажение смысла. Таким образом, совокупность

акцентов — это некая фонологически значимая парадигма. Этим словенский язык отличается от других славянских языков, где также известны различные способы реализации словесного ударения, но они определяются либо дистрибутивно — позицией слова во фразе, либо их выбор для носителя языка случаен и произволен. Фонетически словенские акценты могут совпадать по типу реализации с реализациями словесных акцентов в нетональном языке, но в этом последнем выбранная реализация — не член смысловой оппозиции.

В современном словенском языке различаются три типа ударных гласных — долгий восходящий (/), долгий нисходящий (\) и краткий нисходящий (\)¹. Позиционные ограничения состоят в том, что краткий акцент может выступать по большей части на последнем слоге — и соответственно — в односложных словах. Таким образом, в односложных словах могут реализоваться все три вида акцента (vrát, vrát, sèn, zób, lás, stàr и т. д.).

Для нужд исследования фразовой интонации необходимо иметь корпус материала, учитывающий акцентные различия. К сожалению, не оказалось возможным фиксировать — в соответствии с принятым типом речевого материала — непосредственную словенскую речь. Поэтому интонографировалась звучащая речь, представленная на пластинках². Примеры были составлены Й. Топоришичем, им же были отобраны дикторы — носители люблянского произношения. Объективность проблем, встающих перед каждым исследователем фразовой интонации, привела к тому, что предложенные Й. Топоришичем примеры оказались весьма удачными для данных целей, хотя некоторые конструкции в них не представлены. В современной словенской лингвистике (в основном, в трудах Й. Топоришича) фразовая интонация изучалась очень подробно³, однако наше (к сожалению, далеко недостаточное) изучение словенских интонограмм, может, как кажется, иметь некий новый смысл благодаря изменению точки зрения: словенские исследователи в основном изучали фразовую интонацию как средство выяснения сущности словесных акцентов, как арену действия этих акцентов, наша же цель обратная — через словесные акценты и виды их реализации попытаться понять тип словенской фразовой интонации (т. е. найти третий слой звучащей фразы).

¹ В настоящем разделе будут сообщаться только словенские сведения без сравнения с сербохорватским языком.

² J. Toporišič. Slovenski jezik. Jsgovor i intonacija s recitacijama na pločama. Zagreb, 1961.

³ Мы не упоминаем здесь работы по экспериментально-фонетическому анализу изолированных слов, они будут обсуждаться ниже. По фразовой интонации см.: J. Toporišič. Slovenska stavčna intonacija. Ljubljana, 1969; J. Toporišič. Pojmovanje tonemičnosti slovenskega jezika. «Slavistična revija», 1967, L. XV; J. Toporišič. Liki slovenskih tonemov. «Slavistična revija», 1968, L. XVI.

Интонация конечной синтагмы повествовательного предложения

При отсутствии заударных слогов движение тона в ударном слоге может быть:

а) понижающимся — *sevêda têga ne tajím. Nàš Tòne grè. Bil je imenítan gròf. Tòne vé. In skòci za njím* и т. д.;

б) понижающимся с конечным повышением — *...je šel na lóv. . . gròf za njím.*

Позиция предударного может быть более высокой (в большинстве случаев), или же предударные слоги располагаются на той же высоте, что и ударный, с которого начинается падение тона

— — , например: *in skòci za njím*).

Движение тона в предударных слогах может быть ровным или резко понижающимся (случаев повышения предударного не встретилось).

При наличии заударных слогов в ударном слоге может быть ровный тон. В заударном возможно резкое понижение (*v létih po osvobodítvi*), более низкое положение заударного с ровным тоном (*v neznánem krâiju*) или — повышение тона в заударном, тогда заударный может начинаться на той же высоте или выше ударного (*...močnô razmahnílo; prijâteljev in lóvcev*). Эти типы движения тона в заударных слогах возможны и при резком движении тона в ударном слоге.

Наиболее специфично во всем этом: а) отсутствие повышения тона в предударных, б) наличие конечного повышения в заударных слогах.

Если пренебречь резкостью/нерезкостью движения тона, то конклюдивная каденция в словенском языке (при наличии заударных слогов) выражается следующими двумя моделями: 1)

2) . Очевидно, что тип 2 соответствует типу с абсолютно конечным повышенным ударным. Тип с конечным низким заударным наблюдался для всех видов словесных акцентов, тип с высоким заударным — для слов с / и \ (один случай).

Распределение длительности в каденции происходит следующим образом: 1) ударный слог — самый длительный на протяжении синтагмы (примерно в полтора раза длительнее предударного и в 1,1 раза длительнее неконечных ударных); 2) абсолютно конечный заударный длительнее других неударных слогов отрезка, но не равен ударному слогу синтагмы, а составляет около 0,8—0,9 его длительности.

Кривая интенсивности — понижающаяся. При этом ударный слог — носитель фразового ударения — располагается или на

общей линии понижения, или может быть несколько интенсивнее предударного, но ниже предшествующих ударных.

Разницы движения интенсивности при разных словесных акцентах не наблюдалось.

Интонация неконечной синтагмы (интонация незавершенности, или полукаденция)

При отсутствии заударных слогов движение тона в ударных слогах повышающееся, без конечного понижения (единственное исключение — конечное понижение ударного слова *izlèt* во фразе *Na izlèt/pójde náša Marjêta jûtri*).

Предударный слог расположен ниже ударного ⁴.

При наличии заударных слогов возможно два типа движения тона:

1) заударный слог продолжает движение тона ударного, поднимаясь вверх (*naše křvodajálstvo; se je v létih po osvoboditvi; se je močnô razmahnilo; uglêda medvéda; sine v goščávo; zmánka; in grôf vídi* и т. д.);

2) заударный слог «падает вниз», движение тона на нем понижающееся — (*sevêda; náša Marjêta; bìl je. . .*).

Положение предударного в этих случаях несколько более высокое, так что слог — носитель ударения начинается ниже предударного (примерно на полтона). Ровного движения тона в ударном и заударном слогах не отмечалось.

Словенская полукаденция имеет, таким образом, следующие мелодические виды:

1) при конечном ударном: ✓

2) при конечных заударных: а/ -↓' б/ ↓↘

Тип а наблюдается при всех видах-словесных акцентов, тип б — при ○.

Распределение длительности при полукаденции такое же, как и в конечной синтагме.

Кривая интенсивности в данном случае резко отличает словенский язык от других. А именно — в большинстве случаев в незавершенной синтагме самым интенсивным оказывается абсолютно конечный слог. При этом предударный также выше ударного, поэтому ударный слог оказывается как бы на дне некоторой акцентной дуги, например: амплитудные данные даются в мм —

	7 5	6	5 4 6	6 5 7
<i>p á š e k r v o d a j á l s t v o ; j e r a z m a h n í l o ; s e v ê d a ;</i>				
<i>m e d v é d a ; M a r j ê t a .</i>				
6 5 6		6 5 6		

⁴ И. Топоришич также отмечает различие в положении предударного слога в зависимости от наличия заударных: никакая полукаденция бывает, если у нее есть «хвост», т. е. заударные («Slovenska stavčna intonacija», стр. 12).

Однако возможны случаи и понижающейся интенсивности —
 $z \ m \ \hat{a} \ n \ k \ a; \ v \ \hat{i} \ j \ d \ i.$

7 5—2 5 4—1

Дугообразное завершение интенсивности как будто непосредственно не описывается через мелодику, поскольку оно отмечалось и при повышающейся мелодике полукаденции, и при понижающейся.

Интонация вопросительного предложения без вопросительного слова

Мелодика вопросительного предложения без вопросительного слова при отсутствии заударных слогов резко повышается на ударном слоге (см. рис. 7).

Ударный слог начинается несколько ниже предупредного или — что реже — на одном уровне с ним ($Zéblo \ ga \ je? \ - \ - \ - \ - \ /$).

При наличии заударных слогов мелодика антикаденции остается резко восходящей $- \downarrow /$. Положение предупредного слога остается несколько более высоким.

Таким образом, для антикаденции характерно восходящее — при всех акцентах — движение тона в ударной и заударной частях⁵.

Длительность ударных слогов при вопросительной интонации несколько больше, чем в незавершенной синтагме (примерно 1 : 0,9). Распределение длительности слогов в ударной части остается таким же.

Движение интенсивности такое же, как в незавершенной синтагме, или понижающееся: $Si \ sig \ a \ - \ pri \ v \ ó \ š \ č \ i \ ?$ или в виде
 $\begin{array}{ccccccc} 7 & 9 & 5,5 & & 5 & 5 & 4,3 \\ Si & sig & a & - & pri & v & ó \ š \ č \ i \ ? \end{array}$
дуги в области ударного слога $Sig \ a \ je \ pri \ v \ ó \ š \ č \ i \ ?$
 $\begin{array}{ccccccc} 6 & 8 & 6 & 8 & 5 & & 7 \end{array}$

Интонация вопросительного предложения с вопросительным словом

В целом интонация таких предложений совпадает с интонацией терминальных каденций за исключением некоторых особенностей, а именно — в таких предложениях есть как бы два центра: вопросительное слово и зона последнего ударного слога: $Kam \ grěš? \ Kako \ ti \ je \ imě? \ Zaka \ j \ ga \ zani \ ču \ ješ? \$ и т. д. Первый центр знаменуется высоким положением ударного слога с восходящим

⁵ Это наблюдение принадлежит в первую очередь О. Броку, который, отмечая «большую победу тона над слогом» для словенского языка, говорит, что вопросительная интонация у $Tóne?$ (*тонет*) и $Tóne?$ (*Антон*) совпадает, идя вверх (О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910, стр. 238).

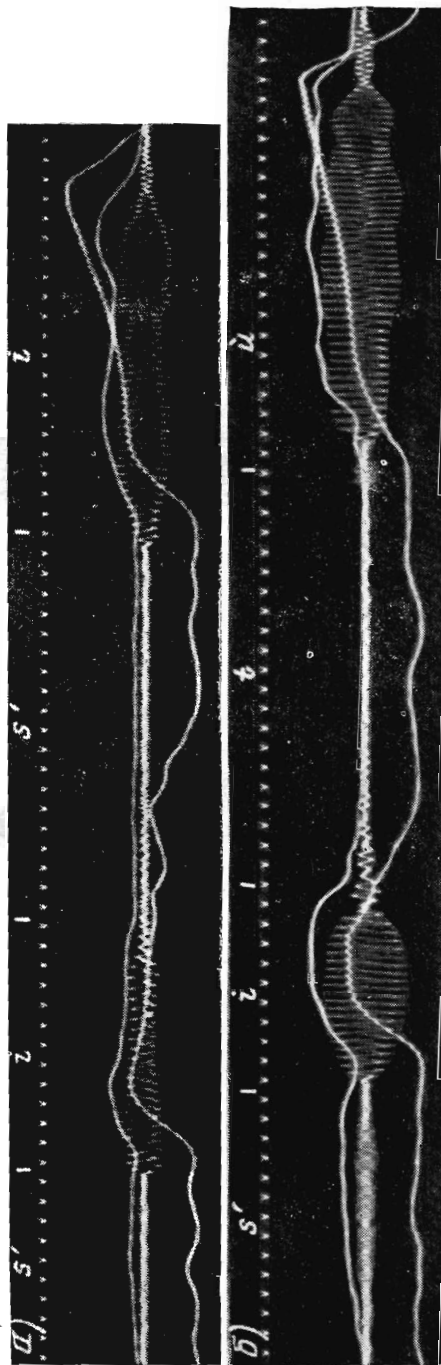

Рис. 7. Движение тона в словенской антикаденции
а) Si si? б) Si tã?

движением на нем; второй центр — понижением мелодики на ударном слоге.

Нисходящая линия интенсивности в этих фразах более отчетлива, на вопросительное слово приходится максимальная интенсивность, оно оказывается акцентно выделенным.

Ударные слоги обоих центров примерно равны по длительности.

Интонация восклицательных предложений

По нашим данным, эта интонация мелодически совпадала либо с повествовательной, либо с вопросительной мелодикой. В одном примере было отмечено яркое восходяще-нисходящее движение тона на ударном слоге *Tôpe vé:*

Характерной чертой восклицания явилось акцентное усиление всего отрезка и резкое увеличение длительности ударных слогов.

Малое количество словенского материала не даёт возможности утверждать это с большей категоричностью, однако можно заменить регулярность помещения интонационных центров в зону последнего ударного слога при каденциях, полукаденциях и антикаденциях. «Сдвигов» интонации не замечалось (см. выше о русском и белорусском языках — в этой связи). Таким образом, интонационно словенский язык можно считать «конечно ориентированным» языком (разумеется, речь идет о тенденции, не о закономерности).

Интонация выделения

Представлена в предложениях типа: *Náša Marjêta pójde jûtri na izlèt. Náša Marjêta pójde jûtri na izlèt. Náša Marjêta pójde jûtri na izlèt. Na izlèt pójde náša Marjêta jûtri.* В этих случаях выделенное слово повышалось, и на нем как бы осуществлялась полукаденция — второй, конечный, центр знаменовался меньшим, чем в обычном случае, терминальным мелодическим перепадом.

Акцентное выделение и выделение по длительности в отмеченных словах было слабым или вовсе отсутствовало.

Однако характерно, что акцентное усиление выделенных слов более регулярно осуществлялось в середине фразы (см. слово *jûtri*). Как мы постараемся показать ниже, это закономерно, если исходить из общей акцентной структуры фразы.

Посмотрим теперь, как противопоставлены три типа интонации — каденция, полукаденция и антикаденция — в словенском языке. Возьмем в качестве различительных признаков мелодики возможность следующих реализаций:

- 1) нисходящая мелодика ударно-заударной части;
- 2) нисходяще-восходящая мелодика ударно-заударной части;

- 3) восходящая мелодика ударно-заударной части;
- 4) восходяще-нисходящая мелодика ударно-заударной части.

Для интенсивности возьмем следующие возможности:

- 1) нисходящее движение интенсивности;
- 2) дугообразное движение интенсивности.

Таким образом, получаются следующие пучки признаков (+ — возможность такой реализации, — — невозможность).

	Нисходящая мелодика	Нисходяще-восходящая мелодика	Восходящая мелодика	Восходяще-нисходящая мелодика	Нисходящая интенсивность	Дугообразная интенсивность
Каденция	+	+	—	—	+	—
Антикаденция	—	—	+	—	+	+
Полукаденция	—	—	+	+	+	+

К сожалению, имеющихся данных недостаточно для введения временных признаков (кроме данных по длительности восклицательных предложений).

Как мы видим, в антикаденции нейтрализовались все типы словесных акцентов.

В каденции и полукаденции существует два типа мелодических движений: 1) нейтральный — для всех акцентов, 2) маркированный — для одного типа акцента.

В каденции маркирован нисходяще-восходящий тип — только для звуков с /.

В полукаденции маркирован восходяще-нисходящий тип — только для звуков с ○.

ПРОСОДИЯ ИЗОЛИРОВАННЫХ СЛОВ

Три словенских словесных акцента противопоставляются в историческом плане: ○ и \ как циркумфлекс — старому акуту и ○ и / как циркумфлекс — неоакуту, т. е. нейтральный тон — повышенному (согласно концепции Р. Якобсона)⁶. Краткий акцент располагается обычно на последнем слоге, функция его, как принято считать, делимитативна, поэтому основное противопоставление осуществляется на долгих ударных. Безударные гласные — кратки, поэтому Р. де Брэй считает, что словенский язык сходен с языками типа русского, английского и т. д., где долгота есть признак ударения⁷. Именно это свойство безударных быть краткими дало П. Гарду основания считать словенский язык

⁶ Р. Якобсон. Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии. «V Международный конгресс славистов». София, 1963.

⁷ R. G. A. de Bray. Guide to the Slavonic languages. London, 1969.

единственным подлинно тоновым языком Европы (*solution chinoise*) в отличие, например, от чакавского варианта сербохорватского языка, где также три типа акцента, но и безударные могут быть долгими⁸.

Как же реально может осуществляться акцентная оппозиция в слове?

Теоретически возможны следующие решения:

Мелодические: 1) существенно движение тона внутри ударного слога; 2) существенно движение тона на последующем слоге, т. е. движение двусложно; 3) существенно высотное положение ударного слога по отношению к предударному слогу или к среднему тону.

Акцентные: 1) типы акцентов иерархически упорядочены по интенсивности, рассматриваемой в пределах ударного слога; 2) акцентное решение распространяется на ударный и заударный слоги.

Временные: каждый акцент имеет свое временное решение.

Все эти признаки, относящиеся к трем просодическим параметрам, могут взаимосочетаться и взаимокомпенсироваться. Существенной и наиболее общей представляется следующая оппозиция: просодия словенского акцента — это явление слоговое или словесное. Так, в русском языке акцент — это явление и слоговое, и словесное. Слоговое — поскольку выделен один ударный слог, словесное — поскольку место акцента организует слово в целом и по изолированному безударному слогу можно сказать, ударный это слог или нет. Чисто слоговое решение — это тот случай, когда только синтагматическое сопоставление, контраст, дает ответ на вопрос, какой слог ударный, а по изолированному слогу сказать нельзя ничего. Чисто словесное решение имеем в том случае, когда в слове должна быть выражена некая акцентная фигура, которая в принципе может быть распределена между любым числом слогов (последнее решение должно, по нашему мнению, определяться временным заданием, так как, во-первых, в каждом языке гласные имеют свою имманентную абсолютную длительность, во-вторых, реализация тоновых фигур, как показали экспериментальные исследования других языков, задана в рамках определенной временной протяженности⁹.

Для изучения фразовой интонации существенно получить ответ на вопрос о том, какие из возможных решений реализуются в изолированных словах и какие — во фразе, причем (что существенно), в каких именно участках фразы. Акценты рассматриваются «с точки зрения фразы», поэтому сведений о каком-то общем различии акцентов, сохраняющемся во всех случаях, достаточно

⁸ P. Garde. Fonctions des oppositions tonales dans les langues slaves du sud. «Bulletin de la société de linguistique de Paris», 1966, t. 61.

⁹ М. К. Румянцев. Тон и интонация в современном китайском языке. М., 1972, стр. 6—24.

для акцентолога, но не для интонолога: необходимо знать, как и где модифицирует интонация словесные акценты.

История изучения словенских акцентов восходит к 1811 г., когда они были идентифицированы В. Водником¹⁰.

С тех пор высказывались в общем виде следующие концепции — речь идет о долгих гласных:

1) различие — в основном по интенсивности; при акуте удар на вторая часть, при циркумфлексе — первая (Л. Светец, С. Шкрабец);

2) существенно движение тона в ударном слоге — при акуте он повышается, при циркумфлексе — понижается (М. Вальявец, Ф. Безлай);

3) существенно положение заударного слова — он выше при / и ниже при ∪ (О. Брок, И. Графенауэр, М. Совре, Й. Топоришич);

4) существенно высотное положение акцента — акут начинается ниже, циркумфлекс — выше (Б. Водушек, Й. Топоришич).

Мелодическое решение словенских акцентов на фоне их диалектного разнообразия описано Б. Водушеком¹¹. Он рассматривает ∪ и / в шести словенских диалектах, включая литературное произношение Любляны. Изучались слова с акцентом на предпоследнем слоге (баритонированные) и с акцентом на последнем слоге (окситонированные), т. е. те, когда посттональное решение неуспешно. Сначала он блестяще демонстрирует как бы парадоксальное движение тона с конечным понижением для акута и конечным подъемом для циркумфлекса, причем оба акцента по существу падающие. Общим, однако, является наличие оппозиции положения — акут ниже, циркумфлекс — выше. Проецируя все закономерности на одну ось, Б. Водушек считает максимальное сложное решение более древним (ближе всего к нему подходит диалект Гайльтал). Таким образом, первичная картина характеризуется «низким, нисходяще-восходящим акутом и высоким, восходяще-нисходящим циркумфлексом, противопоставленным в рамках ударного слога». При этом посттоники также различаются высоким положением при акуте и низким — при циркумфлексе.

К последним экспериментальным исследованиям относится работа Г. Невекловского, изучавшего виды реализации словесных акцентов в трех словенских диалектных группах¹². Материалом исследования служили записи жителей трех основных диалектных зон Каринтии: Яунталя, Розенталя (оба на юге Австрии на

¹⁰ Подробная история взглядов на фонетическую сущность словенских акцентов изложена в фундаментальной работе Й. Топоришича («Pojmovanje tonemičnosti slovenskega jezika»).

¹¹ B. Vodušek. Grundsätzliche Betrachtungen über den melodischen Verlauf der Wortakzente in den zentralen slowenischen Mundarten. «Linguistica», 1961, IV.

¹² G. Neweklowsky. Slowenische Akzentstudien. Akustische und linguistische Untersuchungen am Material slowenischer Mundarten aus Kärnten. «Wien Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften», 1973, стр. 273.

границе со Словенией) и Гайльталя (на юго-западе Австрии, на границе с Италией и Словенией). Для получения электроакустических данных использовался сонограф; всего анализировалось 1600 сонограмм. Сегментный материал представляли речевые отрезки, произносимые при двух типах мелодики, — законченного высказывания и мелодики незавершенности, прогрессивной. Противопоставляемые по акценту слова располагались в разных частях отрезка: в начале, в средней части и в последнем завершающем такте, т. е. во фразово-ударной позиции. Отдельно рассматривались предложения, состоящие из одного слова. Словесный материал составляли двусложные и односложные слова. Оказалось, что в слога считающих говорах (Јунталь, Гайльталь) словесно-просодические различия разрешаются по вертикали: акцент располагается низко, циркумфлекс — высоко; фразовые противопоставления разрешаются по горизонтали: существенна общая линия — повышения или понижения. В моросчитающем диалекте (Розенталь) словесно-просодические различия реализуются в общей линии слова — Wortprofil, т. е. по горизонтали, фразовые же различия оформляются по вертикальной оси; иначе говоря, рисунок нисходящей и восходящей мелодики может совпадать, но их высотное положение различно.

Крайняя пестрота взглядов на сущность словенских акцентов (приводимые нами точки зрения несколько упрощены) объясняется, как нам кажется, тем, что одни исследователи изучали акценты на базе слов, взятых в потоке речи, другие — на изолированных словах; однако при этом молчаливо предполагается, что имеется в виду один и тот же объект, у которого нужно найти единственные самые важные признаки. Между тем, уже говорилось, что акцент — как некая просодема-инвариант — имеет два алловарианта — в изоляции и во фразе (при этом необходимо помнить, что и изолированное слово есть иллюзия, поскольку оно произносится с некоторой фразовой нагрузкой — с так называемой назывной интонацией).

В нашем распоряжении были пары goré—gorê; ljudí—ljudi; délala sta—délala je; vrât—vrât; zôb—zób; síta—síta; lás—lás; ríba—rîb; bráti—brât; vídel—vídela; bráta—brátov; zeléna—zelèn; sánje—sèn; stára—stâr; kméta—kmèt (примеры составлены Й. Топоришичем). Рассматривалась акцентная линия слов, временная и мелодическая.

Наблюдалось следующее:

Интенсивность ударных слогов распределялась так: / < ∩ .
 Например, в среднем é — 5,5 мм, ê — 6,5 мм; á — 7 мм, â — 7,2 мм, ó — 5 мм, ô — 6 мм; í — 5,2 мм, î — 6,2 мм. Это отчетливо видно на односложных словах. \ — ведет себя по-разному.

Акцентная линия двусложных слов структуры — — может быть понижающейся (síta, stára, bráti, brátov), равной (bráta, sánje) и повышающейся (kméta, vídel, síta, ríba). У структуры — — повышающаяся (ljudi — ljudi) и понижающаяся (goré, gorê).

Таким образом, можно сказать, что после \cap следующий слог, если он представлен в слове, акцентно понижен, после / во многих случаях повышен (см. *sîta — síta*), но может быть равен ударному или быть ниже его.

Данные длительности не показали результатов о различии реализации длительности неударных слогов при разного типа акцентах. Если же обозначить длительность гласного с / через X, то тот же гласный с \cap составляет 0,95 X, с гласный с \ — 0,6 X¹³.

Акцентные данные приводились нами более подробно, так как они менее известны. Мелодические данные полностью соответствовали данным словенских ученых — ударный слог с \cap начинался выше, посттоник расположен ниже (см. рис. 8). В односложных словах \cap давал или понижающийся тон, или выпуклую кривую — *vrât, brât, rîb, zôb*, т. е. буквально «циркумфлекс», / — обычно восходящий тон. Необходимо заметить, что было представлено люблянское произношение, т. е., по Водушеку, наиболее смазанное, упрощенное.

Интерес представлял малоизученный акцент \, представленный в односложных словах. Он давал крайне высокую среднюю линию тона, начинаясь на той же высоте, что и \cap , движение далее понижалось.

МОДИФИКАЦИЯ СЛОВЕСНОЙ ПРОСОДИИ ВО ФРАЗЕ

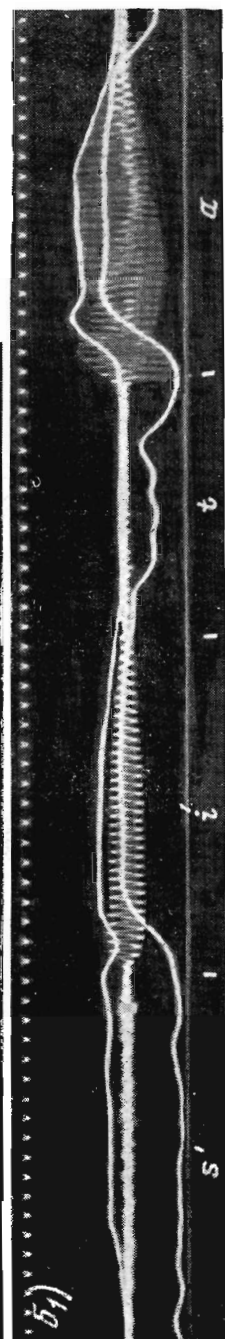
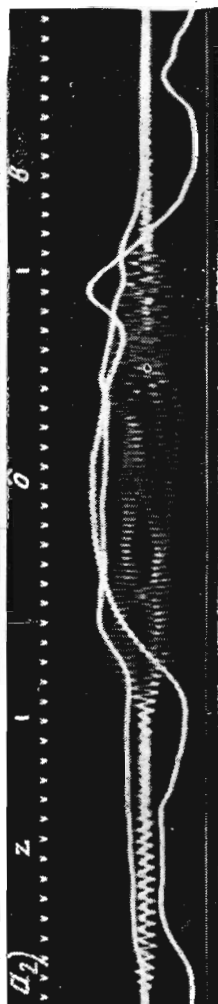
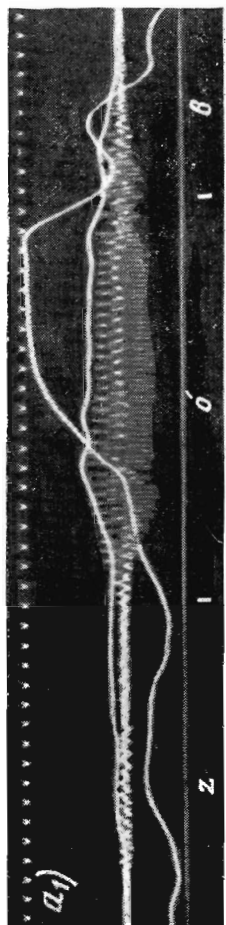
I. Вариации ударных слогов (а к ц е н т н ы е в а р и а ц и и).

Модификациям акцентных характеристик внутри фразы посвящено фундаментальное монографическое исследование Й. Топоришича — именно так, по его мнению, и можно выявить сущность словесных акцентов. Й. Топоришич, однако, исследует только мелодику и, как говорилось выше, смотрит через призму фразы на словесные акценты. Наша задача — обратная, однако и для нее можно получить ряд сведений не только из непосредственных интонограмм, но и из фактических данных книги Топоришича.

Существенным было движение тона в ударном слоге — усредненно восходящее (В), нисходящее (Н) и ровное (Р), а также положение ударного слога по отношению к окружающим слогам, которые могут быть выше ударного (В), ниже его (Н), быть на одном уровне с ним (Р). Все эти данные располагались на оси фразы, поэтому учитывалась позиция начала, середины и конца (а в конце — восходящая, нисходящая и незавершенная мелодика).

Согласно нашим примерам, в начале фразы все акценты имеют восходящую мелодику (в большинстве случаев). В середине / имеет восходящую мелодику и ровную, \cap — ровную и нисходящую, и восходящую, \ — восходящую, нисходящую и ровную. В конце фразы при понижающейся мелодике \ и \cap имеют только

¹³ Большую длительность у / отмечал еще О. Брок.

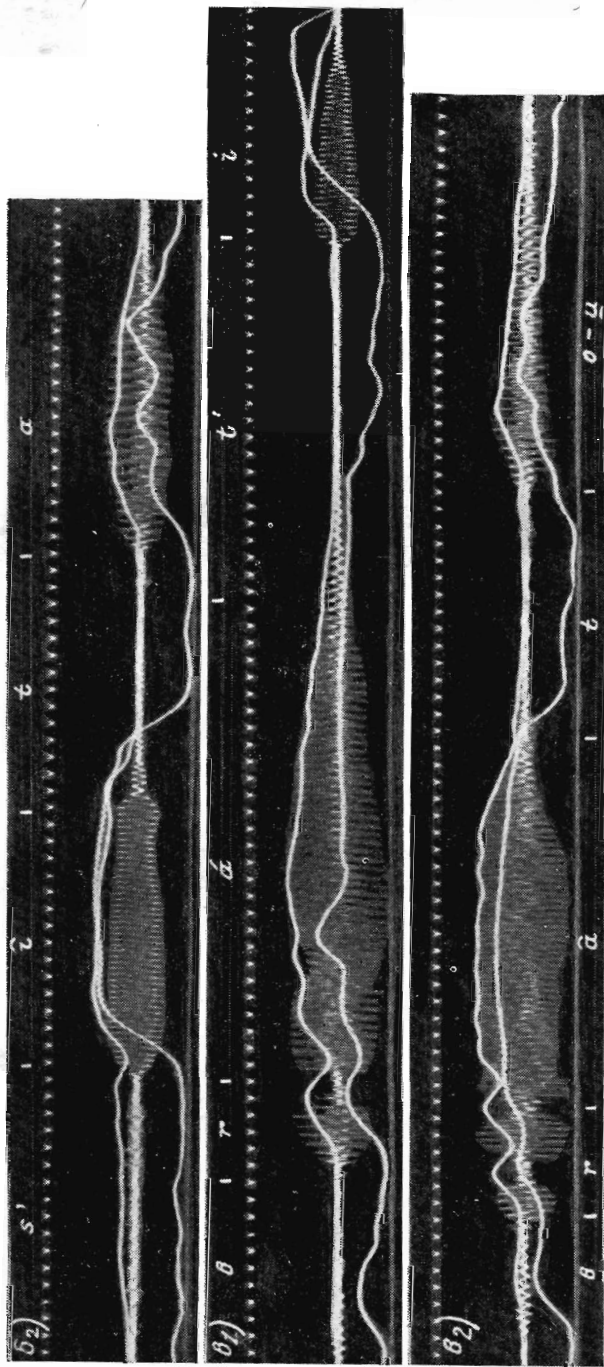

Рис. 8. Мелодическое различие акцента / и акцента ∪ в словенском языке:
 a_1 zób, a_2 zób; b_1 síta, b_2 síta; e_1 bráti, e_2 bráto

понижающуюся мелодику слога, / — понижающуюся, но иногда — повышающуюся.

Положение заударного слога в начале фразы для / повышенное (В), для \cap — пониженное (Н), но оба акцента знают и обратные случаи. В середине фразы справедливость тезиса о более высоком положении заударного слога при / и более низком при \cap верна примерно в 70% случаев. В конце фразы при завершающей нисходящей мелодике заударный слог понижен (кроме некоторых случаев с /), при вопросительной мелодике — повышен, при незавершенной — повышен (кроме некоторых случаев с \cap).

Данные Й. Топоришича сообщают интересные сведения о количественных структурных характеристиках, выявляемых внутри качественных относительных моделей. Его качественные данные говорят о том, что 1) при всех акцентах наблюдается тенденция к пониженному ударному слогу в конце повествования; 2) и при незавершенной, и при вопросительной мелодиках заударный слог обычно выше ударного; 3) в середине сохраняется более высокое положение заударного слога при / и более низкое при \cap . Однако количественные коррективы показывают разницу между акцентами, демонстрируя новые сведения о «давлении фразы»:

1) и слово trávi, и слово pomlâdi в конце каденции дают понижение (Н). Но (в относительных высотных единицах слогов) trávi дает 17/16¹⁴, а pomlâdi — 18/13, т. е. как бы сопротивляется понижению (примеры: Kráva se páse po lépi trávi; Stârček čaka zdráve pomlâdi);

2) средние данные по полукаденции дают повышение заударного (В), но для / это 19/25, а для \cap — 24/24,9;

3) средние данные по вопросительной мелодике дают иные результаты: разница между ударными и заударными слогами для / — 17/23,5 и для \cap — 18,4/25.

Таким образом, вопросительная мелодика оказывает более сильное давление, чем мелодика незавершенности.

Разницу в «давлении фразы» на разных ее участках наглядно показывает, например, фраза с ударным / во всех словах:

Kráve se pásejo po lépi trávi, kónji pa po dételji.
19 / 25 19/22 17/19 16/24 17/16

Высотные показатели этой фразы демонстрируют: а) оформленность обоих начал — фразы и синтагмы, б) сглаженность тонового перепада в середине, в) сильное воздействие мелодики терминальной каденции, г) усиление перепада в полукаденции. Примеры Й. Топоришича в этом отношении однотипны и могут быть сходным образом разобраны.

Особым свойством словенского языка по сравнению, например, с русским языком является мелодическое решение словесного акцента при выделении (логическом подчеркивании). В русском

¹⁴ Цифры — относительные показатели тона, выбранные Й. Топоришичем.

языке в односитагменном повествовательном предложении типа *Брат читает книгу* при сдвиге центра — *Б р а т читает книгу* происходит сдвиг терминальной каденции. В словенском языке мы имеем другую тенденцию. Например, диктором выделены слова *se páse* и *čâka* в срединных позициях. Находим нужные данные в работе Й. Топоришича:

Krâva se páse po lépi trávi.
19,5/25 18/27 20/18 15/4

Stârček čâka zdráve pomlâdi.
24/24 27/26 20/17,7 16,5/12

Если терминальность при / выражается обычно ¹⁵ понижением заударного слога, то здесь в *páse* он резко повышен (у *čâka* — понижен). Иными словами, при реализации выделения слова в срединной позиции нет нейтрализации мелодических акцентов, имеющей место в конце, — общего понижения; напротив, тоновое различие акцентов как двуэлементных фигур проступает особенно резко.

Й. Топоришич считает основным инвариантным различием \cap и / различие в высоте ударного слога — более высокое при \cap и более низкое при / ¹⁶.

Однако решение этой проблемы, т. е. проблемы предупредарного слога, имеет свои трудности при изучении реальной речи в виде так называемых «тоновых» сандхи ¹⁷. Реализация слов на фразовой оси дает много реальных случаев отклонений от этого правила — во-первых, из-за требований фразовой мелодики, например, понижения; во-вторых, предупредарным по отношению к ударным оказывается последний слог п р е д ы д у щ е г о слова. Приведем наши данные в (гп): Méd/ved//sí/ne//go/šcâ/voll. . . med/vé/da/zmân/ka//in//grôf//vî/di//da//je//v/ne/zná/nem//krâ/ju — 200—250/3 0 0 // 250—273/187//160/250—230—250/273//. . . 200/273 — 230/182—160// 200/220—270//350—220//200—150//180 — 260//286 — 300//220//220// 160/160—200/187—150/140.

Акцент ' в *medvéda* расположен ниже предыдущего слога из-за фразовой мелодики, акцент \cap в *sîne* и *krâju* также ниже: на предыдущем слоге должно было реализоваться постударное повышение предыдущего /.

Длительность ударных дала следующие выводы:

- 1) ударный начала несколько более длителен, чем ударный гласный середины (10/9 или 10/8,5);
- 2) ударный гласный конца — самый длительный, особенно если это абсолютный конец;

¹⁵ J. Toporišič. Liki slovenskih tonemov, стр. 319.

¹⁶ Там же, стр. 393.

¹⁷ См.: L. Cheng. Tone sandhi in Taiwanese. «Linguistics», 1968, № 47; G. G. Hunter, E. V. Pike. The phonology and tone sandhi of Molinos Mixtec. «Linguistics», 1968, № 47; а также: Cheng-Chin Chuan. English stresses and tones in Chinese sentences. «Phonetica», 1968, v. 18, № 2.

3) в реальной речи ударные слоги с \ бывают по длительности равны \circ и /, например (длительность указываем в мсек):
 Me d - 150 vé da 200 z m â n k a i n g r ô f v î d i, 160 160 da j e v n e z n â n e m 170
 k r â j u. Интенсивность акцентов, реализуемая внутри
 200

фразы, существенна для изучения ее в следующих аспектах:

1) является ли ударный слог слова динамически выделенным. Выше мы показывали, что в среднем для словенского предложения это не так. Теперь важно выяснить это, уже различая акцентные типы словесного ударения;

2) в том случае, когда динамически выделен не ударный слог, важно понять, какой это слог, какой при этом оказывается динамическая линия слова.

Для изучения этого вопроса было прослежено динамическое поведение акцентов внутри фразы. При этом рассматривались данные только акцентов долгих, могущих иметь заударный слог, данные неодносложных слов, внутри фразы — позиции начал, середины и конца.

Общее число динамически выделенных акцентов — 43%.

Число выделенных / — 48%.

Число выделенных \circ — 40%.

Таким образом, фразовые данные оказываются несколько иными, чем данные изолированных слов (где $\circ > /$).

Рассмотрим более конкретные внутрифразовые данные:

Число выделенных акцентов в начале фразы: / — 71%, \circ — 80%.

Число выделенных акцентов в середине фразы: / — 50%, \circ — 30%.

Число выделенных акцентов в конце фразы (с восходящей мелодикой): / — 20%, \circ — 30%.

Число выделенных акцентов в конце фразы при нисходящей мелодике: / — 80%, \circ — 70%.

Упомянутая выше тенденция к повышению интенсивности заударного слога при / во фразовом потоке не соблюдалась, более того, это явление было отмечено и для \circ , что особенно очевидно для середины фразы, где фразовое воздействие ослаблено (например, se v ê d a t ê g a n e t a j í m).

7 5 7 5 10—6 5 5—8 8—4

Усиление акцентной выделенности в начале и в нисходящем конце предсказывается фразовым воздействием (динамической линией фразы), а именно: начальные слоги фразы резко интенсивнее срединных, в конце же заударные слоги резко ослаблены.

Таким образом, для словенского языка характерна тенденция к невыделению ударного слога в слове внутри фразы динамическими средствами. Интенсивность оказывается возможным, но не обязательным параметром. Характерные для изолированных слов

различия / и \cap смешиваются¹⁸. Отсюда становится ясным, почему при эмфатическом немелодическом выделении слов (см. выше) именно интенсивность, а не длительность берет на себя функцию выделения — она оказывается функционально свободным параметром.

Приведем цепочку слоговых интенсивностей словенской фразы и подчеркнем в ней ударные слоги — $5-6/5/5/2-5/7/5/6/5/5/3/3-2/4/5-4/4-3/3/2-3/2-1/3/3-5/5/3-2/4-2/2-1$ — видно, что динамическая линия читается нелегко¹⁹.

II. Вариации целого слова внутри фразы.

Выше мы говорили о модификациях акцента, т. е. ударной части слова, теперь — о модификациях целых слов различных ритмических структур: — —; — —; — — и т. д.

Недостаточность нашего словенского материала не дает возможности ответить на этот вопрос с должной степенью подробности, как это делается в других языковых разделах. Здесь решаются две проблемы:

1) сохраняется ли ритмическая структура слова, т. е. преобладание одного слога над другим?

2) если ритмическая структура слова и сохраняется, то существенно знать, на каком участке фразы это соотношение претерпевает регулярные количественные изменения?

Ритмические структуры всех типов могут деформироваться по длительности. Особенно сильна эта тенденция в середине фразы, например (приводим данные в мсек начала — Н и середины — С): *lêtih* — Н (140,80), С (110,110), *têga* — Н (110,90), С (120,120); *močnô* — Н (90,130), С (110,90); *sevêda* — Н (90, 130, 190), С (100, 110, 110).

В тех случаях, когда ударный слог сохраняет свою большую длительность, в середине фразы этот разрыв уменьшается — *Tône* — Н (230, 150), С (200, 160); *náše* — Н (200, 90), С (130, 60) и т. д.

В пределах одной и той же позиции для одного и того же диктора в р е м е н н ы е соотношения не являются заданными. Например, приводим характеристики абсолютно начального слова *náša* в разных фразах — 170, 120; 150, 80; 150, 90; 140, 100; 190, 100; 150, 100; 130, 80 — т. е. от 1,9 до 1,4 : 1.

А к ц е н т н ы е характеристики меняются так же, как и временные, — с ослаблением ударного слога в середине.

Интересен в этой связи вопрос о взаимном соотношении акцентных и временных характеристик. Ответ на этот вопрос может быть самый разнообразный: 1) нивелируются оба параметра или 2) один из них, а другой — усиливается. Например, *močnô* — 110/110 мсек и 4/6—5 мм; *náša* — 150/100 мсек и 8/8 мм; *têga* — 120/120 мсек и 5—4/5—4 мм.

¹⁸ О слабости оппозиции современных словенских словесных акцентов см.: R. G. A. de Bray. Guide to the slavic languages, стр. 376.

¹⁹ Это фраза: *Naše krvodajalstvo se je v lêtih po osvoboditvi močnô razmahnilo.*

Представить фразовую интонацию сербохорватского языка строго в рамках общего плана, представленного в остальных разделах, не представлялось целесообразным по ряду причин. Прежде всего — это обилие работ по исследованию просодического воплощения сербских словесных акцентов. Для изложения всех концепций, всех гипотез и всех объективно полученных результатов (не обращаясь к собственным данным и не сообщая сведений историко-акцентологического характера ¹) необходимо написать книгу, превышающую по объему настоящую работу ². Не говоря уже о работах поисково-постановочных, о работах, посвященных узким аспектам акустико-просодического комплекса, о работах фонологии-интерпретационных, нельзя не остановиться подробно на данных, полученных в фундаментальном труде двух авторов — П. Ивича и И. Лехисте, печатавшемся на протяжении последних 15 лет в виде отдельных публикаций ³. Это давление гигантского числа проверенных факторов-реалий, несомненно, влияет на начинающего исследователя ⁴.

Однако чем больше появляется достоверных знаний о сербских акцентах, тем меньше представляется возможным «закрытие» этой темы, тем больше возникает споров вокруг их просодической сущности ⁵.

Причины этого желания вновь и вновь возвращаться к вопросу о сущности акцентов, как представляется, всего удачнее вскрыты в вводных словах статьи А. Пецо, П. Правицы: «...интерес к ак-

¹ Об истории с.-х. акцентов сообщают, в частности: А. А. Шахматов. К истории сербохорватских ударений. «Русский филологический вестник», 1888, т. XIX; Н. Lüdtke. Das prosodische System des Urslavischen und seine Weiterentwicklung im Serbokroatischen. «Phonetica», 1959, Suppl. ad. v. 4; J. Gvozdanović. Development of the prosodic system in Serbo-Croatian. «VII International congress of Slavists. Dutch contributions». The Hague — Paris, 1973.

² Сведения об истории изучения с.-х. акцентов подробно излагают: К.-Н. Поцлок. Der neustokavische Akzent und die struktur der Melodie gestalt der Rede. «Opera slavica», Bd III. Göttingen, 1964; Th. F. Magner, L. Matejka. Word accent in modern Serbo-Croatian. Pennsylvania, 1971.

³ P. Ivić, I. Lehiste. Prilozi ispitivanju fonetske i fonološke prirode akcenata u savremenom srpskohrvatskom jeziku, I, II, III, IV, V. («Зборник за филологију и лингвистику», № VI, VIII, X, XII, XV, 1963, 1965, 1967, 1969, 1972). В дальнейшем — Prilozi I, II...

⁴ Практически за последние годы во многих странах уже вышли монографии, специально посвященные с.-х. акцентам. Это, в частности: Th. F. Magner, L. Matejka. Word accent in modern Serbo-Croatian; P. Rehder. Beiträge zur Erforschung der serbokroatischen Prosodie. München, 1968; E. T. Purcell. The realizations of Serbo-Croatian accents in sentence environments. An acoustic investigation. Hamburg, 1973; J. Matešić. Der Wortakzent in der serbokroatischen Schriftsprache. Heidelberg, 1970; B. Miletić. O srbochorvatských intonacích v nářečí štokavském. Prague, 1926. — Советские исследования см. в Библиографии к настоящей книге.

⁵ Характерно в этом плане название одной из статей П. Ивича — «Srpskohrvatski akcenti i istina» («Delo», 1967, г. XII, br. 2).

центам не ослабевает потому, что они описываются неоднозначно»⁶. На последнем слове необходимо остановиться подробнее — оно связывает проблему сущности акцентов с общим развитием лингвистики в целом.

Именно вопросу о сущности сербохорватских акцентов посвящены работы двух периодов: 1) конец XIX в. — начало XX в.; 2) период от 60 гг. XX в. (вторая волна исследований).

Каковы же были проблемы, возникавшие в связи с с.-х. акцентами в промежуточный период? Это были проблемы фонологического характера, вопросы не сущности, а описания. В соответствии с этим важным было приписать различительные признаки одному из членов противопоставления, объявив другой немаркированным. Так, для Н. С. Трубецкой значимым членом противопоставления являются более свободные позиционно-восходящие акценты с высоким тоном, переходящим на соседний слог, нисходящие же акценты — это «всего лишь комбинаторный вариант отсутствия тона, выполняющий делимитативную функцию»⁷.

Также описывается с.-х. акцентная система Д. П. Трэгером: «Система ударения первична, система долготы вторична; восходящий акцент маркирован, нисходящий — немаркирован, долгота маркирована, краткость немаркирована»⁸.

В ставшей классической для лингвистики тех лет статье П. С. Кузнецова⁹ восходящие и нисходящие акценты объявляются равными (подобно глухим и звонким консонантным коррелятам), существенным же является фонемный статус долгих и ударных гласных фонем (считать ли, что в с.-х. языке есть 20 гласных фонем или 5 + долгота/краткость + восходящесть/нисходящесть).

Вопросу описания посвящена и более поздняя статья Е. Уэлс Браун и Дж. Макколи¹⁰, где, например, предлагается считать одну группу слов с нисходящими акцентами маркированной, а другую, фонетически идентичную, немаркированной — слова, комбинирующиеся с проклитикой.

Эпоха порождающей грамматики в синтаксисе совпала в фонетике с началом работ по синтезу речи, перед лицом которого оказались равны маркированные и немаркированные члены.

В связи с этим остро встал вопрос о сущности просодической природы с.-х. акцентов, о фонетических, а не о фонологических их характеристиках. И тут, глядя на работы последних десятилетий, становится очевидным, что фонетическая теория оказалась

⁶ А. Пецо, П. Правица. О природы акцената српско-хрватског језика на основу експерименталних истраживања. «Јужнословенски филолог», 1972, кн. XXIX, св. 1—2, стр. 196.

⁷ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 237.

⁸ G. L. Trager. Serbo-Croatian accents and quantities. «Language», 1940, v. 16, № 1.

⁹ П. С. Кузнецов. О фонологической системе сербохорватского языка. «Изв. ОЛЯ», 1948, т. 7, № 1—2.

¹⁰ E. Wayles Browne, J. D. Mc. Cawley. Srpskohrvatski akcenat. «Зборник за филологију и лингвистику», 1965, кн. VIII.

не готовой к принятию многомерности реализации языковых сущностей, а также к идее акцента как инварианта, реализующегося по-разному в разных позициях: от фонологии были заимствованы не эти идеи, а в основном ориентация на поиски одной какой-либо релевантной черты, поиски одного ключа ко всем ситуациям ¹¹.

С.-х. акценты изучались либо на материале изолированных слов, либо во фразовом окружении. Однако собственно фразовая интонация с.-х. языка изучена очень мало, так как в основном фразовые позиции рассматривались в качестве арены для тех или иных реализаций словесных акцентов. Поэтому в данном очерке мы предлагаем некоторые собственные наблюдения именно по фразовой интонации.

ФРАЗОВАЯ ИНТОНАЦИЯ

Собственно фразовые просодические факты сербского языка обсуждаются в книге О. Брока ¹², И. Манкен ¹³, отчасти — в статье Б. Вулетича ¹⁴ и более всего — в одной из частей труда Л. Ивича и И. Лехисте ¹⁵.

Нами исследовался материал, составленный таким образом, что одно и то же слово попадало в разные фразовые позиции — середины, конца при вопросе, незавершенности, терминальности и восклицании. При этом в указанные позиции попадали слова с разными словесными акцентами — *Чујеш ли трѹбу, језди. Чујеш ли тдпѹт. Чујеш ли тдпѹт. Чујеш ли трѹбу? Чујеш ли тдпѹт?*

Или

Што нѹсили — свијетло вам било;

Што рѹдили — све вам свето било;

Што нѹсили?

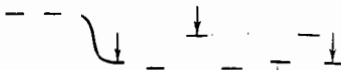
Што рѹдили?

Што нѹсили, рѹдили — свијетло вам било.

Што нѹсили! Што рѹдили!

Интонация повествовательного предложения

Мелодика понижающаяся, движение тона на ударном слоге либо понижающееся, либо сам ударный слог расположен ниже предупредного. Первый предупредный слог может быть повышен.

¹¹ Более подробно рассмотрим это ниже, в связи со спорами вокруг идей Л. Мазинга.

¹² О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910, стр. 235—238.

¹³ I. Mahnken. Studien zur serbokroatischen Satzmelodie. «Opera slavica», Göttingen, 1964, Bd III.

¹⁴ B. Vuletić. Koliko razumijemo intonaciju? «Jezik», 1971—1972, № 2—3.

¹⁵ P. Ivić, I. Lehiste. Prilozi IV, «Зборник за филологију и лингвистику», Нови Сад, 1969, кн. XII.

Эти варианты не определяются типом словесного акцента. Словесным акцентом определяется реализация заударных слогов: 1) они могут резко понижаться, вслед за ударным, 2) они могут слабо понижаться или оставаться на уровне ударного, 3) один из заударных слогов может повышаться. Второй и третий варианты характерны для восходящих акцентов¹⁶ (см. словенский раздел).

Однако эти различия в нейтральной речи могут быть сглажены — так, в нашем материале *xóдити*, *дрáжи*, *лeпóте*, *врáћао*, *рáдили* имели одинаковую мелодическую реализацию в каденции.

Временные характеристики распределяются следующим образом: ударный слог продлен (по сравнению с неконечными безударными), абсолютно конечный слог также продлен, но не более ударного (*xóдити* — 90/50/80; *дрáжи* — 140/90; *ндсилл* — 130/75/100; *рáдили* — 150/60/80).

Акцентная линия понижающаяся.

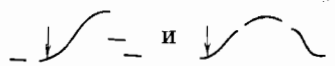
Интонация неконечной синтагмы (полукаденция)

И. Манкен описывает четыре¹⁷ типа неконечной синтагмы: 1) ударный слог ведет к вершине; заударные слоги остаются примерно на том же уровне. Тип реализуется при акцентах / и \; 2) ударный слог образует вершину. Заударные слоги располагаются ниже. Тип реализуется при акцентах ∪ и ∥; 3) ударный слог показывает резкий подъем, но располагается между предупредительным и заударным; 4) ударный слог занимает самое низкое положение, но подъем начинается с него.

О. Брок мало уделяет внимания сербским каденциям в отличие от других славянских языков. Он выделяет (весьма схематично) два вида восходящей мелодики — с абсолютно высоким и абсолютно низким положением ударного слога¹⁸.

Однако в нашем материале не были представлены случаи восходящей до конца мелодики — конечное понижение отмечалось для всех полукаденционных отрезков. После восходящих акцентов оно наступало на третьем слоге или в конце второго слога.

Таким образом, в изучавшемся идиолекте нет типа полукаденции с восходящим концом, она представлена двумя вариантами:

 (для восх. акцентов). Однако в предыдущем материале, изученном нами, были обнаружены восходя-

¹⁶ Именно слабое (по сравнению с нисходящими акцентами) понижение считают характерным для восходящих акцентов П. Ивич, И. Лехисте («Pri-lozi» IV, стр. 131). И. Манкен фиксирует для восходящих акцентов третий вариант — с конечным восхождением (И. Манкен. Указ. соч., стр. 52).

¹⁷ *Manken*. Указ. соч., стр. 72—90.

¹⁸ О. Брок. Очерк физиологии славянской речи.

щие типы (представленные для слов — носителей фразового ударения со всеми словесными акцентами) ¹⁹.

В варианте с.-х. фразовой интонации, описанном П. Ивичем и И. Лехисте, встречаются лишь типы полукаденции с конечным понижением: для \circ ударный слог восходящий, послеударные слоги понижаются; для \diagup ударный слог восходящий, следующий слог сохраняет его уровень или повышает его, далее наступает понижение; слог под \diagdown высок, понижение сразу наступает после него, ситуация с \diagdown напоминает \diagup или \diagdown ²⁰.

Анализируя, какие типы полукаденции известны с.-х. языку, необходимо, очевидно, различать число слогов в слове — носителя ударения: для двусложных слов необходим специальный анализ конечной части последнего гласного, так как именно она — при условии двусложной реализации восходящих акцентов — явится существенным показателем типа полукаденции.

Акцентная кривая восходяще-нисходящая, с сильным повышением на ударном слоге (*лепоте* — $3-4/6-5/2-1$; *носили* — $4-6/3/3-2$; *враћао* — $7-5/4-2$). Ударный слог продлен более, чем в каденции (*радили* — восх. $180/60/80$; нисх. — $150/60/80$; *мачви* — восх. — $140/80$; нисх. — $130/80$; *дражи* — восх. — $140/100$; нисх. — $130/80$) и т. д.

Интонация общего вопроса (антикаденция)

Для типологической квалификации языковой интонации важно, осуществляется ли восходящее движение в антикаденции до конца высказывания (вплоть до последнего звука) или после ударного слога происходит падение. Существенно также, является ли такое высказывание одноцентровым или двухцентровым, т. е. существенны два признака: 1) возможен / нет сдвиг центра с конечной позиции? 2) необходимо или нет абсолютно конечное повышение?

В с.-х. языке сдвиг центра возможен, конечного повышения нет. Таким образом, фраза приобретает вид: Именно

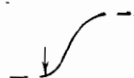
так выглядит и антикаденция в русском языке. Этим с.-х. антикаденция отличается от своих южнославянских соседей — в словенском языке антикаденция восходящая, в болгарском — двухцентровая. От македонского данный тип мелодики отличается большей протяженностью повышенной части.

Восхождение на втором слоге осуществляется для всех типов акцентов, а не только для восходящих ²¹. Например, слова

¹⁹ Т. М. Николаева. Некоторые наблюдения над соотношением словесных акцентов и фразовой мелодики в сербском языке. «Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков». М., 1973.

²⁰ P. Ivić, I. Lehiste. Prilozi IV, стр. 126, 133, 137, 143.

²¹ О нейтрализации различий между восходящими и нисходящими акцентами

с нисходящим акцентом \ \ выглядят как (Можеш у

дугу дану ходити по Мачви? или *Можеш у дугу дану ходити*).

Интересной особенностью является повышение акцентной кривой фразы на постударном слоге (*чујеш ли* — 5/6/4; *можеш у...* — 5/8/4)²². (Для изолированных слов \ \ ярко отмечен экспираторно.) В целом акцентная линия слабо понижающаяся. Конечный слог слабо продлен. Слог — носитель ударения продлен значительно сильнее конечного ударного слога. Например, *мджеш* и *мјчви* соотносятся как 170/120 при том, что \ \ — краткий, а \circ — долгий (см. обратные данные в других языковых разделах).

Интонация вопросительного предложения с вопросительным словом

Тип мелодического решения в местоименном вопросе в славянских языках может быть разнообразным. Это зависит от следующих факторов:

- 1) Отмечается или нет конечное повышение?
- 2) Как оформляется начальное повышение?
- 3) Сколько отмечается временных центров — два или один, и если два — то какой из них доминирует?
- 4) Какова сила отмеченности центра фразы интенсивностью?

В сербском языке мелодическая кривая высказываний понижающаяся, это сближает — если не выходить за рамки столь общих утверждений — ее с мелодикой повествования. Однако в повествовании тоновый интервал немного меньше: например, *кад се будеш враћао?* — от 220 до 100 гц, а *Понеси стручак смиља, кад се будеш враћао* — от 140 до 100 гц²³.

Начальное восхождение в славянских языках может оформляться по-разному, оно может реализоваться: 1) как подъем к первому слогу слова — носителя вопроса; 2) как подъем к ударному слогу слова-вопроса;

3) как подъем к первому или второму слогу высказывания (независимо от вопросительного слова).

В сербском языке нет подъема, т. е. движения от более низкой точки: высказывание начинается на самой высокой точке и резко падает вниз — *Што радили?* — 220—160/120/110/100.

Нейтрализация акцентов осуществляется полностью²⁴. Резкий спад осуществляется и во фразах более протяженной структуры: *Ко хоће да зна њење дражи и њење лепоте?* отрезок *Ко хоће* — 280—220/150/140. К сожалению, в нашем материале не оказалось более показательных типологически конструкций — та-

в этой интонационной конструкции см. у П. Ивича, И. Лехисте (Prilozi IV, стр. 162).

²² На это особенно обращают внимание и П. Ивич, И. Лехисте (указ. соч.).

²³ Таким образом, нельзя говорить о совпадении этой конструкции и каденции: это верно лишь для зоны последнего значащего слова.

²⁴ Это сообщают также П. Ивич, и И. Лехисте («Prilozi» IV, стр. 162).

ких, где ударный слог вопросительного слова сдвинут от начала (см. русские фразы типа *А где это было? По какому праву он так поступает?* и т. д.)²⁵.

Временных центров было во всех случаях два: ударный слог вопросительного слова и последний ударный слог. Их иерархия во многом зависела от типа словесного акцента: *Ко — лепоте* — 110/110; *Што носили* — 110/120; *Што радили* — 110/150.

Интенсивность была ярким средством оформления вопросительного центра, в конце была резко понижена: *Што носили?* — 9—7/3—2/4.

Таким образом, отчетливо двуцентровость демонстрировалась только временными характеристиками.

Интонация вопросительного предложения с А

Вопросительная конструкция с *А* в сербском языке реализуется той же моделью, что и в русском языке — низкое положение ударного слога с последующим повышением на заударных слогах — вплоть до конца. Например, *А ветар?* — 140/120—170/200/210, т. е. $\downarrow \uparrow$.

Таким образом, мелодика этого типа высказывания не совпадает с мелодикой общего вопроса (в русском языке — см. выше — возможны, по данным Е. А. Брызгуновой, два типа мелодики вопроса: с повышением, как при *А*, и с понижением в конце). При помещении этой конструкции в начало (повествовательной фразы) мелодическая структура меняется в соответствии с общей конструкцией фразы — *А ветар суморно завижди* (*А ветар...* — 110/110—120/140—130).

Темпоральные характеристики этой формы увеличены (необходимо при этом помнить о тенденции к изохронности речевых отрезков: вопросительные фразы с *А* обычно бывают очень короткими).

Интенсивность резко выделяет ударный слог (*А ветар* — 2/5—8—5/4—2).

Интонация восклицательного высказывания

В работе П. Ивича — И. Лехисте («Прилози» IV, стр. 163) восклицание характеризуется общим высоким уровнем частоты основного тона и интенсивности, а также продлением гласных. Как видно из предшествующих разделов, эти качества характеризуют восклицательные высказывания во всех славянских языках. Однако отмеченные нами различия сводятся к следующему: 1) концентрируется ли отмеченное усиление просодических показателей вокруг каких-либо определенных слов-центров

²⁵ В материале П. Ивича — И. Лехисте также нет таких примеров.

или диффузно распространяется по всему высказыванию, 2) сколько центров может быть в высказывании. Кроме того, нами обнаружена — для реализации восклицания — некоторая дуго- или петлеобразная мелодическая фигура (), которая также может концентрироваться на разных участках: на ударном слоге слова — смыслового центра, на всем этом слове, на нескольких словах или даже «повисать» над всем предложением.

Это увеличение просодических характеристик отмечалось и в нашем материале. Кроме того, в каждом из восклицательных предложений выделялись слова — мелодические центры. Например, *Ко хоће да зна њенње дражи и њенње лепоте!* — центр *зна*; *Кад се будеш враћао!* — *будеш*; *Можеш у дугу дану ходити!* — *дугу*; *Можеш у дугу дану ходити по Мачви!* — *дугу*. Непонятность смыслового критерия выбора интонационного центра приводит к выводу, что этим центром является просто одно из срединных слов высказывания, которое в целом характеризуется таким образом восходяще-нисходящей мелодикой.

Эмфатическое выделение одного слова, по данным П. Ивича — И. Лехисте («Прилози» IV, стр. 163), характеризуется сильным повышением его частоты основного тона и интенсивности. В том случае, когда данное слово оказывается в терминальной позиции, для нисходящих акцентов отмечается резкий контраст между высоким началом слова и низким его концом; если в последнем слове представлен восходящий акцент, то слово начинается на высокой точке и эта высота тона задерживается до постударного слога, таким образом, для терминального понижения в ряде случаев не остается времени внутри артикуляторной программы, и высказывание может заканчиваться повышенной нотой. Характерно, что в выражении эмфазы в сербском языке не участвует длительность: ее функции — быть показателем словесной просодии; не употребляются также и мелодические фигуры типа полукаденции и антикаденции (см. данные болгарского и македонского языков), поскольку, как уже говорилось выше (в гл. 2), мелодический рисунок сербской фразы сильно перегружен из-за необходимости тем или иным способом реализовать словесные акценты.

Поэтому для сербского языка оказывается слишком сложным выявлять реализацию интоном перечисления и сопоставления из-за трудностей в сравнении данных длительности и интенсивности.

ПРОСОДИЯ ИЗОЛИРОВАННЫХ СЛОВ

Известны четыре вида словесных ударений в современном сербском литературном (новоштокавском) языке: долгий нисходящий (); краткий нисходящий (), долгий восходящий (), краткий восходящий (). Эти различия реализуются в ударных слогах. На выбор акцента оказывает воздействие и место ударного слога: нисходящие акценты могут быть только в первом слоге от начала,

восходящие не могут быть в конечном слоге. Таким образом, например, для односложного, двусложного, трех- и четырехсложного слова представляются следующие акцентные возможности:

Акцентные возможности слова в сербском языке

	Слоги — от начала			
	1	2	3	4
Четырехсложное слово	восх.	восх.	восх.	∅
Трехсложное слово	или	восх.	∅	
Двусложное слово		∅		
Односложное слово	нисх.			

Таким образом, выбор восх./нисх. существен для первого слога неодносложных слов.

Какие же концепции о сущности этих четырех акцентов можно выделить в настоящее время?

1. Первый комплекс вопросов связан с проблемой мелодической сферы реализации акцента, а именно — реализуется ли он в одном или в нескольких слогах. Существуют следующие точки зрения: 1) все четыре акцента различаются только в ударных слогах; 2) акценты реализуются не только в ударных, но и в последующих слогах, т. е. они двусложны; 3) нисходящие акценты односложны (в ударных слогах), восходящие двусложны.

Данные о реализации акцентов в ударных слогах приводятся в фундаментальных трудах П. Ивича — И. Лехисте. Несмотря на значительные достижения последних лет, основные споры по поводу с.-х. акцентов ведутся вокруг теории Л. Мазинга²⁶. Принято считать, что Л. Мазинг считает восходящие слоги двусложными (высокий тон продолжается и на втором слоге), нисходящие — односложными. В односложных акцентах происходит падение тона с высокой точки (а в долгих слогах — иногда и подъем на эту точку) в пределах одного слога, в двусложных — в ударном слоге подъем, а понижение на втором слоге.

При этом возможны разные комбинации долготы и краткости в ударных и заударных слогах. Л. Мазинг приравнивает краткий слог к одной мере, долгий — к двум мерам.

²⁶ L. Masing. Die Hauptformen des serbisch-chorvatishen Accents. «Mémoires de l'Académie impériale». S-Pb., 1876, VII série, t. XXI, № 5.

Однако по мере чтения книги становится ясным, что Мазинг имел в виду не столько двусложность, сколько двуэлементность (повышение — понижение), которая может по-разному осуществляться в слове.

Второй слог двусложного акцента, по Мазингу, повторяет фигуру односложного, нисходящего акцента, но только в ослабленном в мелодическом и силовом отношении виде. Таким образом, нисходящий акцент первичен, а восходящий представлен подступом к нисходящему плюс нисходящий. Завершающая таблица Л. Мазинга показывает движение этой фигуры по слову в зависимости от места нисходящего акцента (т. е. отождествляет нисходящий акцент и заударную долготу).

Однако теория Л. Мазинга дает основания для тройкой ее интерпретации:

1) двусложны все акценты; необязательно во втором слоге должно быть повышение, понижение после \cup можно рассматривать как нулевой показатель (я вижу стол — стол имеет нулевое окончание, поскольку есть я вижу землю);

2) есть только одна фигура — восходяще-нисходящая, при нисходящих акцентах эта восходящая часть реализуется на предударном слоге. Эта фигура движется по сербскому слову: в конечном слоге она реализоваться не может;

3) восходящие акценты двусложны, нисходящие — односложны.

Одним из последних выступлений против теории Л. Мазинга была статья А. Пецо, П. Правицы²⁷. По их данным, Л. Мазинг неправ, так как восхождение захватывает только незначительную часть второго слога.

Различение одного или двух слогов проводилось И. Лехисте, П. Ивичем на материале синтезированных сигналов с разной частотой²⁸. Для гласного a было два уровня тона, на каждом из которых понижалось или повышалось окончание звука. Оказалось, что восходящесть ассоциируется у слушателей с более высоким тоном, нисходящесть — с низким. Второй опыт относился к двусложной — односложной модели восприятия (*râdi — râdi*). Оказалось, что уровень и движение тона во втором слоге существенны.

Все споры вокруг теории Л. Мазинга, как представляется, во многом коренятся в нежелании принять идею комплексности проявления фонетических явлений. Фонетические факты реализуются в реальной сукцессивной последовательности с шумовыми потерями, поэтому в их потенциальном ассортименте средств выражения должны быть помогающие и перекрывающие друг друга

²⁷ А. Пецо, П. Правица. О природы акцентата српско-хрватског језика на основу експерименталних истраживања. «Јужно-словенски филолог», 1972, кн. XXIX, св. 1—2.

²⁸ I. Lehiste, P. Ivić. Experiments with synthesized Serbo-Croatian tones. «Phonetica», 1972, v. 26, № 1.

способы выражения — в этом смысле все экспериментально найденные факты не противоречат друг другу.

Второй круг вопросов связан с интенсивностью при реализации акцентов: 1) считалось, что нисходящие акценты выражаются интенсивностью, а восходящие — тоном. Таким образом, \cup и \searrow — экспираторные акценты²⁹. Тогда подлинные акценты — это восходящие, а нисходящие есть показатели отсутствия тона (Tonlösigkeit), это — пограничные сигналы³⁰; 2) по противоположной точке зрения — только нисходящие акценты и существуют, а восходящие — это предупредительные слоги слов с нисходящим акцентом, ставшие ударными благодаря новоштокавскому сдвигу. Движение тона осталось тем же³¹. В истории языка нисходящие акценты первичны, примарны, восходящие вторичны, секундарны; 3) специфику нисходящих акцентов видели и в том, что долгий нисходящий акцент отличается не только экспираторностью, но и двувершинностью ($\cup\cup$ — динамическая линия этого акцента),

в особенности в словах с контракцией ($Só \leftarrow Соо$ — 'соль')³².

Идея о том, что нисходящие акценты экспираторны, восходящие — музыкальны, выражается в том, что интенсивность первого слога при нисходящих акцентах гораздо больше интенсивности второго слога; при восходящих акцентах гораздо меньше различаются интенсивности ударного и заударного слогов.

Наиболее эффективно этот тезис подтверждается в работе Дж. Костица, специально посвященной данной проблеме³³. Дж. Костиц рассматривал интенсивность слогов в двусложных словах, отличающихся только акцентом (*игра — ѝгра, сндси — сндси, кдса — кдса* и т. д.). Сначала сопоставлялись данные по первому слогу, затем — по второму.

Этот вопрос имеет две стороны. Первая — вопрос о выделенности сербского ударения средствами интенсивности. Вторая — проблема абсолютного различения первых слогов при разных акцентах. Существенно также — при решении данного вопроса — связь мелодики и интенсивности. Так, восходящая мелодика повышает интенсивность (естественно, речь идет о втором слоге). Однако сами гласные разногромки, они не равны по своим динамическим возможностям.

Таким образом, соотносительная величина интенсивности ударного и заударных слогов при разных словесных акцентах сербского

²⁹ W. Appel. Gestaltstudien A. Untersuchungen über den Akzent in der serbokroatischen Sprache. «Wiener slavistisches Jahrbuch», 1950, Bd 1.

³⁰ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 237.

³¹ P. Gardé. Fonctions des oppositions tonales dans les langues slaves du sud. — BSLP, 1966, t. 61, fasc. 1.

³² На основании собственных данных это впервые высказал Р. Готьо (R. Gauthiot. Etude sur les intonations serbes. «Mémoires de la société de linguistique de Paris». Paris, 1900).

³³ Дж. Костиц. О ячии нагласка двусложных речи под (\searrow) и (\cup) акцентом. «Јужнословенски филолог», 1949—1950, XVIII, кн. 1—4.

языка есть производное от движения мелодики, явления первичного в известной степени.

Именно так подводят итоги И. Лехисте — П. Ивич данным интенсивности: «...в произношении некоторых информантов интенсивность нерегулярна по функции, в произношении других более или менее параллельна движению мелодики»³⁴.

Особым вопросом, связанным с экспираторно-динамической стороной воплощения сербских акцентов, является вопрос о так называемой двувершинности долгого нисходящего акцента, т. е. гипотеза, что динамическая кривая слога-носителя акцента имеет вид . Эта гипотеза, как говорилось вначале, вос-

ходит к Р. Готью, видевшему причину двувершинности в генетической сложности таких слогов. Впоследствии двувершинность стали находить в слогах с разными акцентами и основным источником ее стали считать количественную (временную) протяженность слога³⁵.

Таким образом, общим для всех работ является именно деление на две группы — долгие (∪ и ∩) и краткие (∩ и ∪).

Долгие посттоники, очевидно, имеют тенденцию укорачиваться.

То, что не было выведено иерархической модели длительности для четырех акцентов, объясняется, вероятно, тенденцией языка к устранению избыточности: оппозиции долгий/краткий и оппозиции восходящий/нисходящий тон оказывается достаточно для различения четырех языковых единиц.

Однако, как определили в одной из последних работ П. Ивич — И. Лехисте³⁶, существует несомненная зависимость между тоном слога и его длительностью (на длине от 12 мсек до 240 мсек подавались три вида контура: ровный, восходящий, нисходящий). Именно длительность определяла верное восприятие типа тона.

МОДИФИКАЦИЯ СЛОВЕСНОЙ ПРОСОДИИ ВО ФРАЗЕ

По поводу взаимодействия словесной и фразовой просодии в сербском языке высказывались следующие гипотезы: 1) в литературном языке мелодика фразы не влияет на слово, так как «линия фразы и линия слова совпадают». Противоречия их есть лишь в диалектах³⁷; 2) фразовая интонация реализуется лишь в конечной части слова; начальная не меняется (для сохранения лексического единства)³⁸; 3) фразовая мелодика очень сильно под-

³⁴ I. Lehiste, P. Ivić. Prilozi II, стр. 117.

³⁵ К. Х. Поллок приводит специальную таблицу двувершинности по разным типам словесных акцентов в абсолютных числах и процентах (указ. соч., стр. 39).

³⁶ I. Lehiste, P. Ivić. Interaction between tone and quantity in Serbocroatian. «Phonetica», 1973, v. 28, № 3—4.

³⁷ A. Belić. L'accent de la phrase et l'accent du mot. — TCLP, 1931, IV, стр. 184.

³⁸ P. Ivić. Die Hierarchie der prosodischen Phänomene in serbokroatischen Sprachraum. «Phonetica», 1959, v. 3, № 1.

чиняет себе словесный акцент, вплоть до полной его ассимиляции³⁹; 4) фразовая мелодика подчиняет словесную, но при этом акценты выступают в своих вариантах, не сливаясь друг с другом⁴⁰.

Приведем сначала собственные данные, полученные при анализе чтения трех дикторов-сербов — носителей литературного произношения⁴¹. Слова рассматривались под фразовым ударением и в нейтральной позиции; анализировались данные при восходящей и нисходящей мелодике.

Данные мелодики. На уровне анализа тона одного слога движение фразовой мелодики подчиняет себе словесную мелодику.

Однако это подчинение не абсолютно. Приблизительно треть случаев сохраняет мелодику, противоположную фразовой. При этом обращает на себя внимание тот факт, что и в тех случаях, когда мелодика «соответствует» акценту (например, мелодика нисходящая и акцент тоже нисходящий), находятся случаи противоречия мелодики и акцента.

Для анализа положения ударного слога по отношению к другим слогам, которые могут быть выше его (В), ниже (Н), оказывается что: 1) очевидно их соответственное противоречие типу фразовой мелодики — восходящей и нисходящей; 2) полностью совпадают данные у \cap и \searrow , с одной стороны, и у \swarrow и \backslash с другой; 3) данные слов в потоке речи совпадают с данными слов под фразовым ударением; 4) а — для обоих нисходящих акцентов наиболее характерны следующие фигуры: при восходящей фразовой мелодике — НВН, при нисходящей фразовой мелодике — ВНН, т. е. это означает, что слог, следующий за ударным, при обеих фразовых мелодиках располагается ниже ударного; б — для обоих восходящих акцентов наиболее характерны следующие фигуры: при восходящей фразовой мелодике — НВВ, при нисходящей — ВНВ, т. е. это значит, что слог, следующий за ударным, при обеих фразовых мелодиках располагается выше ударного.

Особое место занимает акцент \searrow , который, обладая даже нулевым движением, обязательно (более, чем \cap) выдается из мелодического потока. Это дало основания К. Х. Поллоку называть его как бы «торчащим» (Stosston).

Все сказанное об акценте \searrow относится и к долгому нисходящему акценту \cap , но вследствие временной протяженности его мелодическая фигура раскладывается на больший участок движения тона и тем самым больше подчиняется фразовой мелодике. Акцент \searrow , осуществляющийся за краткий промежуток времени, кажется на графике более ярким.

³⁹ J. Chlumský. La mélodie des voyelles accentuées en tchèque avec une mention d'état en serbe et en allemand. «Slavia», 1925—26, т. IV, ч. 1, стр. 16.

⁴⁰ I. Mahnken. Указ. соч.

⁴¹ См. подробнее: Т. М. Николаева. Некоторые наблюдения над соотношением словесных акцентов и фразовой мелодики в сербском языке.

Для восходящих акцентов при нисходящей мелодике фразы приведенные выше табличные данные показывают почти равное число ВНВ (заударный слог выше) и НВН (заударный слог ниже). Это справедливо для такого описания, которое фиксирует движение тона лишь в непосредственно заударном слоге. Однако как падение тона в словах с нисходящими акцентами может осуществляться не в ударном, а в следующем, заударном слоге, так и восхождение тона в словах с восходящими акцентами может осуществляться не в непосредственно заударном, а во втором заударном слоге, т. е. тип НВН превращается в НВНВ. Таким образом, речь идет, собственно говоря, о наличии в сербском языке некоторой сложной мелодической фигуры, реализующейся при ударном слоге. Для осуществления этой фигуры требуется определенное время. Разная длительность звуков и темп речи, возможно, и определяют разное послоговое распределение этой фигуры.

Данные и интенсивности. Исследовался, во-первых, процент отмеченности словесного ударения при разных акцентах и при восходящей и нисходящей мелодике. Оказалось, что 1) среди слов с нисходящими акцентами динамически отмеченных случаев больше, но это превышение незначительно; 2) при восходящей мелодике отмеченных акцентов больше, чем при нисходящей.

Следующий этап — это определение совпадения движения мелодики и движения интенсивности. Этот подсчет также проводился с учетом различия акцентов, но, так сказать, с «обратным знаком» — большее число несовпадений должно свидетельствовать о динамической самостоятельности акцента.

Выводы при этом оказались следующими: 1) при нисходящей мелодике больше совпадений движения тона с динамическим движением, чем при восходящей (это, очевидно, объясняется упоминавшимися выше физиологическими причинами); 2) у нисходящих акцентов больше (относительно!) несовпадений, чем у восходящих.

Таким образом, некоторая выделенность нисходящих акцентов экспираторными средствами отмечается и при другом подходе (но в низких количественных показателях).

Двувершинность, как оказалось: 1) присуща всем типам слогов; 2) двувершинность реализуется главным образом при восходящей мелодике — причиной этого можно считать физиологию речеворения; 3) для ударных слогов двувершинность характерна особенно в том случае, когда они долгие.

Данные длительности. Исследование длительности сербских гласных велось в следующих направлениях: 1) подсчитывалась длительность ударных гласных для разных типов акцента. При этом различалось фразовое и нефразовое ударение (с целью проверки силы воздействия фразовой просодии на словесную); 2) подсчитывалась длительность гласных в предударном слоге (отдельно — в слоге перед фразовым ударением); 3) подсчитывалась длительность заударных слогов (при этом выделя-

лась для отдельного подсчета позиция абсолютного конца); 4) подсчитывалась величина заударных долгих.

По полученным результатам были сделаны следующие выводы: 1) различаются последовательно две группы акцентов — долгие (◡ и /) и краткие (✓ и \); четырехэлементной иерархии выделить не удалось; 2) фразовое ударение видоизменяет словесное, увеличивая его длительность; в первую очередь это относится к долгим акцентам; 3) в абсолютном конце гласные продлены, что соответствует данным других славянских языков; 4) перед словами—носителями фразового ударения регулярное продление предударных имеет место только у одного диктора; 5) долгие гласные у всех дикторов длительнее заударных и предударных, но не длительнее гласных в позиции абсолютного конца.

Таким образом, по нашим данным, при реализации словесных акцентов во фразе параметром, работающим с абсолютной регулярностью, явилась длительность.

Доминирующая роль длительности сказывается и в том, что фразовая мелодика модифицировала наиболее очевидным образом именно долгие слоги. Так как мелодическая фигура фразового центра успевала реализоваться целиком на долгом слоге, в случае кратких слогов она раскладывалась на большее число слогов, менее заметно видоизменяя каждый. Не случайно в русском языке отмечены две тенденции: 1) передача ударности длительностью, 2) понижение заударных слогов в восходящей каденции, т. е. при длительном ударном движении в заударных слогах становится нерелевантным.

Именно с длительностью связана и реализация мелодической фигуры — показателя ударения; она может реализоваться в одном, двух и более слогах, что, очевидно, объясняется конкретным звуковым составом слогов, так как все гласные и согласные звуки языка имеют свою соотносительную длительность.

Итак, можно говорить о сохранении акцентных различий в рамках фразы. Однако, очевидно, что акценты, как и всякое просодическое явление, например словесное ударение, есть факт, реализующийся путем использования той или иной совокупности из отведенного ему в потенции пространства признаков. Понятие аллофона (точнее, его просодического эквивалента) не прижилось в акцентологии; между тем, несомненно, что есть наборы типов реализаций каждого словесного акцента.

ФРАЗОВАЯ ИНТОНАЦИЯ И СЛОВЕСНАЯ ПРОСОДИЯ В СЕРБСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Просодические отличия с.-х. диалектов значительны, они относятся к трем параметрам: 1) место ударения, 2) различение типов тонового движения, 3) различение долгих и кратких — ударных и неударных. По числу различающихся ударений в с.-х.

говорах выделяется 7 акцентных систем (верхняя строка показывает возможные акценты в долгом ударном, нижняя — в кратком) ⁴².

Экспериментально-просодические сведения получены в настоящее время для одной группы диалектов — так называемых чакавских ⁴³.

Р. Брандт так описывает чакавскую просодическую систему:

- 1) возможны предупредные долготы (в литературном штокавском возможны только постударные);
- 2) нет краткого восходящего акцента;
- 3) вместо \frown часто реализуется \swarrow ;
- 4) место ударения отличается от штокавского. —

Чакавский отражает более древнее состояние, до новоштокавского сдвига на слог вперед (\searrow) потому и неизвестно, что оно результат сдвига (\swarrow) ⁴⁴.

Благодаря иному размещению ударения, его позиции более разнообразны, чем в штокавском, и потому в нем возможно больше тоновых оппозиций ⁴⁵ (вплоть до контрастов в односложных словах). В чакавском тоновые различия лишь на долгих (по терминологии П. Гарда, это *solution grèscque*) ⁴⁶.

Экспериментальные исследования изолированных слов показали, что движение тона в восходящем долгом в чакавских говорах отличается от штокавского, где восхождение идет постепенно, очень быстрым, как бы прыгающим восхождением тона при первоначальном ровном его сохранении ⁴⁷. Для нас существенны данные о фразовом воздействии на тип чакавского акцента.

А. Белич отмечает для каставского чакавского говора переход акута в конце в циркумфлекс, т. е. понижение, исчезновение в конце безударных долгот (т. е. не продление конца? — Т. Н.), ровный тон перед запятой ⁴⁸.

⁴² Приводится классификация П. Ивича (см. его работы: *П. Ивич. Основные пути развития сербохорватского вокализма.* — ВЯ, 1958, № 1; *P. Ivić. Prosodic features in the patterns of Serbo-Croatian dialects.* «Word», 1961, v. 17, № 3; *P. Ivić. Die Hierarchie der prosodischen...*; *P. Ivić. Die serbokroatischen Dialekte, ihre Struktur und Entwicklung.* The Hague, 1958).

⁴³ Знак \sim означает долгий восходящий тон, исторически отличный от \swarrow .

⁴⁴ *P. Брандт. Начертания славянской акцентологии.* СПб., 1880, стр. 50—61.

⁴⁵ *G. Jacobsson. The prosodic pattern in isolated words in a Slavic and a non-Slavic language.* «The Slavic words». The Hague — Paris, 1972.

⁴⁶ *P. Garde. Fonctions des oppositions tonales...*

⁴⁷ *I. Mahnken, J. Matešić. Akzentoppositionen in den serbokroatischen Dialekten: zum 5 — Akzentsystem der Slawonischen Mundarten des Stokavischen.* «Proceedings of the Sixth International Congress of Phonetic Sciences». Prague, 1967. Prague, 1970.

⁴⁸ *А. Белич. О реченичном акценту у каставском говору.* «Јужнословенски филолог», 1935, кн. XIV.

Г. Невекловский (см. в словенском разделе о его работах по словенским диалектам Южной Австрии) исследовал австрийские чакавские говоры т. н. Бургенланда⁴⁹.

Более подробно влияние фразовой интонации на словесную описывается им на материале двух чакавских говоров градищанского диалекта⁵⁰. А именно — он выделяет три фразовых позиции: ударная, слабая, средняя (принцип разделения последних не вполне ясен. — Т. Н.). Оказывается, что (в одном из говоров):

1) некоторые слова вообще не модифицируют свою интонацию — это слова с долгим \circ — *sũnce, vīno, dite, mĩzi* или с перемещенным \backslash — *děnās, grědi, sidi*;

2) остальные с нисх. акцентами в ударной позиции реализуются как \circ , а в неударной как \backslash ;

3) к концу фразы мелодия понижается, это понижение охватывает не только последний слог, но и последний ударный слог.

В другом говоре: а) \sim и \circ в речи часто нейтрализуются; б) в слабой позиции сокращаются в \backslash ; в) слова под \backslash обычно не удлиняются.

И. Попович связывает все возможные для сербского языка долготы (два типа ударных, предупредительные и заударные) в пучки возможных комбинаций и выделяет 7 таких пучков⁵¹. Наиболее консервативным, по Поповичу, оказывается именно изучаемое нами литературное произношение, что он объясняет географическим положением центра, наиболее удаленного от иноязычных (не знающих долготы) влияний.

Реальность акцентов с.-х. литературного языка проверялась перцептивными методами. Эта проверка явилась основой специальной монографии двух авторов⁵².

Л. Матейка и Т. Магнер ставили своей задачей проверить не только восприятие литературной нормы, но и восприятие акцентных различий в местном произношении.

Обсуждение результатов начинается с выделения шести групп территорий, различающихся процентным показателем того, какая часть испытуемых опознала формы правильно: А — 90—100%, В — 80—89, С — 70—79, D — 60—69, Е — 50—59, F — 49—0%. В соответствии с этим выделено шесть перцептивных ареалов, например: А — Гацко, Столац; В — Травник, Дубровник, Баня

⁴⁹ G. Neweklowsky. Über die Klassifizierung von Auswandererdialekten. «Wiener slavistisches Jahrbuch», 1973, Bd XVIII.

⁵⁰ G. Neweklowsky. Akcenatski sistemi čakavskih govora u Gradišću. «Зборник за филологију и лингвистику», 1970, кн. XIII/L. — Градищанский говор — это хорватский говор, охватывающий австрийскую административную единицу Gradisce (нем. Burgenland), говоры около венгерской границы (в пограничном поясе), хорватские говоры Нижней Австрии, а также хорватские села в Словакии и Южной Моравии.

⁵¹ J. Popović. Zur heutigen serbokroatischen Vokalquantität. «Wiener slavistisches Jahrbuch», 1955, Bd 4.

⁵² Th. F. Magner, L. Matejka. Word accent in modern Serbo-Croatian. Pennsylvania, 1971, стр. 210.

Лука, Мостар и др. При этом показательно, что в F объединены крупные города и столицы (Загреб, Белград).

Слабым местом словеснопросодической модели оказалась постакцентная долгота, особенно в Белграде и Загребе. Таким образом, по мнению авторов, при комбинации тона и количества дифференциальным признаком является количество.

Итак, определяется следующая перцептивная иерархия параметров: место акцента, количество ударных, постакцентное количество, тон. Л. Матейка и Т. Магнер подробно описывают зональные перцептивные различия.

Для исследователя, знакомого с экспериментальными данными последних лет о сербском ударении, неожиданной является та категоричность, с которой авторы отказывают тону в различении словесных акцентов.

Как же совместить такого рода экспериментальные данные с результатами Магнера и Матейки? Можно представить, что в ряде обследованных ареальных зон акцентные различия уже утрачены, но, судя по приводимым фактам, информанты не могли различить фраз, произносимых квалифицированными фонетистами, носителями безупречной литературной нормы, которые сами безошибочно отождествляли акценты в своем произношении и в произношении коллеги.

Сопоставляя все данные о современном состоянии сербской акцентной системы (включая и результаты авторов рецензируемой книги), мы можем предложить лишь следующий компромиссный вывод: акцентные различия в современном сербском языке существуют, в ряде зон они регулярно воспроизводятся, но в тех случаях, когда речь идет об осознанном грамматическом различении, а не об акцентной орфоэпии, они не воспринимаются. Авторам можно было бы посоветовать провести еще один тест, чисто фонетический — на различение акцентов, заранее описанных информантам и воспроизведенных. Поэтому, признавая существование акцентной нормы хотя бы в орфоэпическом плане, вероятно, нельзя согласиться с утверждением авторов о том, что «современная Югославия — ...арена, где с драматизмом демонстрируется то, как внутренние силы языка в целом оказываются сильнее, чем пожелания немногих грамматистов-консерваторов, которым хотелось бы предопределить судьбу языка» (стр. 191).

Более того, строго говоря, спорной является исходная посылка авторов — приоритет перцептивного фактора. Как указывает П. Ивич, говорящий и слушающий не умеет объяснить просодические факты; не случайно просодические признаки, в отличие от ингерентных, не включались в алфавит⁵³.

Существенно отметить, что двумя ведущими признаками различения Л. Матейка и Т. Магнер считают место акцента и длительность ударных. Интересно выделение первого из них. Выдви-

⁵³ P. Ivić. On the nature of prosodic phenomena. «Acta Universitatis Carolinae Philologica», 1972, I, стр. 120.

жение на первый план места акцента в слове приводит, по мнению авторов, к появлению недифференцированного обобщенного ударения и исчезновению функционально нагруженной постударной долготы. Из этого мы можем сделать вывод, что новый сербский материал входит в сферу действия закона о несовместимости свободного ударения и фонологической долготы, выдвинутого Р. О. Якобсоном⁵⁴.

МАКЕДОНСКИЙ ЯЗЫК

Изучение фразовой интонации македонского языка не имеет традиции: в нашем распоряжении не было ни одной экспериментальной работы, посвященной македонским фактам. В связи с этим, а также учитывая относительно недавнее становление македонского литературного языка, для настоящей работы мы сознательно выбрали в качестве дикторов специалистов по македонской грамматике и признанных носителей литературного македонского произношения. Этими дикторами были: — поэт, писатель и ученый академик Бл. Конесски (Д. К₁), автор основных трудов по македонской грамматике; филолог-исследователь македонской грамматики Бл. Корубин (Д. К₂) и актер М. Милчин (Д. А) — чтение рассказа Бошковского «Втори чин». Запись осуществлялась в 1972—73 гг. Сходный метод — обращение к специалистам, к активным по осознанности носителям данного языка, осуществлялся нами и в случае белорусского языка. Целесообразно предположить, что этот подход более рационален для языков с молодой литературной традицией, а для «старых» литературных языков выбор дикторов может быть более свободным. Методической основой для такого подхода явилось для нас известное положение Г. О. Винокура о норме, где очень четко говорится о существовании некоторой элитарной группы нормозаконодателей, в подражание которым распространяется или запрещается тот или иной языковой вариант, как таковой допустимый для системы данного языка¹. В данном случае мы целиком солидаризировались с концепцией Г. О. Винокура. В старых литературных языках преобладание традиции обеспечивает распространенность и инвариабельность нормы.

Наиболее сложными вопросами оказались два: 1) вопрос о выраженности словесного ударения и о его месте и 2) вопрос о месте интонационного центра в синтагме.

⁵⁴ R. Jakobson. Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagmaphonologie. — TCLP, 1931, IV, стр. 182; J. Kramský. Incompatibility of free quantity and free stress. «Travaux linguistiques de Prague», 1966, № 2.

¹ См. об этом также статью Э. Хаугена о языковом планировании («Новое в лингвистике», 1975, вып. 7).

Вопрос о месте словесного ударения в македонском языке формулируется достаточно отчетливо²:

1) это первый слог двусложных и трехсложных слов;

2) это третий слог от конца в многосложных словах. Так образуется ряд *tátko*, *tátkovci*, *tatkbvcite*, *tatkbvina*, *tatkbvinata*. Существуют также определенные и описанные факты отклонения от этих правил³.

Нами были прослушаны записанные на магнитофонную пленку тексты в чтении указанных дикторов и расставлены ударения в словах. Работа эта потребовала многократного обращения к тексту (сначала отмечались беспорядочные случаи, при повторении прослушивания их число постепенно увеличивалось). Последнее прослушивание производилось в сопоставлении с акцентированными нами текстами. Небезынтересно в психолингвистическом отношении, что в этом последнем случае все ударения воспринимаются настолько яркими, «кричащими», что их первоначальная сложность идентификации уже казалась неправдоподобной (этот небольшой опыт подтверждает важность для лингвиста эксплицитного знания о фактах языка). После этого расставленные нами акценты были сопоставлены с данными словарей и правилами Б. Конеского. Оказалось, что ударения в словах расставлены верно (в некоторых случаях у дикторов были различия). Более детальный анализ способов выраженности словесного македонского ударения акустическими параметрами показал, однако, сложную картину.

Македонское ударение обычно квалифицируется как силовое (stress). Однако в первой главе настоящей книги мы, отрицая «фонологичность» фразовой интонации, говорили о существовании неявного выбора «фонологический» — это «нефонетический», хотя «нефонетический» в принципе может означать и не «фонологический», а нечто вообще чуждое данной оппозиции. Дальнейший анализ разного рода лингвистических квалификаций приводит к выводу о существовании некоторой логической подмены в языковедческих описаниях. А именно, эквиолентные оппозиции, по отношению к которым необходимо доказательство принадлежности к каждому логически равноправному члену, заменяются привативными. Но при этом немаркированный член характеризуется как бы как член эквиолентной оппозиции. Поэтому термин «силовое» ударение во многих случаях совсем не означает, что автор настаивает на преобладании интенсивности в данном языке, это просто «немузыкальное». «Динамическое» для лингвистов-

² *Бл. Конески*. Грамматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1966, стр. 90—91.

³ См. также формулировку этого у Р. де Брая: «В литературном македонском языке ударение падает на первый слог двусложных слов и на третий слог от конца трехсложных и многосложных слов» (*R. de Bray. Guide to the Slavonic languages*. London, 1969, стр. 248).

неэкспериментаторов есть часто синоним «немузыкального» (т. е. как бы имеет место ситуация *tertium non datur*).

Проблема места интонационного центра в синтагме оказалась столь же сложной. Внимательное прослушивание показало следующее:

1) в большинстве синтагм повествовательного предложения отчетливо прослушиваемым центром является последнее слово;

2) в вопросительных предложениях без вопросительного слова интонационным центром является глагол;

3) для большинства анализировавшихся языков в случае конечного расположения маловесомого слова оно не несет интонационного центра. В русском языке это обычно местоимения, например *Он рассказал мне, что...* (выделение *мне* будет означать противопоставление). В македонском языке явно выделяются прилагательные в группе прилагательное + существительное (*високи планини; голями долини; убава земја* и т. д.). Также отчетливо выделение глагола;

4) в целом создается впечатление яркого «пословного» чтения с отчетливым выделением отдельных слов, ударение которых динамическое и силовое.

Дальнейший анализ экспериментальных данных показывает соответствие в данном случае инструментальных данных перцептивным.

ФРАЗОВАЯ ИНТОНАЦИЯ

Интонация повествовательного предложения (каденция)

Мелодика конца повествовательного предложения в македонском языке представлена четырьмя вариантами:

1. На ударном слоге имеет место повышение тона, после чего тон падает. Предударный слог располагается ниже ударного, например: *со народ* (Д. К₂), *во бањата* (Д. К₂), *на печалба* (Д. К₁ и т. д.).

2. В конце высказывания происходит равномерное падение тона и ударный слог располагается между двумя соседними: (*Внатрешни кризи* — Д. А; *по овој успех* — А; *доволно богат* — Д. К₁ и т. д.).

3. Участок до ударного произносится монотонно, на ударном слоге происходит перепад тона. Этот тип каденции наиболее распространен (*Татковината* — Д. К₁; *запраша внукот* — Д. К₂; *дедото рече* — Д. К₂; *борова гора* — Д. К₁ и т. д.).

4. Четвертый тип отмечен нами только в македонском языке. Это резкое падение тона на заударном слоге (первом или втором): (*во далечината* — Д. К₁; *от шумата* — Д. К₁, *замисли дедото* — Д. К₂; *една јаболкница* — Д. К₁ и т. д.).

Более внимательный анализ наших примеров показывает, однако, следующую ситуацию: при измененном подходе оба последних типа не различаются. А именно: перелом мелодики обычно имеет

место на предпоследнем слоге, который оказывается первым, ударным, в двусложных словах и заударным — в многосложных.

Темпоральный рисунок конечной части имеет следующие возможные решения: 1) ударный слог продлен, 2) ударный слог не длительнее первого заударного, 3) продлен конечный слог — только в произношении диктора Д. А.

Наиболее существенными оказываются данные о словах—носителях фразового ударения в соответствии с их слоговым составом. А именно — самым длительным для диктора оказывается гласный односложного слова. Если слово двусложно — ударный слог длительнее заударного. Если слово трехсложно — первый заударный, т. е. предпоследний, слог может быть равен первому или быть длительнее его. Приводим величины гласных в ударных и заударных слогах (в мсек):

<i>на́род</i>	110/75	<i>ба́ньята</i>	100/100/70
<i>бога́т</i>	110/80	<i>да́лечна́та</i>	60/110/80
<i>вну́ком</i>	80/60	<i>шү́мата</i>	50/90/70
<i>ре́че</i>	100/90	<i>де́дото</i>	90/90/70
<i>вба́да</i>	140/90	<i>та́ткөви́на</i>	60/70/50
<i>ре́ка</i>	90/70	<i>ту́рчинки</i>	60/120/90
<i>ту́тка</i>	130/80		

Таким образом, предпоследний слог оказывается — более регулярно, чем в случае мелодики — сильной темпоральной точкой.

Интенсивность характеризуется двумя вариантами: 1) общим понижением; 2) на фоне общего понижения легким подъемом на ударном слоге. Подъема на предпоследнем слоге не отмечалось.

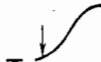
Таким образом, для ряда слов только интенсивность была средством выделения ударного начального слога, например:

<i>и</i>	<i>т</i>	<i>у</i>	<i>р</i>	<i>ч</i>	<i>и</i>	<i>н</i>	<i>к</i>	<i>и</i>
<i>t</i>		60			120			90
<i>i</i>		4			2			1,5
<i>о</i>	<i>т</i>	<i>ш</i>	<i>у</i>	<i>м</i>	<i>а</i>	<i>т</i>	<i>а</i>	
<i>t</i>			50		90		70	
<i>i</i>			4		2		1	

Интонации незавершенной синтагмы (полукаденция)

Мелодика незавершенной синтагмы в зоне ударного слога характеризуется следующими тремя основными рисунками:

1. На ударном слоге (не расположенном ниже предупредительного) происходит повышение тона, затем тон падает на заударных слогах:

 (главнини Д. К₂; со река — Д. К₁; татковина — Д. К₂;
пораснеш — Д. К₁; ветер — Д. К₂ и Д. К₁; ветерот — Д. К₁;
ми си стори — Д. А и т. д.).

Этот тип полукаденции совпадает с наиболее распространенным типом в восточнославянских языках.

2. На ударном слоге также осуществляется подъем тона, первый заударный слог продолжает повышение, на следующем заударном (или в конце первого) происходит падение тона: *дедото* — Д. К₁; *јајцата* — Д. К₂; *татковина* — Д. К₂; *луѓ'ето* — Д. К₁ и т. д.

Этот тип представлен в украинском, сербском и словацком языках:

3. На ударном слоге осуществляется подъем, заударные слоги монотонны и остаются на уровне высшей точки ударного слога (*водата* — Д. К₁, *обрачи* — Д. К₂, *планини* — Д. К₁, *градови* — Д. К₁, *затоа* — Д. А).

Этот тип полукаденции является ведущим в словацком языке.

Существенно, что в нашем материале не встретился тип полукаденции с последовательно восходящей мелодикой и низким положением ударного, характерный для польского и чешского языков.

Необходимо заметить, что все сказанное выше о решении каденции приложимо и к полукаденции — в том смысле, что возможна реализация этих перечисленных фигур не на первом слоге, т. е. ударном, а на заударном, предпоследнем слоге (*водата* — Д. К₁, *дедото* — Д. К₁, *пораснеш* — Д. К₂ и т. д.).

Как и в случае каденции, мы считаем эту ситуацию сдвигом на предпоследний слог.

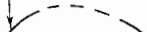
Временная структура македонской полукаденции оформлена иначе, чем у каденции. А именно — четко выделяются два продолжительных слога — ударный и абсолютно конечный, примерно равные по длительности (*замрзнат* — 120/50/120 — Д. К₁, *татковина* — Д. К₁ — 100/70/100, *пораснеш* — Д. К₁ — 100/80/110, *ветерот* — Д. К₂ — 90/80/90 и т. д.).

Сдвиг в мелодике не всегда соответствовал сдвигу во временной выделенности ударения, но такие случаи имели место в *водата* — 50/100/150.

Акцентная кривая представлена тремя возможностями: 1) резкое понижение к концу — в большинстве случаев, 2) подъем к ударному — с последующим понижением, 3) подъем, т. е. самая высокая точка, на предпоследнем слоге многосложного слова.

На последнем случае необходимо остановиться особо. Число пенультимых повышений составило в полукаденции 65% от всех многосложных слов (трехсложных и более). Это повышение имело место не только в тех случаях, когда мелодика начинала повышаться на предпоследнем слоге или когда повышение начиналось на первом слоге, а на заударном продолжалось (тип 2), но и в тех случаях, когда на заударных слогах осуществлялось падение мелодики.

Интонация общего вопроса (антикаденция)

В наших материалах в чтении всех дикторов македонский общий вопрос был представлен одной характерной формой. Она выражается в повышении на ударном слоге слова — основного смыслового центра вопроса с последующим понижением до самого конца предложения:

Понижение может начинаться и на ударном слоге (см. рис. 9). Чтение предложений *Снег ли тоа?* — дикторы K_1 и K_2 , *Здрав ли е?* — дикторы K_1 и K_2 , *Жив ли е?* — дикторы K_1 и K_2 . Центром вопроса в нашем материале всегда было сказуемое. (В предложении с *дали* было два подъема — на *дали* и на сказуемом).

В многословных высказываниях общая линия, указанная выше, сохранялась, например, эту модель имела фраза *Можеби затоа, што за прв и последен пат се играв себе си?*

Таким образом, антикаденция в македонском языке имеет столь же единообразную форму, что и в словенском языке.

Но по своему рисунку эти формы полярны: — слов.;

 мак.

Ближе всего тип македонской антикаденции к восточнославянским языкам. Этот факт отмечается Х. Кржижковой⁴, фиксирующей в общем вопросе для южнославянских и восточнославянских языков (в противопоставлении западнославянской группе) повышение на слоге-носителе, затем понижение. Ядро вопроса обычно на предикате.

Во временной структуре отмечалась — как самая длительная точка — гласная фонема ударного слога слова семантического центра. В остальной части обнаружить какие-либо закономерности не удалось.

Акцентная структура в целом понижающаяся. Самой высокой точкой является ударный слог центра вопроса, однако перенос наибольшей интенсивности на предпоследний слог слова-центра отмечался и в этой конструкции.

Интонация вопроса с вопросительным словом

В рассмотренных нами материалах местоименный вопрос в македонском языке также был представлен одной формой мелодики, характеризующейся подъемом на ударном слоге вопросительного слова и дальнейшим понижением. Ни у одного из наших дикторов не встретился дополнительный конечный подъем,

⁴ Н. Кржижкова. Kontextové členění a typy tázacích vět v současných slovanských jazycích. «Slavia», 1972, г. XVI, s. 3.

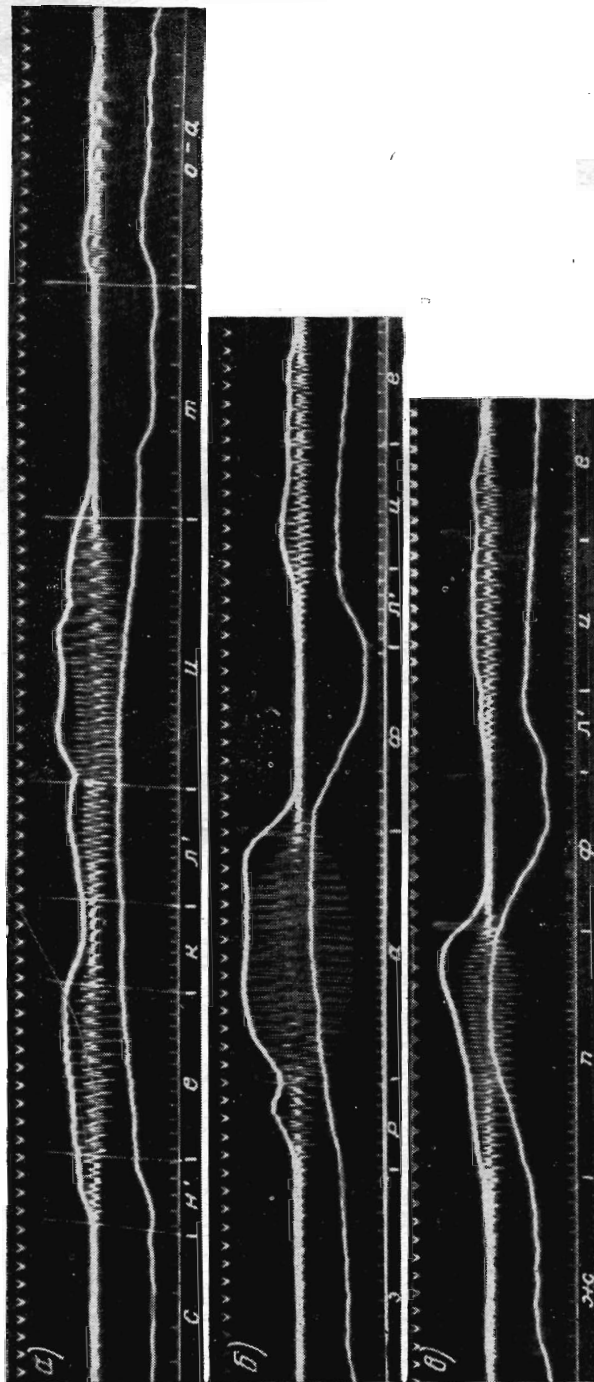

Рис. 9. Мелодика антикаденции в македонском языке:
 а) Снег ли тоа? (Д. К₁); б) Збрава ли е? (Д. К₂); в) Жив ли е (Д. К₁)

сближающий мелодику местоименного вопроса с мелодикой общего вопроса (см. «Польский язык»). Если вопросительное слово не является абсолютно первым словом, то подъем все равно осуществляется на нем, а не абсолютном начале (*Па кој е тој добар...*). Рис. 10 показывает движение тона в македонском местоименном вопросе (*Што име е? — Д. К₁, Каде доаѓат? — Д. К₂*).

В предложениях отмечается одна ярко продленная точка — ударный слог вопросительного слова (*Што добивали от шумата? — 90/55/60/50/60/80/70/60*). Последний конечный гласный и/или последний ударный гласный могут быть продлены факультативно.

Акцентная кривая фразы понижающаяся, с наивысшей точкой на ударном слоге вопросительного слова (см. *На кој е тој добар... — Д. К₂ 3/10—9/8/8/5/4...*; *Д. К₁ — 4/9—7/8/6—5/5/4...*). Таким образом, в македонском местоименном вопросе не удалось обнаружить второго интонационного центра с четким оформлением.

Интонация переспроса и предложений с А

Мелодическая форма переспроса имела два варианта:

1. Мелодическое повышение тона с начала фразы вплоть до последнего ее гласного.

Эта форма переспроса представлена в большинстве славянских языков. Эта фигура характерна для диктора К₂, фразы: *Јас сум богат?; Подоцна?; Тамковината?*

2. Вторая фигура представляет собой повышение — понижение и кажется сходной по форме с общим вопросом. Однако, в отличие от общего вопроса, высший подъем осуществляется только на заударном слоге (*Подоцна? ↓ ↗ ↘*).

И тому, и другому мелодическому контуру соответствует временная структура с продленным концом и продленным началом. Ударный слог слова, последнего в речевом такте, не является темпоральным центром (см. *Јас сум богат? — Д. К₂ — 130/90/100/100; Д. К₁ — 120/60/90/120*).

Акцентную структуру данных высказываний нельзя считать резко понижающейся: она или незначительно понижается, или повышается: *Јас сум богат? — Д. К₂ — 5/3—4/8—7/9; Д. К₁ — 2/5—4/5/4—2; Подоцна? — Д. К₂ — 6/7/4—3; Д. К₁ — 5/7/4—2; Тамковината? — Д. К₂ — 4/4/3—4/5—9/8—2; Д. К₁ — 4/4—3/5/5—4/4—2⁵.*

Предложение с А (*А мојот Иванчо?*) у обоих дикторов было представлено одинаковой мелодической структурой с повышением на первом ударном слоге и понижением после последнего ударного слога.

⁵ Примечательно, что в приведенных примерах динамически выделен предпоследний слог.

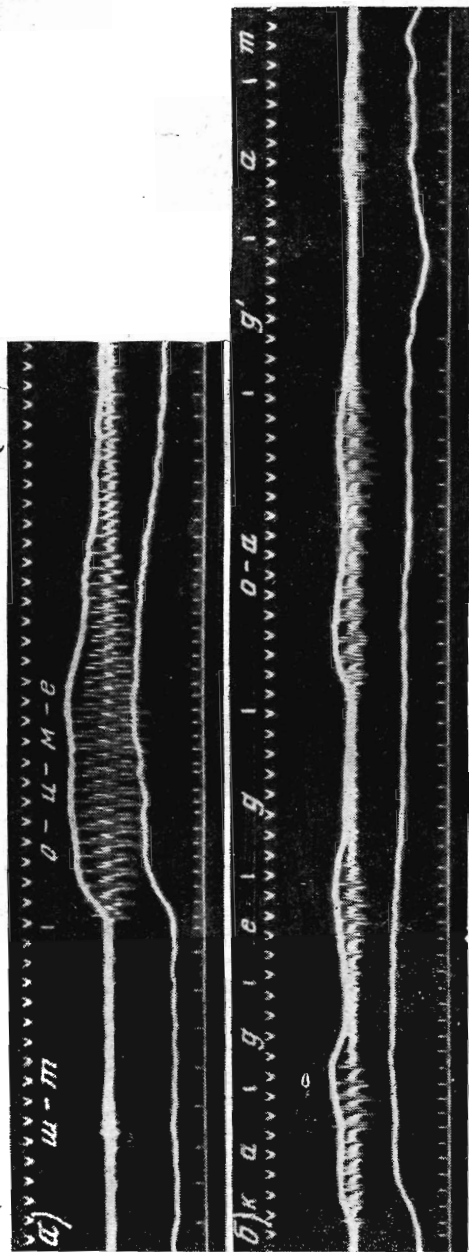

Рис. 10. Мелодика местоименного вопроса в македонском языке:

а) Што им е? (Д. К.); б) Каде досегаат? (Д. К.)

В предыдущих разделах указывалось на дугообразную фигуру, характеризующую восклицательные предложения ().

Однако эта фигура могла раскладываться на все высказывание, могла быть сосредоточена на его главноударном слоге. В македонском языке, по нашим данным, дугообразное повышение отмечало все ударные слоги высказывания, создавая тем самым несколько центров в высказывании: *Гледај, дедо, змија!* или *Уф, колку гаден и грд плод!*

Необходимо заметить, что подъем тона в недвусложных словах мог также осуществляться на предпоследнем слоге (*запали се*).

Временная структура характеризуется общим продлением всего высказывания — все гласные в слогах продлены по сравнению со средней манерой чтения того же диктора (например, Д. К₂: *Гледај, дедо, змија!* — 85/110/105/160/160/100).

Акцентная структура характеризуется повышенными характеристиками всех слогов, к концу высказывания она слабо понижается, например: *Оган, запали се!* Д. К₂ — 7—10/10/7/7—9/7—9/7—5.

Таким образом, восклицательное предложение в македонском языке характеризуется общим продлением высказывания, повышением акцентных характеристик гласных, а также плавным дугообразным и высоким подъемом тона на ударных гласных.

ПРОСОДИЯ ИЗОЛИРОВАННЫХ СЛОВ

Повторяя высказывавшееся в предыдущих разделах положение о том, что изолированные слова — это особый вид микрофразы со специфической мелодикой и что поэтому показатель *f* в изолированных словах не следует принимать во внимание, мы сообщаем, что в изолированных македонских словах специально исследовались данные интенсивности и мелодики.

Рассматривались двусложные слова, т. е. структуры — —, трехсложные слова структур — — — и — — — и отдельные многосложные слова структур — — — —, — — — —, — — — — —. Македонский язык не знает структур с конечным ударным слогом.

Тип — —. У диктора К₂ — интенсивность 70% ВН и 30% НВ. У диктора К₁ — 100% ВН.

Таким образом, обнаруживаются две возможных акцентных кривых — более распространенная нисходящая и более резкая — восходящая. При структуре ВН разница между первым и вторым слогом — от 1,5—2 : 1. При восходящей структуре соотношение приблизительно то же (*таа* — 2/4; *земја* — 5/7, *утка* — 4/7, *богат* — 4/9). Этот небольшой процент случаев с восходящей структурой мы считаем небезынтересным и неслучайным — в связи с теми соображениями об универсальности/специфичности движе-

ния акцентной кривой, которые приводились в главе второй настоящей книги (см. данные тюркских языков, болгарские данные и данные русского говора в татарском окружении). Возможно, что тюркское влияние в данном случае также не исключено.

Временные характеристики. У диктора K_2 — приблизительно 40% ВН, 40% НВ и 20% РР (с равной длительностью); у диктора K_1 — 70% НВ, 25% ВН и 5% РР. Таким образом, для изолированных слов не представляется возможным говорить о регулярной темпоральной выделенности ударного слога.

Существенно знать, как комбинируются акустические средства ударной выделенности в слове.

Рассмотрим обобщенные показатели: у диктора K_2 — ti — 20%, i — 40%, t — 15% и \varnothing (т. е. не выражено ударение) — 25%. У диктора K_1 — ti — 30%, i — 70%.

Таким образом, несмотря на явное различие обоих дикторов, очевидно, что ведущим параметром выражения ударности является в этих словах интенсивность.

Тип ——. Интенсивность. У диктора K_2 случаев с наиболее высоким ударным слогом и дальнейшим понижением было 50%, случаев с выделенным предпоследним слогом (НВН) — 30%, остальное: восходящая структура — НВВ, оба последних слога равны — НВР, равны оба первых слога — ВРН. Таким образом, в 50% первый слог не выделен.

У диктора K_1 — ВНН — 60%, НВН — 30%, ВРН — 10%. Таким образом, у более половины всех слов ударение выражается интенсивностью. Однако это число (55% в среднем) уже менее числа случаев динамического усиления первого слога в двусложных структурах (70% и 100%). У трети случаев, таким образом, самым высоким оказывается предпоследний слог.

Временные характеристики. Наиболее характерной оказывается фигура ВНВ с продленным конечным слогом (это фразовый фактор) и продленным ударным. Например, *заменка* — 110/70/140; *планини* — 110/90/180; *бозето* — 100/70/150 и т. п. Этот тип у Д. K_2 — 50%, у Д. K_1 — 56%. Второй тип по распространенности — это НВВ с выделенным пенультимым слогом. У Д. K_2 — это 30%; у Д. K_1 — 25%, т. е. оба эти типа составляют 80% всех слов. Остальное — это ВНН — с неусленным конечным, НВВ — с равными последними слогами.

Интересно, таким образом, что в трехсложных словах типа —— по сравнению с двусложными типа —— усилены временные показатели ударения и ослаблены динамические.

Обобщенные показатели:

Д. K_2 — i — 45%, \varnothing — 50%, остальное — единичные случаи — ti и t ; Д. K_1 — 66% — i и 33% — \varnothing .

Как же согласуются эти данные с указанным выше усилением временных показателей в трехсложных словах? Дело в том, что для обобщенных характеристик указывался акустический параметр тогда, когда он был самым усиленным в слове. В структуре

ВНВ (например, 110/60/150) ударный слог может быть не самым длительным. В этом случае, при невыраженном динамически ударном слоге, слово получит характеристику β .

В многосложных словах ударный слог оказывался длительнее соседей, но не длительнее абсолютно конечного и в большинстве случаев четко выделялся динамически (Д. K_1 — *татковина* — 1,5/10/5—3/2—1; *изграбуваш* — 1,5/5—7/4/5—2; Д. K_1 — *татковината* — 4/5/ 5/4/3, 2). Но в некоторых случаях интенсивно выделенным оказывался предпоследний слог (Д. K_1 — *татковината* — 3/5/5/7—6/3—2; Д. K_2 — *месечината* — 2/2/4,5/6—4/3, 5).

МОДИФИКАЦИЯ СЛОВЕСНОЙ ПРОСОДИИ ВО ФРАЗЕ

При исследовании модификации словесных характеристик на разных точках фразово-интонационного контура существенны следующие показатели: 1) сохраняется ли выделенность ударного слога (и тем самым ритмическая структура слова), 2) насколько меняются акустические характеристики слова на разных участках фразы. Выбранные тексты соответствовали этой задаче. Например, в отрывке «Тргнува на орач е еден стар орач. Чуден е тој орач. Тоа е мразот. Мразот зиме ја смрзнува водата, а водата тогаш се раширува. На мразот му треба поек'е место отколку на водата, од која настанал. Затоа можат да испукаат и железните обрачи, кога во кацата водата к'е замрзне. Во грутките земја има вода. Мразот зиме таа вода ја замрзнува» повторяются помещенные в разные позиции слова *орач*, *мразот*, *водата*, *вода*, *зиме*. Набор ситуаций исчерпан в нашем описании, сопоставляются данные разных слов в одной и той же позиции.

Тип ——. **И н т е н с и в н о с т ь**. В начале фразы поровну ВН, НВ и РР. Совпадения по дикторам нет, так что акустическая характеристика не обусловлена самой лексемой. Разрыв величин слогов меняется по дикторам (у Д. K_2 — 2 : 1 и менее, у Д. K_1 — 1,5 : 1 и менее).

В середине — около 80% ВН, 15% РР и остальное — НВ. В нисходящем конце — 100% ВН, в восходящем конце — 90% ВН. Это говорит о том, что тенденция выделять динамически ударный слог в македонском языке очень сильна. Наиболее слабым для словесной просодии оказывается неожиданно начало фразы (много случаев НВ и РР), можно вследствие этого высказать гипотезу о потенциально низком начале акцентной кривой македонской фразы, нотом восходящей и понижающейся к концу. О резком понижении акцентной линии к нисходящему концу по сравнению с восходящим концом можно судить, например, по слову *богат*, обладающему в обоих концах структурой ВН. Но в восходящем конце это — в абсолютных показателях — 5/4 (Д. K_1) и 9/8—7 (Д. K_2), а в нисходящем конце — 2/1,5 (Д. K_1) и 3/1,5 (Д. K_2).

Временные характеристики. В начале фразы — это только ВН, в середине — 65% ВН и остальное — НВ, в нисходящем конце — 70% ВН и 30% НВ, в восходящем конце — равное число ВН и НВ. Эти факты говорят прежде всего о необязательности для македонского языка продления последнего слога (см. противоположное в разделах об украинском и польском языках). Эта необязательность различается по разным типам мелодики: продление наиболее широко представлено в так называемых изолированных словах, т. е. словах с назывной мелодикой (отсюда так много НВ в изолированных словах), менее широко в восходящем конце и не представлено в нисходящем конце. Можно предположить, что это продление в данном языке играет не абсолютно фонетическую роль, а выполняет функции некоторого показателя смысловой незаконченности.

Мелодика. В начале фразы — приблизительно равное число НВ и ВН. В середине фразы — 60% ВН, 30% РР (т. е. оба слога равны) и 10% НВ. В нисходящем конце только ВН, в восходящем конце также преобладает ВН и РР (т. е. это те случаи полукаденции, когда заударный слог остается на том же уровне).

Обобщенные показатели демонстрируют — в начале fti и \varnothing , в середине — fti , ft , ti , \varnothing , i , t ; в нисходящем конце — fti , fi , i , в восходящем конце — fti , fi , i , \varnothing , ti .

Таким образом, можно говорить о том, что в двусложном македонском слове ударение слова сильно выражено. В начале фразы оно больше выражено через время, в середине выражено примерно в 60% случаев (разными параметрами, порознь и вместе), в нисходящем конце — почти всеми характеристиками (особенно f и i), в восходящем конце — выражено слабее и более разнообразно. Эта выделенность ударного слога по сравнению с заударным в нисходящем конце (т. е. он выше и интенсивнее) объясняется и тем, что здесь словесные тенденции совпадают полностью с фразовой: заударный слог — это конечный слог всей фразы с понижением f и i .

Тип — — — . Интенсивность. В начале фразы в равной мере представлены две конструкции ВНН и НВН, т. е. усилен предпоследний слог, то же можно сказать о средней части фразы, где есть еще и единичные случаи со структурами, где два слога равны (ВНР, НВР, ВРН и НРВ), в нисходящем конце преобладает ВНН, в восходящем конце — 60% ВНН, 30% НВН, остальные — это структуры с равными слогами.

Временные характеристики. В начале фразы наиболее значительно была представлена (у обоих дикторов) структура НВН (т. е. ударный слог продлен, но продлен и конечный), далее наиболее частотная структура у ВК — ВНН, у БК НВН (с продленным пенультым слогом). В середине фразы самая распространенная структура НВН, затем ВНН, затем НВН. В нисходящем конце — без особенного преобладания представлены структуры НВН, НВН, НВВ, ВРН, ВНР (но нет совсем ВНН!),

в восходящем конце — самая преобладающая структура ВНВ, затем ВНН и НВВ.

Наличие структуры ВНВ в конце фразы кажется вполне ожидаемым, так как именно в конце бывает продлен абсолютно последний слог, а ударный начальный здесь выделен. Но необъяснимым и нетипичным оказывается появление этой структуры в начальной и срединной позициях — оно может появляться лишь при почти полностью пословном произнесении фразы. Структура НВН, столь широко представленная, демонстрирует тенденцию к переносу ударения на предпоследний слог.

М е л о д и к а. В начале, середине и обоих видах исходов резко преобладает структура ВНН, т. е. ударный слог повышен, вторая по частоте структура ВРН, т. е. повышены оба первых слога.

Обобщенные показатели: для начала f , fti , ti , ti , для середины — fi , fti , f , \varnothing , ti , t , i ; для нисходящего конца — fti , fi , f , ft , i , \varnothing . Это дает основания для выделения македонского языка в том смысле, что словесное ударение **внутри** фраз часто бывает представлено мелодически. Кроме того, именно f реже всего выделяет предпоследний слог.

Расследованием этого последнего обстоятельства, выделения средствами интенсивности предпоследнего слога, мы решили заняться более подробно, проанализировав все трехсложные слова, а не только те, которые рассматривались изолированно. Таким образом, по каждому диктору подсчитывалось отдельно число слов с инициальным выделенным слогом и число слов с пенультимым выделением. Результаты оказались довольно близкими: у диктора K_2 пенультимых слогов оказалось 37%, у диктора K_1 — 32%.

Первый, естественно встававший вопрос — это вопрос о том, тождествен ли состав пенультимой группы. Оказалось, что совпадения составляют примерно $1/4$ всего состава (это слова *луг'ето*, *поради*, *виделе*, *водата*, *убава*, *утката*, *шумата*, *подоцна*, *видовте*, *заменка* и др.). Выделение предпоследнего слога в словах пенультимой группы несомненно. Например, Д. K_2 — *луг'ето* — 5 / 10 / 5; *видовте* — 7 / 12 / 7; *моето* — 4 / 9 / 4 и т. д.; Д. K_1 — *детото* — 4—5 / 8 / 5—4; *големи* — 5 / 8—9 / 7; *нејсину* — 3—4 / 8 / 6 и т. д.

Факты пенультимого ударения отмечены Б. Конесским (т. е. диктором K_1) в разделе «Грешењето во акцентот»⁶. Он приводит список слов типа *возможни*, *задачи*, *наполно*, *одговорност*, *раководство*, *раководител*, *претстава* и т. д., отмеченные у западных македонцев и не объясняемые особенностями говора, где акцент падает на третий слог от конца. Многие случаи нельзя объяснить и влиянием близких языков — имеет место «престараванье». Однако Б. Конески пишет об ударении, т. е. о слуховом эффекте, мы же говорим только о динамической выделенности. Как же можно объяснить нашу правильность в расстановке большинства ударе-

⁶ Б. Конески. Граматика на македонскиот литературен јазик, стр. 97.

ний? Секрет, как представляется, скрыт в еще одном факторе, к сожалению, не учитываемом нашей нотацией. Это — регулярный для македонского языка перепад тона на начальном, т. е. ударном слоге слова. При этом ударный слог может оказаться не выше заударных слогов того же слова, но этот перепад отделяет слово от предыдущего слова. Например, в последовательности *мразот зиме ја смрзнува водата* приведем данные мелодики (в гц) и интенсивности (в мм) — Д. К₂⁷ 1) 150—180 / 150 // 150—170 / / 170 / 170 // 150 / 150 / 150 / 150 / 140 // 140—160 / 160 / 160; 2) 5—8 / 4—2 // 5—4 / 5—4 // 4 / 4 / 4 / 4 / 4 / 4—2 // 5—7 / 9—6 / 3—2. Перепад мелодики на первом слоге слова *водата*, очевидно, обеспечивает ощущение ударности в большей степени, чем сдвиг в том же слове акцентной вершины на предпоследний слог.

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

Данные болгарского языка почерпнуты из двух источников: 1) сведений, сообщаемых экспериментаторами-болгаристами¹, 2) интонограмм, снятых с записи на магнитофонную пленку чтения диктора болгарина, филолога-фонетиста. Запись осуществлялась в 1973 г. в Москве. Читались три вида языкового материала: 1) текст на болгарском языке, 2) изолированные слова, 3) отдельные фразы.

Изолированные слова рассматривались в сопоставлении с теми же словами в тексте. Сознательная установка на это была при подборе и отдельных фраз (например, *Какво те боли? — Глава ме боли; Далеч ли е? — Много е далеч; Има ли свободна стая? — За съжаление стал няма* и т. д.) Некоторые фразы полностью совпадали по лексико-грамматическому составу, отличаясь членением, порядком элементов и пунктуационными знаками (*Учениците чуват звънеца. Влизат в училището. — Като чуват звънеца, учениците влизат в училището; Това е огледало! — Това е огледало; Стефан качва слушалката на телефона, когато линията е заета. — Стефан качва слушалката на телефона. Линията е заета*). Такие пары наглядно демонстрируют смысловую нагрузку интонации.

⁷ Слова отделены двумя косыми, ударный слог подчеркивается. Указываются и данные сонантов.

¹ См.: М. Георгиева. Мелодика на простото изъвпително разширено изречение в българската литературна реч. «Известия на института за български език», 1970, кн. XIX; М. Екимова. Интонация на въпросителните изречения в български език в сравнение с английски. «Български език», 1972, ч. XXII, кн. 4; М. Георгиева, М. Попова. Русская фонетика и интонация. София, 1974 и др.

Интонация повествования (каденция)

М. Георгиева и М. Попова отмечают понижение тона в болгарских повествовательных фразах. Приводимая графическая схема сравнения мелодики русского и болгарского языков в конечной синтагме демонстрирует различие языков, состоящее в предупредном подъеме в болгарской фразе (указ. соч., стр. 62).

В наших примерах при отсутствии заударных отмечалось два вида движения мелодики:

1. Движение тона понижающееся (начиная по крайней мере со второго предупредного слога), ударный слог оказывается самым низким (*главата ме боли; много е далеч* и т. д.).

2. Движение в первом предупредном слоге повышающееся, на ударном слоге происходит понижение, (*а свобода*). Ударный гласный выделяется временными средствами незначительно (1,1 : 1 по отношению к безударному).

Интенсивность не выделяла конечный ударный (*ме боли — 3 / 3 / 1; е далеч — 4 / 3 — 2 / 1; чужденци — 3 / 3 / 2*).

При наличии заударных слогов возможны три варианта интонационной реализации:

1. Понижение началось до ударного слога, ударный слог его продолжает, заударные слоги следуют за ударным (*на слоновете; и камилата* и т. д.).

2. Предударные слоги располагаются на одном уровне, на ударном слоге происходит понижение тона, которое продолжается на

заударных слогах

(хотел «България», моляше си

Румянка).

3. На ударном слоге осуществляется повышение тона, на первом заударном слоге тон резко понижается — (*до прозореца; е заета; и орехи*).

Распределение этих вариантов представляется факультативным (см. разное чтение одной конклюдивной конструкции *Линия е заета*).

Временное распределение ударных и безударных слогов (наиболее существен абсолютно конечный слог) очень пестрое; возможно: 1) ударный слог длительнее конечного (все выделения незначительны, в пределах 10—15% от второй сопоставляемой единицы), 2) конечный слог длительнее ударного, 3) не выделены ни тот, ни другой слоги (*на слоновете — 70 / 70 / 55 / 70 / 50*).

Естественно, что слабая и нерегулярная тенденция выделять ударный слог и столь же вяло намечающаяся тенденция выделять абсолютно конечный слог суммируются в тех случаях, когда конечный слог — это ударный (см. выше), и тогда ударный слог оказывается выделенным более регулярно.

Интенсивность выделяла ударный слог примерно в 25% случаев, иногда — значительно (*България* - 5 / 7 / 2 / 1; и *орехи* — 3 / 6 / 2 / 1).

Интонация незавершенной синтагмы (полукаденция)

Из сопоставления М. Георгиевой и М. Поповой русского и болгарского варианта решения неконечных синтагм очевидно, что болгарская полукаденция чаще оканчивается восходящим завершением².

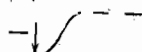
Согласно фактам изучавшегося нами идиолекта, болгарская полукаденция имеет следующие варианты воплощения:

При отсутствии заударных слогов ударный слог осуществляет сильное повышение в первой части и более ровный тон на второй части (без конечного повышения). Начинается ударный слог на мелодической точке, более низкой, чем позиция предударного, т. е. это распространенный и известный всем славянским языкам тип восходящей мелодики. Однако в болгарском языке представлен и вариант этой формы, реализующийся в понижении тона на предударном слоге — к началу ударного (*взе захарта*; *гъсти гори* и т. д.).

Ударный слог в этих случаях ярко продлен (значительно больше, чем в каденции). Например, *захарта* (75 / 60 / 120); *гори* — (90 / 120); *господар* (60 / 70 / 130).

Линия интенсивности не понижающаяся, а ровная или восходящая к ударному слогу.

При наличии заударных слогов возможны следующие варианты интонационного воплощения:

1. Ударный слог начинается низко, на нем осуществляется подъем, заударные слоги не поднимаются выше конечной точки ударного (см. такой вариант в словацком разделе).

2. При таком же движении тона в ударном слоге заударные слоги располагаются выше ударного (более распространенный вариант).

3. На заударных слогах осуществляется понижение (один пример — *воденичарят*). Этот вариант М. Георгиева и М. Попова считают редким и разговорным³.

Отмеченное выше движение тона на предударном слоге (движение вниз, к ударному) было представлено регулярно, причем и в тех случаях, когда ударный слог располагался высоко, без низкого начала — *България*.

Ударный слог выделен длительностью примерно в 80% случаев, предударный составлял примерно 60—70% от длительности

² М. Георгиева, М. Попова. Указ. соч., стр. 78.

³ Там же.

ударного; абсолютно конечный слог — 110—115% от длительности ударного.

Линия интенсивности в полукаденции — слабо понижающаяся или ровная.

Интонация вопросительного предложения без вопросительного слова (антикаденция)

В нашем материале вопросительные предложения без вопросительного слова включали в свой состав нормативную для болгарского синтаксиса частицу *ли*: *Има ли във вашия град библиотека? Далеч ли е? Има ли свободна стая?* и т. д.

Эти предложения реализовали два мелодических пика: первый — повышение на ударном слоге глагола-сказуемого (в препозиции к *ли*); второй — повышение на последнем ударном слоге с реализацией фигуры, совпадающей с полукаденцией⁴.

Первый мелодический центр оформлялся двумя способами — по нашей гипотезе, двумя алловариантами одной мелодемы:

1. На ударном слоге осуществляется подъем, на первом заударном слоге происходит понижение: (т. е. это тип восходящей мелодики, близкий к русскому варианту);

2. На ударном слоге осуществляется подъем, первый заударный слог остается на высоте конечной точки ударного слога, на втором заударном слоге происходит понижение — (см. такой вариант в украинском, словацком и сербском языках).

Анализ предложений такого типа вызывает к рассмотрению ряд существенных интонологических проблем, а именно — как фиксировать и описывать интонационный центр таких высказываний, поскольку здесь несомненно фиксируются два центра, причем с разным рисунком мелодии? Можно ли вообще говорить об антикаденции в применении к таким сложно оформленным фразам? Как рассматривать вопросительные фразы в тех языках, где нет второго центра — как одноцентровые или как двуцентровые с вторым нулевым центром?⁵

Временное распределение этих двух центров было таким, при котором более длительным оказывался последний (а не первый)

⁴ М. Екимова считает, однако, нормативным вариантом понижение тона к концу общего вопроса, а восхождение в конце, по ее мнению, возможно лишь в разговорной речи и выражает учтливое обращение и желание привлечь внимание собеседника (указ. соч., стр. 314).

⁵ В русском языке обычно принято считать общий вопрос одноцентровым, с возможным сдвигом интонационного центра на главное по смыслу слово вопроса. Однако М. Георгиева и М. Попова убедительно сопоставляют эти двуцентровые фразы болгарского языка с русскими высказываниями типа *Не хочеш ли чаю?*, где очевидны, даже при слуховом анализе, два центра восходящей мелодики. Однако эти фразы не были выявлены исследователями русской мелодики (М. Георгиева, М. Попова. Указ. соч., стр. 73).

центр, т. е. последний ударный слог и абсолютно конечный слог. Таким образом осуществлялась терминальность высказывания.

Акцентная кривая была представлена необычным вариантом. А именно — наиболее выделенным оказывался один из слогов мелодически нейтральной середины высказывания (чаще всего — ударный слог), например: *Има ли във вашия град библиотека? Има ли свободна стая? Работят ли дядото и бабата? Имате ли моливи и блокове?* Чтобы быть приписанным болгарской интонационной системе, это акцентное решение требует подкрепления бóльшим материалом.

Интонация вопросительного предложения с вопросительным словом

Уже упоминалось, что существенными в типологическом отношении фактами анализа интонации этого типа являются ответы на следующие вопросы:

1. Отличается ли конечное повышение (как норма) в высказываниях этого типа?

2. С чем связано начальное повышение тона — с вопросительным словом как таковым, с ударным слогом этого вопросительного слова, с одним из начальных слогов фразы (безотносительно к типу лексем)?

3. Сколько отмечается временных центров и каково их количественное соотношение?

4. Где располагается пик интенсивности?

Отвечая, согласно полученным данным, на эти вопросы, отмечали следующее:

1. Во всех предложениях указанного типа фиксировался конечный подъем⁶, падающий на конечный слог высказывания (т. е. различие с восходящей мелодикой при незавершенности в том, что в полукаденции восхождение тона связывается с ударным слогом — носителем фразового ударения).

2. Начальный подъем привязан к ударному слогу вопросительного слова, в зависимости от места которого во фразе может модифицироваться непосредственно наблюдаемый мелодический рисунок.

Расстояние между двумя центрами повышения определяется линейной протяженностью фразы и может быть большим и малым. Слоги, расположенные между центрами, более монотонны, чем в повествовательном отрезке.

3. В высказываниях этого типа несомненна временная отмеченность второго центра (ударный слог последнего слова и абсолютно конечный слог).

⁶ М. Екимова (указ. соч.) считает этот подъем факультативным вариантом при норме — нисходящем движении.

Например; *Какво те боли?* — 45 / 60 / 40 / 70 / 100; *Къде се намира улица «Незабравка»?* — 35 / 50 / 40 / 60 / 85... 60 / 60 / / 100 / 120.

4. Интенсивность в целом нисходящая, пик интенсивности расположен на ударном слоге вопросительного слова, например: *Колко лева е годишният абонамент?* — 10 / 7 / 8 / 7 / 7 / 5 / 5, 5 / 4,5 / 6 / 4 / 3 / 4—3—2⁷.

Интонация вопросительных предложений с А

В анализе предложений этого типа (*А Хана рускиня ли е? А какките? А риза?*) существен ответ на следующие вопросы:

1. Имеется ли особая интонационная форма, накладывающаяся на эту конструкцию?

2. Выбирается ли — при произнесении этой конструкции — всегда одна и та же интонационная форма?

При произнесении этой конструкции выбиралась форма восходящей мелодики со средним положением ударного слога и продолжением восходящего движения на заударных слогах.

Особенности мелодического рисунка:

- 1) отсутствие подъема на А (см. данные других языков);
- 2) более сильный, чем в других предложениях с восходящей мелодикой, диапазон подъема — почти на октаву⁸.

Самым протяженным слогом в этой конструкции является абсолютно конечный слог (см. *А риза?* — 80 / 110 / 160). Это объясняется, очевидно, коммуникативной установкой высказывания, при котором непременно ожидается ответ на вопрос. В целом — как и в других славянских языках — эта конструкция характеризуется повышенной длительностью звуков в целом.

Данные интенсивности не показали какой-либо закономерности.

Интонация восклицательных предложений

Восклицательные предложения, совпадающие по форме с вопросительными, имели многоцентровую структуру с повышениями на союзном слове и на смысловых центрах; к концу мелодика понижалась:

Покажем центры в анализированных предложениях:

- 1) *Колко обичам чай с шунка!* — обичам и шунка.
- 2) *Колко е хубава новата училищна сграда!* — хубава и сграда.
- 3) *Колко весело ще бъде!* — весело.
- 4) *Колко приличат на хората!* — приличат и хората.

⁷ М. Георгиева и М. Попова считают близкой к норме тенденцию поднимать конец в высказываниях этого типа — вплоть до характерных ошибок болгар в чтении русских фраз (указ. соч., стр. 66).

⁸ В данном случае наш материал несколько расходится с данными М. Георгиевой и М. Поповой, которые указывают для этой конструкции более высокое положение начального А (указ. соч., стр. 71).

Эта многоцентровость подтверждается данными длительности и интенсивности. Слуховое восприятие показывает отличие данного типа высказываний от русских высказываний той же структуры — главным образом за счет более ослабленного произнесения конечного слова в русском языке. В целом, как и в других славянских языках, эти предложения обладают повышенной интенсивностью и повышенной длительностью.

Предложения другой синтаксической структуры (*Ах, страх ме е! Това е огледало! О, это ги маймунките!*) имели более компактную мелодическую форму восходяще-нисходящего рисунка и на слух создавали впечатление общедиффузной эмоциональности.

ПРОСОДИЯ ИЗОЛИРОВАННЫХ СЛОВ

О просодии изолированных слов в болгарском языке говорилось выше (стр. 64) в связи с вопросом об универсальности/неуниверсальности, тенденции к понижению акцентной кривой в направлении к концу слова. Отмечалась тенденция — нерегулярная, но несомненная — к повышению акцентной кривой в словах болгарского языка, особенно в случаях конечного ударного.

Исследовалась просодия изолированно произнесенных слов (т. е. микрофраз) различных ритмических структур: — — (*ста́я*); — — (*това́*), — — — (*й́маме*), — — — (*дoвoблнa*), — — — (*зaxapтá*), — — — — (*вiзaнeтo*), — — — — (*слyшáлкaтa*), — — — — (*тeлeфóнa*).⁹ Разнообразие этих типов ритмических структур объясняется подвижностью места ударения в болгарском языке.

Однако возникновение дублетных акцентных форм и нормативные колебания в месте словесного ударения отмечались для болгарского языка неоднократно. Это объяснялось, в частности, семантическими причинами — стремлением сохранить неизменным морфонологический облик слова⁹, но и (для ряда говоров) соображениями чисто ритмического характера — с равным чередованием ударных слогов во фразе¹⁰. По гипотезе И. Кочева, фразовая ритмичность лексикализуется и ведет к появлению форм с постоянным неконечным ударением, т. е. (обычно) форм с нулевым ударением — см. об этом в разделе «Македонский язык».

При сопоставлении наших данных мы опирались главным обра-

⁹ См.: Р. Бернар. О месте ударения во множественном числе односложных существительных мужского рода в современном болгарском литературном языке. «Исследования по славянскому языкознанию». М., 1971.

¹⁰ См.: И. Кочев. Акцентологична интерпретация на ритмико-интонационите групи в юго-западните български говори. «Български език», 1970, ч. XX, кн. 2—3.

зом на работы Д. Тилкова, Ст. Стойкова и Л. В. Златоустовой¹¹, также исследовавших просодию болгарских слов¹².

Тип — —. Интенсивность во всех случаях была ВН, т. е. нисходящей. Интенсивность первого слога значительно превышает интенсивность второго слога (*вълци* — 7—6 / 2—1; *Любчо* — 9—10 / 4; *Стефан* — 10 / 3—2; *батко* — 8—6 / 3—1; *къщи* — 9—8 / 3—1 и т. д.). О повышенной интенсивности первого ударного слога в двусложных болгарских словах как о регулярном факторе пишет и Л. В. Златоуста (указ. соч.), эти же данные получены Д. Тилковым (указ. соч.).

Длительность гласных в этой структуре в 80% — ВН, т. е. ударный гласный продлен. Однако ударный гласный превышает неударный не более, чем в полтора раза (*има* — 150 / 100; *вълци* — 120 / 90; *влизат* — 120 / 80 и т. д.). Эти данные говорят также и о непродленности в болгарском языке абсолютного конца (см. украинские и польские данные), хотя отдельные примеры конечного продления были отмечены: *слона* — 85 / 100; *къщи* — 90 / 120.

Обобщенные данные показывают соответственно в 80% — *ti* и в остальных — *i*.

Тип — —. Интенсивность НВ, РР и ВН. Характерно, что в случаях НВ, т. е. выделенности ударного слога, он повышен незначительно (от 1,1 до 1,5 по отношению к первому слогу: *далеч* 5—8 / 8—9; *това* — 5 / 8—5 и т. д.)¹³.

Длительность же ударного слога в этой структуре в 100% повышена (от 1,1 до 1,5 по отношению к первому слогу).

Обобщенные данные демонстрируют *ti* и *t*.

Тип — — —. Интенсивность ударного, первого слога всегда повышена, второй слог понижен, но не очень сильно, третий слог понижен резко; таким образом, акцентная кривая слова имеет вид лестницы с двумя повышенными первыми слогами (см. о повышении первых двух слогов трехсложного слова в западнославянских языках и белорусском языке). Примеры: *имате* — 6 / 5 / 3; *линия* — 8—7 / 5 / 2—1; *хората* — 8 / 7—6 / 3—2 и т. д.

¹¹ Д. Тилков. Някои наблюдения върху промените на интензитета при ударените и неударените гласни. «Известия института за българския език», 1970, кн. XIX; Ст. Стойков. Увод във фонетиката на българския език. София, 1966; Л. В. Златоустова. Фонетические особенности словесного ударения в русском и болгарском языках. «Уч. зап. Казанского гос. унта им. В. И. Ульянова-Левина», 1962, т. 122, кн. 5.

¹² Под просодией слова здесь, как и в предыдущих разделах, понимается соотношение ударных и неударных слогов в рамках данных двух параметров — длительности и интенсивности.

¹³ У Д. Тилкова интенсивности структуры — — всегда НВ (*мула* — 28/60; *гизант* — 10/40; *градът* — 20/35; *домът* — 18/23 и т. д.). Очень наглядно повышение интенсивности во втором слоге *градът* у Ст. Стойкова (стр. 143). Обобщая полученные факты, следует, очевидно, сказать о тенденции в двусложных словах выделять ударный слог (обязательно — в начале и по большей части — в конце) и о потенциальной сильной временной точке — конце слова.

Длительность слов этого типа имеет два схематических воплощения — ВНН (с постепенным убыванием), например *хората* — 120 / 110 / 80, и ВНВ с ударным самым длительным и продленным абсолютно конечным, например *жената* — 90 / 45 / 60; *имате* — 120 / 70 / 100; *имаме* — 150 / 70 / 100 и т. д. Последняя структура преобладает.

Обобщенные данные — t_i .

В соответствии с данными названных типов можно предсказать просодическое воплощение типа — — —: и интенсивность и длительность будут подчеркивать ударный слог. См.: *захарта* — интенсивность $5/3/7-4^{14}$ и длительность $80/70/120$ (примечательно, однако, что оба параметра отмечают — в качестве вторичного — и начальный слог слова).

В предыдущих разделах мы говорили о структуре — — — как диагностической для определения в данном языке силы тенденции выделения ударного слога, поскольку место ударения не совпадает здесь с сильными точками слова.

Интенсивность в 80% НВН, т. е. ударный слог выделен (*заэта* — 8 / 9 / 3; *довблна* — 8 / 9 / 2—1 и т. д.), но первый слог также усилен, в 20% — ВНН, т. е. первый слог оказывается самым интенсивным (*градина* — 7 / 5 / 3—1; *окача* — 7 / 5—4 / 3—2) ¹⁵.

Длительность была во всех случаях НВН, т. е. ударный слог продлен. Обобщенные данные — t_i и в 20% — t . За приведенными фактами скрывается демонстрация большой гибкости просодической системы, подчиненной функциональной задаче: в данном случае — выделению ударного слога. А именно, в структуре — — —, где место ударного совпадает с сильной акцентной точкой — началом слова, длительность более свободна от передачи словесного ударения и передает конец слова, продляя конечный слог — в контрасте с предпоследним (например, *хбрата* — 120 / 80 / 110). У структуры — — — ударность не так надежно страхуется интенсивностью и потому длительность фиксирует продлением ударный слог (*Румянка* — 70 / 115 / 80; *довблна* — 110 / 190 / 70 и т. д.)

Разумеется, эта система функционирует столь последовательно в том случае, когда тенденция сильно очерчивать ударный есть топологическая характеристика данного языка (см. ударение, практически не выраженное, в ряде слов чешского языка).

Важным свидетельством выраженности ударения является его подчеркнутость в словах многосложной структуры. Действительно, оно выражается интенсивностью на втором слоге (*училище* — 4—5 / 8—7 / 7—5 / 3 / 4—2; *растения* — 5—8 / 8—7 /

¹⁴ См. у Тилкова *папагал* — 30/45/50.

¹⁵ См. аналогичные данные Д. Тилкова с таким же резким ослаблением последнего слога — *набся* — 30/48/8.

3 / 2; *бизоните* — 5 / 9 / 4 / 3—1), на третьем слоге (*огледало* — 6 / 5 / 8—6 / 3—2; *телефона* — 8 / 5, 5 / 8—7 / 3—4; *камилата* — 8 / 5 / 8 / 5—2 — с повышенным также началом) и, конечно, на первом слоге — *слоновете* — 7—5 / 4 / 3 / 1,5. Длительность в многосложных словах имеет две сильные точки — ударный слог и последний (перцептивно более удаленный от ударного, чем в трехсложных словах): *слушалката* — 70 / 105 / 50 / 90; *бизоните* — 110 / 140 / 80 / 110; *слоновете* — 120 / 60 / 80 / 90.

Таким образом, есть основания причислять болгарский язык к языкам с явной тенденцией к выделению словесного ударения в изолированно произнесенных словах¹⁶.

МОДИФИКАЦИЯ СЛОВЕСНОЙ ПРОСОДИИ ВО ФРАЗЕ

Фонетические характеристики определялись через позиционное смещение одних и тех же слов, помещаемых в разные участки фразы. Например, в отрывке:

«Любчо енергично я потегли към клетката на лъвовете.

— Батко, хайде да видим слоновете!

Упътиха се към клетката на слоновете.

— Кой храни слоновете?

Слоновете и лъвовете живеят в джунглите.

Хората го използват, като и камилата.

— А къде е камилата?

Ще видим и камилата, и мечките, и бизоните.»

слово *слоновете* оказывается в позиции конца восклицательной фразы, конца повествовательной фразы, конца вопроса с вопросительным словом и абсолютного начала фразы; слово *камилата* оказывается в конце повествования, в конце специального вопроса и в позиции полукаденции. Регулярные изменения слов различной структуры в тождественных фразовых позициях свидетельствуют, по нашей гипотезе, о чисто фразовых характеристиках просодии данного языка. Существенным фактором, на наш взгляд, является знание, сильна или слаба фразовая интонация в данном языке — это определяется степенью модификации словесной просодии во фразе. Единицей анализа являются ритмические структуры (слова типа — —, — —, — — — и т. д.).

Тип — —. Интенсивность в начале фразы всегда ВН с отношением первого слога ко второму от 1,6 : 1 до 2,5 : 1 (сло-

¹⁶ Нами исследовались два параметра — сила и длительность. Л. В. Златоустова, исследовавшая и изменения качества в болгарском языке, считает именно этот фактор ведущим показателем ударения (указ. соч., стр. 198).

нът — 7 / 3; Стефан — 7 / 4; Любчо — 8 / 3 и т. д.). В середине — поровну ВН (*ума* — 4 / 3; *стая* — 7 / 5 и т. д.), НВ (*стая* — 5 / 6—4; *чуват* — 5 / 4 / 8—6; *влизат* — 3 / 6—5), РР — т. е. ровно (*ума* — 5 / 5; *чуват* — 5 / 5). Характерно, что разница между первым и вторым слогом при ВН в середине меньше, чем в начале фразы. В нисходящем конце — ВН, в восходящем — также ВН, но в абсолютных показателях эти данные показывают более резкое понижение акцентной кривой фразы к нисходящему концу, где ВН — это 2 / 1; 3 / 1, а в восходящем конце — 6 / 5; 6 / 4,5; 4 / 3 и т. д. Понижение акцентной линии к концу повествовательной фразы см. на примере слова *Любчо* (начало — 8 / 3; середина — 5 / 5; конец — 2 / 1).

Д л и т е л ь н о с т ь в начале фразы ВН (отношение от 1,1 : 1 до 1,5 : 1, например *Стефан* — 70 / 50; *слонът* — 75 / 60 и т. д.); в середине — поровну ВН (с незначительным преобладанием ударного) и НВ — с преобладанием заударного слога (например, *Любчо* — 50 / 90). В нисходящем конце — ВН и НВ (несколько случаев), в восходящем конце — ВН. Это значит, что абсолютно конечное продление не обязательно представлено, сильной временной точкой является начальный слог фразы, в середине фразы выделенность ударных слогов ослабевает.

В начале фразы мелодическая схема этих слов ВН (*слонът* — 220 / 200; *Любчо* — 250 / 220; *Стефан* — 200 / 180 и 200 / 180); в середине — НВ, ВН и РР, т. е. мелодическая выделенность ударного слога нерегулярна¹⁷, в нисходящем конце — ВН, в восходящем — ВН, НВ и РР (разнообразие форм определяется типом восходящей мелодики).

Обобщенные данные демонстрируют для начала *fti*, для середины — *fi*, *ti*, *t*, *i*, *f*, *я*, для конца нисходящего — *fti*, *fi*, для восходящего — *fti*, *ft*, *i*.

Таким образом, сильной позицией для реализации словесного ударения является начало фразы.

Тип — —. В начале фразы и н т е н с и в н о с т ь ВН и РР (*това* — 5 / 5; *далеч* — 5—8 / 6). В середине РР, НВ, ВН, в нисходящем конце — только ВН, в восходящем — НВ, ВН, РР.

Это значит, что фразовая просодия оказывается достаточно сильной для подчинения словесной (общая линия — понижающаяся) и что конечное положение ударения есть слабая по интенсивности точка словесной просодии.

З а т о в р е м е н н а я с х е м а во всех позициях фразы НВ (ударный слог выделен), но с различными абсолютными реализациями, например, восходящий конец: *далеч* — 70 / 90; *боли* — 45 / 70; *това* — 55 / 130 (за счет собственной длительности гласных и элементов свободного варьирования).

¹⁷ Этот факт описывает также Б. Николов (*Б. Николов. Физическа същност и функционална стойност на акцентуваноста в българския книжовен език. «Език и литература», 1972, ч. XXVII, № 4, стр. 13).*

Мелодическая структура начала НВ, середины НВ, восходящего конца — НВ и нисходящего — ВН (*далеч* — 150 / 120; *боли* — 150 / 120 и т. д.).

Сопоставление характеристик структур — — и — — говорит о том, что в болгарской фразе начальное повышение осуществляется не на первом слоге вообще, а на первом ударном слоге (иначе и — — имело бы в начале ВН), что мелодические показатели ударения отчасти компенсаторны в середине по отношению к акцентным (ср. *f* и *i* показатели у — — и — —), что конечное понижение — сильная точка фразовой мелодии и что при конечном восхождении для данной структуры фразовая и словесная тенденции совпадают.

Обобщенные показатели начала *ft*, середины — *ft*, конца — *fti*, *i*, *t*.

Тип — — — (*имате*, *лъвове*, *хората* и т. д.). В начале фразы интенсивность ВНН, в середине — ВНН (например, *шепата* — 5 / 4 / 1,5), РРР (*линия* — 3 / 3 / 3), ВНР — *клетката* (6 / 3 / 3), НРВ (2 / 2 / 3), ВРН (*клетката* — 5 / 5 / 3). В восходящем конце — ВНН (*хората* — 5 / 4 / 4), НВВ (*имате* — 5 / 6 / 7), НВН (*хобота* — 3 / 4 — 3 / 2), в нисходящем конце — ВНН.

Временные показатели для этой структуры в начале ВНВ (*хората* — 95 / 55 / 80), в середине — ВНН (*шепата* — 50 / 35 / 25), ВНВ (*клетката* — 50 / 35 / 55), в обоих концах — НВВ. Таким образом, слабой позицией для выделения словесного ударения временными средствами и является конец фразы.

Мелодические показатели начала НВВ, середины — НВВ, ВНН, ВНВ, РРР, ВРН (т. е. ударный слог выделен лишь в части структур, примерно 60%), в восходящем конце — НРВ и НВР, т. е. ударный слог слова подавлен), в нисходящем конце — ВРН и ВНН (здесь словесная и фразовая тенденции совпадают).

Обобщенные показатели: начала — *ti*, *t*, середины — *fti*, *t*, конца нисх. — *i*, *fi*, восходящего — *t*, *ø*.

Структура — — —. Интенсивность начала ВНН, т. е. ударный слог не выделен, середина — НВН (ударный слог выделен), обоих типов конца — ВНН, т. е. ударный слог не выделен.

Таким образом, сильной позицией интенсивности для выделения словесного ударения оказывается середина фразы.

Временные характеристики выделяют ударение в начале фразы, отчасти в середине и в обоих концах (наряду со структурой ВНН).

Мелодические показатели выделяют начало и середину (в обоих типах концов преобладает ВНН).

Соответственно обобщенные характеристики начала — *ft*, середины *fti*, *f*, *t*, *i*. *ø*. Конец — *f*, *t*, *fti*.

На основании данных, полученных путем анализа предшествующих структур, оказывается возможным предсказать реализацию во фразе слов типа — — —. Очевидно, в начале это будет ВНВ, по интенсивности, в середине — ударный слог выделен и временем и интенсивностью, в конце восходящем — в ре менем и мелодикой, в нисходящем конце — в ре менем. См. действительно — *захартá* (i — начала 5 / 3 / 7—4, i конца нисх. 3 / 3 / 2—1; но t конца нисх.— 75 / 60 / 120).

Таким образом, оказывается, что разные акустические параметры по-разному выделяют различные по форме ритмические структуры на различных участках речевого отрезка. Покажем это в табличной форме, () — означают «в том числе и...», буква без скобок — «в основном».

Структура	Фразовая позиция			
	начало	середина	конец нисх.	конец восх.
— — —	i, t, f	(i), (t), (f)	i, (t), f	i, t, (f)
— — —	(i), t, f	(i), t f	t	(i), t, f
— — —	i	(i), t (f)	i f	(i)
— — —	t, f	i, (f), t	(t)	(t)
— — —	(i)	(i), (t)	t, f	t

Из показателей этой таблицы видно, что 1) более «надежно» выражается словесное ударение в двусложных, а не в трехсложных словах; 2) структуры — — и — — — сходны по типу реализации словесного ударения, а структура — — — сходна с — — —; 3) структура — — — самая слабая и уязвимая; 4) f и i чаще выступают совместно, а t — компенсаторное средство; 5) в передаче словесного болгарского ударения участвуют все анализировавшиеся акустические параметры¹⁸.

Таким образом, нельзя не согласиться с тем, что болгарское словесное ударение — «този сложен комплекс от фактори» и что «акустичният интензитет, разглеждан в рамките на изречението, е твърде непостоянна величина».¹⁹

¹⁸ Напомянем, что мы не анализировали качество звуков — см. роль качества в передаче русского ударения.

¹⁹ Б. Николов. За ролята на интензитета при възприемане на ударението в българския език. «Език и литература», 1972, ч. XXVII, кн. I, стр. 11—15.— В другой его статье (см. сноску 17) см. тезис о том, что «акцентуваността може да бъде резултат на различно съотношение между физическите качества интензитет, височина, тембр и квантитет, където интензитетът няма непременно решаваща роля» (стр. 22).

В многосложных словах интенсивность обычно не выделяла ударный слог слова кроме первого слога (см. данные слов разных ритмических структур: *слововете* — $\overline{7} / 4 / 5 / 2 / 2$; *исползуват* — $3,5 / \overline{4} / 4-6 / 5$; *училището* — $\overline{5} / 5 / 3 / 1,5 / 1$; *телефѐна* — $\overline{3} / 3 / \overline{2} / 3$; *камилѐта* — $4 / \overline{2} / \overline{2}-1 / 1$).

В разделе, посвященном македонскому языку, мы говорили еще об одном факторе, несомненно, оказывающем влияние на восприятие словесного ударения, но не отмеченного в формулах из-за несовершенства нашей нотации. Эта же особенность свойственна и болгарскому языку. Речь идет о переломе в движении тона, происходящий на ударном слоге, окруженном слогами монотонной мелодики (но ударный слог при этом не повышен). Например: *Слововете* ... ($\overline{150-180} / 250 / 250 / \underline{220}$...) *живеят в джунглите сред гѐсти гори* ($\overline{160-180} / 200 / 200$). *Потегли към клетката на лѐвовете* ($180 / \overline{180} / 180 / \underline{180-150} / 150 / 150 / 150$) и т. д.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Специфика интонационной системы предстает более отчетливо при типологическом сопоставлении отдельных фразово-интонационных систем. Каждое сопоставление языковых систем, как известно, направленно¹: 1) можно отнести факты одного языка к общему универсальному набору признаков, 2) можно стремиться разбить языковую семью на ряд непересекающихся типов, 3) можно вывести признаки, характеризующие всю данную совокупность языков, 4) можно определять место каждого языка и его специфику в рамках именно этого набора языков. В данной главе будет представлена попытка решения трех последних задач; универсальные различительные признаки — задача отдаленного будущего, в отличие от хотя бы приблизительного и первичного набора языковых сходств, названного нами универсальным интонационным слоем (см. главу вторую, стр. 67).

Общие характеристики фразовой интонации для славянской языковой семьи еще сформулированы не были. Поэтому несомненна пробность, экспериментальность предлагаемой ниже попытки.

Типологическое сопоставление фразово-интонационных данных строится следующим образом: сообщаются интонационные характеристики, свойственные всем славянским языкам, затем рассматриваются типы реализаций отдельных интонационных конструкций — с выведенными различительными признаками и инвентарем формальных средств. Далее происходит идентификация языков по более общим дифференциальным признакам, характеризующим фразово-интонационные системы в целом. Языки в соответствии с этими признаками классифицируются как более близкие и более далекие; на каждом этапе рассматриваются языковые сходства и расхождения. В заключение предлагается некоторая анкета-вопросник, по которой, как представляется, можно осуществить сбор материала по данным интонации того или иного славянского региона.

¹ См. об этом: *J. H. Greenberg. The typological method. «Current trends in linguistics», v. 11. The Hague-Paris, 1973, стр. 161.*

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Общие факты, отличающие фразовую интонацию всех рассмотренных славянских языков, — это как бы некий каркас, модифицируемый индивидуальными наслоениями. В данном случае общие характеристики — это не те универсальные интонационные факты, о которых мы сообщали выше, это как бы следующий слой признаков. Важно при этом установить — это признаки собственно славянские или нет.

Мелодика начального участка фразы, заканчивающегося каденциями, характеризуется начальным подъемом в зоне первого ударного слога; при этом если ударный слог открывает фразу, то на нем осуществляется мелодический подъем, а следующий слог будет расположен на уровне ударного; если же ударный слог не является начальным, то он занимает высокое положение, а модуляции тона в его пределах незначительны.

Каденционное понижение во всех славянских языках может быть выражено следующими факультативно варьирующимися реализациями²: 1) ударный слог может быть представлен либо резким понижением тона от уровня предударного, либо низким расположением ударного слога по сравнению с предударным слогом; 2) заударные слоги могут располагаться либо на нижнем уровне ударного, либо ниже ударного слога. При этом они могут быть на одной высоте, либо понижаться «лесенкой».

Все славянские языки знают тип восходящей мелодики с высоким ударным и падающими заударными и тип с низким положением ударного слога и восходящими заударными (различие определяется их функциональной нагрузкой).

Во всех славянских языках число мелодических фигур полукаденции больше числа мелодических фигур антикаденции³.

Местоименный вопрос имеет более цельную, глобальную структуру, без неопределенной середины, как во фразах с каденцией,

² Говоря о факультативности варьирования, мы понимаем, что более внимательное изучение повествовательного предложения, рассмотренного со всей спецификой синтаксиса устного высказывания, поможет выделить несколько типов внутри повествовательных фраз, семантика которых и определит выбор мелодической фигуры. См. у Д. Болинджера: «Интонация соответствует не утверждению как таковому, но разным его видам» (*D. L. Bolinger. Relative height. «Prosodic feature analysis», Ottawa, 1970, стр. 112.*)

³ В данном случае мы говорим о мелодических фигурах как моделях-рисунках, а не о количественных различиях одной модели, выполняющих функциональную нагрузку. Так, мера подъема конечного слога отличается полукаденцию от антикаденции в английском языке (*R. Rivara. Pour une description intégrée de l'intonation. «Linguistics», 1973, № 117, стр. 60.*), а сильное падение на заударных слогах — русский вопрос от вопроса в других языках (*J. Abe. Some remarks about the formulation of question tunes. «Acta Universitatis Carolinae, Philologica I, Phonetica pragensia. Praha, 1972, стр. 18.*) Именно количественное различие в степени тонального подъема несет смысловую характеристику в работе Д. Л. Болинджера (указ. соч.).

антикаденцией и полукаденцией. Он двуцентров: первый центр — это ударный слог вопросительного слова, второй — конечный ударный слог. Второй центр более продлен, чем первый. К вопросительному слову осуществляется значительный подъем мелодики и интенсивности.

Восклицательное предложение характеризуется более высоким основным тоном, повышенной интенсивностью, увеличенной длительностью и наличием некоторой дугообразной фигуры.

Акцентная линия фразы стремится к понижению, однако в зависимости от типа мелодического задания эта направленность может и не реализовываться.

Длительность имеет три сильных позиции: начало, ударный слог — носитель фразового или синтагматического ударения, абсолютно конечный слог. В средней части звучащего отрезка все слоги более кратки.

Слово (т. е. микрофраза) характеризуется сильной акцентной точкой — первый слог и сильной временной точкой — ударный и заударный конечные слоги ⁴.

Сила давления фразы на слово оказывается наиболее значительной в позиции фразового ударения. Это воздействие не нужно понимать как буквальное подавление; оно осуществляется при помощи достаточно сложного механизма. Например, ударный слог слова, ставшего носителем фразового ударения, не укорачивается, а продлевается. Напротив, интенсивность ударного слога, оказавшегося носителем фразового ударения, при нисходящей мелодике (каденции) будет более низкой, чем, например, интенсивность ударных слогов середины. Поэтому распределение *f*, *t*, *i* на протяжении фразы будет варьироваться по определенным законам.

Несомненна связь между типом фразовой интонации и конкретной просодией слов, наполняющих звучащий отрезок. Эта связь однотипна для всех исследованных языков. По общим типам этих закономерностей можно предсказать конкретный рисунок просодии данного отрезка. Например, о слове типа — — и слове типа — —, находящихся в конечной нисходящей позиции и под фразовым ударением, можно заранее сказать, что у слова — — длительности обоих слогов будут близки (будут представлены две сильные точки: ударный слог и абсолютно конечный слог), а у слова типа — — ударный слог будет значительно более продленным, чем предударный, и более продленным, чем ударный слог слова — — (так как две сильные временных точки совместились

⁴ Речь идет о собственно конкретной просодии слова, а не о просодических возможностях слова (или акцента), т. е. способности различать тип и место ударения разным числом комбинаций. Именно этим комбинаторным возможностям посвящена статья Г. Якобсона, рассмотревшего эти возможности для сербских и скандинавских акцентов (оставляя в стороне вопросы чисто фонетических совпадений, например с.-х. 1 и акцента 2). См.: G. Jakobsson. The prosodic pattern in isolated words in a slavic and a non-slavic language. «The Slavic Word», The Hague — Paris, 1972.

здесь в одном слоге). Так же можно предсказать, что линия интенсивности в обоих этих словах будет понижающейся, но для — — разрыв между интенсивностью первого и второго слогов будет больше, чем для — —, поскольку в первом случае самая пониженная точка фразы и безударность совпадают. Очевидно, что в начале звучащего отрезка мелодика ударного слога структуры — — будет восходящей, с отчетливым движением тона, а ударный слог структуры — — в начале отрезка будет сам занимать высокое положение, а движение тона на нем может быть незначительным.

Четко осознавая правила соотнесения сильных и слабых точек фразовой просодии, с одной стороны, и типа ритмической структуры слова — с другой, можно — в любом исследовании славянской интонации — отделить фразовую модель от словесного наполнения.

Признание определенной просодической структурированности славянской фразы и синтагмы имеет значение не только для теории фразовой интонации как таковой, но и для исследования других языковых явлений, в частности вопросов историко-лингвистического характера. А именно — работы по исторической акцентологии и по историческому синтаксису обычно строятся без учета фразово-интонационной структуры: синтаксис рассматривается как беззвучный факт, а слова — в изолированном, на самом деле не существующем состоянии.

Между тем при фиксированном порядке слов одни и те же классы (например, предикативные элементы)⁵ оказываются в одной и той же позиции во фразе — позиции исхода или начала и, подвергаясь регулярному и единообразному фразовому воздействию, могут предсказуемым образом модифицировать свой облик в каждой из фразовых позиций.

Точно так же в тех исследованиях, где модификации словесных акцентов как будто бы рассматриваются во фразе, на самом деле фразовым окружением считаются лишь соседящие проклитики и энклитики, а слова, подлежащие анализу, не изучаются в их фразовом положении; экспериментальные исследования, описанные в гл. 3, демонстрируют, что для анализа модификации просодии слова важно знать следующие характеристики исследуемых слов:

- 1) находятся ли они под фразовым ударением или нет;
- 2) на какой тип мелодики они ложатся — восходящий или нисходящий;
- 3) где они располагаются: в начале, середине или конце отрезка (причем существенно, есть ли у них постоянное синтаксическое место или они вводятся в высказывание свободно).

⁵ См. о фиксированности синтаксической позиции отдельных классов слов в индоевропейском предложении и о связанных с этим проблемах акцентологии: В. В. Иванов. Общинеоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 185—256.

ХАРАКТЕРИСТИКИ СОПОСТАВЛЕНИЯ

В главе второй указывалось на те особенности интонационного исследования, которые а priori препятствуют уверенности в получении объективных типологических данных. Наша цель была следующей:

1) показать, насколько возможно, трудность получения объективных по интерпретации данных из непосредственных фактов слухового или инструментального анализа, наивность веры в возможность непредвзятого описания без продуманной программы;

2) представить хотя бы в первом приближении некоторую общую модель сопоставления фразово-интонационных систем группы родственных языков, отчетливо при этом осознавая, что многие фактические детали и обобщающие наблюдения будут впоследствии опровергнуты или уточнены. По нашему мнению, данные О. Брока и сейчас, спустя почти три четверти века, выполняют именно эту задачу — служить исходной точкой сопоставления собственных данных.

Мы уже ссылались ранее на мысль Ф. Данеша о том, что при сопоставлении интонационных систем важны именно фонетические, внешние, а не структурные, функциональные отличия. Эта же идея повторяется (на 16 лет позже) у Р. Колье: «Направление, искавшее структурные характеристики интонации типов предложений, пренебрегало недистинктивными чертами мелодики, даже если они преобладали количественно и были ведущей фонетической чертой, характеризующей отдельные языки»⁶. Сходные проблемы возникают при описании и сопоставлении любых знаковых систем — отнюдь не только интонационных и даже неязыковых вообще. Так, Ю. М. Лотман, говоря о системных и внесистемных признаках каждого типа культуры, указывает на то, что именно эти побочные, внесистемные явления оказываются значимыми при переходе к другому культурному типу⁷.

Но и сам отбор этих «фонетических» признаков сложен не только из-за постоянно существующей опасности пропустить, не увидеть и не осознать то или иное языковое различие, но и из-за предельности для исследователя степени тонкости (*delicacy*) описания: накладывая на изначально градуальные интонационные факты сетку дискретных обозначений, исследователь должен быть готов к тому, что в разные группы могут попасть почти неотличимые явления (например, ровный тон или повышающийся)⁸ и что существенные типологические признаки могут быть упущены.

Дж. Гринберг обратил внимание на то обстоятельство, что сама попытка свести полученные данные к типологической схеме выяв-

⁶ R. Collier. Intonation from a structural linguistic viewpoint: a criticism. «Linguistics», 1974, № 129, стр. 7.

⁷ Ю. М. Лотман. Динамическая модель семиотической системы. М., 1974, стр. 5—12.

⁸ См., например, противопоставление у И. Абе rising/raised слог в вопросе, которое многие исследователи не делают (I. Abe. Указ. соч., стр. 18).

ляет непредвиденные лингвистические факты, которые заставляют пересмотреть принятую ранее теорию⁹. И в этом полезность типологических сопоставлений.

В последнее время модель интонационной типологии была предложена М. Ромпортлом, выделившим 4 интонологических типа: 1) языки, в которых интонологическая характеристика есть свойство слога; 2) языки, где интонологически характеризуются слова; 3) языки, в которых интонологические средства функционируют в сфере предложения; 4) языки с лингвистически незначимой интонацией. Однако в последнем случае, как справедливо указывает М. Ромпортл, такое мнение может основываться на отсутствии систематических и методически продуманных исследований¹⁰.

Результаты экспериментальных интонационных данных, характеризующих отдельные славянские языки (см. очерки в гл. 3), были обобщены нами в виде некоторого вопросника-анкеты, которая и помещается ниже целиком, в частности, и как попытка указать некоторые пути поиска формальных интонационных данных исследователям-славистам, занимающимся славянской диалектологией, в руки которых при записи говора попадает множество обычно неинтерпретирующихся далее интонационных данных.

Сопоставление описанных выше славянских языков проводится как ответ на эту анкету, с некоторым обобщением общего числа вопросов.

АНКЕТА.

ОПИСАНИЕ ИНТОНАЦИИ

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ

МЕЛОДИЧЕСКОГО ПАРАМЕТРА ФРАЗЫ:

А. Н и с х о д я щ а я м е л о д и к а (конечная часть повествовательного высказывания):

1. Наблюдается ли повышение тона в первом предударном слоге по сравнению со вторым предударным слогом?

2. Есть ли повышение тона в самом ударном слоге?

Если есть, то где именно: на границе предударного и ударного слогов, в центре ударного слога, на границе ударного и заударного слогов?

3. Возможно ли повышение тона в конечных заударных слогах?

Б. М е л о д и к а в о п р о с а с в о п р о с и т е л ь н ы м с л о в о м:

1. Наблюдается ли конечный подъем в вопросах такого типа?

Где он реализуется: в последнем ударном слоге и/или в конечных заударных слогах?

⁹ J. H. Greenberg. Указ. соч.

¹⁰ M. Romportl. Intonological typology. — В кн.: M. Romportl. Studies in phonetics. Prague, 1973.

2. В случае отсутствия этого подъема происходит ли плавное понижение тона от начала до конца или на последнем ударном слоге происходит резкий перепад мелодики?

3. Как осуществляется начальный подъем тона:

1) самая высокая точка — это абсолютное начало?

2) подъем тона идет к вопросительному слову?

3) подъем тона ведется к ударному слогу вопросительного слова?

4) подъем тона идет к какому-то слогу высказывания (например, ко второму), какая бы лексема на нем ни реализовалась?

В. Мелодика восклицания:

1. Отмечается ли в таких высказываниях некая дугообразная фигура

2. Если да, то как она реализуется:

а) на ударном слоге главноударного слова?

б) на всем этом слове?

в) на всей фразе в целом?

г) просто в центре фразы?

д) таких фигур — одна или несколько?

Г. Мелодика вопроса с А?

1. Как завершается вопрос с А — повышением или понижением тона (если есть заударные слоги)?

2. Есть ли подъем на начальном А с последующим понижением?

3. Как расположен ударный слог — выше предударного, ниже или на одном уровне с ним?

Д. Собственно восходящая мелодика (общий вопрос, переспрос, незавершенность):

1. Сколько фигур восходящей мелодики можно выделить, исходя из комбинаций следующих признаков:

а) положения ударного слога по отношению к предударному и заударным;

б) повышения — понижения — ровности заударных слогов;

в) резкости / нерезкости движения тона в ударных и заударных слогах.

2. Различаются ли эти фигуры для общего вопроса (*Он понял?*) и незавершенности (*Он понял, что было уже поздно?*).

3. Если они не различаются по рисунку, то есть ли отличия в числе этих фигур (например, для незавершенности число фигур больше, чем для общего вопроса)?

4. Где наблюдается резкое восхождение: в ударном слоге и/или в заударном слоге? Важен абсолютно последний слог.

5. Если после ударного слога наступает понижение, то где оно начинается: в непосредственно заударном слоге или во втором (третьем) заударном?

6. Происходит ли повышение тона обязательно в конце фразы или эта фигура может перемещаться к началу?

7. Если такой сдвиг происходит, то имеет ли место второе повышение или в конце или в конце мелодика понижается?

8. Есть ли особая мелодика в переспросе, исходя из условий п. 1?

9. Есть ли особая мелодика при перечислении?

10. Каков набор мелодических фигур-синонимов?

Е. Общая оформленность фразы:

1. Как оформлено начало фразы — подъемом или нет?

Если подъем, то как он осуществляется:

1) к первому слогу?

2) ко второму слогу?

3) к первому ударному слогу?

2. Как распределяется информация о типе фразы — по ударным слогам или существенным и безударным слогам?

3. Ударные слоги монотонны?

4. Безударные слоги монотонны?

ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ НЕМЕЛОДИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ:

А. Длительность:

1. Существенно отношение трех слогов: первого ударного слога, последнего ударного слога и абсолютно конечного заударного. Как они соотносятся по длительности:

а) при нисходящей мелодике?

б) при восходящей мелодике?

Есть ли здесь какое-либо различие?

2. Сильно ли сокращены ударные слоги в середине фразы или синтагмы (это определяется посредством фраз, где одно и то же слово помещается в разные фразовые позиции)?

3. Сколько временных центров:

а) в вопросе с вопросительным словом?

б) в общем вопросе с центром, сдвинутым к началу?

в) в восклицании?

Как соотносятся эти центры?

4. Может ли деформироваться ритмика слова во фразе (например, предударный или заударный будет длительнее ударного)¹¹. На каких участках фразы это происходит: начало, середина, конец?

5. Какова семантика сверхсильного продления какого-либо слова во фразе?

6. Сильно ли деформируется (сокращается) слово при особой смысловой установке?

Б. Интенсивность.

1. Понижается или повышается линия интенсивности к концу при восходящей мелодике?

2. Наблюдается ли при восходящей мелодике некая дуга, при которой ударный слог оказывается самым низким?

3. Какова семантика усиления интенсивности слова во фразе?

¹¹ Для языков, где нет фонологической долготы.

ФАКТЫ ПРОСОДИИ СЛОВ
(ДЛЯ НЕТОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ)

1. Фиксировано ли место ударения в данном языке?
2. Есть ли в данном языке фонологическая неударная долгота?
3. Чем (преимущественно!) выражается словесное ударение в данном языке?
4. Происходит ли компенсаторная замена показателей ударения на разных фразовых позициях: начало, середина, конец восходящий или конец нисходящий?

Или ударение всегда выражается единообразно?

5. Имеет ли место сближение по интенсивности двух первых слогов трехсложного слова?

6. В двухсложных словах типа — —́, трехсложных словах типа — —́ —́, четырехсложных типа — —́ —́ —́, — — —́ —́ как соотносятся интенсивность первого и ударного слогов?

7. В двухсложных словах типа —́ —́, трехсложных типа —́ —́ —́, четырехсложных типа —́ —́ —́ —́, —́ —́ —́ —́, как соотносится длительность ударного и конечного слогов?

8. Как выражается словесное ударение слов структуры — —́ —́?

9. Сильно ли в данном языке фразовая просодия подавляет словесную? Это можно определить следующими проверками-вопросами:

1) сохраняется ли выделение ударения частотой и интенсивностью в нисходящем конце у структур типа — —́, — — —́;

2) сохраняется ли выделение ударения частотой в восходящем конце у структур типа —́ —́, —́ —́ —́ (у языков с восходящей до конца мелодикой);

3) сохраняют ли слова свою структуру во фразе, а именно:

а) много ли нулевых показателей ударения слов во фразе (если учитывать параметры f , t , i);

б) есть ли структуры ВНВ для (—́ —́ —́) и НВВ для (—́ —́ —́) в середине и начале фразы;

в) есть ли структуры интенсивности ВНИ для типов —́ —́ —́ и ВН для —́ —́ —́ на всем протяжении фразы?

4. Сильно ли структурирована фраза по длительности (см. выше «Длительность»).

5. Сильно ли структурирована фраза по интенсивности (т. е. насколько нарушается пирамидами словесных ударений общая линия фразы)?

*Характеристика славянских языков
по типу нисходящей мелодики*

1. Наблюдается ли предупредительное повышение:

Да — русский, украинский, белорусский, чешский, польский, болгарский.

Нет — словацкий, словенский, сербохорватский, македонский.

2. Наблюдается ли заударное повышение:

Да — русский, белорусский, украинский, сербохорватский, словенский¹².

Нет — чешский, польский, словацкий, македонский, болгарский.

3. Наблюдается ли повышение тона в ударном слоге:

Да — белорусский, украинский, словацкий, македонский, болгарский.

Нет — русский, чешский, польский (с.-х. и словенский вне этой характеристики).

Характеристика славянских языков

по мелодическому решению местоименного вопроса (Кто пришел?)

1. Наблюдается ли конечный подъем мелодики?—

Да — белорусский, украинский, польский, словацкий, болгарский.

Нет — русский, чешский, словенский, сербохорватский, македонский.

2. Подъем в начале идет обязательно к ударному слогу вопросительного слова?

Да — русский, белорусский, украинский, словенский, македонский, сербохорватский, болгарский.

Нет — польский, чешский, словацкий.

Характеристика славянских языков

по типу восклицательных предложений

1. Наблюдается ли в таких предложениях один дугообразный центр?

Да — русский, белорусский, украинский, польский, чешский, словенский, сербохорватский.

Нет — македонский, болгарский, словацкий.

2. Связан ли этот один центр с фиксированным словом?

Да — русский, белорусский, украинский, словенский, сербохорватский.

Нет — польский, чешский.

Итак, было перечислено 7 признаков. Представим полученные данные в виде таблицы, где указано, сколько общих признаков связывает каждую пару языков¹³.

¹² В последних двух языках это повышение возникает при заданном типе словесного акцента.

¹³ Эта форма представления данных применена М. И. Лекомцевой для описания типологии слога в славянских языках (*М. И. Лекомцева. Типология структур слога в славянских языках. М., 1968, стр. 199*).

	Р	У	Бел	П	Ч	Слвц	Слвн	С-х	М	Блг
Р		5	5	3	4	0	5	5	2	2
У	5		7	3	2	2	3	4	2	4
Бел	5	7		2	2	2	4	4	2	4
П	3	3	2		6	3	1	1	1	3
Ч	4	2	2	6		2	2	2	2	2
Слвц	0	2	2	3	2		1	1	4	4
Слвн	5	3	4	1	2	1		7	3	1
С-х	5	4	4	1	2	1	7		3	1
М	2	2	2	1	2	4	3	3		4
Блг	2	4	4	3	2	4	1	1	4	

Данные этой таблицы демонстрируют следующее:

1) группа восточнославянских языков ближе всего друг к другу: среднее число близких признаков — 5,7;

у западных славян — 3,3 (обособляется словацкий);

у южных славян — 3,7;

2) восточнославянские языки по этим показателям ближе к южнославянским, чем к западнославянским (среди южных — к сербскому и словенскому);

3) самые близкие (до косой черты) и самые далекие (после косой черты) языки для:

русского — украинский и белорусский / словацкий

украинского — русский / чешский, словацкий македонский, болгарский

белорусский — украинский / польский, чешский, словацкий, македонский

польский — чешский / словенский, сербский, македонский

чешский — польский / болгарский

словацкий — болгарский / русский

словенский — сербский / польский, словацкий

сербский — словенский / польский, словацкий

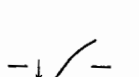
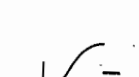
македонский — болгарский / польский

болгарский — македонский и словацкий / русский и чешский.

Некоторые данные исследователю других уровней могут показаться невероятными. Например, небольшая близость польского, украинского и белорусского языков. Однако если отвлечься даже от этих узких характеристик, ясно, что певучий, темпорально-ориентированный украинский, сильно выражающий ударение интенсивностью белорусский и резко мелодический польский — языки разных типов. Также отличаются слабоударный мелодический чешский и сильноударный акцентный словацкий.

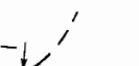
*Характеристика славянских языков
по типу восходящей мелодики*

1. Славянские языки знают следующие фигуры (см. сноску 12):

- 1) — чешский, болгарский, русский (для полукаденции);
- 2) — русский, словацкий, сербский, украинский, македонский (для полукаденции);
- 3) — украинский (вопрос с А); белорусский (полукаденция);
- 4) — русский, украинский, белорусский, чешский, польский, словацкий, сербохорватский, македонский, болгарский.

Распределение:

- полукаденция — русский, украинский, белорусский, польский, словацкий, македонский, болгарский, сербский;
антикаденция — русский, белорусский, украинский, македонский, болгарский;
вопрос с А — украинский, македонский;
переспрос — польский;

- 5) — русский, белорусский, украинский, польский, чешский, словацкий, сербский, словенский, болгарский, македонский.

Распределение:

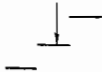
- полукаденция — чешский, польский, словацкий, словенский, болгарский;
антикаденция — польский, словацкий, чешский, словенский,
вопрос с А — украинский, русский, белорусский, польский, сербский;
переспрос — русский, украинский, белорусский, польский, македонский, болгарский;

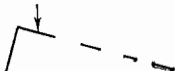
- 6) — сербский, македонский, украинский, болгарский, чешский, словацкий.

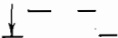
Распределение:

- полукаденция — македонский, сербский;
антикаденция — украинский, сербский, болгарский;
вопрос с А — чешский;
переспрос — македонский;

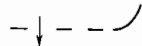
Перечисление — словацкий;

7) — польский, украинский, словацкий, словенский, сербский, болгарский (полукаденция);

8) — белорусский, украинский (вопрос с А);

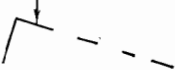

9) — чешский (полукаденция). Возможно, вариант 6;

10) — чешский, словацкий (антикаденция);

11) — чешский (полукаденция).

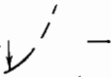

Таким образом, выделяются фигуры, известные всем языкам, многофункциональные и однофункциональные.

Далее, есть фигуры, присущие языкам только одной группы:

 — белорусский, украинский, и — чешский, словацкий.

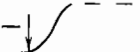
Итак, инвентарь фигур во многом совпадает, но они отличаются в ряде случаев по функции.

Особенно явно противопоставлены функционально две основные фигуры. Они как бы разбивают славянские языки на две группы

— западные и восточно-южные. Для западных — — это антикаденция, для двух других — переспрос, вопрос с А; для западных — переспрос, вопрос с А, для восточных и южных — антикаденция (см. сноску 12).

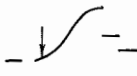

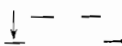

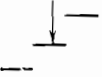
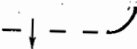
2. Посмотрим теперь на набор типов восходящей мелодики со стороны функции (ответ на пункты анкеты 2, 3, 8, 10). Какими фигурами выражается каждая интонационная категория?

Полукаденция:

1) — (чешский, болгарский, русский);

2) — (русский, украинский, словацкий, македонский, сербский);

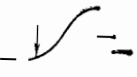

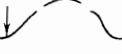

3) — (украинский, белорусский);

- 4) — (русский, украинский, белорусский, польский, словацкий, сербский, болгарский, македонский, словенский);
- 5) — (чешский, польский, словацкий, словенский, болгарский);
- 6) — (чешский);
- 7) — (сербский, македонский, словацкий);
- 8) — (польский, украинский, сербский, словенский, словацкий, болгарский);
- 9) — (чешский).

Число возможных синонимов (по языкам):

русский — 3; украинский — 4; белорусский — 2; польский — 3; чешский — 4; словацкий — 5; словенский — 3; сербский — 4; македонский — 3; болгарский — 4.

Антикаденция:

- 1) — (русский, белорусский, украинский, сербский, македонский, болгарский);
- 2) — (польский, словацкий, чешский, словенский);
- 3) — (украинский, сербский, болгарский);
- 4) — (чешский, словацкий).

Число возможных синонимов:

русский — 1; белорусский — 1; сербский — 2; украинский — 2; польский — 1; чешский — 2; словацкий — 2; македонский — 1; словенский — 1; болгарский — 2.

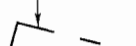
Таким образом:

1) набор фигур для полукаденции и антикаденции отличается: 9 и 4 фигуры;

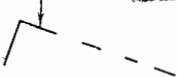
2) ряд фигур не совпадает;

3) для всех языков число синонимов в полукаденции значительно превышает число синонимов в антикаденции (в ряде языков известен лишь один вариант антикаденции).

Вопрос с А:

- 1) — (украинский, македонский);
- 2) — (украинский, русский, белорусский, польский, сербский);
- 3) — (чешский);
- 4) — (украинский, белорусский).

Таким образом:

1) фигура используется только для этой конструкции;

2) в чешском языке эта категория отмечается выступающей лишь в этой функции фигурой ;

3) в восточнославянских языках фигура , ранее зафиксированная для антикаденции и полукаденции, связывается с этой конструкцией;

4) наибольшее число синонимов знает именно украинский язык (3).

Особые вопросы для восходящей мелодики из анкеты:

1. Наблюдается ли сдвиг центра к началу как характерное явление?

Да — белорусский, русский, украинский, сербский, македонский, болгарский.

Нет — чешский, польский, словацкий, словенский.

2. Наблюдается ли при таком сдвиге в этих языках вторичное повышение в конце?

Да — белорусский, болгарский.

Нет — русский, украинский, сербский.

3. Особая мелодика перечисления отмечена нами лишь для словацкого языка.

4. Резкое повышение в последнем слоге (заударном) отмечено в польском, чешском языках и словенском.

Из всего количества сведений, перечисленных выше для восходящей мелодики, нами было отобрано 7 признаков, выбранных в качестве различительных:

1. Предпочитается ли фигура для антикаденции?

Да — польский, чешский, словенский, словацкий ¹⁴

2. Известна ли фигура $\downarrow \sim \sim ?$

Да — украинский, болгарский, македонский, сербский, чешский, словацкий.

3. Употребляется ли активно фигура $\downarrow \text{—} ?$

Да — польский, словацкий, словенский, болгарский, украинский, сербский.

4. Знает ли данный язык раритетные мелодические фигуры?

Да — польский, чешский, словацкий, македонский, болгарский.

5. Характерен ли сдвиг мелодического центра? —

Да — русский, украинский, белорусский, македонский, болгарский.

6. Наблюдается ли резкое повышение в конце антикаденции?

Да — польский, (чешский), словенский.

7. Представлена ли фигура с ровными монотонными слогами в полукаденции?

Да — чешский, словацкий, сербский, македонский, болгарский, русский, украинский.

На основании этих данных также составлена таблица попарных сходжений:

	Р	У	Б	П	Ч	Слвц	Слвн	С-х	М	Блг
Р		5	5	1	1	1	2	4	5	5
У	5		3	1	1	4	1	7	5	7
Б	5	3		3	2	3	2	3	5	3
П	1	1	3		4	4	6	1	1	1
Ч	1	1	2	4		5	3	2	3	3
Слвц	1	4	3	4	5		3	4	3	3
Слвн	2	1	2	6	3	3		2	0	1
С-х	4	7	3	1	2	4	2		5	6
М	5	5	5	1	3	3	0	5		5
Блг	5	7	3	1	3	3	1	6	5	

По этим признакам мы видим: (см. табл.):

1) восточнославянские языки близки к южнославянским, а не западнославянским;

2) по сравнению с предыдущей таблицей видна следующая тенденция: два языка как бы тяготеют к западной группе — бе-

¹⁴ В дальнейшем опускаем «нет», означающее «остальные».

лорусский и особенно отчетливо — словенский, который обнаруживает минимальные схождения именно с южнославянской группой (см. противоположные его контакты в предыдущей таблице);

3) намечаются «внегрупповые» схождения: украинский — сербохорватский и болгарский, польский — словенский;

4) самые близкие и самые далекие языки:

Русский — украинский, белорусский, македонский, болгарский / польский, чешский, словацкий.

Украинский — сербский, болгарский / польский, чешский, словенский.

Белорусский — русский, македонский / чешский, словенский.

Польский — словенский / русский, украинский, сербский, македонский, болгарский.

Чешский — словацкий / русский, украинский.

Словацкий — чешский / русский.

Словенский — польский / македонский.

Сербский — украинский / польский.

Македонский — болгарский, сербский, русский, украинский, белорусский / польский.

Болгарский — украинский / польский, словенский.

*Сведения по нефункциональной мелодике,
немелодическим параметрам и фактам просодии слова*

1. Продлен ли абсолютно конечный слог по сравнению с последним ударным слогом?

Да — украинский, польский, словацкий, чешский.

Нет — русский, белорусский, словенский, сербский, македонский, болгарский.

2. Продленность последнего слога сильнее при восходящей мелодике?

Да — чешский, польский, болгарский.

Нет — украинский, словацкий.

3. Отмечается ли акцентная дуга при восходящей мелодике?

Да — чешский, польский, словенский, сербский.

Нет — русский, украинский, белорусский, македонский, болгарский, словацкий.

4. Монотонны ли ударные слоги?

Да — чешский, словацкий, украинский, македонский, болгарский.

Нет — русский, польский, белорусский, словенский, сербский.

5. Словесное ударение скорее динамическое?

Да — белорусский, словацкий, македонский.

Нет — русский, болгарский, украинский, чешский, польский, словенский, сербский.

6. Наблюдается ли тенденция к повышению двух первых слогов в трехсложном слове?

Да — русский, чешский, белорусский, польский, словацкий, украинский, болгарский, македонский.

Нет — сербский, словенский.

Представляем таблицу попарных схождений:

	Р	У	Б	П	Ч	Слвц	Слвн	С-х	М	Блг
Р		4	5	3	2	2	3	3	3	4
У	4		2	3	4	5	1	1	3	5
Б	5	2		3	2	3	2	2	4	3
П	3	3	3		5	2	3	3	1	2
Ч	2	4	2	5		3	2	2	2	3
Слвц	2	5	3	2	3		0	0	4	4
Слвн	3	1	2	3	2	0		5	1	2
С-х	3	1	2	3	2	0	5		1	2
М	3	3	4	1	2	4	1	1		5
Блг	4	5	3	2	3	4	2	2	5	

Эта таблица показывает:

1) группа южнославянских языков отчетливо расщепляется на две малосвязанные — сербско-словенская и македонско-болгарская;

2) нет, по сравнению с двумя другими таблицами, четного деления на языковые группы, а намечаются как бы отдельные попарные языковые сближения, а именно:

русский — белорусский;

украинский — болгарский и словацкий;

белорусский — русский;

польский — чешский;

чешский — польский;

словацкий — украинский;

словенский — сербский;

македонский — болгарский;

болгарский — украинский, македонский.

Данные, полученные по этим нефункциональным признакам, трудно поместить в столь географически четкие зоны, как это сделано П. Ивичем¹⁵, очертившим географические зоны «количества», фонологической долготы, зоны разноместного ударения и зоны того и другого.

Последняя группа признаков относится к проблеме определения силы / слабости словесной просодии, силы / слабости фразо-

¹⁵ P. Ivić. Sur les affinités phonologiques des langues et des dialectes sur les côtes septentrionales de la Méditerranée. «Bolletino dell'atlante linguistico mediterraneo», 1966—1967, № 8—9.

вой просодии, а также степени ее воздействия на словесную (вопросы 1Е2, 1А2, 1А4, 1А5, 1Б1, 1Б3, 1Ш4, 1Ш6, 1Ш7, 1Ш8, 1Ш9).

В соответствии с этим различаются следующие вопросы-характеристики:

1. Сильна ли фразовая просодия в данном языке?

Да — русский, украинский, польский, словенский, сербский, болгарский.

Нет — белорусский, чешский, словацкий, македонский.

2. Сильна ли тенденция к выделению ударного слога слова?

Да — белорусский, словацкий, словенский, сербский, македонский.

Нет — русский, украинский, польский, чешский, болгарский.

3. Можно ли говорить о пословном произнесении фразы?

Да — словацкий, македонский, белорусский.

Нет — русский, украинский, польский, чешский, словенский, сербский, болгарский.

4. Распределена фразовая интонация по ударным слогам (или существенны и безударные)?

Да — русский, белорусский, сербский, македонский.

Нет — украинский, польский, чешский, словацкий, словенский, болгарский.

5. Сильно ли структурирована длительность?

Да — русский, словацкий, словенский, сербский, украинский.

Нет — белорусский, польский, чешский, македонский, болгарский.

6. Возможна ли смысловая «сжимаемость фразы»?

Да — русский.

Нет — белорусский, украинский, польский, чешский, словацкий, словенский, сербский, македонский, болгарский.

Составляем таблицу попарных соответствий:

	Р	У	В	Ч	П	Слвц	Слвн	С-х	М	Блг
Р		4	2	2	3	1	3	4	1	3
У	4		1	4	5	3	5	4	1	5
В	2	1		3	2	4	2	3	6	2
Ч	2	4	3		4	3	3	2	3	4
П	3	5	2	4		2	4	4	2	6
Слвц	1	3	4	3	2		4	3	3	2
Слвн	3	5	2	3	4	4		4	2	4
С-х	4	4	3	2	4	3	4		3	3
М	1	1	6	3	2	3	2	3		2
Блг	3	5	2	4	6	2	4	3	2	

Неожиданные, судя по результатам предыдущих таблиц, схождения языков объясняются новым подходом к их классификации, скорее функциональным, чем фонетическим. А именно — языки делятся и группируются по тому, насколько сильна в них фразовая интонация, сильна тенденция к ударению слова.

Поэтому оказываются близкими белорусский и македонский, далекими украинский и белорусский, македонский и болгарский. Таким образом, последняя таблица не сопоставляется с тремя первыми: результаты первых трех таблиц говорят об ареально-генетической близости языков, результат последней — о роли интонации при выборе коммуникативных средств.

* * *

По предлагаемым данным, как представляется, можно сделать более широкие выводы-гипотезы.

1. Наблюдения над включенностью слова во фразовую интонацию в том или ином языке показывают, что можно говорить о языках, в которых слова нанизываются, как бусины, на линию фразовой интонации, мало при этом модифицируясь. Напротив, в других языках слова как бы растворяются во фразово-интонационных единицах, подчиняясь им. Из славянских языков ближе всего к последней ситуации именно русский язык. Эта оппозиция — оппозиция слабости / силы воздействия фразовой интонации на словесную и вытекающее из этих данных противопоставление силы и слабости фразовой интонации в данном языке — фактор, на котором мы хотим остановиться подробнее. А именно, если обратиться к самым элементарным положениям исторической фонетики и исторической акцентологии с точки зрения законов современной русской звучащей фразы и вспомнить тот факт, что и в древности говорили не пословно, а связно, и изолированные слова всегда были фикцией, то ряд этих неоспоримых фактов покажется небесспорным. Прежде всего — это количественные характеристики типа многочисленных «компенсаторных продлений» и т. п. При посинтагменном решении фразы многие из этих процессов не осуществились бы или осуществились бы иначе.

Однако и другие факты истории языка подтверждают данные исторической фонетики. Естественно вытекающим отсюда решением вопроса будет принятие тезиса о пословном интонационном решении в славянских языках древней поры.

Подтверждением этого могут служить и свидетельства неинтонационного свойства. Возвращаясь к положениям, высказанным в главе первой (стр. 30), мы видим, что фразовая интонация включается в систему текстовых средств, объединяющих в себе три совокупности величин: 1) интонацию, 2) тектонические средства, порядок элементов, 3) эксплицитные сегментные средства — в частности, частицы. В первой главе говорилось также о том, что эти средства могут, выполняя смысловые функции, быть в компенсаторных отношениях.

Действительно, если мы обратимся к тенденциям современного русского языка, то отметим: 1) во-первых, сильное увеличение роли начала высказывания (вынос именительного темы, подчеркивание местоименной репризой, частая инверсия, усиление выраженного актуального членения и т. д.), 2) во-вторых, большую подавляющую силу фразовой интонации в ее воздействии на слово; 3) в-третьих, разделяя частицы на актуализаторы слова и актуализаторы предложения, мы видим, что в литературном русском языке количество частиц-актуализаторов предложения значительно меньше, чем в древнерусском языке¹⁶.

Таким образом, можно представить себе как гипотезу идею о том, что существует ряд связанных пучков-признаков, характеризующих два типа языков.

Тип 1

1. Интонация распределяется пословно.
2. Порядок слов жесткий.
3. Семантически усилен конец.
4. Обязательны или часты частицы-актуализаторы предложения.

Тип 2

1. Интонация не пословна (слово в сильной степени подчинено высшей просодической единице).
2. Порядок слов более гибкий¹⁷.
3. Семантически усилено начало.
4. Частицы-актуализаторы предложения мало представлены.

Представляется, что первый тип — это языки древние, или архаизированные, а также языки с менее разветвленной литературной традицией¹⁸. Таким образом, получается, что древнерусский язык и современный русский литературный язык по этим признакам группируются по-разному.

Как уже говорилось, текстовые средства реализуются там, где есть выбор, где есть употребление. Именно история литературного языка есть проблема развития системы выборов со все более четким осознанием смысловых возможностей реализации той или иной единицы из числа употреблений, подлежащих выбору, и развитием умения пользоваться этими возможностями выбора.

Таким образом, за такой общей идеей, как понятие сила / слабость фразовой интонации, стоит мысль о большей или меньшей

¹⁶ Насколько нам удалось заметить, почти каждое предложение в древнерусских текстах вводится частицей-актуализатором. Это обычно две частицы: *и* — относимое к глаголу и *же* — вводящее существительное; таким образом, *и* часто является и показателем инверсии.

¹⁷ Под более гибким порядком можно понимать и разные тонкости тектоники, необязательно свободу порядка слов, как в русском языке.

¹⁸ Заранее предвидя возражения, считаем нужным сказать, что в этот первый тип парадоксальным образом входит немецкий язык.

грамматикализованности интонационных фигур. Там, где они четки, интонация «сильно» подавляет просодию слова, обеспечивая точность восприятия и интерпретации. При наличии сильнодействующей суперсегментной системы меньшая нагрузка падает на сегментные речевые средства (и наоборот). Таким образом, принцип компенсационной замены А. М. Пешковского, понимаемый с достаточной степенью широты, может быть применен как один из типологических критериев.

2. Толкование полученных славянских данных будет более глубоко, если привлечь для сопоставления интонационные данные неславянских языков. При этом можно идти двумя путями: 1) собственно типологическим, сравнивая славянские данные и данные языков (или языка) другого типологического склада, языка, достаточно хорошо описанного, например английского. При этом конечным результатом будет более успешное отделение универсально-интонационных фактов от фактов конкретно-языковых; 2) ареально-типологическим путем, когда существенно сопоставить данные некоторого замкнутого локала с данными языков непосредственного окружения.

Для настоящей работы подбирались факты именно этого второго типа. Однако прежде чем приступить к их непосредственной интерпретации, необходимо сделать ряд существенных оговорок.

Во-первых, само состояние интонологической теории не позволяет в настоящее время делать какие-либо выводы исторического характера — крайне важные при таком сопоставлении. Мы не располагаем методами, дающими возможность определить время и тип языкового взаимовлияния (существенные, например, при изучении славяно-тюркских контактов).

Поэтому, не будучи в состоянии строить хоть сколько-нибудь фундированные гипотезы исторического характера, мы вынуждены ограничиться чистой констатацией непосредственных фактов сегодняшнего дня.

Во-вторых, неединообразность и фрагментарность большинства интонационных описаний (в том числе и по интересующим нас языкам) дает возможность лишь некоторых сопоставлений.

Мы пользовались фактами лишь следующих языков: немецкого¹⁹, итальянского²⁰, идиш²¹, румынского²², новогреческо-

¹⁹ Интонация немецкого языка наиболее полно изложена в кн.: М. Г. Кравченко и др. Ударение и интонация в немецком языке. Л., 1974.

²⁰ М. Chapallaz. Notes on the intonation of questions in Italian. «In honour of D. Jones». London, 1964; Он же. Notes on Italian intonation. «Le maître phonétique», 1960, № 113; Он же. Further notes on Italian intonation. «Le maître phonétique», 1962, № 117.

²¹ U. Weinreich. Notes on the Jiddish rise-fall intonation contour. «For Roman Jakobson». The Hague, 1956.

²² A. Rocerie, S. Golopenția. Observații asupra intonației în limba română. «Studii și cercetări lingvistice», 1961, t. XII, № 1; L. Dascalu. Observații asupra raportului dintre lungimea și intonația frazelor interogative. «Studii și cercetări lingvistice», 1969, № 6.

го²³, эстонского²⁴, остякского, латышского, литовского, узбекского, татарского, казахского, уйгурского, якутского, туркменского, азербайджанского, алтайских (в целом)²⁵.

Сопоставлялись ответы на следующие вопросы:

1. Наблюдается ли подъем к концу вопроса с вопросительным словом?

2. Наблюдается ли фигура при восходящей мелодике при общем вопросе?

3. Кончается ли общий вопрос обязательным конечным повышением?

4. Релевантна ли при восходящей мелодике информация в заударных слогах или существенна мелодика ударного слога.

5. Наблюдается ли конечное повышение в переспросе?

Рассмотрим полученные данные.

1. Подъем к концу местоименного вопроса из славянских языков знают белорусский, украинский, польский, словацкий, болгарский.

Этот подъем (факультативно) отмечен для латышского и литовского языков²⁶.

2. Обязательное конечное повышение в общем вопросе отмечено для польского, чешского, словацкого и словенского языков (см. выше).

Из неславянских языков это четко представлено в немецком, итальянском, румынском, литовском (т. е. в западной части рассматриваемого ареала).

3. Необязательность конечного повышения в переспросе отмечена в латышском, литовском, эстонском и новогреческом языках.

²³ A. B. Jones. Stress and intonation in modern Greek. «Glotta», 1967, Bd XLIV, Hf. 3/4.

²⁴ П. К. Ваараск. Тонические средства речи. Таллин, 1964; К. Венде. О роли интонации в опознавании вопроса в эстонском языке. «Советское финно-угроведение», 1969, № 3.

²⁵ Не перечисляя авторов соответствующих исследований, сообщим, что в основном это был материал кандидатских и докторских диссертаций, выполненных методами экспериментальной фонетики.

²⁶ Однако местоименный и общий вопросы могут и не различаться, причем по-разному в непосредственно соседствующих диалектах одного языка. Так, в одних районах Лотарингии (Volmerange) представлена падающая интонация, в других (Haut-Clocher) — восходящая (J. Guentherodt. Der Melodieverlauf bei Fragesätzen in zwei Lothringer Mundarten. «Phonetica», 1969, v. 19, № 3). Существенно, что интонационные факты подлежат лишь частичной типологизации в рамках по-уровневой их интерпретации (см. об этом выше).

4. Наличие / отсутствие фигуры в ударном слоге

вопроса связано с проблемой обязательности / необязательности конечного повышения (см. вопрос 2) и релевантности / нерелевантности движения тона в заударных слогах — с другой (вопрос 5).

Именно по этому пункту, как мы считаем, получены результаты, требующие дальнейшей интерпретации.

А именно, как показано выше, славянские языки делятся на две группы:

1) языки с повышением тона до конца. В этих языках фигура в общем вопросе не используется; заударные слоги по информации значимы. Это — западные языки (включая и словенский);

2) языки с конечным понижением на заударных слогах. Фигура отмечается на ударных слогах. Движение тона на заударных слогах нерелевантно.

При этом заударный «хвост» бывает небольшим — это восточнославянские языки, или значительным (т. е. интонационный центр имеет тенденцию сдвигаться к началу) — это южнославянские языки, особенно болгарский и македонский.

Попробуем представить данные неславянского окружения (обобщая совпавшие факты тюркских языков и финно-угорских)²⁷.

	Зап.-славянские языки	Остальные славянские языки	Румынский, немецкий, итальянский	Финно-угорские	Тюркские языки	Новогреческий	Идиш
Существенна ли информация в заударных слогах?	+	—	+	—	+	+	+
Обязательно ли конечное повышение?	+	—	+	—	—	—	—
Знакома ли фигура 	—	+	—	+	—	—	+
Обязательна ли она на ударном слоге?	—	+	—	+	—	—	—

²⁷ О сходстве интонационных систем финно-угорских языков см.: *J. Schellbach-Kopra. Die Intonation des ostiakischen Fragesatzes. «Congressus secundus internationalis fenno-ugristarum».* Helsinki, 1965, pt. 1, стр. 470.

Интересно следующее:

1) п. 1 и 2, п. 3 и 4 в славянских языках связаны. Тот же тип связи мы видим в группе западных языков и в группе финно-угорских языков. В тюркских же языках (в новогреческом и идиш) демонстрируется иная модель: идет конечное повышение на заударных слогах, но не до самого конца — там наступает понижение;

2) сближение фактов перечисленных западных языков и западнославянских фактов не представляется столь неожиданным, как сходство остальных славянских данных с данными финно-угорских языков, как это показало проведенное сопоставление. Однако отмеченные выше причины не дают права на какие-либо попытки интерпретации указанных фактов.

РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

- Багмут А. И.* Интонаційна будова простого розповідного речення у слов'янських мовах. Київ, 1970.
- Багмут А. И.* К характеристике интонации повествовательных предложений в современных славянских языках. *Argumenta lectionum* (резюме докладов VI конгресса фонетических знаний). Прага, 1967.
- Брандт Р. Ф.* Начертания славянской акцентологии. СПб., 1880.
- Брок О.* Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910.
- Задорожний Б. М.* До питання про інтонацію в слов'янських мовах. «Вопросы славянского языкознания», кн. 3. Львов, 1953.
- Николаева Т. М.* Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969.
- Николаева Т. М.* Типологическое изучение фразовой интонации славянских языков. «Исследования по славянскому языкознанию». М., 1971.
- Garde P.* Fonctions des oppositions tonales dans les langues slaves du sud. «Bulletin de société de linguistique», 1966, t. 61, fasc. 1.
- Du Feu V. M.* Word prosody and sentence prosody. «Phonetica», 1970, v. 21, № 1.
- Ivič P.* Broj prozodijskih mogućnosti u reče kao karakteristika fonoloških sistema slovenskih jezika. «Južnoslovenski filolog», 1961, v. XXV.
- Jakobson R. O.* Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии. «American contributions to the V-th International Congress of slavists. The Hague, 1963.
- Jakobsson G.* The prosodic pattern in isolated words in a slavic and a non-slavic language. «The Slavic word». The Hague — Paris, 1972.
- Kramský J.* Incompatibility of free quantity and free stress. «Travaux linguistiques de Prague», 1966, № 2.
- Křížková H.* Kontextové členění a typy tázacích vět v současných slovanských jazycích. «Slavia», 1972, r. XVI, s. 3.
- Kučera H., Monroe G. K.* A comparative quantitative phonology of Russian, Czech and German. N.-Y., 1968.
- Renkert H.* Slawischer Wortakzent und Versiktus. «Zeitschrift für Slawistik», 1967, Bd 12, № 5.
- Romportl M.* Zum vergleichenden Studium der Satzphonetik. «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», 1957, Bd 10, H. 4.
- Romportl M.* Zur Akzentstabilisierung in den westslawischen Sprachen. «Zeitschrift für Slawistik», 1958, Bd 3, № 1.
- Romportl M.* Miesto intonace v jazykovém systéme slovanských a germánských jazyků. «Jazykovědné aktuality», 1968, № 2.
- Romportl M.* K synonymii a homonymii intonačních prostředků. «Slavica pragensia», 1971, № 31.
- Trubetzkoy N.* Die phonologische Grundlagen der sogenannten «Quantität» in den verschiedenen Sprachen. «Scritti in onore di Alfredo Trombetti». Milano, 1936.
- Wodarz H. W.* Über vergleichende satzmelodische Untersuchungen. «Phonetica», 1960, v. 5, № 2.

- Болла К.* К вопросу о соотношении длительности гласных и фонетической структуры слова. «*Studia slavica*», 1968, t. 14, fasc. 1—4.
- Болла К.* Влияние окружения на длительность гласных в русской речи. «*Annales Universitatis scientiarum budapestinensis se R. Eötvös nominatae. Sectio philologica*», 1968, t. 8.
- Георгиева М., Попова М.* Русская фонетика и интонация. София, 1974.
- Дворжецкая М. П.* Перечисление в интонационно-грамматической структуре основных коммуникативных типов предложения. «*Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationforschung*», 1968, v. 21, H. 6.
- Озерецковская Д.* Към вопроса за интонацията в руския език. «*Народна просвета*», 1960, София, кн. II.
- Оливериус З. Ф.* Речевые структуры русской разговорной речи и преподавание русского языка в чешской школе. «*Československá rusistika*», 1964, № 2.
- Оливериус З. Ф.* Динамика, ритм и мелодика русского языка. «*Ruský jazyk*», 1966, г. 17, № 3.
- Петер М.* Мелодика вопросительного предложения. «*Studia slavica*», 1955, t. 1, fasc. 1—3.
- Рус Л.* Проблема аудио-орального освоения русского ударения в чешской школе. Praha, 1968.
- Buning J. E. J., van Schooneveld C. H.* The sentence intonation of contemporary standard Russian as a linguistic structure. The Hague, 1960.
- Grunwell P.* Phonological analysis of the Russian «word». A prosodic statement. «*Phonetica*», 1974, v. 29, № 1—2.
- Huns M.* Grundmodelle der russischen Satzintonation. «*Wissenschaftliche Studien des Pädagogischen Instituts Leipzigs*», 1964, № 2.
- Jakubowski W.* Akcent i wymowa w języku rosyjskim. Warszawa, 1967.
- Kaschel G.* Zur Intonation im Russischen. «*Wissenschaftliche Zeitschrift des Pädagogischen Instituts Dresdens. Historischephilologische Reihe*», 1967, H. 1.
- Kuroczycka Z., Kuroczycki T.* Ćwiczenia z fonetyki i intonacji języka rosyjskiego. Poznań. 1975.
- Mahnken I., Braun M.* Zum «expiratorischen Akzent» im Russischen. «*Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft*», 1952, Bd 6, H. 3—4, 5—6.
- Menač A.* Iz problematike rečenične intonacije u ruskom jeziku. «*Radovi Zavoda za slavensku filologiju (svenči lište u Zagrebu)*», 1963, № 5.
- Neustupný J. V.* Accent in Japanese and Russian. A typological study. «*Archiv orientální*», 1959, v. XXVI.
- Rompotl M.* Melodie ruské a české věty. «*Sovětská jazykověda*», 1954, t. 4, č. 3.
- Rompotl M.* Zvukový rozbor rustiny. Praha, 1962.
- Rydh T.* En metod för melodematisk beskrivning av modern ryska. «*Stockholms universitet*», 1964.
- Sadatoshi J.* Sur les intonations des phrases russes. «*Study of sounds*». Tokyo, 1957, t. V.
- Skorek Z.* Z problematyki intonacji języka rosyjskiego i polskiego. «*Język rosyjski*», 1970, № 2.
- Skoumál J.* K melodii koncového useku věty v češtině a v ruštině. «*Československá rusistika*», 1970, № 2.

¹ Настоящая книга в основном ориентирована на исследователя-соотечественника, занимающегося вопросами интонации на русском материале и хорошо знакомого с исследованиями по русскому языку у нас в стране, достаточно полно и подробно освещающимися в публикуемых библиографиях. Поэтому в данном разделе мы приводим литературу зарубежных авторов о русской интонации.

- Suchanek L.* Wymowa, intonacja i akcent w nauczaniu języka rosyjskiego. «Język rosyjski», 1970, № 1.
- Sutkowska E.* O intonacji w języku rosyjskim. «Język rosyjski», 1965, № 1.
- Theilin N. B.* On stress assignment and vowel reduction in contemporary standard Russian. Uppsala, 1971.

БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

- Войтович Н. Т.* О связи вокализма с ритмико-интонационной системой в русских и белорусских говорах. «Русское и славянское языкознание». М., 1972.
- Гайдучик С. М.* Прасодыя і інтанацыя. «Беларуская лінгвістыка». Мінск, 1972, вып. 2.
- Метлюк А. А.* Исследование интонации общего вопроса и утверждения в белорусском языке методом «анализ — синтез». В кн.: «Всесоюзная конференция «Анализ и синтез как обусловленные методы экспериментально-фонетических исследований речи. Материалы конференции». Минск, 1973.
- Николаева Т. М.* Спроба апісання беларускай фразовай інтанацыі. «Беларуская лінгвістыка», 1974, вып. 5.

УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК

- Афонін В. О.* Роль інтонації у створенні поетичного образу. «Етика і естетика», вып. 9. Київ, 1971.
- Багмут А. И.* Безособові речення та їх інтонація. «Інтонаційна організація мовлення». Київ, 1972.
- Білоштан Л. А.* Про нормативність наголосу в українській мові. «Мовознавство», 1963, т. 18.
- Бразнов В. М.* Складнопідрядні конструкції говірок Переяслав—Хмельницького району у зв'язку з інтонацією. «Діалектологічний бюлетень Інституту мовознавства АН УССР», 1960, вып. 7.
- Борисюк І. В.* Інтонація риторичного запитання в сучасних українській і французькій мовах. «Мовознавство», 1968, № 2.
- Борисюк І. В.* Інтонація займенникових власне питань в українському діалогічному мовленні. «Інтонаційна організація мовлення», Київ, 1972.
- Борисюк І. В.* Інтонація українського питального речення. Київ, 1975.
- Бровченко Т. О.* Словесний наголос в сучасній українській мові. Київ, 1969.
- Грищенко А. П.* Особливості інтонації складносурядних речень. «Грамматичні та стилістичні студії». Київ, 1965.
- Грищенко А. П.* Особливості інтонації складносурядних речень. «Республіканська наукова конференція», Київ, 1965.
- Калынь Л. Э.* О некоторых средствах сигнализации диэрем в украинском диалектном языке. «Карпатская диалектология и ономастика». М., 1972.
- Коструба И.* Фонетика сучасної української літературної мови. Львів, 1963.
- Кузьмичова В. К.* Інтонаційна структура речень з звертанням. «Інтонаційна організація мовлення», Київ, 1972.
- Кузьмичова В. К.* Інтонація — важливий елемент культури мовлення. «Питання мовної культури», 1967, № 1.
- Мищенко Т. С.* Спостереження над фразовим наголосом у українській літературній мові. «Вісник Київського університету», 1970, № 12.
- Олійник Г. П.* Модально-комунікативні варіанти питання вибору в сучасній українській літературній мові. «Інтонаційна організація мовлення». Київ, 1972.
- Олійник Г. П.* Интонационная организация вопроса выбора в современном украинском литературном языке. АҚД. Киев, 1971.
- Пилипенко О. Ф.* Інтонаційні особливості відповіді на незайменникове питання в українській мові. «Інтонаційна організація мовлення», Київ, 1972.

- Плющ Н. П. Роль інтонації в розмежуванні вставних і вставлених утворень у сучасній українській мові. — Там же.
- Плющ Н. П. Інтонаційна оформлення вставних слів і співвідносних з ними членів речення в сучасній українській мові. «Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні АН УРСР. Конференція молодих учених». Мовознавчі студії. Реферативні матеріали». Київ, 1968.
- Плющ Н. П. Интонация вводности в современном украинском языке. Киев, 1970.
- Тоцька Н. П. Голосні фонемі української літературної мови. Київ, 1973.
- Ziłyński J. Opis fonetyczny języka ukraińskiego. Warszawa, 1932.

ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

- Вярэніч В. Акцэнтацыя і камбінаторыка галосных польскай гаворкі у Палессі. «Slavia orientalis», 1968, № 3.
- Dąbrowska J. Le rythme de l'expression en langue française et polonaise. «Kwartalnik neofilologiczny». Warszawa, 1968, r. XV, z. 3.
- Dąbrowska J. Message linguistique et intonation. «Kwartalnik neofilologiczny». Warszawa, 1969, r. XVI, z. 2.
- Dąbrowska J. Le rôle de l'intonation dans la langue parlée. «Biuletin fonograficzny», t. 11. Poznań, 1971.
- Dłuska M. Polskie zestroje akcentowe i intonacyjne. «Sprawozdania z czynności i posiedzeń PAN», 1947, t. 47, № 3.
- Dłuska M. Prozodia języka polskiego. Kraków, 1947.
- Dukiewicz L. Cechy prozodyczne i audytywna rozróżnialność niektórych wypowiedzi pytających i kontynuatywnych oraz niezakończonych i zakończonych w języku polskim. «Polonica», 1973, № 1.
- Dunał B. Wzdłużenie zastępcze w języku polskim. Kraków, 1966.
- Hála B. Fonetika polštiny. Praha, 1954.
- Jassem W. The phonology of Polish stress. «Word», 1959, v. 15, № 2.
- Jassem W. Accent języka polskiego. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962.
- Jassem W., Morton J., Steffen — Batóg M. The perception of stress in synthetic speech — like stimuli by Polish listeners. «Speech analysis and synthesis», v. 1. Warsaw, 1968.
- Kudela-Dąbrowska K. Zależność akcentu zdaniowego od intonacji. «Biuletin polskiego towarzystwa językoznawczego», z. 30, Wrocław, 1972.
- Kuryłowicz J. Akcent i iloczaz jako czynnik rytmu. «Sprawozdania z prac naukowych wydziału nauk społecznych PAN», 1966, z. 4.
- Pszczółowska L. Intonacja w prozie i wierscie. «Język polski», 1961, № 2.
- Skorek Z. Z problematyki intonacji języka rosyjskiego i polskiego. «Język rosyjski», 1970, № 2.
- Steffen-Batogowa M. Versuch einer strukturellen Analyse der polnischen Aussagemelodie. «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationforschung», 1966, Ad 19, H. 6.
- Topolińska Z. Stosunki akcentowe na pograniczu polsko-czeskim. «Slavia», 1960, v. 29.
- Topolińska Z. Z historii akcentu polskiego. Wrocław, 1961.
- Topolińska Z. Stosunki iloczazowe polsko-pomorskie. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964.
- Wierzchowska B. Fonetyczna organizacja nagłosu w języku polskim. «Biuletin fonograficzny», t. 10. Poznań, 1969.
- Wodarz H.-W. Ist der polnische Akzent melodisch? «Phonetica», 1961, v. 6, № 3—4.
- Wodarz H.-W. Zur Satzintonation des Polnischen. «Phonetica», 1962, v. 8, № 1—3.

- Якобсон Р. О.* О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. Сборники по теории поэтического языка, вып. V. Прага, 1923.
- Chlumský J.* La mélodie des voyelles accentuées en tchèque. «Slavia», 1925, r. IV, č. 1.
- Chlumský J.* Ke sporu o český přízvuk. «Listy filologické», 1926, r. 53; 1927, r. 54.
- Chlumský J.* Česká kvantita, melodie a přízvuk. «Rozpravy české Akademie věd», 1928, třída III, č. 65.
- Chlumský J.* Quelques observations sur l'accent d'intensité, la mélodie et la quantité articulatoire et acoustique. «Revue de phonétique», 1929, VI.
- Chlumský J.* Několik poznámek k mé studii o české kvantitě, melodii a přízvuku. «Listy filologické», 1930, r. 57.
- Daneš F.* Intonace otázky. «Naše řeč», 1949, t. 33.
- Daneš F.* Studie o větné intonaci. «Slovo a slovesnost», 1950, r. 12, č. 1.
- Daneš F.* Intonace a věta ve spisovné češtině. Praha, 1957.
- Daneš F.* Order of elements and sentence intonation. «For Roman Jakobson», 1967, t. 1.
- Eklblom R.* Zur čechischen und serbischen Akzentuation, «Slavia», 1924—25, r. 3.
- Grepl' M.* Emocionálně motivované aktualizace v syntaktické struktuře výpovědi. Brno, 1967.
- Hála B.* Základy spisovné výslovnosti slovenské a srovnání s výslovností českou. Praha, 1929.
- Hála B.* O tzv. «svábské melodii v češtině. «Studie a práce lingvistické. Hávrankův sborník». Praha, 1954.
- Jančák P.* Práce o zvukové stránce těšínských nářečí. «Slovo a slovesnost», 1955, r. 16.
- Jančák P.* Zvuková stránka českého pozdrávu. Praha, 1957.
- Jančák P.* Zapadočeský intonační typ. «Slavica pragensia», 1966, 8.
- Janko J.* Jazyková melodie a její výšky a hloubky ve službách skladby a významosloví. Praha, 1948.
- Janota P.* An experiment concerning the perception of stress by Czech listeners. «Phonetica pragensia. Acta universitatis Carolinae», 1967, 6.
- Král J.* Česká prosodie. Praha, 1909.
- Mathesius V.* K dynamické linii české věty. «Casopis pro moderní filologie», 1931, v. 17.
- Mathesius V.* Mluvní takt a některé problémy příbuzné. «Slovo a slovesnost», 1937, r. 3.
- Mathesius V.* K teorii větné intonace. «Slovo a slovesnost», 1937, r. 3.
- Matejka L.* Czech quantity in paradigmatic and syntagmatic procedures. «Proceedings of the 6-th International congress of phonetic sciences». Prague, 1970.
- Mazlová V.* Jazyk a hudba. Fonetická studie zábřežského nářečí. «Pedologické rozhledy», 1948, r. 4.
- Mazlová V.* Výslovnost na zábřežsku. Fonetická studie z moravské dialektologie. Praha, 1949.
- Mazlová V.* Une contribution à l'analyse de la langue tchèque au point de vue acoustique. «Lingua», 1949—50, v. 1, № 2.
- Ondračková J.* O mluvním rytmu v češtině. «Slovo a slovesnost», 1954, r. 15, č. 1.
- Ondračková J.* K diskusi o jevstní mluvě. «Naše řeč», 1957, r. 40.
- Ondračková J.* K analýze přízvuchnosti, zvláště v češtině. «Slavica pragensia», 1962, 4.
- Ondračková J.* Ritmičnata structura na českija jazyk. «Jazyk a literatura», 1963, XVIII, № 3.
- Ondračková J.* O některých aspektech výzkumu přízvuchnosti. «Slovo a slovesnost», 1968, r. 29.
- Petrík S.* K intonaci věty. «Naše řeč», 1935, v. XIX, № 2.

- Petrík S. Hluboký ton v češtině. «Slovo a slovesnost», 1935, r. 1.
- Petrík S. K intonaci středočeské otázky. «Slovo a slovesnost», 1936, r. 2.
- Petrík S. O plzeňském «zpívání». — «Naše řeč», 1936, r. 20.
- Petrík S. K intonaci věty. «Listy filologické», 1936, r. 63.
- Petrík S. O hudební stránce středočeské věty. Praha, 1938.
- Petrík S. Zur Satzintonation der mährisch-schlesischen Mundarten. «Slavia», 1939—40, r. XVII.
- Petríková L. Intonace ve spisovné češtině. Praha, 1944.
- Petríková L. Intonace pražské mluvy. «Český časopis filologický», 1944—45, r. III.
- Petterson T. On Czech vowel quantity. «Scandoslavica», t. 18, 1972.
- Rigault A. L' accent dans deux langues à accent fixe: le français et le tchèque. «Prosodic feature analysis». Montréal — Paris — Brussel, 1970.
- Rigault A. Accent et démarcation en tchèque. «Acta universitatis Carolinae. Phonetica pragensia», 1962, III.
- Romportl M. K tonovému průběhu v mluvené češtině. Praha, 1951.
- Romportl M. Melodie (tonový průběh) otázky zjišťovací v hovorové střední češtině. «Listy filologické», 1951, r. 75, № 5—6.
- Romportl M. Zůstaly v češtině stopy praslovanských intonací. «Slavia», 1953, r. 4, č. 2—3.
- Romportl M. Přízvuk, kvantita a melodie v nářečí na Jablunkovsku. «Slezský sborník», Opava, 1954, r. 52, Beilage der № 1/2.
- Romportl M. Přízvuk a melodie nářečí na Těšinsku. «Adolfu Kellnerovi sborník jazykovědných studií». Opava, 1954.
- Romportl M. Zum Problem der Fragemelodie. «Lingua», 1955, v. V, № 1.
- Romportl M. Zvuková stránka souvislé řeči v nářečích na Těšinsku. «Publikace slezského ústavu ČAV». Ostrava, 1958.
- Romportl M. Noch einmal zur tschechischen Quantität und Akzentuierung. «Zeitschrift für slavische Philologie», 1957, v. 27.
- Skaličková A. K otázce větného přízvuku v češtině. «Acta Universitatis Carolinae, Philologica», 1956, Bd 2.
- Svoboda K. K poznávání mluvnických jevů a k systému mluvnických znalostí. «Česky jazyk a literatura», 1966—67, № 5.
- Svestková L. K modulačnímu systému nářečí na Volynsku. «Slovo a slovesnost», 1957, r. 18.
- Svestková L. Zwei Bemerkungen zur mundartlichen Intonation und ihrer Wahrnehmung. «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationforschung», 1963, v. 17.
- Trávníček F. Příspěvky k nauce o českém přízvuku. Brno, 1924.
- Trávníček F. Slovosled při důrazu. «Slovo a slovesnost» 1937, r. 3.
- Trávníček F. Funkce českého přízvuku. «Slovo a slovesnost», 1941, r. 7.
- Trost P. Česká práce o větné intonaci. «Slovo a slovesnost», 1939, r. 5.
- Trost P. O problémech větné intonace. «Slovo a slovesnost», 1937, r. 3.
- Weingart M. Étude du langage parlé suivi du point de vue musical avec considération particulière du tchèque. — TCLP, 1929, 1.
- Wodarz H.-W. Soustava melodických prostředků v nářečí západního Hlučinska. «Slezský sborník», r. 53, Opava, 1955.
- Wodarz J. K otázce modulací v zapadoopavském nářečí. «Slezský sborník», r. 54, Opava, 1956.
- Wodarz H.-W. Zur Frage der satzmelodischen Struktur in den lachischen Mundarten. «Zeitschrift für slavische Philologie», 1959/1960, Bd 28.
- Wodarz H.-W. Satzphonetik des Westlachischen. Köln, 1963.
- Zima P. Otázka dynamického přízvuku. «Slovo a slovesnost», 1956, r. 17, č. 4.
- Zima P. K otázce klasifikace mluvního tempa. «Slovo a slovesnost», 1959, r. 20.

СЛОВАЦКИЙ ЯЗЫК

- Bartek H. K základom slovenskej prosodie. «Slovenské pohľady», 1935, v. 51.
- Browne E. W. The Slovak rhythmic law and phonological theory. «Slavica slovacca», 1970, r. 5, č. 3.

- Dvonč D.* Rytmičké zákon v spisovnej slovenčine. Bratislava, 1955.
- Krčmery S.* Melodie věty a přízvuk v slovenčině. «Slovenské pohľady», 1932, r. 48, č. 7—8.
- Mihál J.* Vliv melodie na zmysel vety. «Slovenská reč», 1958, r. 23, č. 2.
- Miko F.* K emfaticko-emocionálnej stránke vety v spisovnej slovenčine. «Jazykovedný časopis», 1958, t. IX, № 1—2.
- Peciar S.* Slovenská kvantita a rytmický zákon. «Slovenská reč», 1946, r. 12.
- Petrík S.* K otázkam prízvuku a intonácie v slovenčine a češtine. «Sborník Matice slovenskej», 1935, r. XIII; 1936, r. XIV.
- Petrík S.* K fonologii západoslovenské vety v trnavskom nárečí. «Sborník Matice slovenskej», 1935, r. XIII, č. 1—2.
- Petrík S.* K hudobnej stránke slovenskej vety. «Carpatica», 1936.
- Petrík S.* K vetnej intonácii morsliezkých a niektorých slovenských nárečí a vliv polštiny na tieto nárečia. «Carpatica», 1936.
- Petrík S.* Spôsoby stredoslovenského zdôrazňovania prízvukom. «Slovenská reč», 1939, r. VI, č. 1—2—3.
- Petrík S.* Niekoľko slov o hudobnej stránke spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1937.
- Petrík S.* Dva príspevky k hudobnej stránke slovenskej vety. Praha, 1947.
- Petricova L.* K hudobnej stránke nárečia abauského. Praha, 1947.
- Ružička J.* Z problematiky slabiky a prozodických vlastností. Bratislava, 1947.
- Sabol J.* Konsonanticko-vokalické zloženie slovenských slov. «Slovenská reč», 1968, r. 33, č. 5.
- Sabol J.* O časovej modulácii súvislej reči. «Kultura slova», 1972, № 4.
- Uhlár V.* Melódia opytovacích viet. «Slovenská reč», 1956, r. 21, č. 6.
- Uhlár V.* O vetnej melódii v slovenčine. «Slovenská reč», 1958, r. 23, č. 6.
- Uhlár V.* Z problematiky melódie opytovacích viet v slovenčine. «Jazykovedné studie», v. 11. Bratislava, 1971.
- Urbančok M.* Príspevok k triedeniu opytovacích viet. «Jazykovedné studie», 1956, v. 1.

СЛОВЕНСКИЙ ЯЗЫК

- Bezjak F.* Oris slovenskega knjižnega izgovora. Ljubljana, 1939.
- Grafenauer J.* Zum Akzent im Gailtalerdialekte. «Archiv für slavische Philologie», 1905, v. 27.
- Jaksch H.* Slavische Akzentuation, II. Slovenisch. Wiesbaden, 1965.
- Jurančič J.* O slovenskem in srbskohrvatskem akcentu. «Slavistična revija», 1972, № 1.
- Lehiste I.* The phonemes of Slovene. «International journal of Slavic linguistics and poetics», 1961, t. IV.
- Logar T.* Sistemi dolgih vokalnih fonemov v slovenskih narečjih. «Slavistična revija», 1963, L. XI.
- Logar T.* Vokalizem moravskega govora. «Slavistična revija», 1967, L. XV.
- Logar T.* Vokalizem in akcent govora Potoc v Ziliski doline. «Zbornik za filologiju i lingvistiku», 1968.
- Neveklowsky G.* Silben- und Morenzählung. «Slavistična revija», 1972, № 1.
- Neweklowsky G.* Slownische Akzentstudien. Wien, 1973.
- Rigler J.* Premene tonemov v oblikoslovnih vzorcih slovenskega knjižnega jezika. «Jezik in slovstvo», 1966, v. 11, № 1—2.
- Rigler J.* Akcentske variante. «Slavistična revija», 1971, № 1.
- Soore D.* Akzent und Vokalismus in Slownischen. «Filologiska meddelanden från Ryska Institutet vid Stockholms. Högskola», 1956, № 2.
- Toporišič J.* Vokalizem moščanskega govora v brežiškem Posavju. «Dolenski zbornik». Novo mesto, 1961.
- Toporišič J.* Slovenski jezik. Izgovor i intonacija s recitacijama na pločama. Zagreb, 1961.
- Toporišič J.* Ablösung des relevanten Wortintonationssystems durch den Quantitätsunterschied in einer slovenischen Mundart. «Scando-Slavica», 1962, v. VIII.

- Toporišič J.* Pojmovanje tonemičnosti slovenskega jezika. «Slavistična revija», 1967, L. XV.
- Toporišič J.* Predvidljivost slovenske knjižne samoglasniške kolikosti in kakovosti. «Jezik in slovstvo», 1967, L. XII, st. 8.
- Toporišič J.* Liki slovenskih tonemov. «Slavistična revija», 1968, L. XVI.
- Toporišič J.* Ankete za določitev naglasnega mesta ter kakovosti in kolikost naglasnega samoglasnika. «Jezik in slovstvo», 1969, L. XIV.
- Toporišič J.* Slovenska stavčna intonacija. Ljubljana, 1969.
- Vodušek B.* Grundätzliche Betrachtungen über den melodischen Verlauf der Wortakzent in den zentralen slovenischen Mundarten. «Linguistica», 1961, L. IV.

СЕРБОХОРВАТСКИЙ ЯЗЫК

- Булатова Р. В.* Новые исследования по сербохорватской акцентологии. «Советское славяноведение», 1971, № 6.
- Булатова Р. В.* Старосербская глагольная акцентуация. М., 1975.
- Ивич П.* Основные пути развития сербохорватского вокализма.— ВЯ, 1958, № 1.
- Кузнецов П. С.* О фонологической системе сербохорватского языка. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1948, т. 7, № 1—2.
- Николић Б. М.* Как основама акцентуације источнохерцеговачког дијалекта. «Наш језик», 1969, к. 17, св. 3.
- Николаева Т. М.* Соотношение словесной и фразовой мелодики в сербском языке. «Памяти Виктора Владимировича Виноградова». М., 1971.
- Николаева Т. М.* Соотношение фразовой и словесной просодии. Некоторые аспекты проблемы. «Зборник за филологију и лингвистику», 1971, XIV.
- Николаева Т. М.* Некоторые наблюдения над соотношением словесных акцентов и фразовой мелодики в сербском языке. «Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков». М., 1973.
- Пешиќан М.* О основима штокавске акцентуације. «Јужнословенски филолог», 1949, т. 28.
- Пецо А., Правица П.* О природе акцената српскохрватског језика на основу експерименталних истраживања. «Јужнословенски филолог», 1972, кн. 29, св. 1—2.
- Сантен Я.* О фонетической и фонологической природе ударения в сербохорватском языке. «Советское славяноведение», 1971, № 4.
- Ивич П., Делиште И.* Прилози испитивањ у фонетске и фонолошке природе акцената у савременом српскохрватском језику — I—V. «Зборник за филологију и лингвистику», 1963, VI, 1965, VII; 1967, X; 1969, XII; 1972, XV.
- Appel W.* Gestaltstudien A. Untersuchungen über den Akzent in der serbokroatischen Sprache. «Wiener slavistisches Jahrbuch», 1950, Bd 1.
- Belić A.* L'accent de la phrase et l'accent du mot.— TCLP, 1931, IV.
- Belić A.* O rečeničkom akcentu u kastavskom govoru. «Južnoslovenski filolog», 1935, t. 14.
- Belić A.* Der Satz und das Syntagma im Lichte der Belgrader linguistischen Schule. «Wiener slavistisches Jahrbuch», 1955, Bd 4.
- Browne E. W., Mc Cawley J. D.* Srpskohrvatski akcentat. «Zbornik za filologiju i lingvistiku», 1965, VIII.
- De Bray R. G. A.* Some observations of the Serbo-Croatian musical accents in connected speech. «Study of sounds», t. 9. Tokyo, 1961.
- Eklblom R.* Beiträge zur Phonetik der serbischen Sprache. «Le monde oriental», 1917, № 11.
- Hodge C. T.* Serbo-Croatian stress and pitch. «General linguistics», 1958, v. 3.
- Garde P.* Les propriétés accentuelles des morphèmes serbo — croates. «Scandoslavica», 1966, v. 12.
- Gauthiot R.* Études sur les intonations serbes. «Mémoires de la société de linguistique de Paris», 1900, 11.

- Gvozdanović J.* Development of the prosodic system in Serbo-Croatian. «VII International congress of slavists. Dutch contributions». The Hague — Paris, 1973.
- Ivić P.* Srpskohrvatski akcenti i istina. «Delo», 1967, № 2.
- Ivić P.* Die Hierarchie der prosodischen Phänomene im serbokroatischen Sprachraum. «Ponetica», 1959, v. 3, № 1.
- Ivić P.* The functional yield of prosodic features in the patterns of Serbo-Croatian dialects. «Word», 1961, v. 17, № 3.
- Ivcovič M.* Contribution à l'étude des intonations serbes. «Revue phonétique», 1912, № 2.
- Ivković M.* Akcenatski sistemi srpskomakedonskih govora. «Južnoslovenski filolog», 1921, № 2—4.
- Jacobsen P.* Die Bedeutung der Satzintonation für die serbokroatischen Worttöne. «Scando-slavica», 1964, t. X.
- Kostić D.* O jačini naglasaka dvosložnih reči pod \ / i \ / akcentom. «Južnoslovenski filolog», 1949—50, t. 18.
- Kostić D.* Akcenat i rečenička intonacija. «Glasnik SAN», 1950, Knj. 2.
- Kostić D.-Stepanović P.* Elementi rečeničke intonacije. «Glasnik SAN», 1950, Knj. 2.
- Kostić D.* Variabilnost intenziteta (~) i (/) akcenta. «Glasnik SAN», 1951, Knj. 3.
- Kostić D.—Stepanović P.* Intonacione mogućnosti minimalnog glasovnog konteksta. «Glasnik SAN», 1951, Knj. 3.
- Kostić D.* Uloga zvučnosti u odretivanju akcenatskog intenziteta. «Glasnik SAN», 1952, Knj. 4.
- Kostić D., Das R. S.* An analytical description of interrelationships among Serbo-Croatian vowels. «Phonetica», 1969, v. 20, № 2—4.
- Lehiste I.* Some acoustic correlates of accent in Serbo-Croatian. «Phonetica», 1961, v. 7, № 2—3.
- Lehiste I., Ivić P.* Interaction between tone and quantity in Serbo-Croatian. «Phonetica», 1973, v. 28, № 3—4.
- Mahnken I.* Studien zur serbokroatischen Satzmelodie. «Opera slavica», Bd III, Göttingen, 1964.
- Masing L.* Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents. «Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Petersburg», b, 1876, Séries 7, v. 23.
- Matešić J.* Der Wortakzent in der Serbokroatischen Schriftsprache. Heidelberg, 1970.
- Mihailović L.* Akcenat i trajanje vokala na početku reči ispred ploziva. «Glasnik SAN», 1952, Knj. 4.
- Miletić B.* O srbochorvatských intonáciách v nářečí štokavském. Prague, 1926.
- Miletić B.* Uticaj rečeničke melodije na intonaciju reči. «Zbornik u čast A. Belića», Beograd, 1937.
- Miletić B.* Povodom Egblumovih radova iz srpske fonetike i slovenske akcentologije. «Južnoslovenski filolog», 1928—29, v. 8.
- Neweklowsky G.* Akcenatski sistemi čakavskih govora u Gradišću. «Zbornik za filologiju i lingvistiku», 1970, XIII.
- Pavlović M.* Intonation des Satzes und Wortakzent. «Welt der Slaven», 1966, Jg. 11, H. 4.
- Peco A.* Valeur phonologique des accents serbocroates. «Proceedings of the V-th International Congress of phonetic sciences», Basel — N. Y., 1965.
- Peukert H.* Neuere Arbeiten zur serbokroatischen Akzentuation. «Zeitschrift für Slawistik», 1969, Bd 14, № 1.
- Pollok K-H.* Der neustokavische Akzent und die Struktur der Melodiegestalt der Rede. «Opera slavica», Bd III. Göttingen, 1964.
- Pollok K-H.* Zur Geschichte der Erforschung des serbokroatischen Akzentsystems. «Welt der Slaven», 1957, Bd 2.
- Popović I.* Zur heutigen serbokroatischen Vokalquantität. «Wiener slavistisches Jahrbuch», 1955, Bd 4.

- Purcell E. T.* The realizations of Serbocroatian accents in sentence environments. An acoustic investigation. Hamburg, 1973.
- Rehder P.* Beiträge zur Erforschung der serbokroatischen Prosodie. Die linguistische Struktur der Tonverlauf. München, 1968.
- Trager G. L.* Serbo-Croatian accents and quantities. «Language», 1940, v. 16, № 1.
- Vuletić B.* Koliko razumijemo intonaciju? «Jezik», 1971—1972, g. 19, № 2—3.
- Magner T. Matejka L.* Word accent in Modern Serbo-Croatian. Pennsylvania, 1971.

МАКЕДОНСКИЯ ЯЗЫК

- Томовски Д.* Квалитет на македонски вокали. «Македонски език», 1965, т. XVI.
- Усикова Р. П.* Об ударении в современном македонском языке. «Краткие сообщения Ин-та славяноведения», 1964, вып. 41.

БОЛГАРСКИЯ ЯЗЫК

- Георгиева М.* По въпроса за мелодиката на българския език. «Български език», 1967, т. XVII, № 1.
- Георгиева М.* Мелодика на простото изявително разширено изречение в българската литературна реч. «Изв. на института за българския език», 1970, кн. XIX.
- Георгиева М.* Българска сценична реч. София, 1973.
- Георгиева М.* Интонацията на един вид елиптически възприсителни изречения в български и руски език. «В память на проф. Ст. Стойков», София, 1974.
- Георгиева М., Полова М.* Русская фонетика и интонация. София, 1974.
- Ежимова М.* Интонация на възприсителните изречения в български език в сравнение с английски. «Български език», 1972, т. XXII, кн. 4.
- Златоустова Л. В.* Фонетические особенности словесного ударения в русском и болгарском языках. «Уч. зап. Казанского гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина», 1962, т. 122, кн. 5.
- Иванчев С.* Интонацията — една особеност на дългите гласни в български език. «Език и литература», 1957, № 3.
- Кочев И.* Акцентологична интерпретация на ритмико-интонационите групи в югозападните български говори. «Български език», 1970, т. XX, кн. 2—3.
- Махрова Т. Н.* Об интонации русских предложений с еще и болгарских с още. «Славистични проучвания», София, 1973.
- Николов Б.* За ролята на интензитета при възприемане на ударението в български език. «Език и литература», 1972, кн. 1.
- Николов Б.* Физическа същност и функционална стойност на акцентуваността в българския книжовен език. «Език и литература», 1972, кн. 4.
- Стойков С.* Увод във фонетиката на българския език. София, 1966.
- Тилков Д.* Някои наблюдения върху промените на интензитета при ударените и неударените гласни. «Изв. на института за българския език», 1970, кн. XIX.
- Янакиев М.* За фразовото ударение в изрази, съдържащи форми за минало предварително време и обстоятелство за време. «В память на проф. С. Стойков». София, 1974.
- Lehiste I., Popov K.* Akustische Analyse bulgarischen Silbenkerne. «Phonetica», 1970, v. 21, № 1.
- Popov K.* Wortfolge- und Intonationabesonderheiten des doppelten Objekts im Bulgarischen. «Welt der Slaven», 1967, Jg. 12, Hf. 2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i>	
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ	3
Функции фразовой интонации	4
Формальная структура интонационного уровня	10
Смысловой аспект интонационного уровня и его содержательные единицы	17
Интонационный уровень и другие уровни языковой системы	22
Статус интонационного уровня. Интонация и построение текста	27
 <i>Глава вторая.</i>	
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ	36
Уровни типологического сопоставления фразовой интонации	36
Трудные проблемы типологического описания фразовой интонации	52
Три интонационных слоя звучащей фразы	65
Универсальный слой (67) Слой словесной просодии (70)	
Третий интонационный слой (72)	
 <i>Глава третья.</i>	
ОЧЕРКИ ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ . .	76
<i>Русский язык</i>	80
Фразовая интонация	81
Просодия изолированных слов	91
Модификация словесной просодии во фразе	93
<i>Белорусский язык</i>	101
Фразовая интонация	101
Просодия изолированных слов	111
Модификация словесной просодии во фразе	113
<i>Украинский язык</i>	116
Фразовая интонация	117
Просодия изолированных слов	127
Модификация словесной просодии во фразе	130

<i>Польский язык</i>	134
Фразовая интонация	134
Просодия изолированных слов	140
Модификация словесной просодии во фразе	144
<i>Чешский язык</i>	149
Фразовая интонация	149
Просодия изолированных слов	159
Модификация словесной просодии во фразе	162
<i>Словацкий язык</i>	163
Фразовая интонация	166
Просодия изолированных слов	174
Модификация словесной просодии во фразе	175
<i>Словенский язык</i>	178
Фразовая интонация	180
Просодия изолированных слов	185
Модификация словесной просодии во фразе	189
<i>Сербохорватский язык</i>	196
Фразовая интонация	198
Просодия изолированных слов	203
Модификация словесной просодии во фразе	207
Фразовая интонация и словесная просодия в сербских диалектах	210
<i>Македонский язык</i>	214
Фразовая интонация	216
Просодия изолированных слов	223
Модификация словесной просодии во фразе	225
<i>Болгарский язык</i>	228
Фразовая интонация	229
Просодия изолированных слов	234
Модификация словесной просодии во фразе	237
<i>Глава четвертая.</i>	
ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ	242
Общие характеристики	243
Характеристики сопоставления	246
БИБЛИОГРАФИЯ	267

Татьяна Михайловна Николаева

ФРАЗОВАЯ ИНТОНАЦИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики АН СССР*

Редактор издательства *Л. М. Гаврилова*

Художник *И. Е. Сайко*

Художественный редактор *Т. П. Поленова*

Технические редакторы *О. Г. Ульянова, И. Н. Жмуркина*

Корректор *М. М. Баранова*

Сдано в набор 28/X 1976 г. Подписано к печати 24/II 1977 г.

Формат 60×90^{1/16}. Бумага №2. Усл. печ. л. 17,5.

Уч.-изд. л. 19,1.

Тираж 2200 экз. Тип. зак. 1362. Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука»

103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

42877RU

